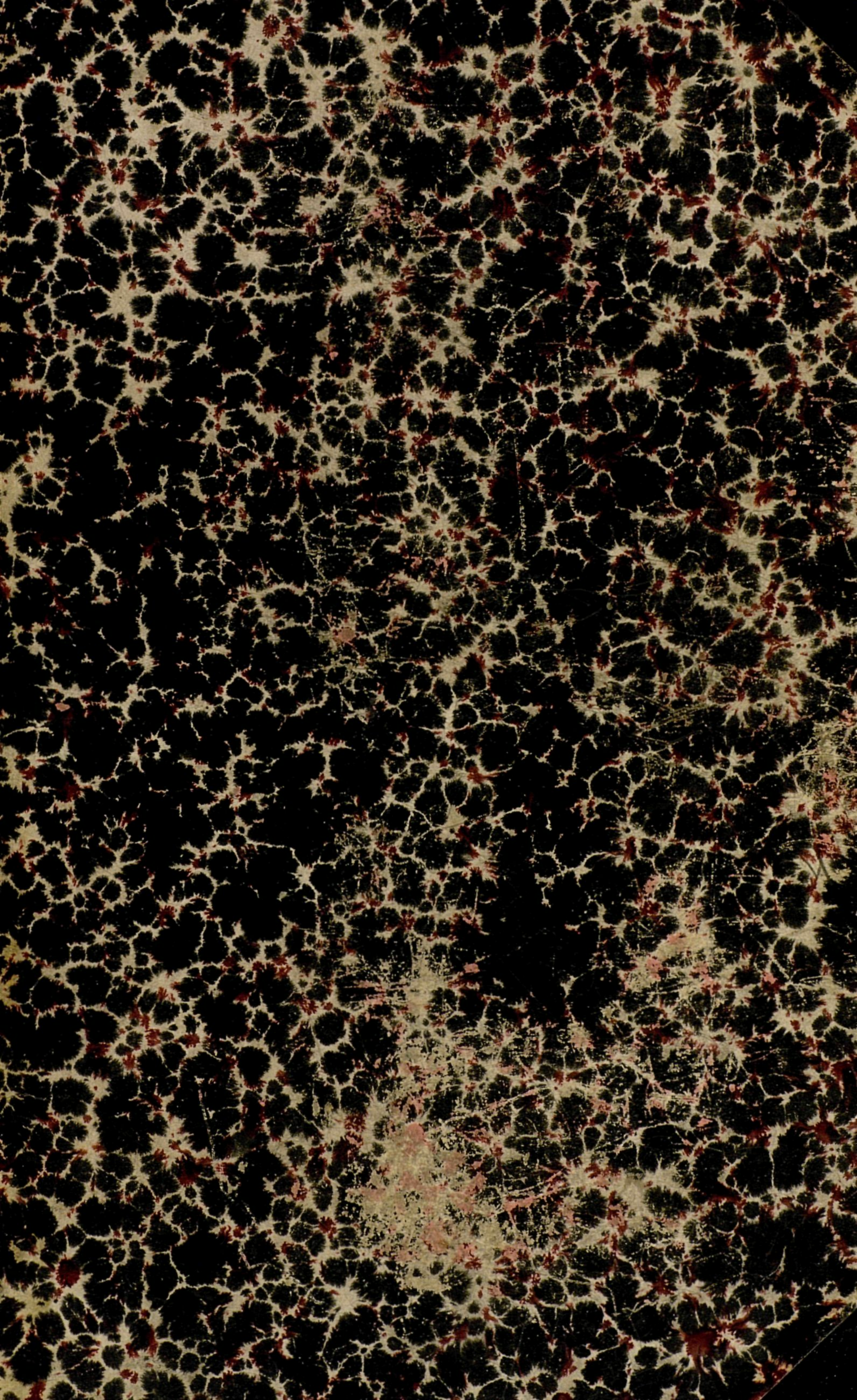
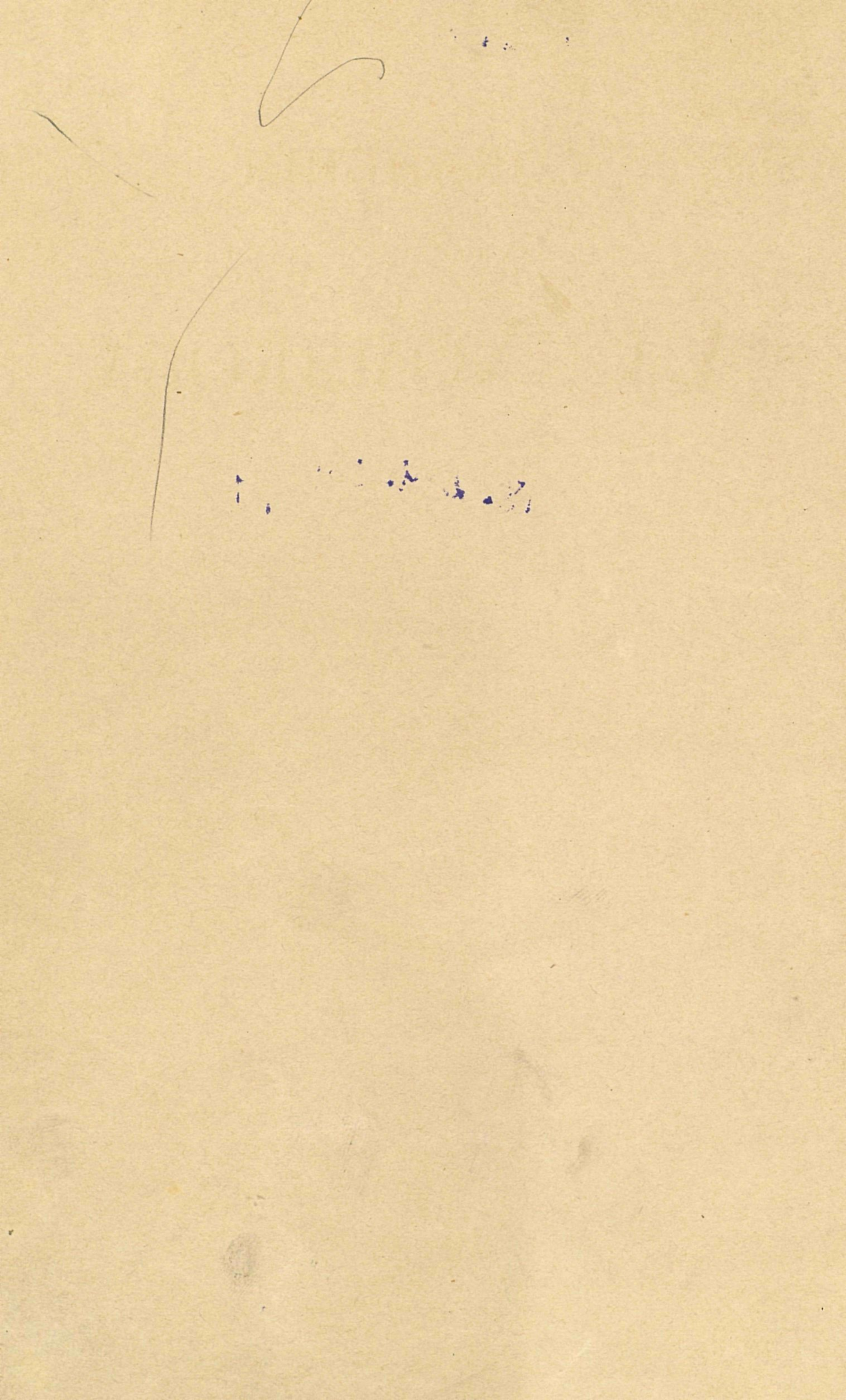


зала ~~20~~ 18
шкафъ 214
полка 3
№ 10
4



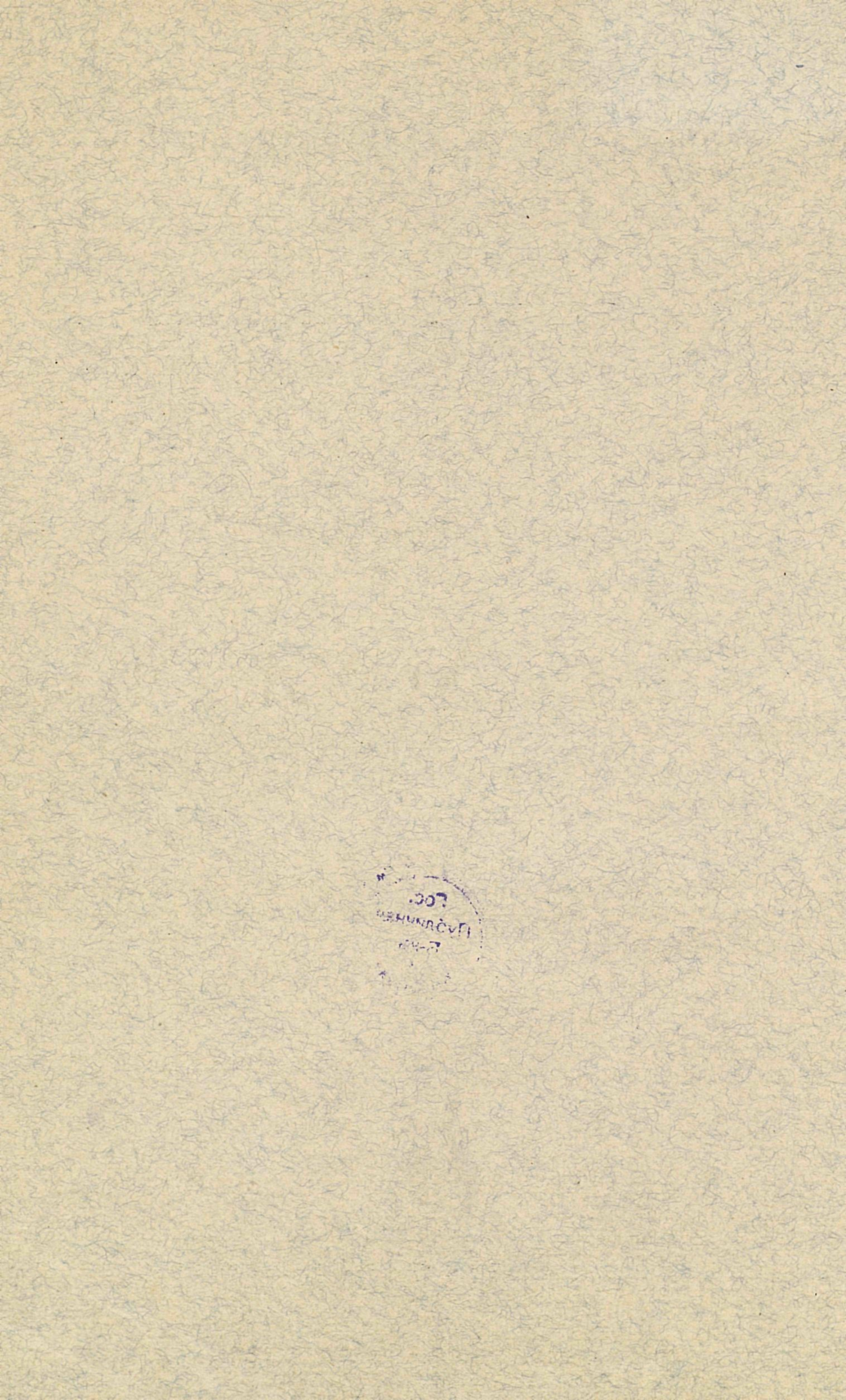
зала 18
шкафъ 214.
полка 3.
№ 10. 5/4

СОЧИНЕНІЯ

А. С. ХОМЯКОВА.

IV

МОСКВА
Университетская типографія, на Страстномъ бульварѣ.
1900.



СОЧИНЕНІЯ

А. С. ХОМЯКОВА.

IV.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

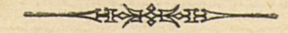
АЛЕКСѢЯ СТЕПАНОВИЧА

ХОМЯКОВА.

Томъ четвертый.

ТРАГЕДІИ И СТИХОТВОРЕНІЯ.

Съ портретомъ и съ изображеніемъ Ермака.



МОСКВА
Университетская типографія, на Страстномъ бульварѣ
1900.

1836 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

Приложенія.

ДИМИТРІЙ

САМОЗВАНЕЦЪ.

Je suis d'opinion que s'il se fut comporté plus modestement, sans se mesler des Polonois, et qu'il eut espousé une dame du pays, et se fut accomodé à leur humeur, encore qu'il eut été pire qu'un moine moinant, si est-ce, que la couronne luy fut bien demeurée sur la teste. Mais je pense que le Pape avec ses séminaires les Jésuites ont été cause de sa ruine et subversion totale: car ces assassins des princes en ont voulu faire trop vistement un Monarche, et se sont fourrés trop tost dedans les ruches à miel. C'est dommage qu'on ne leur a pas mieux razé la teste, mais ils s'estoient trop bien transformés en habit séculier; «car tels Allans ne se preignent pas volontiers sans vert».

(La Légende de la vie et de la mort de Démetrius, dernier grand-duc de Moscovie, traduite nouvellement l'an 1606).

ДИМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ.

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Самозванецъ.
Марина, его невѣста, а потомъ жена.
Роза Леская, ея наперсница.
Царица Мароа.
Петръ Өедоровичъ Басмановъ.
Князь Василій Ивановичъ Шуйскій.
Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій.
Князь Мстиславскій.
Князь Иванъ Голицынъ.
Князь Андрей Куракинъ.
Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ.
Власьевъ.
Ляпуновъ.
Прокофій, **Захарій** — сыновья Ляпунова.
Туренинъ.
Антоній, слѣпой старикъ-отшельникъ.
Григорій Валуевъ.
Иванъ Воейковъ.
Дьякъ **Осиповъ.**
Микулинъ, стрѣлецкій голова.
Фирстенбергъ, **Маржеретъ** — начальники Нѣмецкой дружины.
Князь Вишневецкій.
Янъ Бучинскій, секретарь Царя.
Олесницкій, посолъ отъ короля Польскаго.
Рангони, Папскій посланникъ.
Патеръ Квицкій, Іезуитъ.
Смага Чертенскій, **Корела**, казаки.
Дворецкій Шуйскаго.
Ефимъ, слуга Ляпунова.
Шутъ.
Истопникъ придворный.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

(Сцена въ Кремлевскомъ дворцѣ, поутру).

Два стрѣльца и старый слуга придворный.

Первый стрѣлецъ.

Скажи-ка намъ, что̀ видѣлъ ты, Ипатій?

Слуга.

Да, разскажи! Лѣнтяи, не могли
Пойти глядѣть на царскую забаву?

Второй стрѣлецъ.

Мы на часахъ, куда же намъ идти?

Слуга.

Слышь, разскажи! Нашелся имъ разскащикъ,
Старикъ, болтунъ! Небось, мнѣ дѣла нѣтъ,
Такъ сказки сказывай. (*Молчитъ*). Что? Разсказать?

Стрѣльцы.

Не нужно:
Часокъ пройдетъ, мы смѣнимся, тогда
Услышимъ все.

Слуга.

А отъ кого?

Первый стрѣлецъ.

Отъ Гришки.

Слуга.

Отъ близорукаго? Отъ пьяницы? Стыдись!
Ему ли знать? Ему ли видѣть? Близко

Подпустятъ ли его къ Царю? Смотри!
Ему разскажетъ Гришка! Стыдно, братецъ!
На пьяницу ты свата промѣнялъ.

Первый стрѣлецъ.

Да самъ же ты молчалъ.

Слуга.

Молчалъ! Ну, что же?
Вѣдь я усталъ; вздохнуть хотѣлось. Что?
Аль разсказать?

Второй стрѣлецъ.

Да говори жъ скорѣй.

Слуга.

Ой молодежь! Скорѣе да скорѣй!
Аль гонятся?(*Стрѣльцы отходятъ съ досадою*). Ну, слушайте жъ!
Сначала
Косыхъ сажали пары съ двѣ.

Первый стрѣлецъ.

Небось
Чубарая опять повеселила?

Слуга.

Вотъ то-то нѣтъ. Ее таки съ хвоста
Бучинскаго собака оскакала.

Первый стрѣлецъ.

Бучинскаго?

Второй стрѣлецъ.

Чтобъ чортъ его побралъ!
Все Ляхъ, да Ляхъ! У Ляховъ и собаки
Рѣзвѣе нашихъ. (*Ходитъ*). Тошно: мочи нѣтъ!
У нихъ все лучше: и нарядъ, и кони,
И мечъ острѣй, и глазъ свѣтлѣй. Бѣда!
Житья ужъ нѣтъ отъ этихъ птицъ залетныхъ;
Ну, къ чорту ихъ! Пора, пора!

Слуга.

Скажи,
Что сдѣлалось съ Семеномъ?

Первый стрѣлецъ.

Видишь, братецъ:
У молодца красоточку отбилъ
Усатый панъ; отъ этого, знать, больно
На нихъ сердитъ онъ. Впрочемъ самому
Досадно мнѣ, что Ляхи побѣдили.

Слуга.

Послушай-ка: получше послѣ будетъ!
Вотъ Ляхи подняли веселый крикъ,
А мы со злости губы въ кровь кусали.
Тутъ Государь (храни его Господь!)
Сказалъ боярамъ: Знаю я навѣрно,
Что нѣтъ во всей Москвѣ, ни у бояръ,
Ни у дворянъ такой собаки дивной,
Какъ у Бучинскаго.

Второй стрѣлецъ.

Не можетъ быть!
Не могъ нашъ Царь сказать такого слова,
Насъ передъ Ляхами срамить!

Слуга.

Не могъ?
Мнѣ каждое словечко слышно было,
Какъ пролито. И правду вамъ сказать,
Собака дивная: бѣла какъ снѣгъ,
Росла, статна, съ натужиной, ногаста,
Глаза какъ звѣзды, изъ породы той,
Что̀ за моремъ; совсѣмъ почти безъ шерсти.

Второй стрѣлецъ (*перебивая*).

Да будь она красивѣй во сто разъ,
Безъ шерсти вовсе, будь быстра, какъ птица,
Какъ соколъ на лету,—я все скажу,
Что здѣсь въ Москвѣ найду десятокъ цѣлый
Рѣзвѣй, статнѣй, красивѣе ея.

Первый стрѣлецъ.

Постой-же, слушай!

Слуга.

Дай сказать порядкомъ.
Не вытерпѣлъ тогда нашъ добрый князь,

Нашъ свѣтъ Ивановичъ, Василій Шуйскій;
Отдалъ поклонъ Царю и говоритъ,
Что худшая въ его муругой сворѣ
Заморскаго красавца осрамитъ.

Первый стрѣлецъ.

Вотъ славно!

Второй стрѣлецъ.

Здравье Шуйскому во вѣки!

Первый стрѣлецъ.

Вотъ истинный бояринъ, Русскій князь!

Второй стрѣлецъ.

Ну, что же Царь?

Слуга.

Димитрій усмѣхнулся.
Собаку привели: огромный звѣрь,
Весь въ псовинахъ, широкій и угрюмый,
Ну точный волкъ, а ноги какъ струна.
Русакъ лихой былъ посаженъ далеко,
И въ полѣ загорѣлся, какъ свѣча.
Собакъ сдержали и пустили разомъ;
У насъ сердца (ты вѣрь или не вѣрь)
Такъ бились, что смѣшно теперь подумать.

Второй стрѣлецъ.

Чтожъ псовой нашъ? Разсказывай скорѣй!

Слуга.

Да гдѣ заморской твой!

Второй стрѣлецъ.

Отсталъ?

Слуга.

Ну точно
Какъ будто бы дворная.

Второй стрѣлецъ.

Исполать!
Да здравствуетъ нашъ Шуйской! Что же Ляхи?

Слуга.

И голосъ притаили.

Второй стрѣлецъ.

Что же Царь?

Слуга.

Хвалилъ собаку будто бы съ досадой.

Первый стрѣлецъ.

Вотъ то-то и бѣда: нашъ Русской Царь,
А какъ къ Полякамъ склоненъ!

Слуга.

Много слезъ
Отъ этихъ нехристей намъ будетъ.

Второй стрѣлецъ.

Слезъ?
Да не было бы крови!

Слуга.

Тсъ!

Второй стрѣлецъ.

Молчу,
Да знаю про себя.

Слуга.

Потомъ былъ пущенъ
Тотъ старшій братъ, что бѣса изломалъ.
Ты понимаешь, что ль?

Первый стрѣлецъ.

Медвѣдь, извѣстно.

Слуга.

Изъ Муромскихъ лѣсовъ, космачъ, глухарь.
Ужасно было поглядѣть. Охотникъ,
Извѣстный удалецъ, старикъ Валуй,
Съ рогатиной къ нему пошелъ навстрѣчу,
Ударилъ въ грудь: медвѣдь взревѣлъ, и вмигъ

Рогатины не стало, и охотникъ
Лежалъ ужъ смятый подъ медвѣдемъ... Тутъ-то,
Послушайте!... Какъ вскочитъ Царь, какъ схватитъ
Рогатину и мечъ!..

Первый стрѣлецъ.

Кто? Государь?

Слуга.

Да, Государь. Мы обмерли, и крикнуть
Никто не могъ. Очнулись,—ужъ космачъ
Лежалъ въ крови, съ отсѣченною лапой,
Съ разрубленною мордой, и надъ нимъ
Стоялъ нашъ Царь, веселый и спокойный.
Князья сбѣжались, что-то говорили
Про царство, про опасность; онъ въ отвѣтъ
Имъ показалъ охотника и молвилъ:
„Вы видите, что мой слуга спасенъ
Отъ смерти мною. Это день счастливый“.

Первый стрѣлецъ.

Вотъ добрый Царь!

Второй стрѣлецъ.

Вотъ смѣлый молодецъ!

Слуга.

И безъ Царя зарѣзали бъ медвѣдя.
А если-бъ грѣхъ случился?... Нѣтъ, по мнѣ
Не царское то дѣло.

Первый стрѣлецъ.

Врешь, Ипатій:
Когда на звѣря онъ идетъ одинъ,
Чтобъ Русскаго спасти, то вѣрно любитъ
Своихъ онъ подданныхъ.

Второй стрѣлецъ.

Одинъ съ мечемъ
На дикаго медвѣдя? Ну, Игнатьевъ,
Не залежимся мы въ Москвѣ; не такъ,
Какъ при царѣ Ѳеодорѣ.

Слуга.

Потише!

То царь святой былъ.

Первый стрѣлецъ.

Святъ, да не по насъ.

Второй стрѣлецъ.

Теперь, теперь мы въ битвахъ запируемъ,
Перешагнемъ предѣлъ земли родной,
И съ нами Царь, и копья засверкаютъ,
И задымится мечъ въ крови чужой.
Порукой мнѣ безстрашная забава,
Что далеко промчится Русскихъ слава.
Да здравствуетъ царь Дмитрій!

Слуга.

Сохрани

Его Господь!

Первый стрѣлецъ.

Отъ Ляховъ.

Второй стрѣлецъ.

Да, отъ Ляховъ.

О, этотъ другъ опаснѣе врага!

Стольникъ *входитъ.*

Къ мѣстамъ! За мною Царь.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Самозванецъ.—Басмановъ (*всѣ уходятъ*).

Димитрій садится (*съ улыбкой*).

Скажи, Басмановъ,

Что думалъ ты о подвигѣ моемъ?

Басмановъ.

Твой вѣренъ мечъ и духъ отваженъ: славно
Ударъ нанесъ ты, Государь.

Димитрій.

Не то!

Ты думалъ: Царь забылъ свой санъ высокій,
Забылъ народъ, лукавый взоръ бояръ
Изъ удальства пустаго. Такъ ли?

Басмановъ.

Думалъ.

Димитрій.

Скажи всю мысль свою. Мы здѣсь одни.

Басмановъ.

Послушай, Государь. Я смѣло душу
Передъ тобой раскрою. Больно мнѣ,
Прискорбно всѣмъ твоимъ слугамъ надежнымъ
Глядѣть на то, какъ Царь идетъ одинъ
Сражаться—съ кѣмъ? Съ безсмысленнымъ животнымъ!
Съ нимъ рѣжется въ борьбѣ на жизнь и смерть,
И голову, надежду всей Россіи,
Державную, кладетъ медвѣдю въ пасть.

Димитрій.

Не велика опасность—смѣлымъ слава!

Басмановъ.

Нѣтъ, эта честь не для тебя. Пусть ею
Гордится псарь, слуга чужихъ потѣхъ,
Хмельной стрѣлецъ, безпечный и хвастливый,
Иль юноша, не зрѣвшій бранныхъ сѣчъ,
Но алчущій кровавыхъ приключеній.
Имъ эта честь прилична, не тебѣ,
Правителю народовъ многихъ. Вспомни:
Слыхалъ ли ты, чтобъ прежніе цари,
Владыки мудрые....

Димитрій (*перебивая*):

Постой, Басмановъ!

Ихъ жизнь ты вспомни и мою: сравни!
Взлелѣяны отъ самой колыбели
Родителей заботливой рукой,
Они росли средь пышности и нѣги;

Толпы бояръ послушно стерегли
Всѣ прихоти балованныхъ младенцевъ
И отроковъ безпечные шаги:
Чтобъ конь не вздрогнулъ подъ драгою ношей,
Чтобъ рѣзкій вѣтръ въ ихъ лица не пахнулъ,
Чтобъ мухи дерзко не жужжали
Вкругъ почивальни золотой,
Гдѣ сны роскошные летали
Надъ полуцарской головой.
Смѣшно подумать!—Ахъ, не та наука
Досталась мнѣ! Димитрій бѣдный росъ
Въ изгнаніи, скитаясь по вертепамъ.
Дремучій лѣсъ, небесъ пустынныхъ кровъ
Жилищемъ были мнѣ, а ножъ защитой.
Тамъ я ходилъ съ медвѣдями на бой,
Я ихъ разилъ для жизни, для забавы,
Для утоленья чуднаго огня,
Отъ юныхъ лѣтъ томившаго меня
Надеждами могущества и славы.
Мнѣ весело то время вспоминать!
Тогда едва я видѣлъ, какъ въ туманѣ
Картины дѣтства, пышный дворъ. Едва
Я помнилъ, будто сонъ несвязный, странный,
Что кровь царей течетъ во мнѣ... Теперь
Все снова ясно стало.

Басмановъ *(съ усмѣшкой).*

Провидѣнье.
Тебя вело.

Димитрій.

Благодарю судьбу!
Когда бъ она меня не научила
Съ младенчества отчаяннымъ борьбамъ,
Свершилъ ли бы я подвигъ свой тяжелый?
Медвѣдя взять въ берлогѣ снѣговой,
Его тащить рукою безоружной,
Все это шутка... Но возстать, какъ я,
Противъ царя Бориса—вздумать страшно!...
О, этотъ Годуновъ былъ исполинъ!
Лукавъ, хитеръ, своей высокой славой
Онъ полнилъ міръ, и я пошелъ на бой
Одинъ, одинъ,—лишь съ именемъ забытымъ,
Да съ совѣстью Бориса. Я позвалъ

Могущаго къ отвѣту за злодѣйство
И за престолъ похищенный.

Басмановъ.

Великъ
И страшенъ подвигъ твой.

Димитрій.

Еще другіе
Меня зовутъ. Благодарю судьбу!
Сыны дворцовъ, питомцы праздной нѣги,
Цари парчей и бархатовъ! Для васъ
Былъ радостенъ вашъ теремъ позлащенный;
Но для меня трубы призывный гласъ
И вѣрный мечъ, и конь, и станъ военный,
И въ вражеской землѣ кровавой битвы часъ...
Въ Россіи тѣсно, другъ Басмановъ, тѣсно!

Басмановъ.

Созрѣетъ ли высокой думы плодъ?
Исполнятся ль твои предначертанья?
Прелестны дворъ, и роскошь, и Москва!

Димитрій.

Ты за меня боишься ихъ? Увидишь!
Я въ праздности не падаю душой
И, прежнихъ дней суровый опытъ помня,
Еще люблю въ потѣхахъ удалыхъ
Обманывать живое нетерпѣнье,
Просящее опасностей другихъ...
Но впрочемъ ты, Басмановъ, правъ. Я знаю,
Что много глазъ коварныхъ вкругъ меня.
Притворствуютъ мои бояре. Трусы
Отважности смѣются.

Басмановъ.

А народъ?

Димитрій.

Народъ отвагу любитъ.

Басмановъ.

Царь Димитрій!
Не въ Польской ты странѣ, гдѣ панъ-король

Начальникъ пановъ, равный имъ. Россія
Возводитъ взоръ къ увѣнчанной главѣ,
Какъ къ дивному Творца изображенью,
Къ избранному любимцу горнихъ силъ.
Вокругъ него и свѣтъ, и страхъ глубокій,
И таинства невидимый покровъ.
Не часто, не безъ блеска, не въ одеждѣ
Едва приличной дворянину, любитъ
Народъ глядѣть на Русскаго царя.

Димитрій.

Какой монархъ съ такимъ великолѣпьемъ
Средь подданныхъ являлся? Вкругъ себя
Кто собиралъ столь пышный дворъ?

Басмановъ.

Тогда ли,
Когда одинъ по улицамъ Москвы
Въ парадѣ Польскомъ ходишь ты, и нищій
Едва царю киваетъ головой?
Иль въ торжествахъ, при бубнахъ и литаврахъ,
Когда къ тебѣ тѣснится гордый Венгръ
И наглый Ляхъ, какъ стая птицъ зловѣщихъ,
Безчинные, противные глазамъ?

Димитрій *(съ улыбкой).*

Я зналъ, что ты про Ляховъ не забудешь.

Басмановъ.

Забыть про нихъ! О какъ бы я желалъ
Не видѣть ихъ, не помнить! О, скорѣе
Отъ нашихъ глазъ въ ихъ родину гони
Весь этотъ полкъ пришельцевъ ненасытныхъ,
Нахлынувшихъ на Русскую страну.
Намъ душно, Царь, намъ тѣсно, сердцу больно!

Димитрій.

Они отважно, вѣрно служатъ мнѣ,
А Русскіе колеблются, и шатки
Ихъ помыслы. Скажи, Басмановъ, самъ:
Забыты ли всѣ сказки Годунова?
Забыты ль всѣ сомнѣнья обо мнѣ?

Басмановъ.

Досель молчатъ, но тайно ходитъ ропотъ,
И многіе не вѣрятъ чудесамъ.

Димитрій.

Не вѣрятъ чудесамъ? А ты?

Басмановъ.

Димитрій,
Мою любовь ты знаешь; для чего жъ
Ее пытать вопросомъ безполезнымъ?

Димитрій.

Но тайныя сомнѣнья!...

Басмановъ.

Не страшись:
Еще любовь къ тебѣ не остываетъ,
Еще тверда присяга. Но Москва
Скорбитъ, глядя въ молчаніи суровомъ
На дерзкую надменность Поляковъ.
О, отгони ихъ! Въ часъ грозы народной
Безсильные престола не спасутъ.
Къ чему жъ они? Брось слабую защиту,
Противную всѣмъ подданнымъ твоимъ.
Стряхни съ порфиры прахъ чужого края!
На славу предковъ смѣло оперпись,
Стань средь бояръ, средь вѣрнаго народа
Съ могуществомъ всей Русской стороны,
Иноплеменныхъ ужасъ, бичъ строптивыхъ,
И милостивъ, и кротокъ, и правдивъ.

Димитрій.

О, ты не знаешь, Петръ, какія узы
Незримыя опутали меня.
Но я теперь расторгну ихъ. Рангони
И Квицкій явятся ко мнѣ. Внимай,
Какъ будутъ сладки ихъ слова, какъ хитры,
Какъ будетъ твердъ Димитрія отвѣтъ!
Опасны этихъ ксендзовъ рѣчи: льются
Какъ медъ, а цѣпью вьются вкругъ души.
Но цѣпь расторгну и свободной грудью
Въ объятія Россіи брошусь я.

Бояринъ *(входитъ)*.

Великій Государь! Тобой призванный,
Идетъ посолъ отъ Римскаго двора.

Димитрій.

Введи сюда.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Входятъ **Рангони и патеръ Квицкій.**

Рангони.

Да здравствуетъ Димитрій,
Россіи Царь великій!

Патеръ Квицкій.

Да пошлетъ
Тебѣ Господь Свое благословенье!

Димитрій.

Благодарю, Рангони, патеръ Квицкій!
Уже давно желали вы предстать
Передъ меня и тайно весть бесѣду
О будущихъ намѣреньяхъ моихъ;
Но дни мои доселѣ были полны
Заботы тяжкой, и ближайшій трудъ
Не оставлялъ часовъ далекимъ думамъ.
Теперь могу внимать вамъ.

Рангони.

Государь!
Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ ты подъялъ знамена,
Какъ крылія могущаго орла,
Свидѣтель міръ твоею славой полный,
Что жизнь твоя не въ праздности текла,
Что много дѣлъ мечемъ на ратномъ полѣ
И мудростью въ совѣтѣ ты свершилъ.
Твоей странѣ завидуютъ чужія;
Но радостью сіяетъ древній Римъ,
И, веселясь отрадою духовной,
Петрова стада пастырь, вѣрныхъ вождь,
Апостольской благословляетъ дланью
Тебя, младой, любимый церкви сынъ.

Патеръ Квицкій.

Прославилась Всевышняго десница.
Святой отецъ и мы, небесныхъ силъ
Смиренные служители, не даромъ
Всечасною и теплою мольбой
И благодать, и силу призывали
И торжество оружью твоему.

Димитрій.

Да: правда побѣдила!

Рангони.

Дѣлъ твоихъ
Заря горитъ надеждами и славой.
Но скоро ль день настанетъ?

Патеръ Квицкій.

Ты досель
Благословенъ. Очистилася нива,
И на межѣ стоитъ готовый плугъ.
Возстань, возстань, оратай неусыпный!
Начни съ утра Творцу угодный трудъ:
Открой бразды глубокія, да взыдетъ
Благая жатва въ Русской сторонѣ.

Рангони.

Въ Италію я возвращуся снова,
Передъ лице преемника Петра.
Сказать ли мнѣ, что Царь Россіи юный
Въ обѣтахъ твердъ и праведенъ въ дѣлахъ?
Сказать ли мнѣ, что ревностной рукою
Надъ Русію свѣтильникъ онъ зажжетъ
Спасительной, покорной Риму вѣры?

Димитрій.

Рангони! Богъ даетъ успѣхъ. Но я
Не позабылъ священныхъ обѣщаній.

Патеръ Квицкій.

Какой залогъ намѣреній своихъ
Димитрій дастъ?

Димитрій.

Сомнѣніе обидно!
Какихъ залоговъ проситъ ксендзъ?

Патеръ Квицкій.

Тяжелъ
Лишь первый шагъ. О, поспѣши скорѣй
Его ступить! Залогомъ будетъ онъ,
Порукою твоей державной воли.

Димитрій.

Чего ты просишь? Говори!

Патеръ Квицкій.

Того,
Чтобы слугамъ единой вѣры чистой
Дозволилъ ты вездѣ въ своихъ земляхъ
И церкви строить, и звучащей мѣдью
Всѣхъ христіанъ къ служенью собирать,
И дивныя Всевышняго щедроты
Торжественной молитвой призывать,
Чтобы въ Кремлѣ....

Басмановъ (*перебивая*).

Въ Кремлѣ!

Димитрій.

Твоихъ желаній
Я не могу исполнить. Вспыхнетъ бунтъ.
И рушится недавнее созданье.
Я обѣщанья помню; но повѣрь,
Теперь исполнить ихъ не въ силахъ. Послѣ,
Быть можетъ скоро...

Патеръ Квицкій.

О, не отлагай,
Не отлагай благаго дѣла. *Послѣ*
Обманщикъ злой, дѣяній славныхъ врагъ,
И праздности и лѣни другъ. О, вспомни,
Какъ дорогъ часъ, какъ время коротко!
Оратай ждетъ, оратай спитъ, а поле
Ужъ терніемъ упорнымъ поросло.

Димитрій.

Безуменъ тотъ, кто съ нетерпѣньемъ жаднымъ
Драгихъ плодовъ бросаетъ сѣмена,
Когда поля покрыты льдомъ весеннимъ.
Народъ упрямъ.

Рангони.

Московскій держитъ Царь
Сердца людей въ своей могучей волѣ.

Димитрій.

Рангони! Русскій любитъ горячо
Семью, отчизну и Царя; но болѣ,
Но пламеннѣй, сильнѣе любитъ онъ
Залогъ другой и лучшей жизни—вѣру.

Рангони.

Борьба трудна—награда велика.

Димитрій.

Престолъ мой новъ, зыбка моя держава;
И мнѣ-ль теперь съ повѣрьемъ вѣковымъ
Въ неравный бой вступать неосторожно?
О, дайте срокъ, съ моею доброй Русью
Сроднюся и трудами, и добромъ.
Чтобъ хитрые разсказы Годунова
Забылъ народъ, чтобъ твердо вѣрилъ онъ
Чудесному спасенію младенца,
Тогда...

Рангони.

Но скоро ль?

Димитрій.

Этотъ мечъ не чистъ:
Опрысканъ онъ моихъ же Русскихъ кровью,
Соотчичей, дѣтей. О, дайте срокъ!
И я тебя, мой добрый мечъ, омою
Въ крови чужой, въ крови сосѣдей злыхъ,
И пламенную грудь я освѣжу борьбою
За нашу Русь, за край отцовъ моихъ.
И ропотъ тайнаго сомнѣнья,
И злобой хитрою въ сердцахъ разлитый ядъ.

Все унесетъ порывный вихрь сраженья,
Побѣдны крики заглушатъ;
И стану, съ силою свободной,
Законный Царь и Царь любви народной.—
Рангони, не сердись, отецъ святой,
Не воздыхай такъ тяжко. Первымъ дѣломъ
Обрадую весь Христіанскій міръ
Войною съ Турками.

Рангони.

Святое дѣло
И славный подвигъ предъ лицемъ Творца!

Патеръ Квицкій.

Но во сто кратъ еще благословеннѣй
Тогда бъ онъ былъ, когда бы Царь сперва
Разсѣялъ мракъ восточнаго ученья.

Димитрій.

Всему чреда.

Патеръ Квицкій.

Тогда бы за тобой
Не Русь одна, но всей Европы сила
Помчалася, какъ пламенный потокъ.
Помазанный въ вожди Христовой рати
Святителя всемірнаго рукой...

Димитрій (*перебивая*).

Остановись! Отъ имени ль Владыки
Ты обѣщаешь мнѣ?

Рангони.

Я въ томъ клянусь.

Димитрій.

Какой мнѣ путь открытъ! Какая слава,
Какая цѣпь блистательныхъ побѣдъ!
При радостныхъ рукоплесканьяхъ міра,
Пойду къ боямъ за Божій крестъ святой,
И силу адскаго кумира
Попру могущею пятой.

Пойду къ боямъ! Народы вслѣдъ за мною
Стремятся какъ разливъ бушующихъ морей;
И Русь моя другихъ державъ главою,
И Русскій Царь главой другихъ Царей!
Передо мной во прахъ падутъ препоны,
И врагъ бѣжитъ какъ утренняя тѣнь....
О, южный вѣтръ, развѣй мои знамены!
Возстань скорѣй желанной битвы день!—
Да! Риму покорюсь. Опасно, трудно;
Но велика награда.

Басмановъ.

Напередъ
Ты подданнымъ скажи, что ихъ молитвы
Доселѣ грѣшны были, вѣра ихъ
Противна Богу, ихъ младыя дѣти
Не крещены, и предки не отпѣты,
Угодниковъ нетлѣнныя тѣла,
Источники чудесъ и исцѣленій—
Остатки злыхъ еретиковъ.

Димитрій.

Постой,
Мой строгій другъ: въ порывѣ думъ отважныхъ
Я невозможнаго желалъ.

Патеръ Квицкій.

О Царь!
Для смѣлыхъ душъ и для могучей воли
Возможно все. Гдѣ злато и булатъ,
И мудрый умъ, и твердая десница,
Тамъ чудныя свершаются дѣла:
Сокровища сзываютъ иноземцевъ
И воиновъ, и хитрыхъ воеводъ,
Булатъ казнитъ ослушниковъ, и цѣпи
Ведутъ къ добру безсмысленный народъ.

Димитрій.

Мой хитрый ксендзъ, твою я понялъ душу!
О! „будьте яко зміи"—глубоко
Начертано въ уставѣ Іезуитовъ,
И твердо, Квицкій, помнишь ты его.
Но ты ошибся, ксендзъ! Уроки ваши

От юности Димитрія вели;
И многому его вы научили,
И много тайн открыли перед ним.
Но Русской я, но в этих льется жилах
Не западная кровь; но Русскій край
Мнѣ всѣх земель сто раз дороже, краше,
Мнѣ ближе всѣх мой доблестный народ.
И чтобы я рукою иноземцев
Его как звѣря дикаго сковал,
Грозой цѣпей, грозой мечей наемных
Его главу пред Римом преклонял!
Тому не быть.—Бояре ждут; Басманов,
Введи сюда.

Басманов (*в дверях*).

Вас Государь зовет.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Входят бояре и Поляки.

Димитрій.

Здоровы ли, бояре и дворяне,
Жильцы и вся Московская земля?

Князь Шуйскій.

Россійскій край цвѣтет твоей державой
И за тебя, великій Государь,
Всечасныя молитвы возсылает.

Димитрій.

Благодарю. Я радуюсь душой
Спокойствію и тишинѣ глубокой
Всѣх подданных и вѣрных слуг моих.
Да никогда на царствѣ православном
Не взыдет тѣнь лукавства и крамол,
Да будет Царь всемощен вашей силой,
Без помощи сомнительных друзей!—
Князья Мстиславскій, Шуйскій, Лыков, с вами
Мы нынѣ дѣло важное рѣшим
О просьбѣ слуг церковных. Патріарха
Я пригласил, чтоб свѣт его ума
Нам указал путь истины и правды.

Князь Мстиславскій.

Ты, Государь, свѣтильникъ Думы всей:
Тобою мы озарены.

Димитрій.

Сутуповъ
И Власьевъ! Завтра рано поутру
Явитеся: пора уже назначить
Кому изъ васъ отправиться въ Литву
За юною, прелестною невѣстой,
Съ которою престолъ свой раздѣлю.

Второй стрѣлецъ (*Стрѣльцы въ углу*).

Съ Полячкой, слышишь?

Первый стрѣлецъ.

Тише! Ты вздурился.

Димитрій.

А! Князь Скопинъ, великій мечникъ мой!
Здоровъ ли ты? Не радостенъ Литовцамъ
Твой родъ отважный. Псковъ и твой отецъ
Великаго Стефана сокрушили.
Мой юный князь, не забывай отца.

Князь Скопинъ-Шуйскій.

Великій Царь! Когда его уроки
Забуду я, не дай мнѣ жизни Богъ!

Димитрій.

Бояринъ Петръ! По взгляду виденъ соколъ.
Люблю его!—Хрущовъ и князь Рубецъ!
Отъ васъ былъ первый мнѣ привѣтъ въ Россіи;
Всегда вамъ радъ Димитрій. Въ грудь мою
Незлобную вложилъ Всевышній душу:
Обида въ ней какъ слѣдъ весла въ водѣ;
Глядишь, и нѣтъ! А каждая услуга
Врѣзается какъ въ мѣди вѣковой.—
Что Пушкинъ! Ожилъ ли мой бѣлый соколъ?

Пушкинъ.

Уже здоровъ и скоро, Государь,
Повеселитъ тебя своимъ полетомъ.

Димитрій.

Благодарю, Микулинъ! Всѣ стрѣльцы
Покорны, чинны и охотны къ службѣ.
Ихъ твердый строй мнѣ душу веселитъ.
Тебѣ и имъ двойной окладъ назначенъ.

Микулинъ.

О Государь! Дѣлами заслужить
Позволь свои безмѣрныя щедроты.

Димитрій.

На ратномъ полѣ? Скоро!—Ляпуновъ!
Твои Рязанцы буйны. Кто съ тобою?

Ляпуновъ.

Мои сыны, великій Государь,
Прибывшіе въ Москву для службы царской,
Прокофій и Захарій.

Димитрій.

Молодцы!
Но, Ляпуновъ, уйми своихъ Рязанцовъ,
Иль я уйму.—А! Яковъ Маржеретъ
И Вандеманъ, здѣсь, среди Русскихъ. Славно
Служили вы Борису. Для меня
Не надобно хранителей наемныхъ:
Защитой мнѣ любовь, а не булатъ.
Но помню васъ. Веселый Маржеретъ!
Въ походъ со мной пойдетъ твоя дружина,
И эта сталь къ ножнамъ не приростетъ.

Маржеретъ.

Мой сабли, сиръ, всегда къ твоимъ услюгамъ.

Стрѣлецъ (*въ углу*).

Вишь хрюкаетъ Французская свинья.

Димитрій.

Корела, Смага, храбрые Донцы,
Сподвижники надежные во брани!
Вамъ нравится ль престольная Москва?

Иль буйныя головушки тоскуютъ
По родинѣ и по Донскимъ степямъ?

Корела

Здѣсь хорошо, и тамъ не дурно: сыты
Мы милостью твоею, Государь.

Смага.

Свѣтлѣйшій Царь! Всего въ Москвѣ довольно,
И славная хлѣбъ-соль для молодцовъ,
Но—

Димитрій.

Что жъ еще? Досказывай смѣлѣе.

Смага.

Здѣсь, кромѣ рта, весь плѣснью заростешь.

Димитрій.

Ты говоришь по мнѣ.

Басмановъ.

Вчера, я слышалъ,
Онъ пѣсню пѣлъ, и былъ ея припѣвъ:
Поле да бой
Для ватаги лихой
Лучше дворцовъ и Москвы золотой.

Димитрій.

Ты, Смага, правъ.—А это кто, Басмановъ?
Какой-то нищій. Кто ты?

Дьякъ Осиповъ (*на колѣняхъ*).

Государь,
Услышь мое прошенье! Власть закона
И милости теперь въ твоей рукѣ,
Услышь меня!

Димитрій.

Твоей я просьбѣ внемлю.
Вѣсы и мечъ ввѣряетъ Богъ царямъ,
Да никогда ни злато, ни крамола,
Ни хитрый умъ, ни сильная рука

Надъ правдою въ судахъ не торжествуютъ.
О чемъ ты просишь, старецъ?

Дьякъ Осиповъ.

Объ одномъ:
Будь справедливъ!

Димитрій.

Твои безумны рѣчи:
Какъ праведно сужу своихъ людей,
Такъ Богъ меня да судитъ въ день послѣдній.
(*Къ боярамъ*) А, вы бояре думные, сюда!

Дьякъ Осиповъ (*вставая*).

Внимай же мнѣ, Григорій бѣглый инокъ!
Оставь престолъ и кайся! Не твое
Наслѣдіе потомковъ Мономаха.
Вѣнецъ златой и бармы не твои.
Оставь престолъ! Тобою совершились
Чудесныя Всевышняго судьбы,
Свершилась казнь надъ родомъ Годунова
Святоубійцы. Но оставь престолъ
И грѣшный духъ очисти покаяньемъ,
Григорій бѣглый инокъ!

Димитрій (*отбѣгая*).

Захватить!
Связать, пытать! А!... онъ безумный... только.

Басмановъ.

Подалѣе, бояре, отъ царя. (*Всѣ уходятъ въ глубь театра*).

Димитрій.

(*Громко*) Безумецъ! (*тихо*) А! что скажешь ты, Басмановъ?
Борисъ воскресъ! Вновь началась борьба!
И это первый шумъ грядущей бури.

Басмановъ.

Спокойся, Царь!

Димитрій.

Мнѣ больно! Я хотѣлъ
Въ объятья къ нимъ отдаться; но безумно

Они меня отвергли. Какъ хотятъ,
Такъ будетъ имъ! Кровавыя опалы,
Злой Іоаннъ, коварный Годуновъ,
Постыдное насилье иноземцевъ,
Все имъ отдастся.

Басмановъ.

О, остановись!
Еще слова звучатъ безъ отголоска,
И Царь любимъ.

Димитрій.

Ты ихъ не знаешь, Петръ.
Народъ не твердъ, лукавствуютъ бояре...
Взгляни на нихъ. Они молчатъ. Глаза
Потупили, чтобъ взоръ неосторожный
Не обличилъ ихъ тайныхъ, злобныхъ думъ,
Чтобъ радости въ ихъ лицахъ не видалъ я.
Но... знаю ихъ.

Басмановъ.

Обманчивъ первый шагъ.
Подумай, Царь!

Димитрій.

Нѣтъ! Квицкаго уроки
Мнѣ памятны. Въ началѣ заговоръ
Я задушу; наемными руками
Я укрѣплю надъ буйными главами
Ярма тяжелаго позоръ.

Басмановъ.

Не торопись, не раздражай Россіи.

Димитрій.

Оставь меня, не трать напрасныхъ словъ.

Басмановъ.

Кто не спѣшитъ—не кается.

Димитрій.

Пустое!
Не слушаю... Сутуповъ, допроси

Преступника, скажи ему... Не нужно:
Самъ допрошу. Какого званья ты?

Дьякъ Осиповъ.

Я Осиповъ, въ крещеньи Тимоѳей,
Приказный дьякъ.

Димитрій.

Скажи, безстыдный лжецъ,
Ты зналъ ли то, что жизнію заплатишь
За клевету и дерзостную рѣчь?

Дьякъ Осиповъ.

Я зналъ и не боялся.

Димитрій.

Отведите
Его на казнь; чтобъ долго онъ страдалъ,
Чтобъ памятью его жестокой смерти
Безумная смирилася вражда.

Дьякъ Осиповъ.

О, обратись къ Творцу! Молитвой теплой
Проси Его, да твой простится грѣхъ!

Басмановъ.

Ведите!

Димитрій.

Стой! Я выдумаю муки
Ужаснѣе всѣхъ казней прежнихъ дней.
Но назови наставниковъ: прощенье
И милости, и царскіе дары
Я дамъ тебѣ.

Дьякъ Осиповъ.

Ихъ было двое.

Димитрій.

Двое! Ихъ имена?

Дьякъ Осиповъ.

Наставникъ первый—Богъ,
Котораго Григорій забываетъ.

Другой... онъ здѣсь, онъ входитъ въ твой чертогъ,
Онъ шепчетъ всѣмъ твоихъ обмановъ повѣсть.

Димитрій.

Онъ здѣсь! О, назови, и я тебя
Помилую, простить клянуся.

Дьякъ Осиповъ.

Совѣсть.

Димитрій.

Сообщникъ кто?

Дьякъ Осиповъ.

Они не нужны мнѣ.

Димитрій.

И ты одинъ пришелъ, обманщикъ дерзкій,
Въ моемъ дворцѣ, средь вѣрныхъ слугъ моихъ,
На голову свою призвать погибель?
Не вѣрю я.

Дьякъ Осиповъ.

О, недовѣдомъ путь,
Которымъ Богъ ведетъ Свои творенья!
И, правимый невидимой рукой,
Ты—Божій мечъ, каратель преступленья,
Лежащаго надъ Русскою страной.
Не посрами Его могущей длани;
Опомнися, Григорій, скинь вѣнецъ!
Святоубійцы нѣтъ, умолкли брани,
Земля чиста, трудамъ твоимъ конецъ.
О, за тебя какъ долго я молился,
Чтобъ, лживый Царь, ты Божьей воли внялъ!..
И трапезой небесной укрѣпился,
И предъ тобой, какъ совѣсть, я предсталъ!

Димитрій.

И только?

Дьякъ Осиповъ.

Нѣтъ; я думалъ, что бояре...

Димитрій (*къ Басманову*).

Ты слышишь ли? Я это зналъ.

Дьякъ Осиповъ.

Но нѣтъ:
Они молчатъ, они дрожатъ. За злато
Святую Русь и душу продаютъ.

Димитрій.

Безстыдный лжецъ! Ты видишь, здѣсь Мстиславскій!
Спроси его; вотъ крестъ его отца.
Князь Шуйскій здѣсь: спроси его, онъ видѣлъ,
Что въ Угличѣ убійцами сраженъ
Не царскій сынъ, наслѣдникъ Іоанна...
(*Къ Шуйскому*) Ты помнишь, князь?

Князь Шуйскій.

Я.., помню.

Димитрій.

Слышишь самъ.
Возьми его, Микулинъ, и скорѣе
Вели казнить. (*Осипова уводятъ*), А ты, бояринъ Петръ,
Сбери опять дружину Маржерета,
Чтобы стрѣльцовъ на стражѣ замѣнить.

Второй стрѣлецъ.

Игнатьевъ! Слышь? Насъ гонятъ!

Димитрій.

Вѣрнымъ Нѣмцамъ
Католикамъ даю въ своемъ Кремлѣ
Священника, и церковь, и служенье.

Басмановъ.

О Государь!

Димитрій.

Исполнить! (*подходя къ Поляку*). Здравствуй, панъ,
И вы, мои товарищи! Сегодня
Я васъ зову на царскую хлѣбъ-соль.
А вы, бояре думные, за мною! (*Уходитъ*).

Князь Шуйскій (*Басманову*).

Бояринъ Петръ, прошу тебя, скажи
Державному Царю, что я... внезапно...
Такъ боленъ... видишь самъ.

Басмановъ.

Исполню, князь. (*Уходитъ*).

(*Въ толпѣ шопотъ*).

Первый.

Смотрите: князь Василій...

Второй.

...Какъ онъ блѣденъ?
Какъ онъ ослабъ?

Третій.

Встревожилъ дерзкій дьякъ.

Первый.

Отъ страха я и самъ себя не помнилъ.

Четвертый.

А Поляковъ къ обѣду звалъ!

Князь Скопинъ-Шуйскій.

Въ Кремлѣ,
Въ святомъ Кремлѣ Латинская обѣдня!
(*Къ Шуйскому*) Ты боленъ, дядя?

Князь Шуйскій.

Возвратись домой.
Я скоро буду самъ.

(*Всѣ уходятъ, кромѣ князя Шуйскаго и Прокофья Ляпунова*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Князь Шуйскій.

Ты здѣсь, Прокофій?

Прокофій Ляпуновъ.

Князь Шуйскій! Что съ тобой?

Князь Шуйскій.

Мнѣ тяжело;
Я нездоровъ.

Прокофій Ляпуновъ.

О, этотъ дьякъ безумный!

Князь Шуйскій.

Безумный? Почему же?

Прокофій Ляпуновъ.

Наглый лжецъ
И клеветникъ!

Князь Шуйскій.

Ты развѣ правду знаешь?

Прокофій Ляпуновъ.

Не мнѣ, но многимъ вѣдома она.
Я старшимъ вѣрю.

Князь Шуйскій.

Онъ теперь казненъ.
Мнѣ жаль его.

Прокофій Ляпуновъ.

Ты слишкомъ добродушенъ.
Приказному ли діяку отдана
Отечества судьбина? За Россію
Ему ли дать отвѣтъ? И онъ пришелъ
Въ собраніе бояръ, дворянъ, народа,
Оклеветать законнаго Царя!
О, смерть одна преступнику такому
Мала.

Князь Шуйскій.

И онъ, какъ мученикъ, умретъ.

Прокофій Ляпуновъ.

Нѣтъ: не Царя онъ обличалъ въ обманѣ,
Не на его главу проклятье звалъ;
Но всѣхъ бояръ безмолвныхъ и покорныхъ
Онъ уличалъ въ бездушіи. Смѣшно!

Повѣрятъ ли, что Рюрика потомки
Предъ самозванцемъ, воромъ, бѣглецомъ,
Смиренныя колѣна преклоняютъ,
Забывши долгъ, и санъ, и кровь отцевъ?

Князь Шуйскій.

Ты думаешь?...

Прокофій Ляпуновъ.

Въ моей Рязани дальной
Мнѣ говорилъ духовный мой отецъ:
„Идешь въ Москву, Прокофій. Тамъ крамола,
Тамъ клевета; не вѣрь имъ, взоръ впери
Въ высокій родъ Владимира Святаго.
Князь Шуйскій тамъ: онъ Руси не продастъ,
Онъ не продастъ Москвы съ ея святыней:
На мудрую и гордую главу
Не призоветъ анаѳемы церковной“.
Такъ говорилъ святой отецъ,—и я
Ему клялся, что князь Василій будетъ
Моимъ вождемъ въ предбудущемъ пути,
Въ пути трудовъ за родину и правду.

Князь Шуйскій (*задумчиво*).

Анаѳемы церковной на себя
Не призоветъ!...

Прокофій Ляпуновъ.

Но Шуйскій самъ свидѣтель
Димитрію, законному Царю.

Князь Шуйскій.

Онъ не продастъ Москвы съ ея святыней!...
Какъ ты хорошъ, престольный градъ Царей,
Богатствъ, и силъ, и благодати полный!
Какъ свѣтятся главы твоихъ церквей,
Какъ движутся народа шумны волны!
И этотъ славный Кремль!...

Прокофій Ляпуновъ.

Теперь въ Кремлѣ
Услышится Латинская обѣдня
Среди гробовъ угодниковъ святыхъ.

Князь Шуйскій.

О Боже мой!

Прокофій Ляпуновъ.

Пусть онъ творитъ, что̀ хочетъ,
Нашъ юный Царь. Князей великихъ сынъ
И Суздальскихъ владѣтелей потомокъ,
Одинъ въ Руси вѣнца достойный князь,
Глава бояръ, народа вождь любимый,
Сказалъ намъ всѣмъ, что то законный Царь.

Князь Шуйскій.

Пойдемъ, пойдемъ: я обличу бродягу,
Анаѳемы на душу не возьму! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Стрѣльцы.

Второй стрѣлецъ.

Какъ бѣдный боленъ!

Первый стрѣлецъ.

Какъ перемѣнился!
Едва бредетъ.

Второй стрѣлецъ.

Ошеломило, братъ.
Подумай самъ, святынѣ поруганье!

Первый стрѣлецъ.

Да наше ль это дѣло?

Второй стрѣлецъ.

А стрѣльцовъ
Съ двора долой!

Первый стрѣлецъ.

Да, признаюся, больно.

Второй стрѣлецъ.

Или его не можемъ охранить?
Иль эта грудь и эти руки слабы?

Иль чужды намъ пищали и бердышъ?..
Не вѣритъ намъ,—добро! Узнаетъ Нѣмцевъ,
Извѣдаетъ онъ вѣрность Поляковъ.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Входитъ **Шутъ** (*обвѣшанный листьями*).

Первый стрѣлецъ.

Идутъ сюда.

Второй стрѣлецъ.

А, это князь потѣшный,
Царя забавникъ, сирѣчь, шутъ.

Шутъ.

Молчи!
Достанется проклятымъ. Слушай пѣсню!
(*Поетъ*). Ой вы буйныя головушки,
Ой вы головы стрѣлецкія,
Руки, руки богатырскія,
Сила, слава всей Руси святой!

Первый стрѣлецъ.

Ну, пѣсня славная. Что жъ дальше?

Шутъ.

Что?
(*Поетъ*). А послушайте дѣтинушки:
А изъ тѣхъ ли изъ головъ
Для Нѣмецкихъ сапоговъ
Дѣлаютъ ступенюшки,—
Вы подъ крыльцомъ, а Нѣмцы на крыльцѣ.

Второй стрѣлецъ.

Молчи, безумный: безъ тебя досадно.

Шутъ.

Эхъ, Нѣмцамъ ловко будетъ съ высока
Васъ за уши хватать!

Первый стрѣлецъ.

Нарядный змѣй!

Шутъ.

Что́, весело?

Второй стрѣлецъ.

Молчи, вотъ я тебя!

(*Шутъ убѣгаетъ и встрѣчаетъ Басманова*).

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

Басмановъ.

Что́ это здѣсь? Шута кто обижаетъ?
Я проучу!

Шутъ.

Ну, Петръ, благодарю.

Басмановъ.

Да для чего ты листьями обвѣшанъ?

Шутъ (*поетъ*).

Листья мы съ тобою, Петръ:
Унесетъ насъ буйный вѣтръ,
Буйный вѣтръ, что́ тихо дышетъ,
Будто травки не колышетъ;
А послушаешь—трава
Шепчетъ чудныя слова.

Басмановъ.

Ты бредишь, князь потѣшный: поешь одну пѣсню за другую.

Шутъ

Э, э! Догадался: то-то и трава шепчетъ. А знаешь, кто это все травѣ надуваетъ? Вѣтеръ. А откуда будетъ вѣтеръ? Не знаешь, потому что ты человѣкъ темный. Вѣтеръ будетъ изъ Суздали.

Басмановъ.

Изъ Суздали? Князь Шуйскій! Понимаю.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

Гос. Публичная Б-ка Ленинград

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Шутъ и Янъ Бучинскій.

Бучинскій.

Откуда ты, потѣшный князь?

Шутъ.

Изъ допросной палаты, изъ боярскаго собора.

Бучинскій.

Повинился ли Шуйскій?

Шутъ.

Нѣтъ, братъ: этого и не жди. Такой, право, смѣхъ! Наши праведные бояре стараго грѣшника и усовѣщеваютъ, и уламываютъ, а онъ все свое твердитъ.

Бучинскій.

Чудное упрямство.

Шутъ.

Вотъ тебѣ выборъ: скажешь правду, побьютъ; промолчишь, побьютъ; солжешь, побьютъ. Что́ выберешь?

Бучинскій.

Скажу правду.

Шутъ.

Ну самъ разсуди. Если ты, бусурманинъ, даромъ не солжешь, то мы люди крещеные и подавно безъ прибыли души своей губить не станемъ. Вѣдь у насъ душа-то не ваша, а христіанская.

Бучинскій.

Ты не совсѣмъ дуракъ, я вижу.

Шутъ.

А сколько, братъ, дураковъ въ Москвѣ?

Бучинскій.

Тысячъ сто, я думаю.

Шутъ.

Столько было до твоего пріѣзда, а теперь однимъ прибыло. Прощай! (*Шутъ уходитъ*).

Бучинскій.

Какъ дерзокъ онъ! Но мнѣ смѣшно сердиться.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

(Входитъ **Димитрій**).

Димитрій.

Бучинскій, что́? Преступникъ осужденъ?

Бучинскій.

Нѣтъ, Государь: идетъ допросъ послѣдній.

Димитрій.

Назвалъ ли онъ сообщниковъ?

Бучинскій.

Молчитъ.

Допросы всѣ и пытки безполезны.

Димитрій.

Достаточно пытали. Сейчасъ же
Судьямъ вели произнести рѣшенье
И принести готовый приговоръ.
Мнѣ скучно ждать. (*Бучинскій уходитъ*).
А! Князь Василій Шуйскій,
Съ Димитріемъ тягаться ты хотѣлъ!
Бориса рабъ, поклонникъ Іоанна,
Дрожащій листъ, придворной грязи червь,
Ты вдругъ змѣей задумалъ обратиться
И голову поднять и зашипѣть?
Иль мыслилъ ты, что тотъ, кто сильной волей
И дерзкою рукой схватилъ престолъ,
Уже ослабъ, покоясь въ порфирѣ,
И подъ вѣнцомъ безпечно задремалъ?
Иль совѣстью терзаемый... Пустое!
Подъ старость въ немъ проснулася она,
А въ прежни дни услужливо молчала

И отрока окровавленный трупъ
Обманами и ложью прикрывала.
И какъ хитро, какъ осторожно въ немъ
Раскаянье теперь заговорило!
Онъ не возсталъ, чтобъ смѣло обличить
Отрепьева: нѣтъ, это было страшно!
Нѣтъ, памятны ему мой добрый мечъ
И злой налетъ, и пылъ отваги бурный;
Но тайною подземною войной
Онъ велъ подкопъ... То инокъ, то Тургеневъ,
То мѣщанинъ. И послѣ вѣрь льстецу!
Какъ ласковъ онъ, какъ униженно ходитъ,
Какъ подъ рукой могущею ползетъ,
Какъ стелется и тихо пѣснь заводитъ,
И гнетъ кольцомъ свой бархатный хребетъ;
А когти ужъ готовы!—Другъ Басмановъ,
Ты спасъ меня. Теперь, мой старый князь,
Расчетъ съ тобой мы кончимъ, и безумцамъ
Другимъ я дамъ торжественный урокъ,
Такой урокъ, что въ гробѣ захохочетъ
Царь Іоаннъ, покойный мой отецъ.
Мнѣ скучно ждать. (*Входитъ Бучинскій*).
Ты здѣсь опять, Бучинскій?
Что̀, кончено?

Бучинскій.

Подписанъ приговоръ.

Димитрій.

Подай сюда... (*читаетъ*) „За дерзкую крамолу,
За клевету... За козни на Царя...
Законнаго, помазаннаго Богомъ...
Рѣшеніемъ всѣхъ выборныхъ людей
Отъ княжества Московскаго... Василій
Ивановичъ, князь Шуйскій, осужденъ
На смерть, въ примѣръ другимъ и въ наказанье“...
Вотъ подписи бояръ, людей духовныхъ,
Дворянъ, купцовъ.—Не спорили?

Бучинскій.

Никто.

Димитрій.

Что̀ жъ Шуйскій?

Бучинскій.

Твердъ. Ослабъ отъ тяжкой пытки,
Но духомъ бодръ и смѣло говорилъ.

Димитрій.

Что̀ говорилъ?

Бучинскій.

Передъ лицемъ собора
Онъ клеветалъ, онъ умолялъ бояръ
Не измѣнять отечеству святому;
Просилъ дворянъ, духовныхъ и купцовъ
Не предавать души своей обману.

Димитрій.

И что̀ жъ они?

Бучинскій.

Иные изъ дворянъ,
Церковники, въ молчаніи суровомъ
Внимали рѣчь; бояре и купцы
Заво́пили и заглушили голосъ.

Димитрій.

Старикъ упрямъ. Я этого не ждалъ.
Поди, я подпишу. *(Бучинскій уходитъ).*
Зачѣмъ же медлю?
Я подпишу... перо мое дрожитъ.
Какъ будто бы бездушному извѣстно,
Что кровь оно невиннаго прольетъ!
Въ глазахъ темно!—А, этотъ чудный старецъ!
До сей поры и правдой, и душой
Всѣмъ жертвовалъ передъ кумиромъ власти,
И вдругъ возсталъ и умирать готовъ,
И въ первый разъ какъ будто вспомнилъ совѣсть,
Высокій родъ и доблести отцовъ.
Простить? Нельзя. Казнить его? Мнѣ больно!
Твоей души, жестокій Іоаннъ,
Мнѣ не далъ Богъ. Рука дрожитъ невольно,
Душа скорбитъ... О, какъ тяжелъ обманъ!
Но для чего жъ судьбѣ не покорился,
Къ чему на бой, безумецъ, онъ возсталъ?
Или, слѣпой, уставовъ Провидѣнья
И Божіей онъ воли не узналъ?

Да, я не сынъ царей! Но предо мною
Кто путь открылъ, исполненный чудесъ,
Меня подъялъ, какъ бурною волною,
И на престолъ изъ праха вдругъ вознесъ?
Кто велъ меня подъ тьмою неприступной,
Туманами покрылъ народовъ взоръ,
И Годунова родъ преступной
Моей рукой съ лица земного стеръ?...
(Задумчиво). Но если путь уже свершенъ, и если
Доселѣ меня ведущая рука
Сама теперь завѣсу раздираетъ?
Бороться съ ней? Не лучше ль уступить,
Стать предъ лицемъ народовъ удивленныхъ
И Божій судъ безстрашно возвѣстить?...
Но кто жъ читалъ въ грядущемъ? Кто извѣдалъ
Моей судьбы таинственный завѣтъ?
Паду ль въ борьбѣ? Иль небо испытуетъ
Всю глубину моихъ державныхъ силъ?...
Борьба съ судьбой, невинныхъ казнь! Мнѣ гнусенъ
Ихъ кровію опрысканный престолъ!...
Но царство, власть!... Но стыдъ, когда личину
Съ меня сорвутъ насильственной рукой!...
Но снова быть во прахѣ! Но Россія
Прекрасная, великая, отдастъ
Свои бразды десницѣ недостойной.
Подумать тяжело! И обо мнѣ...
(О люди глупы! Блескъ, и власть, и сила,
Вотъ ихъ чему судьба поработила:
Они души не знаютъ, не цѣнятъ).
Да, обо мнѣ, быть-можетъ, скажутъ: „Мальчикъ,
Бродяга смѣлый, счастливый, пустой,
Вѣнецъ схватилъ и послѣ испугался!“
Да, скажутъ: „испугался“. Никогда!
Отдамъ престолъ, но развѣ съ жизнью. Что же!
Кому обманъ мой вреденъ? Чей вѣнецъ?
Въ борьбѣ со мной падетъ князь Шуйскій. Жалко!
Но кровь всегда лилася... Искони,
Отъ перваго творенія земного,
Отъ Авеля до нашихъ грѣшныхъ дней. *(Подписываетъ).*
Рука опять тверда. Сюда, Бучинскій!
(Входитъ Бучинскій). Басмановъ гдѣ?

Бучинскій.

Онъ здѣсь.

Димитрій.

Зови его!
(*Входитъ Басмановъ*). Вотъ приговоръ. Вели его исполнить.

Басмановъ.

На смерть?

Димитрій.

Я жду, что много будетъ слезъ,
И частыя, докучныя прошенья,
Чтобъ Шуйскаго простилъ я.

Басмановъ.

Не внимай!
Мнѣ жалокъ князь. Онъ милостивъ, и ласковъ,
И добръ ко всѣмъ; но смерть его нужна,
И для тебя одинъ важнѣе Шуйскій,
Чѣмъ цѣлый городъ нищихъ и мѣщанъ.

Димитрій.

Я буду твердъ. Тургеневъ, Ѳедоръ Коневъ
Уже давно, какъ онъ, уличены.
И ихъ казнить сегодня же!

Басмановъ.

Исполню. (*Уходитъ*).

Бучинскій.

Ты знаешь, Царь, какъ я тебѣ служилъ,
Какъ вѣренъ былъ въ успѣхахъ и несчастьи.
Позволь просить о милости одной.

Димитрій.

Твои заслуги помню, панъ Бучинскій.

Бучинскій.

Перемѣни свой строгій приговоръ.

Димитрій.

Нельзя.

Бучинскій.

Ему судьба его извѣстна.
И смерти страхъ великъ. Прости его,

И никогда ужъ болѣ не возстанетъ,
И никогда ужъ дерзкой клеветой
На новый гнѣвъ тебя онъ не подвигнетъ.

Димитрій.

Лишь мертвыя уста не говорятъ:
Имъ вѣрю я; живыя не надежны...
Не ждетъ ли кто, Бучинскій, посмотри!

Бучинскій.

Здѣсь многіе: бояринъ князь Мстиславскій,
Вельможный панъ князь Вишневецкій.

Димитрій.

Всѣхъ
Введи сюда. *(Входятъ многіе).*
Князь Вишневецкій! Скучно
Мы эти дни въ заботахъ провели:
Волненія, и козни темной злобы,
И строгій судъ смутили нашъ покой.

Вишневецкій.

Свѣтлѣйшій Царь! Тяжелъ твой долгъ державный,
Но рушились всѣ замыслы враговъ.

Димитрій.

За правду Богъ. Мстиславскій! Я доволенъ
Преданностью твоей и всѣхъ бояръ.

Князь Мстиславскій.

О Государь! Съ законами согласно
Произнесли мы строгій приговоръ.

Димитрій.

И онъ исполненъ будетъ.

Князь Мстиславскій.

Но внемли
Моленію твоихъ рабовъ усердныхъ.
Не накажи немилостью своей
За дерзку рѣчь моей главы покорной.

Димитрій.

Какъ наказать? За что?

Князь Мстиславскій.

Мы дали судъ
По совѣсти и правдѣ безпристрастно,
И велика преступника вина.
Но обрати на милость духъ высокій.
О Государь! Заслуги многихъ лѣтъ
Не позабудь, казня вину едину;
Не позабудь, какъ вѣрно Шуйскій князь
Всегда служилъ и въ битвахъ и въ совѣтѣ
Родителю и брату твоему,
Незлобному Царю.

Шутъ.

И Годуновымъ.

Димитрій.

И вправду, князь, ты ихъ забылъ.

Князь Мстиславскій.

Мы всѣ
Служили имъ. Избрала ихъ Россія,
Не вѣдая, что живъ законный Царь.
О Государь! Ты милостивъ и кротокъ,
И какъ отецъ, ты благъ къ своимъ рабамъ:
Виновнаго избавь отъ смертной казни
И ссылкою единой накажи.

Шутъ

Подалѣе, гдѣ холодъ и морозы!
Его языкъ ко рту прилипнетъ.

Димитрій.

Князь!
Противно мнѣ нескромное прошенье.

Князь Мстиславскій.

Прости, о Царь, усердью моему:
Я старъ и слабъ.

Шутъ.

Не накажи за это,
Отецъ родной! Онъ самъ тому не радъ.

Князь Мстиславскій.

О Государь, помилуй! Князь Василій
Усерденъ къ Богу, церковью любимъ.

Шутъ.

И вправду, Царь: по немъ ужъ всѣ монахи
Одѣлись въ черное.

Князь Мстиславскій.

Онъ утѣшалъ
Сиротъ, вдовицъ.

Шутъ.

Я про сиротъ не знаю,
А про вдовицъ я точно знаю самъ.

Князь Мстиславскій.

Его прельстили злые люди.

Димитрій.

Полно!
Я вижу то, что ты и старъ, и слабъ.

Шутъ.

Ужъ отъ него невѣсты отказались.

Димитрій.

Сегодня веселъ ты, потѣшный князь!
Не будешь ли просить меня о Шуйскомъ?

Шутъ.

Да что мнѣ въ немъ? Онъ вѣчно морщилъ лобъ
И никогда не улыбался шуту.
А смѣхъ теперь на площадь посмотрѣть:
Тамъ толкотня и визгъ, и пискъ, и слезы.
Всѣ женщины, мальчишки всѣ орутъ:
„Кормилецъ нашъ, и батюшка, и свѣтъ“,
Какъ будто вся Москва ему съ родни.

А отъ чего? Ты знаешь ли? Бывало
Онъ на крыльцѣ стоитъ передъ дворцомъ:
Поклонъ Царю, поклонъ народу въ поясъ,
Потомъ Царю, потомъ народу вновь,
И цѣлый день какъ прутикъ въ вѣтрѣ гнется.

Димитрій.

И наконецъ переломился онъ.

Князь Вишневецкій.

Свѣтлѣйшій Царь, позволь мнѣ слово молвить!
Мнѣ чуждо все на здѣшней сторонѣ;
Нѣтъ ни родства, ни кровнаго союза
Межъ нашей вольной Польшей и Москвой,
Межъ Шуйскими и княземъ Вишневецкимъ.
Но Шуйскихъ родъ такъ благороденъ, древенъ!

Шутъ.

Все не древнѣй Адама.

Князь Вишневецкій.

Замолчи,
Безстыдный шутъ!—Потомокъ Корибута,
О Государь, дерзаетъ не краснѣя
Тебя просить за Рюрикова внука.

Димитрій.

Нѣтъ, не прощу.

Князь Вишневецкій.

Едина кровь течетъ
И въ князѣ Шуйскомъ, и въ Царѣ Россійскомъ.
Такую кровь пролить не то, что казнь
Произнести надъ нищимъ непослушнымъ.

Димитрій.

Безкровенъ Богъ, безроденъ Царь. Предъ нимъ
Всѣ равные: и нищій, и вельможа.

Одинъ изъ Поляковъ.

Нѣтъ, въ нашей Польшѣ такъ не говорятъ:
Тамъ дворянинъ и панъ великородный
Не то, что...

Бучинскій (*унимая его*).

Полно, полно, господа!

Полякъ.

Языкъ мой воленъ, панъ.

Князь Вишневецкій.

Любовь народа
Сильнѣй, чѣмъ страхъ, и милость, чѣмъ гроза.

Димитрій.

Вопросъ сей разрѣшитъ намъ патеръ Квицкій.
Что думаешь ты, патеръ?

Патеръ Квицкій.

Государь!
То знаютъ всѣ: твое незлобно сердце;
Доступенъ ты прошеньямъ и слезамъ,
И кровь и казнь душѣ противны кроткой.

Димитрій.

Да, это правда, мой незлобенъ духъ.

Патеръ Квицкій.

Чудесными лучами окружила
Десница Вышняго главу земныхъ царей,
И ярче звѣздъ ночныхъ блестятъ на ней
Духъ мудрости и строгій судъ, и сила;
Но выше всѣхъ лучей вѣнца
И краше всѣхъ сіяетъ благость:
Она святитъ его златую тягость,
Она царямъ есть лучшій даръ Творца.
Она свѣтла, какъ чистый Ангелъ рая,
Свѣжа, какъ вешняя роса,
Какъ ѳиміамъ святой благоухая,
На землю грѣшную низводитъ небеса.

Бояринъ.

Какъ сладко говоритъ!

Другой.

Ну, честь и слава!

Патеръ Квицкій.

И мнѣ ль, слугѣ Страдавшаго за насъ,
Смиренному отшельнику отъ міра,
Тебѣ сказать: „суди, казни людей!“
Но ты Монархъ, тебѣ судьбу народовъ
Вручилъ Господь: тебѣ Онъ повелѣлъ
Смирять вражду, обуздывать крамолу,
Да въ тишинѣ цвѣтетъ твоя земля.
Ты мудрый Царь и знаешь, что отъ казни
Безвременно избавленный злодѣй
Невинныхъ часто губитъ и, чѣмъ выше
Дотолѣ былъ, тѣмъ царству онъ страшнѣй.—
Но мнѣ ли знать, когда потребна строгость?
Я не судья.

Бояринъ.

Каковъ нашъ краснобай!

Шутъ.

Вотъ что̀ зовутъ Латинскою обѣдней?
Ого?

Димитрій.

Что̀, князь! Ты слышалъ сей отвѣтъ?

Князь Вишневецкій.

Не ксендзами воспитанъ Вишневецкій;
Ему до нихъ нѣтъ дѣла. Добрый мечъ
Знакомѣй мнѣ, чѣмъ хитрости ученыхъ,
И напрямикъ я стану говорить:
Волнуется Москва.

Димитрій.

Уйму безумцевъ!

Князь Вишневецкій.

Не любятъ насъ, сподвижниковъ твоихъ:
Народъ давно поглядываетъ косо.
За что̀? Не вѣдаю.

Шутъ.

А вотъ за что̀:
Мужья для васъ обмануты, а жены
За васъ прибиты.

Полякъ.

Слушай, дерзкій шутъ!
Перебивай Москалей сколько хочешь,
А въ Польску рѣчь мѣшаться не дерзай.
Что̀ мы, Москали, что̀ ль?

Валуевъ.

Ты Ляхъ безмозглый!

Димитрій.

Молчать, Валуевъ! Съ глазъ моихъ долой!
(*Къ Полякамъ*). А васъ прошу, товарищи, потише!
Что̀ говорилъ ты, князь Адамъ?

Князь Вишневецкій.

Я говорю, что скрытые кинжалы
Давно на насъ острятся въ тишинѣ.
Народъ узнàетъ, что его любимцу
Мы выпросили жизнь, и можетъ быть
Вражда замолкнетъ, и родится дружба
Межъ нашею дружиной и Москвой.

Димитрій.

Я не могу твоей исполнить просьбы
И вижу то, что этотъ хитрый князь
Твой мудрый умъ пронырствомъ отуманилъ.
Но онъ падетъ!—Москва шумитъ? Пускай!
Уйму ее! Все Шуйскаго клевреты
Раздоры сѣютъ. Раздавлю гнѣздо,
И стихнетъ все. Внимать безумной черни,
Ее ласкать Димитрій не рожденъ.
Пусть плачутъ о преступникѣ! Клянуся,
Его ничто отъ смерти не спасетъ.

Стольникъ (*входя*).

О Государь, отшельница-царица
Сюда идетъ.

Димитрій.

Царица, мать моя?
То рѣдкая и дорогая гостья.
Я къ ней иду на встрѣчу. Господа!
Останьтесь здѣсь (*уходитъ*).

Бояринъ (*Шуту*).

Чтò, братъ! Языкъ къ гортани
Прильпе?

Шутъ.

Ну, что жъ? Боюсь усовъ,
И вся Москва боится ихъ.

Бояринъ.

И вправду,
Отъ нихъ теперь ужъ вовсе нѣтъ житья.

Другой.

Перебивай Москалей, а предъ ними
Молчи какъ мертвый? Ждите, часъ придетъ:
Зажмемъ вамъ рты, незванные пришельцы.

Другой.

А Царь?

Другой.

Ну, чтò объ немъ и говорить!

Другой.

Подумаешь, да вспомнишь Годунова!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

(*Входятъ*) **Димитрій, Царица Мароа.**

Димитрій.

О мать моя, благополученъ день,
Когда стопы твои благословляютъ
Сей домъ заботъ и царственныхъ трудовъ.

Царица Мароа.

Свидѣтелей здѣсь много. Я съ тобою
Бесѣдовать хочу наединѣ.

Димитрій.

Подите вонъ, бояре! Вишневецкій,
Товарищи, прошу, оставьте насъ! (*Уходятъ всѣ*).

Мы здѣсь одни. Я жду твоихъ велѣній.

Царица Мароа.

Свой монастырь и кельи тихій кровъ
Отшельница оставила не даромъ.
Я съ просьбою великой.

Димитрій.

Говори!

Царица Мароа.

О, далеки отъ страждущаго сердца
Весь дольній міръ и громъ его суетъ.
Земная жизнь ужъ кончилась для Мароы:
Печальная вдовица погребла
Всѣ радости, надежды и отрады
Въ могилѣ той, гдѣ спитъ кровавый трупъ,
Младенца трупъ, Димитрій мой!

Димитрій.

Царица!
Онъ живъ во мнѣ.

Царица Мароа.

Оставь, мнѣ тяжело...
Тамъ, за стѣной, въ затворѣ молчаливомъ,
Гдѣ свѣта шумъ безвѣстенъ и забытъ,
Промчалась вѣсть ужасная, что Шуйскій
Насъ обличалъ въ обманѣ, что его
Приговорилъ ты къ смерти. Правда ль?

Димитрій.

Правда.

Царица Мароа.

Прости его. Когда безчеловѣчный
Борисъ убилъ младенца моего,
(О, Боже мой, на душу Годунова
Излей весь гнѣвъ, все мщеніе Свое),—
Князь Шуйскій...

Димитрій.

Сокрылъ убійцу отъ законовъ.

Царица Марѳа.

Преступника не могъ онъ наказать.
Довѣріемъ и даже властью царской
Владѣлъ Борисъ. Отъ горести моей
Бѣжали всѣ со страхомъ и презрѣньемъ;
Но Шуйскій князь въ растерзанную грудь
Пролилъ елей духовныхъ утѣшеній;
Со мной одинъ горячею слезой,
Отрадною для горестнаго сердца,
Онъ обливалъ младенца ранній гробъ.
Прости его! О, будь великодушенъ!
Ты царствуешь, ты силенъ, ты счастли́въ.

Димитрій.

Кто? Я счастли́въ? Да, я одѣтъ въ порфиру,
Передо мной толпится пышный дворъ.
Ха, ха, счастли́въ! А тамъ кругомъ волненье,
И заговоръ, и ропотъ, и ножи,
Остримые уликою безумной.
И вкругъ себя я долженъ собирать
Надменную дружину иноземцевъ,
Ея мечемъ и цѣпью устрашать
Родную Русь!... Моя завидна участь!
Здѣсь, во дворцѣ, передъ лицемъ Царя,
Пришелецъ-Ляхъ осмѣлился... О Боже!
И онъ живетъ еще! Передо мной
Нахальный Ляхъ Москалями ругался!
Я чувствовалъ, что весь затрепеталъ,
Душа огнемъ и ядомъ наливалась!
Я могъ его убить, я могъ во прахъ
Его стоптать, спалить безумца громомъ,
И я стерпѣлъ, и долженъ былъ молчать!...
А кто виной?—Князь Шуйскій.—Кто народу
Съ его Царемъ борьбу готовить смѣлъ?
Кто?—Шуйскій твой.—Но... онъ умретъ.

Царица Марѳа.

Какъ страшенъ!

Димитрій.

Пусть всѣмъ другимъ я страшенъ; не тебѣ,
Царица-мать! Какъ сынъ, всегда покорный,
Я воскрешу умершаго.

Царица Мареа.

О, нѣтъ!
Не отдаетъ усопшаго могила:
Ты вѣчно чуждъ для сердца моего.
Не вокресишь его. Нѣтъ! Онъ былъ кротокъ,
Какъ день весны, какъ Ангелы небесъ.
Въ его груди младенческой и нѣжной
Былъ огнь любви прекрасной, безмятежной,
Былъ тихій рай... и этотъ рай исчезъ.
И, грѣшница, кого въ его порфиру
Я облекла? О Боже мой!

Димитрій.

Кого?
Да, я не царскій сынъ! Но благодатью силы
Помазанъ я и духомъ славныхъ дѣлъ;
Но Іоаннъ изъ глубины могилы
Мнѣ завѣщалъ державный свой удѣлъ.
Онъ мой теперь! Покойники во гробѣ
И крѣпко спятъ. Онъ мой! Я не отдамъ
Плода трудовъ, отчаянныхъ сраженій,
И долгихъ думъ, и тяжкихъ ухищреній:
Не уступлю презрительнымъ врагамъ.

Царица Мареа.

О царствуй долго, счастливо!

Димитрій.

Послушай!
Открыть обманъ иль Шуйскаго простить—
Почти одно.

Царица Мареа.

Ахъ! Для меня преступной
То лучше бъ было. Вѣрь: и для тебя!
Обманъ тяжелъ, ужасенъ грѣхъ, и долго
Не процвѣтетъ неправда на землѣ.
Когда бъ вѣнецъ ты скинулъ добровольно...

Димитрій.

О, перестань! Ты не поймешь меня:
Ты женщина. Корона Мономаха
Тебѣ лишь злато и алмазъ; престолъ—

Комъ золота и камней; а порфира...
Чтò говорить? Ты не поймешь меня.
Вѣдь подвиги, и слава, и безсмертье
Все для тебя невнятныя слова.
Но слушай: тамъ, за нынѣшней Россіей
На Югъ, далеко, есть волшебный край;
Тамъ благодать степей широкихъ
И рай земной въ ущеліяхъ долинъ,
И льются воды рѣкъ глубокихъ,
И свѣтелъ видъ морскихъ пучинъ.
Тамъ вьются лозы винограда
По скату горъ, въ тѣни густыхъ садовъ;
Тамъ людямъ жизнь и свѣтъ отрада,
Тамъ неба сводъ безъ облаковъ.
И этотъ край, онъ былъ Россіей прежде.
Ты поняла ль?

Царица Мароа.

Быть можетъ, поняла.

Димитрій.

Гляди къ Литвѣ, гдѣ странъ Московскихъ грань.
Тамъ новый міръ, тамъ люди горды, смѣлы;
Въ сердцахъ горитъ божественный огонь;
Тамъ руки ихъ природу покоряютъ,
И небеса измѣрилъ хитрый взглядъ,
И города, и села процвѣтаютъ,
И корабли чрезъ море пролетаютъ,
И дышитъ мѣдь, и краски горятъ...
Я оживлю свой Сѣверъ: грады, села
Я вызову изъ мертвой сей земли;
И свѣтъ наукъ, и блескъ художествъ дивный
Я разолью,—и памятенъ вѣкамъ
Останется Димитрій.

Царица Мароа.

Онъ безуменъ!

Димитрій.

И это все отбросить? Никогда!
Нѣтъ;—онъ умретъ, опасный властолюбецъ;
Умретъ твой Шуйскій!

Царица Мареа.

О, внемли, внемли!
Невиненъ онъ: мы грѣшны передъ Богомъ!

Димитрій.

Господь проститъ.

Царица Мареа.

Нѣтъ, не проститъ меня.
Безумная! Въ порывѣ мести жадной,
Паденію Борисовыхъ дѣтей
Я радоваться смѣла: предъ народомъ,
Передъ Творцомъ отъ сына отреклась.
Съ тѣхъ самыхъ поръ какъ тяжко я страдаю,
Ты вѣдаешь единый, Царь сердецъ!
Бывало я съ слезами говорила
О мертвецѣ,—теперь молчать должна:
Мнѣ кликъ торжествъ гремитъ насмѣшкой злою.
Мнѣ говорятъ: „Ты счастливая мать"—
И я смѣюсь, а сердце кровью плачетъ.
О, вѣрь мнѣ, вѣрь, ужасна жизнь моя!
Отъ таинства святого покаянья
Преступница навѣкъ удалена.
Хочу молиться—страшно! Между мною
И алтаремъ, какъ тѣнь, обманъ стоитъ;
Упрекъ звучитъ въ словахъ церковныхъ пѣсенъ,
И колоколъ анаѳему гласитъ.
И душно мнѣ, и Божій храмъ мнѣ тѣсенъ,
И я бѣгу. О ужасъ! Отъ кого?
Отъ Бога!... Ахъ, бывало я вступала
Съ веселіемъ въ Его пресвѣтлый храмъ:
Тамъ для меня отрадой все дышало,
Такъ сладостно курился ѳиміамъ,
Передъ иконой Чистой Дѣвы
Такъ ярко теплился елей,
И стройно въ хоръ сливалися напѣвы,
И неба гласъ звучалъ въ груди моей!
И я тогда молилась сладко, сладко,
Молилася о сынѣ... и потомъ
Являлись мнѣ чудесныя видѣнья;
Являлся онъ, какъ Ангелъ, предо мной,
И лились токи исцѣленья
Для ранъ души моей больной.

Бывало... Но теперь! Подумать страшно!
И ночи мракъ, и образъ Пресвятой,
И звукъ молитвъ укоромъ безпрерывнымъ
Мой грѣшный духъ волнуютъ. Сны мои
Какихъ-то лицъ, какихъ-то гласовъ полны,
И слышу я: „Отъ сына отреклась,
И отъ тебя онъ въ небѣ отречется".

Димитрій.

Мечты, однѣ мечты!

Царица Мароа (*на колѣнахъ*).

Прости, прости
Ты Шуйскаго, иль въ ссылку, въ городъ дальній
Его сошли, но крови не пролей!
Ужасна кровь невиннаго: я знаю—
Горящею рѣкой она течетъ
И духъ убійцъ уноситъ въ адъ! За гробомъ
Я сына не увижу; никогда
И въ небесахъ не встрѣчуся съ младенцемъ.
Прости, прости! (*Встаетъ*). Но ты неумолимъ.
Я плакала, и ты меня отвергнулъ;
Я унижалась, ты мнѣ не внималъ.
Теперь иду на площадь, и увидимъ:
Узнаетъ ли обманутый народъ
Стонъ матери и тяжкой скорби голосъ.
Прощай!

Димитрій.

Постой! Не начинай борьбы;
Она была бъ ужасна. Я исполню
Твои желанья. Близокъ казни часъ,
Но я пошлю преступнику пощаду.
Согласна ль ты произнести обѣтъ,
Что никогда ты тайнѣ не измѣнишь,
Что никогда страдающей души
Передъ другимъ не выскажешь?

Царица Мароа.

Согласна.

Димитрій.

Что я твой сынъ отсель... Согласна ль ты?
Клянешься?

Царица Мареа.

Да.

Димитрій.

Пойдемъ передъ Икону!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

(Площадь. Вдали Лобное мѣсто).

Первый.

Поближе къ намъ, любезный сватъ: ты старъ,
И въ тѣснотѣ задавятъ. Здѣсь просторно;
Увидишь все: и выходъ изъ Кремля,
И мѣсто казни.

Второй.

Охъ, къ чему глядѣть?
Отъ ужаса все сердце замираетъ (*взбирается къ первому*).

Женщина.

Что, батюшки, вамъ видно? Изъ Кремля
Не идутъ ли?

Первый.

Нѣтъ, не видать. Постой-ка,
Вдали шумятъ, колышется народъ.
Вонъ пестрыя Варшавскія сороки,
Вонъ тянутся Нѣмецкіе волы!

Женщина.

Ахъ, окаянные мучители! Смотри-ка:
Слетаются, какъ воронья на кровь!

Второй.

Охъ, дѣтушки! Привелъ же Богъ подъ старость
Ужасныя вновь видѣть времена,
Какъ при Царѣ-мучителѣ Иванѣ.

Первый.

Да видишь ли: тотъ былъ благочестивъ,
И въ вѣрѣ твердъ, и ревностенъ къ святынѣ;
А этотъ что? Латынщикъ, бусурманъ!

Другой.

Да, царь Иванъ совсѣмъ иное дѣло:
Мы знали всѣ, что онъ законный царь,
Святая вѣтвь отъ корня Мономаха.
А это кто? Откуда онъ взялся?
Вишь, выдумалъ, что прежде былъ зарѣзанъ.
Да вдругъ воскресъ!

Другой.

И вправду, чудеса!

Второй.

Охъ, грѣшники! Святому патріарху
Не вѣрили. Теперь Господь казнитъ.

Прокофій Ляпуновъ.

Смотри, Ефимъ, какъ князь Василій Шуйскій
Заговоритъ: ты тотчасъ подойди
Къ Басманову. Урока не забудешь?

Ефимъ.

Не позабуду, баринъ.

Прокофій Ляпуновъ.

Ну смотри жъ,
Не прозѣвай!

Захарій Ляпуновъ.

Послушай, братъ Прокофій!
Басманова ты хочешь удалить?

Прокофій Ляпуновъ.

Хочу, чтобъ князь успѣлъ поговорить
Со всей толпой Московскихъ ротозѣевъ.

Захарій Ляпуновъ.

Да, а для чего жъ?

Прокофій Ляпуновъ.

Иль ты не знаешь, братъ,
Какъ рѣчь сильна, какъ многомощно слово,
Какъ движутся народныя сердца,

Когда звучитъ послѣдній гласъ страдальца?
Взгляни, Захаръ, на этихъ дураковъ:
Какъ широко раскрыли рты, какъ уши
Развѣсили. Теперь имъ каждый звукъ
Вопьется въ грудь, какъ искра въ пукъ соломы.
Къ тому же, знай: по милости моей,
За Шуйскаго вдовица Іоанна
Пошла молить Царя, и каждый мигъ
Дороже намъ, чѣмъ годъ въ иное время.

Захарій Ляпуновъ.

Ну, признаюсь, затѣялъ ты хитро!

Прокофій Ляпуновъ.

Пойдемъ въ толпу, чтобъ насъ не замѣчали.
(*Проходитъ Нѣмецкая дружина, и Поляки бьютъ народъ*).
Съ дороги! Прочь!

Голосъ.

По что? Что̀, развѣ мы скоты?

Другой.

Чтобъ Сатана взялъ всѣхъ гостей незваныхъ!

Полякъ.

Кто тамъ шумитъ?

Второй.

Отецъ родной, не мы,
А задніе шумѣли.

Полякъ.

Вотъ я васъ! (*проходитъ*).

Голосъ.

Ты, Ванька, какъ сюда попалъ?

Ванька.

Да вотъ какъ! Пошелъ было для барскихъ покупокъ, анъ лавки всѣ заперты. Вижу—народъ валитъ на Лобное мѣсто̀, и подумалъ: куда всѣ, туда и я.—Разскажи-ка, Сидоръ, что̀ тутъ будетъ? Или кого-нибудь казнятъ?

Сидоръ.

Вѣстимо казнятъ. Князя Василья Ивановича Шуйскаго.

Ванька.

Ахъ, батюшки! Добраго-то князя, ласковаго Василья Ивановича? За что, слышно?

Сидоръ.

Да толкуютъ такъ, что будто онъ Царя уличалъ въ томъ, что онъ обманщикъ, не царскій сынъ, а бѣглый дьяконъ Тришка Отрепьевъ.

Ванька.

Вотъ диво-то! А какъ бы князю Шуйскому правды не знать?

Старикъ.

Эй, ребята, дѣла-то вы не знаете. Вотъ какъ оно было: Гришка окаянный-презлой колдунъ и надѣваетъ какую хочетъ личину. Отъ того-то онъ и сталъ похожъ на покойнаго царевича. А князь-то Василій настоящій праведникъ: какъ сотворилъ молитву, да осѣнилъ его крестомъ, всѣ вдругъ и узнали страшную харю Самозванца.

Женщина.

Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!

Сидоръ.

Да полно, такъ ли, дѣдушка?

Старикъ.

Я знаю отъ вѣрныхъ людей.

Женщина.

Что̀, батюшки, вамъ видно?

Первый.

Вотъ стрѣльцы,
И впереди верхомъ бояринъ ближній
Петръ Өедорычъ Басмановъ.

Второй.

Богъ убьетъ
Тебя, злодѣй, предатель окаянный,
Начало злу, обманамъ всѣмъ глава!

Другой.

Кто вѣдаетъ? Вѣдь можетъ быть и вправду
Царевича отъ смерти спасъ Господь.

Первый.

Что жъ, Шуйской князь солгалъ?

Второй.

О горе, горе!
Вотъ праведникъ; его на смерть ведутъ.

Первый.

Молчи, не то Басмановъ насъ услышитъ,
(*Проходятъ Басмановъ, Шуйскій и стрѣльцы*).

Басмановъ.

Указъ Царя. Внимай, народъ Московскій.

Многіе.

Послушаемъ, чтó скажетъ онъ.

Басмановъ.

Молчать!
(*Читаетъ*). Да знаютъ всѣ, что князь Василій Шуйскій,
Бояринъ нашъ, дерзнулъ мнѣ измѣнить,
Мнѣ, своему законному владыкѣ,
И отъ отца, и отъ колѣна предковъ,
Наслѣдному царю Россійскихъ странъ.
Судомъ бояръ и выборныхъ людей
Приговоренъ онъ къ смерти за измѣну
И гнусную крамолу. Днесь умретъ
Преступникъ сей въ урокъ другимъ злодѣямъ.

Одинъ.

Вотъ видишь ли? Не Царь его казнитъ:
Бояре всѣ съ соборомъ присудили.

Второй.

Гляди на нихъ! Хорошъ боярскій судъ:
Отца казнишь, какъ самъ боишься петли!

Князь Шуйскій.

Петръ Ѳедорычъ! Позволь мнѣ въ смертный часъ
Покаяться народу.

Басмановъ.

Князь Василій!
Не должно бы; но я всегда любилъ
И уважалъ тебя: послѣдней просьбы
Мнѣ стыдно не исполнить. Говори!

Князь Шуйскій.

Внемлите мнѣ, Московскіе граждане!
Въ послѣдній разъ я съ вами говорю.

Ефимъ (*подходя къ Басманову*).

Петръ Ѳедорычъ! Нашъ голова стрѣлецкій
Прислалъ меня отъ Яузскихъ воротъ.
На Ляховъ тамъ граждане нападаютъ.
Ужъ началася драка, льется кровь:
Жильцы, народъ и многіе дворяне
Въ оружьи поднялися.

Басмановъ.

Хорошо.
Коня, скорѣй коня! (*уходитъ*).

Князь Шуйскій.

Я грѣшникъ передъ Богомъ
И передъ вами, граждане Москвы.
Я зналъ обманъ—не уличалъ обмана,
Я правду зналъ—и правду утаилъ.
Но Царь небесъ и милостивъ, и кротокъ.
Молитеся, молитесь за меня!
Да, эта смерть на плахѣ беззаконной
Искупитъ грѣхъ молчанья моего!
Сограждане и братья, помолитесь—
И Богъ проститъ. О, тяжко я страдалъ!
Безсильные и старческіе члены
Измучены теперь отъ пытки злой.

Голоса.

О Господи!
Онъ мученикъ.
И въ гробѣ
Прощенія мучитель не найдетъ.

Князь Шуйскій.

Не плачьте, нѣтъ, о Шуйскомъ не рыдайте,
Но о себѣ, о Русской сторонѣ!
Вы видите, мои ліются слезы,
Но лишь о васъ душа моя скорбитъ.
О горе вамъ: уже нависли грозы,
Ужъ Божій гнѣвъ надъ Русію гремитъ.
Прекрасный градъ, моя Москва родная!
Осквернена ты властью Лже-царя.
О свѣтлый Кремль! Твои горятъ соборы,
Какъ свѣчи яркія надъ раками святыхъ,
И радостно почіютъ Русскихъ взоры
На золотѣ крестовъ, на башняхъ вѣковыхъ.
Но горе, горе! Ужъ близка година:
Ужъ ереси безбожной торжество
Ругается надъ чистою святыней,
И бѣглый инокъ Церковь продаетъ
Ея врагамъ. О, плачьте и рыдайте!

Голоса.

— О Господи! Пришли послѣдни дни!
— Я говорилъ: не вѣрьте Самозванцу.
— Ты слышишь ли? Онъ церкви продаетъ?

Князь Шуйскій.

За истину и за родную землю,
И за Москву святую, и за васъ
Съ веселіемъ я смертну казнь пріемлю.
Благословите жъ мой послѣдній часъ;
Простите мнѣ соблазны и обиды,
Невольные и вольные грѣхи.

Басмановъ (*входитъ*).

Гдѣ тотъ стрѣлецъ? Куда обманщикъ скрылся?

Голосъ въ толпѣ.

Ищи, найдешь.

Басмановъ.

Преступникъ не казненъ?
Скорѣй, скорѣй!

Второй.

Безбожный кровопійца!

Голосъ.

Я думаю, когда бъ онъ тамъ стоялъ
Гдѣ Шуйскій князь, такъ было бъ не до спѣха.

Прокофій Ляпуновъ.

Захарій братъ, я слышу дальній шумъ,
Тамъ отъ Кремля.

Захарій Ляпуновъ.

Не слышу.

Князь Шуйскій.

О, простите!
Но Шуйскаго не позабудьте.
(Дальній крикъ). Стой!

Прокофій Ляпуновъ.

Остановись!

Первый.

Чиновникъ царскій скачетъ.

Прокофій Ляпуновъ.

Прощенъ, прощенъ!... Ну, сердце отлегло!
Я, признаюсь, терялъ ужъ всю надежду.

Чиновникъ *(Басманову).*

Великій Царь по милости своей
Преступника прощаетъ.

Крики въ толпѣ.

Многа лѣта!
Великому и доброму Царю!

Другіе.

Да здравствуетъ Димитрій, царь Московскій!

(Народъ начинаетъ расходиться. Шуйскаго уводятъ. Приводятъ двухъ преступниковъ).

Одинъ голосъ.

А это кто?

Другой.

Вотъ этотъ, дворянинъ
Тургеневъ, а другой съ нимъ Ѳедоръ Коневъ,
Купецъ.

Первый.

За что жъ они осуждены?

Другой.

За то жъ, за что и Шуйскій.

Тургеневъ.

Помяните
Въ молитвахъ насъ! За васъ пріемлемъ казнь,
За истину и родину святую.
Въ часы молитвъ не позабудьте насъ!

Голоса.

А ваше ль было дѣло?

Другіе.

Васъ-то и просили!
— Что, развѣ вы бояре?
— Не садились бы въ чужія сани, такъ была бы шея цѣла.
— Ништо вамъ, дуракамъ; подѣломъ достается.
Помни, купецъ, свой аршинъ, а дворянинъ свою дворянскую службу, а выше не лѣзь!

Тургеневъ.

О, часъ придетъ, падутъ небесны кары!
Вы вспомните, безумные, объ насъ;
Услышите вы совѣсти упреки,
Съ рыданіемъ воспрянете отъ сна!

Голосъ.

Вонъ слышишь ли? Теперь пошли въ пророки!
(*Всеобщій хохотъ*).

Старикъ въ толпѣ.

Смерть праведныхъ предъ Господомъ красна!

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Во дворцѣ.

Князь Голицынъ.

Не знаешь ли, зачѣмъ созвали насъ?

Князь Мстиславскій.

Сегодня Царь впервыя принимаетъ
Посланниковъ отъ Польскаго двора.

Князь Голицынъ.

Ты снова позабылъ:
Уже давно непобѣдимый Цезарь
Россіею владѣетъ, а не Царь.

Князь Мстиславскій.

Охъ! Къ старости и память-то слабѣетъ.
Того гляди, что попадешь въ бѣду.
Ба, посмотри! Вотъ князь Василій Шуйскій.
Давно ль опять явился ко двору?

Князь Голицынъ.

Не вѣдаю.

Князь Мстиславскій.

Идти ль къ нему?

Князь Голицынъ.

Нѣтъ; лучше подождемъ.
Его вина быть можетъ не забыта;
Зачѣмъ же намъ привѣтомъ поспѣшать?

Князь Куракинъ.

Вотъ дивныя извѣстья изъ Казани!

Князь Мстиславскій.

Какія же?

Князь Куракинъ.

У Волжскихъ казаковъ
Явился сынъ Θеодора.

Князь Мстиславскій.

Помилуй!
Да у Царя когда жъ родился сынъ?

Князь Куракинъ.

Вотъ видишь ли: отъ злобы Годунова
Онъ былъ сокрытъ, и въ колыбель его
Подложную царевну помѣстили.

Князь Мстиславскій.

Ты надо мной смѣешься.

Князь Куракинъ.

Право нѣтъ.

Шутъ.

Ахъ, батюшки, какъ мертвые плодятся!
Да и живымъ не всѣмъ такой талантъ.

Князь Мстиславскій.

Безстыдная, неслыханная дерзость!

Князь Куракинъ.

Одинъ въ цари, въ царевичи другой!
Одинъ успѣлъ—удастся и другому.

Князь Мстиславскій.

Молчи; а то услышитъ Салтыковъ;
Да и Хрущовъ, Мосальскій не далеко.
Все это вздоръ, я вѣрить не могу.

Князь Куракинъ.

Валуевъ! Князь моимъ словамъ не вѣритъ.

Валуевъ.

Съ сей вѣстію изъ низовыхъ сторонъ
Сегодня я поутру возвратился.
Тамъ плѣннаго изъ шайки той при мнѣ
Допрашивалъ Казанскій воевода.

Князь Мстиславскій.

А какъ зовутъ царевича?

Валуевъ.

Петромъ.

Князь Мстиславскій.

И у него товарищей довольно?

Валуевъ.

Ихъ тысячъ пять иль болѣ.

Князь Мстиславскій.

Признаюсь,
Смѣшно глядѣть, какъ люди легковѣрны.

Князь Куракинъ.

Ты чудеса тамъ слышалъ; между тѣмъ
И мы въ Москвѣ потѣхи наглядѣлись!

Валуевъ.

Да что жъ у васъ?

Князь Куракинъ.

Недавно привезли
Изъ Кракова прелестную Марину.
Что праздниковъ, что было тутъ пировъ!
Какъ Поляки конями насъ топтали,
Какъ били всѣхъ и грабили народъ.
Не слыхано! Но вотъ послушай диво:
Нашъ умница, святѣйшій патріархъ
Вѣнчалъ ее короной Мономаха,
Какъ бы царя; и присягали ей,
И назвали царицей благовѣрной;
А между тѣмъ она не крещена.

(Валуевъ пожимаетъ плечами).

Святителей упрямыхъ, Ермогена,
Іосифа, сослали въ монастырь,
Да каются въ строптивости безумной:
И по дѣломъ! Вѣдь вздумали жъ они,
Что не крестивъ, нельзя вѣнчать царицу
И на престолъ раскольницу возвесть.

Валуевъ.

Да, по дѣломъ.

Князь Куракинъ.

Старикъ, отецъ Марины,
На насъ глядитъ, какъ будто на рабовъ,
И ласки намъ, и милость обѣщаетъ.
Валуевъ, братъ, сходи да поклонись:
Вотъ мой совѣтъ.

Валуевъ.

Какъ? Нешто я Мосальскій
Или Хрущовъ?

Князь Куракинъ.

Ну, попадешь въ бѣду,
Вотъ такъ какъ я уже попалъ въ немилость.

Валуевъ.

Ну, диво ль то, что шайка казаковъ
Ругается надъ нашимъ легковѣрьемъ!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Входятъ **Димитрій, Басмановъ** и **Шутъ**; впереди **Стольникъ**.

Стольникъ.

Бояре, по мѣстамъ!

Димитрій (*садясь на тронъ*).

Бояринъ Петръ!
Зови пословъ предъ наши царски очи. (*Басмановъ уходитъ*).
Въ глуши степей, на Волжскихъ берегахъ,
Средь казаковъ несвѣдущихъ и буйныхъ,
Подъ именемъ царевича Петра,
Возсталъ на насъ безстыдный самозванецъ.
Межъ правдою и ложью судитъ Богъ:
Онъ не даетъ обману возвышаться
И истину вѣнчаетъ торжествомъ.
Я, тишины во всей Руси блюститель,
Безумное волненье усмирю;
А вы, бояре, стольный градъ спокойте,
Да тщетною тревогою сердца

Моихъ людей въ Москвѣ не возмутятся.
На подданныхъ меча не извлеку;
Едва дохну—и призракъ разлетится.
(Къ князю Мстиславскому).
Мстиславскій князь, казненъ ли дерзкій Ляхъ,
Который здѣсь, на площади Кремлевской,
Въ моихъ глазахъ зарѣзалъ Москвича?

Князь Мстиславскій.

Нѣтъ, Государь. Его вели на плаху;
Но Поляковъ нахлынула толпа
И палача убила, и злодѣя
Избавила отъ казни.

Димитрій.

При тебѣ
Преступника избавили насильно!
Что̀ жъ ты глядѣлъ? Иди: ты слишкомъ старъ.
Но эти Ляхи! Ихъ несносна дерзость.
(Къ Шуйскому). Поди сюда, князь Шуйскій. На меня
Ты возставалъ, и слабою рукою
Хотѣлъ сорвать съ сей мощной головы
Златой вѣнецъ, отцовъ моихъ наслѣдье.
Не отвѣчай! Твой замыслъ вѣдалъ я
И осудилъ тебя на казнь; но, помня
Твои труды и службу прежнихъ лѣтъ,
Перемѣнилъ я смертну казнь на ссылку.

Князь Шуйскій.

О Государь, я милости твоей
Не заслужилъ.

Димитрій.

Да, Шуйскій, ты виновенъ,
Но слушай, князь: безсильной лишь душѣ
И полу-казнь, и полу-милость сродны.
Я не таковъ. Мой гнѣвъ, какъ Божій громъ,
Иль вмигъ сожжетъ, иль пролетитъ безвреденъ.
И ты прощенъ. Возвращены тебѣ
И вотчины, и санъ въ боярской думѣ,
И болѣе—довѣренность моя.
Я на тебя надѣюсь, князь Василій.

Князь Шуйскій.

О Царь! Позволь во прахъ передъ тобой
Склонить чело преступное.

Димитрій.

Не нужно:
Все прежнее теперь забыто мной.
(*Къ боярамъ*). Бояре всѣ! Прошу, любите князя.

Шутъ.

Царь-государь, сжалься надъ своими рабами.

Димитрій.

Чего ты просишь, мой потѣшный князь?

Шутъ.

У тебя въ Кремлѣ живетъ булочникъ, да такой добрый, такой милостивый, такой кормилецъ бѣднымъ ребятишкамъ! Бывало, когда проголодаешься, калачъ у него выпросишь или сказкой, или пѣсенкой, или именемъ Христовымъ: а теперь бѣда, взялъ онъ себѣ заморскаго подмастерья.

Димитрій.

Ну, что̀ жъ?

Шутъ.

А вотъ что́. Все что́ ни испечетъ булочникъ, тотчасъ Нѣмецъ или самъ съѣстъ, или своимъ братьямъ-Нѣмцамъ продастъ. А мы, твои православные, ни крохи не добьемся. Хоть пой, хоть въ голосъ вой! Царь-государь, вели прогнать Нѣмца.

Димитрій.

Знать онъ дѣлу своему горазпъ?

Шутъ.

Э, родимый, и Русскій въ грязь лицомъ не ударится.

Димитрій.

Что жъ ты хозяина не попросишь?

Шутъ.

До него не доберешься! Вѣдь заморское чудо толсто: если разъ куда залѣзетъ, всѣ входы вдругъ заложетъ. Мимо него и мышенокъ тощій не пролѣзетъ. А бѣда-то вотъ въ чемъ: виноватъ Нѣмецъ-подмастерье, а мальчишки ругаютъ хозяина.

Димитрій.

Понятно мнѣ нескромное прошенье.
Послушай, другъ: мальчишкамъ скажешь ты,
Чтобы они отнынѣ не роптали.
Съ хозяиномъ я самъ поговорю.
(*Идетъ назадъ къ трону*).

Бояринъ.

Какъ шутъ хитеръ!

Другой бояринъ.

Его Басмановъ учитъ,
Но вотъ послы!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Входятъ **Послы.**

Димитрій.

Госѣвскій, Олесницкій!
Въ моей землѣ, въ престольномъ градѣ семъ,
Привѣтствую я васъ двойнымъ привѣтомъ,
Какъ въ бѣдствіи испытанныхъ друзей,
И какъ пословъ страны одноплеменной.
Иди же къ нимъ, великій секретарь,
И грамоту возьми изъ панскихъ рукъ.
Прочти ее.

Власьевъ.

Но, Государь, ты видишь:
(*показывая бумагу*) Великій Князь.

Димитрій.

Отдай ее назадъ.

Власьевъ.

Великій Царь, непобѣдимый Цесарь
Вамъ грамоту велѣлъ отдать, послы;

Зане забытъ его высокій титулъ.
Идите съ ней обратно къ королю,
Да вѣдаетъ, что здѣсь не Князь владѣетъ,
Но Царь и Цесарь всѣхъ полнощныхъ странъ.

Олесницкій.

Я грамоту беру благоговѣйно.
Но знаете ль, чтó вы творите днесь?
Для короля несносная обида,
Для витязей, сподвижниковъ твоихъ,
Для Ляховъ всѣхъ и стыдъ. и оскорбленье,
Ругательство надъ мощною страной,
Гдѣ мы тебя еще недавно зрѣли
Изгнанникомъ, смиреннымъ бѣглецомъ;
Гдѣ ласкою пановъ ясновельможныхъ
Былъ воскрешенъ убитый скорбью духъ.
Опомнися, Великій Князь Московскій!
Не забывай, что сей блестящій тронъ,
На коемъ днесь сидишь съ такой гордыней,
Сей самый тронъ тебѣ недавно данъ
Небесной волей, силой Сигизмунда
И остріемъ шляхетскаго меча.

Бояре.

Царя бранитъ! Унять его безумца!
Прогнать его!

Димитрій.

Бояре, замолчать!
По всей землѣ священъ твой санъ высокій,
Но слушай, панъ: умѣрь нескромный жаръ
Твоихъ рѣчей смѣшонъ порывъ хвастливый.
Король могучъ, и острый мечъ Литвы
Въ иныхъ странахъ престолы воздвигаетъ;
Возьмите же, возьмите Шведскій тронъ,
Законное наслѣдье Сигизмунда!
Вы, грозные судьи другихъ державъ,
Чтó медлите свершить столь легкій подвигъ?
Не можете? Такъ знай же, гордый панъ,
Не королю порфирой Іоанна
Обязанъ я, но Божіей рукѣ,
Моимъ отцамъ и силѣ Русской воли.

Олесницкій.

Ты Польскую дружину позабылъ.

Димитрій.

Бѣжавшую съ Новогородской битвы?
Все помню я. О, только на словахъ
Такъ грозны вы! Не такова Россія,
Нѣтъ не таковъ полунощный орелъ:
Онъ крыльями полміра осѣняетъ,
И надъ гнѣздомъ его въ единый часъ
Нисходитъ ночь и утра лучъ сіяетъ.
И мнишь ли ты, что я, предъ кѣмъ князья,
Господари колѣна преклоняютъ,
Чью власть цари, салтаны признаютъ,
Я,—царскій сынъ и цесарей потомокъ,
Твоей Литвѣ смиренно уступлю
Моихъ отцовъ высокое названье?...
Тому не быть! Уже Европа вся
Мой цесарскій давно признала титулъ.
И я того же требую отъ васъ.

Олесницкій.

Намъ не законъ другихъ державъ примѣры.

Димитрій.

Я не грожу за то Литвѣ войной;
Но объяви ты брату Сигизмунду,
Что я, досель его вѣрнѣйшій другъ,
Теперь его врагомъ считаю тайнымъ.

Олесницкій.

Московскій Князь, просты мои слова:
Я не привыкъ къ рѣчамъ многоглагольнымъ
И говорю какъ смѣлый сынъ войны,
Какъ вольный мужъ и шляхтичъ благородный.
И днесь зову въ свидѣтеля я васъ.
Бояре всѣ! Не Княземъ ли Великимъ
Звала Литва владыку Русскихъ странъ?
И Цесаря гремящее названье
Когда нибудь носилъ ли твой отецъ?
Ты новаго, неслыханнаго хочешь,
И, властію внезапно упоенъ,
Ругаешься тебя пріявшей Польшѣ.

Забыто все: и милость короля,
И нашъ пріемъ, и служба храброй шляхты.
Ты воленъ, Князь: что́ хочешь, то творишь;
Но не забудь судящаго потомства!
Его рука въ скрижаляхъ начертитъ
Надъ именемъ твоимъ: „неблагодарный“.

Димитрій.

Нѣтъ, ты не правъ. Люблю я вашъ народъ
И не забылъ пріязни Сигизмунда;
Но вѣдай, панъ, что ни ему, ни вамъ,
Ни всѣмъ царямъ (изъ страха иль любови)
Не уступлю ни пяди на землѣ,
Ни пня въ лѣсу, ни кочки въ Русскомъ полѣ,
Ниже пол-слова въ титулѣ моемъ.

Олесницкій.

Нашъ конченъ споръ, Великій Князь Московскій!
Узнаешь ты, что гордаго ума
Не любитъ Богъ.

Димитрій.

Не сдобровать же Ляхамъ.

Олесницкій.

Да судитъ Онъ межъ нами и тобой.
Съ тебя, съ тебя да требуетъ отвѣта
За смерть людей, за кровь невинныхъ жертвъ,
Которыя падутъ въ борьбѣ упорной.
Межъ царствами рѣшаетъ споры мечъ.

Димитрій.

Не я его на Польшу извлекаю.
Но возвратись скорѣе къ королю,
Пусть онъ рѣшитъ. Союзъ—я радъ союзу;
Война—я радъ войнѣ.

Поляки.

Война, война!

Димитрій.

Да будетъ такъ. Иди же, Олесницкій.
Бояринъ Петръ, ты угости пословъ.

(Уходятъ царь и послы).

Князь Куракинъ.

Что скажешь ты, Валуевъ?

Валуевъ.

Что Димитрій
Достойный Царь, и грудью за него
Готовъ я стать.
— и я,
— и я,
— и всѣ мы!

(*Уходятъ бояре*)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Князь Шуйскій и Прокофій Ляпуновъ.

Стой, Ляпуновъ! Въ прошедшую недѣлю
Прибавилось сообщниковъ у насъ.
Голицыны, Куракинъ и Плещеевъ,
И Салтыковъ, Татищевъ и Нагой.
Достаточно.

Прокофій Ляпуновъ.

Да, было насъ довольно.

Князь Шуйскій.

Какъ было? А теперь?

Прокофій Ляпуновъ.

Всему конецъ!
Царь гонитъ прочь пришельцевъ намъ противныхъ.
Война съ Литвой! Да здравствуетъ же Царь!

Князь Шуйскій.

Одумайся! Обманщикъ, самозванецъ!

Прокофій Ляпуновъ.

Законнаго Царя не воскресишь,
А *онъ* премудръ: всѣ царственныя тайны
Умомъ постигъ, высокой думы полнъ,
Въ бояхъ удалъ,—и каждое сраженье
Съ такимъ вождемъ побѣдой будетъ намъ.
И Кіевъ, градъ святой, и край Волынской,
Богатый край—все будетъ нашимъ вновь.

Князь Шуйскій.

Но вспомни же, что онъ еретикъ гнусный.

Прокофій Ляпуновъ.

Долой Литву, такъ Іезуитовъ прочь!
И всѣ грѣхи забудетъ духовенство
И за Царя жъ молитву сотворитъ.

Князь Шуйскій.

О Ляпуновъ, ужасно! Бѣглый инокъ,
Не изъ бояръ, едва ли дворянинъ!

Прокофій Ляпуновъ.

Тѣмъ лучше, князь: не будетъ книгъ разрядныхъ!
И за него я лягу головой.
Повѣрь мнѣ, князь: забудемъ все былое.
Прощай, прощай! (*Уходитъ*).

Князь Шуйскій.

Меня онъ оставляетъ.
И вслѣдъ за нимъ отстанутъ всѣ. Бѣда!
Все рушилось, и мщенье, и надежда,
И сей вѣнецъ, къ которому я могъ
Ужъ простирать нетерпѣливы длани.
О Ляпуновъ! И я за нихъ страдалъ,
И голову я положилъ на плаху...
О Ляпуновъ! Вотъ дружба и друзья!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Комната въ покояхъ Марины.

Марина, Роза Лесская.

Роза (*поетъ*).

Онъ пригладилъ усъ широкой,
Что-то паннѣ черноокой
На ухо сказалъ,
И въ полуночи глубокой
Съ панной ускакалъ.

Не одинъ въ странѣ окрестной
Князь искалъ руки прелестной,
О любви молилъ;
Но лишь рыцарь неизвѣстный
Дѣвицу плѣнилъ.
Не также ли прекрасная Марина
Поклонниковъ видала предъ собой,
Вельможъ, князей и графовъ благородныхъ,
И презрѣла ихъ пылкую любовь.

Марина.

Да, Лесская, и вдругъ явился витязь
Невѣдомый, изъ полунощныхъ странъ.
Не правда ли, какъ въ сказкѣ?

Роза.

Нѣтъ, Царица!
Тамъ бѣдный рыцарь, здѣсь же царскій сынъ!

Марина.

И сильный Царь. За то признайся, Роза,
Что не похожъ мой будущій супругъ
На рыцаря твоей веселой пѣсни.
Въ Димитріи едва ли красоту
Отыщетъ взоръ, любовью ослѣпленный?
Угрюмый видъ, и грубыя черты,
И волоса на головѣ, какъ пламя.

Роза.

Но ловокъ онъ!

Марина.

Да, ловкость козака.

Роза.

Краснорѣчивъ.

Марина.

Да, рѣчь семинариста.

Роза.

За то онъ Царь.

Марина.

И я его люблю.
Въ немъ быстрый умъ, отвага, жажда славы
И страстная, горячая душа.

Роза.

О, какъ легко прекрасная Марина
Обворожитъ супруга своего!
Здѣсь не найдешь соперницы опасной.

Марина.

Ты Роза льстишь.

Роза.

Нѣтъ, правду говорю.

Марина.

Я слышала, какъ пышно расцвѣтаетъ
Московскихъ женъ и юныхъ дѣвъ краса.

Роза.

Пустое все; разскажутъ чудеса!
Я знаю ихъ: высоки и дебелы,
И щеки алыя, и лица круглы, бѣлы.
Подумаешь, куда какъ хороши!
А всмотришься,—нестройныя движенья,
И на лицѣ безъ выраженья,
Какъ стекла, очи безъ души.—
Что̀ скажешь ты? Соперницы ужасны!

Марина.

Да правда ли?

Роза.

Ты видѣла бояръ:
По нимъ суди объ ихъ прекрасныхъ женахъ.
Какъ страненъ мнѣ весь твой Московскій дворъ!
Ей, ей, въ Литвѣ медвѣди наши лучше.

Марина.

Да, признаюсь: съ панами ихъ сравнить
Почти смѣшно.

Роза.

Смѣшно? Грѣшно, безбожно.

Марина.

Послушай-ка; тамъ, кажется, стучатъ.

Роза.

Ужъ вѣрно Царь.

Марина.

Какъ рано онъ приходитъ!...
Зови его (*передъ зеркаломъ*). Да: я должна владѣть
Его душой. Довѣрчивый и страстный,
Онъ любитъ самъ и вѣруетъ въ любовь.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

(*Входитъ*) **Димитрій.**

Димитрій.

Какъ хороша!

Марина.

А, это ты, Димитрій!
Какъ я ждала! Какъ медленно часы
Катилися въ несносномъ ожиданьи!

Димитрій.

Блаженный мигъ! Онъ въ цѣлый день одинъ
Меня даритъ отрадою свободной!
Я здѣсь живу,—а тамъ!...

Марина.

Какъ сладко льститъ!
Онъ скажетъ мнѣ, что чувство царской силы
Его души ничуть не веселитъ;
И я должна ему повѣрить.

Димитрій.

Полно!
Что царство, власть, что мой блестящій дворъ?
Труды, борьба, тяжелыя заботы,
Поклонниковъ бездушныя толпы,
И золото, и холодъ, и пустыня.
Какая жизнь! Я только здѣсь живу.
На сердца гласъ здѣсь сердце отвѣчаетъ;
Моей любви отвѣтствуетъ любовь:
Такъ вѣрю я, такъ мнѣ отрадно вѣрить.

Марина.

Какъ ты унылъ! Что̀ сдѣлалось съ тобой?

Димитрій.

Я не унылъ, но только утомился.

Марина.

Нѣтъ, ты смущенъ. Кто оскорбилъ тебя?

Димитрій.

Какъ оскорбилъ? Ужъ ты, Марина, знаешь?

Марина.

О, взоръ любви яснѣй, чѣмъ взоръ орла.

Димитрій.

Ее пѣвцы слѣпою называютъ.

Марина.

Не вѣрь пѣвцамъ. Нѣтъ тайны для нея;
Во глубинѣ души она читаетъ.
Скажи же мнѣ, кто раздражилъ Царя?

Димитрій.

Не спрашивай! Узнаешь слишкомъ рано.

Марина.

Скажи теперь.

Димитрій.

О, лучше дай забыть
Тяжелую, несносную обиду!
Лишь вспомню я, вся кровь во мнѣ кипитъ.
Безумные—увидятъ!

Марина.

Ты не скажешь?
Чего же ждать супругѣ, если ты,
Еще женихъ, ужъ тайну сокрываешь?

Димитрій.

Вѣрь, для тебя скрываю я ее.

Марина.

Прекрасная, искусная уловка;
Но только жаль, что вѣрить не могу.

Димитрій.

Я не хотѣлъ, чтобъ роковая вѣсть
Твой свѣтлый взоръ слезою омрачила.

Марина.

Разсказывай! Не бойся: я тверда.

Димитрій.

Да, вѣрю я. Да, ты должна, Марина,
Любить Москву! Вѣнецъ Россійскій твой!
Сей славный край призналъ тебя Царицей.

Марина.

И я люблю, душой люблю его.
Но не вѣнцемъ, не именемъ Царицы
Мнѣ дорога Московская земля;
Однимъ мила: она твоя, Димитрій.

Димитрій.

Какъ сладостно звучатъ твои слова!
Сегодня я пословъ отъ Сигизмунда
Торжественно впервыя принималъ.
И что жъ? Они меня Великимъ Княземъ
Изволили спѣсиво величать,
Какъ будто бы моимъ названьемъ царскимъ
Подавится ясно-вельможный панъ.
Я грамоту велѣлъ отдать обратно;
И думаешь тѣмъ кончилося? Нѣтъ.
Тогда посолъ! (они меня узнаютъ,
Я усмирю ихъ буйную главу),
Тогда посолъ съ улыбкой величавой
Меня назвалъ смиреннымъ бѣглецомъ,
Нахлѣбникомъ, твореньемъ Сигизмунда.
И я стерпѣлъ—повѣришь ли? Стерпѣлъ;
Но отвѣчалъ презрѣньемъ на упреки,
И кончилось!—О будь теперь тверда.

Марина.

О горе мнѣ! Война съ моей отчизной?

Димитрій.

Не объявилъ, но принялъ я войну.

Марина.

Что̀ мнѣ сказать? Несносно оскорбленье;
Неслыханно, достойно казни злой.

Димитрій.

Не правда ли?

Марина.

Твое законно мщенье.
И гнѣвъ твой правъ.

Димитрій.

Марина, доверши:
Скажи еще, что лишь мечемъ возможно
Изгладить стыдъ.

Марина.

Нѣтъ, не воюй Литвы!

Димитрій.

Не воевать съ твоей надменной Польшей!
Не воевать! И вотъ твоя любовь!
Въ моемъ дворцѣ, передъ лицемъ Россіи
Уничижёнъ я, презрѣнъ, стоптанъ въ прахъ,
И мнѣ стерпѣть! Нѣтъ, ты меня не любишь,
Я былъ досель мечтою ослѣпленъ.
Но женщины обманчивы, коварны,
И вижу я, Димитрій нелюбимъ.

Марина.

Онъ нелюбимъ! О Боже!

Димитрій.

О Марина!

Марина.

Несчастная!

Димитрій.

Нѣтъ, я не справедливъ.
Нѣтъ, ты должна любить свою отчизну.
Забудь слова безумныя!

Марина.

Оставь,
Оставь меня!

Димитрій.

Да, я не правъ, Марина:
Въ безуміи я оскорбилъ тебя.
Но позабудь порывъ любви ревнивой;
Но дай мнѣ вновь услышать голосъ твой,
Отрадный звукъ твоихъ рѣчей волшебныхъ.

Марина.

Къ чему теперь притворство? Грудь мою
Ты поразилъ кинжаломъ ядовитымъ
И послѣ льешь безвременный елей.
Но поздно, Царь.

Димитрій.

Марина, предъ тобою
Виновенъ я; но я молю тебя
Прости, прости!

Марина.

Упрековъ не услышишь,
Не стану я былое поминать,
Моей любви безумное начало...
Тобою все забыто.

Димитрій.

Никогда!
Въ моей груди цвѣтетъ воспоминанье
О свѣтлыхъ дняхъ, о первыхъ дняхъ любви.
Мнѣ памятны садовъ зеленый сумракъ,
Аллея липъ и плещущій фонтанъ,
И трепетъ мой, и робкое признанье,
И тихія, волшебныя слова.

Марина.

Ты нелюбимъ? Кого же я любила?
Царя? Ты былъ безъ силы, безъ друзей,
И Годуновъ владѣлъ твоимъ престоломъ.
Царевича? Пусть вѣрили другіе,
И правдою казался имъ обманъ.

Димитрій.

Какой обманъ?

Марина.

Не даромъ я сказала,
Что взоръ любви яснѣй, чѣмъ взоръ орла. Я знала все.

Димитрій.

Какъ, ты, Марина, знала?

Марина.

Не древній родъ любила я въ тебѣ,
Не мнимаго потомка Мономаха,
Но пламенный порывъ души твоей,
Но смѣлый духъ, стремящійся изъ праха
На высоту, на поприще царей.

Димитрій.

И я тебя могъ оскорбить упрекомъ?
Прости меня!

Марина.

Я вѣрила тебѣ;
Я думала: меня Димитрій любитъ.
О, для чего жъ я не могу забыть?

Димитрій.

Клянусь тебѣ, Марина.

Марина.

Не клянися!
Разсѣялась отрадная мечта.
Когда любовь въ мужчинѣ остываетъ
(И долго ль въ немъ горитъ огонь святой?)
Онъ ищетъ лжи, выдумываетъ ссоры,
И въ мигъ вспылитъ, и сыплются укоры.
Да, чувствую; забыта я тобой!

Димитрій.

Жестокая!

Марина.

Не возвращуся въ Польшу;
Ея врата закрыты для меня.
Въ твоей странѣ пустыня есть глухая
И монастырь: туда сокроюсь я.
Ты будь счастливъ! Красавица иная....

Димитрій.

Не мучь меня, Марина! Перестань!
Клянусь тебѣ; иной любви не будетъ
Въ моей душѣ; клянуся, для тебя
Надеждами и счастьемъ цѣлой жизни
И жизнію я жертвовать готовъ.

Марина.

Клянется онъ, а я безумно вѣрю!
Мнѣ сладостны обманы льстивыхъ словъ.

Димитрій.

Но честію, но славою Россіи
Я жертвовать не долженъ, не могу.

Марина.

Кто проситъ жертвъ? Къ чему онъ, Димитрій?
Царица я: мнѣ дорогъ Русскій тронъ
И честь вѣнца. Но слушай! Не постигнетъ
Твоей души безсмысленный народъ:
Лишь низкое коварство Годунова,
И Іоаннъ—кровавая гроза—
Понятны имъ; но рыцарскія чувства,
Высокій духъ и смѣлыхъ думъ полетъ,
Все ново здѣсь, все чудно и неясно.
Лишь тамъ въ Литвѣ, въ моей странѣ родной,
Всегда найдешь готовый отголосокъ.
Тамъ гордою и вольною душой
Тебя поймутъ и подвигъ твой оцѣнятъ.

Димитрій.

Да, можетъ быть ты правду говоришь;
Но Сигизмундъ меня обидѣлъ больно,
И царскій долгъ велитъ ему отмстить.

Марина.

Война съ Литвой опасна.

Димитрій.

Мы увидимъ.
Опасностей Димитрій не бѣжитъ.
Посмотримъ мы, кто въ битвѣ устоитъ,
Хвастливый Ляхъ, иль Русскихъ строй желѣзный?
Я знаю ихъ.... О живо помню я
Тотъ грозный часъ, когда съ дружиной конной
Въ сраженіе, какъ вихорь, я летѣлъ.
Все падало, и Нѣмцы побѣжали.
Лечу впередъ.... Стрѣлецкій полкъ стоитъ
Какъ вкопанный, какъ вылитый изъ стали.
Мечи блестятъ, сверкаютъ ихъ пищали.
Въ моей груди, какъ струны, задрожали
Всѣ жилы... О, то былъ веселый видъ!
Несусь впередъ, дружина вслѣдъ за мною;
Но вдругъ раздались выстрѣлы, и въ мигъ
Пропалъ и слѣдъ моихъ отважныхъ Ляховъ.
О счастіе такую рать вести
Въ кровавый бой! Я не боюсь Литовцевъ!...
Не всякій день дается имъ Баторій.
Увидимъ мы, хотя бъ и тотъ воскресъ!

Марина.

Ты словъ моихъ не выслушалъ, Димитрій.
О мой герой, любимый витязь мой,
Ты побѣдишь! Но этой мелкой славы
Тебѣ ль желать? Какъ мало знаетъ міръ
Про грозныя Славянъ междоусобья!
Вѣрь: ты рожденъ для подвиговъ иныхъ,
Тебя зоветъ иное битвы поле.
О если бы гордыню Мусульманъ
Ты сокрушилъ и съ башенъ Цареграда
Низвергнулъ въ прахъ безбожную Луну,
Какая бы тебя ждала награда,
Какая честь!..., Далекіе вѣка
Благоговѣйно бъ обращали
Свой взоръ къ тебѣ сквозь мракъ временъ
И выше всѣхъ другихъ именъ
Твое бы имя начертали.
И славный подвигъ бы сіялъ
Въ бытописаньяхъ смутныхъ міра,

И о тебѣ гремѣла бъ сладко лира,
И Музы гласъ тебя бы воспѣвалъ!
Не правда ли?

Димитрій.

О, чудныя надежды!
Прелестный гласъ! Марина! Но стерплю ль
Безумную гордыню Сигизмунда?

Марина.

Тамъ гордое названье избирай,
Тамъ выдумай себя достойный титулъ.
Кто будетъ спорить? Весь крещеный міръ
Передъ тобой преклонится смиренно.

Димитрій.

Да, это правда; но теперь, теперь?

Марина.

Теперь съ Литвой начни переговоры.
Ты знаешь самъ, какъ глупо-гордъ король;
Скажи посламъ, что если титулъ царскій
Онъ дастъ тебѣ, ты Шведскій тронъ ему
Опять отдашь, но только.... (*смѣясь*) на бумагѣ.
Не правда ль, я разумно говорю?

Димитрій.

О продолжай! Къ твоимъ устамъ прикованъ
Мой жадный слухъ.

Марина.

Послушайся меня.
Не разрывай ты съ Западомъ союза!
Подумай самъ, какъ Ватиканъ хитеръ,
Какъ много тайнъ извѣстно Іезуитамъ!
О милый другъ, тебѣ нужна Литва,
Чтобъ усмирить народное волненье,
Чтобъ укрѣпить еще нетвердый тронъ,
Чтобъ освѣтить твой Сѣверъ полудикій
Чудесными лучами южныхъ странъ,
Но болѣе, чтобъ силою двойною
Попрать Луну......... О, я молю тебя:
Не огорчай души твоей Марины.
На вѣчну скорбь не осуждай меня,

Не дай пролить мнѣ горькихъ слезъ потоки
Надъ бѣдствіемъ моей страны родной,
Надъ гибелью моихъ единокровныхъ!
Молю тебя, не отвергай мольбы.

Димитрій.

Не дóлжно бы, но отказать не въ силахъ.

Марина.

Не правда ли? Ты обѣщаешь мнѣ.
О знаю я, ты побѣдишь Султана.
Смотри! Вѣнецъ изъ лавровъ я сплела
Для твоего державнаго чела (*примѣряетъ на немъ вѣнецъ*).
Ты будешь въ немъ, какъ тотъ великій кесарь,
Безсмертный вождь и слава прежнихъ дней!
Ужъ вижу я, твой ликъ блеститъ побѣдой,
И торжество въ огнѣ твоихъ очей!..
Но обѣщай, о мой любимый витязь,
Что на Литву меча не извлечешь.

Димитрій (*обнимая ее*).

Волшебница! Зачѣмъ моей душою
Владѣешь ты? Зачѣмъ я слабый рабъ
Твоей красы, твоихъ рѣчей прелестныхъ?

Марина.

Но обѣщай!

Димитрій.

Да, обѣщаю я.

Марина.

Кто тамъ шумитъ?

Роза (*входя*).

Бояринъ Петръ Басмановъ.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Входитъ **Басмановъ.**

Димитрій.

Что̀ новаго?

Басмановъ.

От̀ъ Терскихъ казаковъ
Сейчасъ гонецъ съ извѣстіемъ пріѣхалъ,
Что Кумыки съ отрядомъ Янычаръ
И съ конницей—всего двѣнадцать тысячъ—
Подъ знаменемъ Дербентскаго паши
Въ Россійскіе предѣлы ворвалися.

Димитрій.

А, нехристи, они хотятъ войны.
Въ Россійскіе предѣлы! Это болѣ,
Чѣмъ въ титулѣ мнѣ царскомъ отказать.
Чт̀о жъ казаки?

Басмановъ.

Ихъ атаманъ удалый
Пошелъ навстрѣчу съ горстью молодцовъ,
Пашу разбилъ, добычу, плѣнныхъ з̀абралъ
И множество на мѣстѣ положилъ.

Димитрій.

Лихой народъ!

Басмановъ.

Въ гористомъ Дагестанѣ
Два княжества передалися намъ
И бьютъ челомъ тебѣ, ихъ Государю.

Марина.

Вотъ видишь ли, что въ грудь мою любовь
Вложила даръ пророчества. Я знала,
Что небеса Димитрія спасли
Для гибели народовъ Мусульманскихъ.

Басмановъ.

Сейчасъ гонца отправилъ я въ Елецъ,
Чтобы полки къ Чернигову тянулись.

Димитрій.

Перемѣни! Пусть ждутъ меня въ Ельцѣ.

Басмановъ.

Какъ, Государь?

Димитрій.

Войны не будетъ съ Польшей.

Басмановъ.

Ты королю за дерзость не отмстишь?

Димитрій.

И безъ войны управлюсь съ Сигизмундомъ.

Басмановъ.

Ты оскорбленъ передъ Россіей всей.
Когда смолчишь и стерпишь поруганье,
Я за Москву ручаться не могу.

Димитрій.

Ну что Москва! Мои стрѣльцы надежны,
Нѣмецкая дружина мнѣ вѣрна,
Да Поляковъ здѣсь тысячи четыре,
Да пушкари, да мѣдныхъ пушекъ сто.
Не мальчикъ я, не Годуновъ-ребенокъ:
Грозой уйму мятежъ и заговоръ.

Басмановъ.

Теперь уймешь, покуда не созрѣли;
Но ежели ты честь вѣнца отдашь
Въ добычу Ляхамъ, презришь гласъ народный
И гласъ бояръ, любящихъ твой престолъ:
Созрѣютъ замыслы.

Марина.

Чрезъ двѣ недѣли,
А много три, Царь двинется въ походъ,
И рушатся всѣ замыслы коварны.

Басмановъ.

Противна намъ надменность Поляковъ;
Война съ Литвой нужна тебѣ.

Марина.

Не слушай!
Пожалуста не слушай! Онъ сердитъ.

Басмановъ.

Повѣрь мнѣ, Царь...

Марина (*перебивая*).

Ты побѣдишь Тавриду,
Чудесный край роскошной красоты.
Тамъ много дѣвъ прекрасныхъ, черноокихъ;
Ихъ гибокъ станъ, привѣтливы уста,
Огонь любви подъ длинною рѣсницей.
Душа моя, ты не измѣнишь мнѣ?

Димитрій.

Нѣтъ, никогда! Нѣтъ, вѣренъ я до гроба.

Марина.

Послушай, Царь, покой мой веселѣй:
Пойдемъ туда!

Димитрій.

Басмановъ, чтобъ заутра
Послы опять явились предъ меня!

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

Входитъ **Шутъ** и бросается на колѣни.

Шутъ.

Великій Государь, защити! Я твой шутъ, твой князь потѣшный, а меня прибили!

Димитрій.

Тебя, тебя? Кто смѣлъ тебя ударить?

Шутъ

Не ударили, а били, колотили въ кровь до полусмерти. Я провожалъ сегодняшнихъ гостей да пошучивалъ, да подразнивалъ ихъ по своему обычаю, по твоему царскому позволенью. Какъ обернется проклятый усачъ, да какъ примется меня тузить, да какъ пристанутъ къ нему другіе! Ай, ай, и спину, и голову всю разбили. Ай, ай! Накажи усача, Государь! Я твой потѣшникъ: безъ твоей воли никто не долженъ меня и пальцемъ тронуть.

Марина.

Какой несносный шутъ! Онъ дерзокъ, пьянъ,
Надъ витяземъ ругался благороднымъ
И съ жалобой пришелъ. Оставь его.

Димитрій.

Мнѣ жалокъ ты, мой бѣдный князь потѣшный.
Вотъ золотой корабленикъ. Возьми
И вылѣчи свою больную спину.

Марина.

Пойдемъ же, Царь!

Басмановъ.

О, Государь, внемли!

Марина.

Гляди, вотъ мой вѣнокъ зеленый,
Вѣнокъ героя моего;
Въ немъ гордый лавръ и дубъ сплетенный,
И миртъ любви. Возьми его.
Пойдемъ же въ мой покой!

Димитрій.

Прощай, Басмановъ.

(Димитрій и Марина уходятъ).

Басмановъ.

Совѣтникъ новый здѣсь.

Шутъ.

И новый шутъ.

Басмановъ.

Намъ не къ чему здѣсь оставаться долѣ (*уходитъ*).

Шутъ (*одинъ*).

А, такъ вотъ что! Возьми корабленикъ, да вылѣчи свою спину. Вылѣчу, вылѣчу! Если змѣя укуситъ, убей змѣю, да приложи убитую къ ранѣ; если укуситъ бѣшеная собака, такъ ея же кровью рану умой. Я себя вылѣчу.

(*передразнивая Марину*).

Онъ дерзокъ, пьянъ!... Какой несносный шутъ! Погоди, пошучу, пошучу. Ай, ай! Какъ спина болитъ; это все за мои грѣхи, какъ говоритъ отецъ Иванъ. Кому служу я, прости Господи? Хуже пса: телятину жретъ, постовъ не знаетъ, въ баню не ходитъ. Я за него душу гублю; а какъ побьютъ, онъ и не думаетъ заступиться. Вотъ тебѣ корабленикъ, вылечи спину! Вылечу, вылечу кровью проклятою. Шутъ, шутъ! Пошучу, да не посмѣетеся (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Марина, Роза (*входя опять*).

Марина.

Зови сюда двухъ музыкантовъ, Роза.
Они Царя игрой развеселятъ (*Роза уходитъ*).
(*Одна*) Войну съ Литвой затѣялъ!... Нѣтъ, Димитрій!
На ней одной основанъ нашъ престолъ,
И въ мирѣ съ ней владычество Марины.
Безумцу волю дай! Прогонитъ онъ
Всѣхъ Поляковъ, моихъ единокровныхъ,
Потомъ глядишь, и сѣти разорветъ.
Мечты любви поблекнутъ въ наслажденьи
Отъ времени потухнетъ пылкій жаръ.
Нѣтъ! На любовь надѣяться не стану;
Одна нужда надежна и тверда.

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Домъ Шуйскаго.

Князь Шуйскій, старецъ слѣпой **Антоній**.

Антоній.

Ты ждешь гостей, князь Шуйскій?

Князь Шуйскій.

Да, Антоній.
Вчерашніе сберутся бѣглецы.

Антоній.

Вотъ видишь ли? А ты впадалъ въ унынье
И не хотѣлъ словамъ моимъ внимать.

Князь Шуйскій.

Какая жъ мнѣ надежда оставалась?
Подумай самъ! Отъ словъ: „война съ Литвой“
Всѣ головы, какъ отъ хмѣльнаго меда,
Вскружилися; всѣ бросили меня.
Была бѣда, да благо Царь поправилъ.

Антоній.

Какъ? Разскажи.

Князь Шуйскій.

Сегодня поутру
Мы собрались въ Кремлевскія палаты,
И ласково насъ встрѣтилъ Самозванецъ
И рѣчь умно объ дѣлѣ земскомъ велъ.

Антоній.

Князь вѣка далъ слугамъ своимъ премудрость
И сладку рѣчь для гибели людей.

Князь Шуйскій.

Опять послы Литовскіе явились
Еще смѣлѣй, надменнѣй чѣмъ вчера,
Грозилися, бранили, упрекали,
А Царь стерпѣлъ, и мягокъ былъ какъ воскъ;
И говорилъ, что не желаетъ ссоры,
Что дорожитъ пріязнью короля,
И Власьеву опять переговоры
Велѣлъ начать, и ласково пословъ
Онъ отпустилъ и угостилъ роскошно.
Тутъ хмѣль прошелъ у всѣхъ моихъ друзей,
И, какъ потокъ, сорвавшій всѣ преграды,
По всей Москвѣ, шумя, вскипѣлъ народъ.

Антоній.

Да кто же мысль его перемѣнилъ?

Князь Шуйскій.

Шутъ говоритъ, что Краковской красоткѣ
Угоденъ миръ, а нашъ веселый Царь
Для черныхъ глазъ готовъ отдать и душу,
И свой престолъ.

Антоній.

О маловѣрный князь!
Когда, когда откроешь взоръ духовный
И Вышняго десницу узришь ты?
За грѣхъ Москвы, за наши беззаконья,
Преступника возвелъ Онъ на престолъ;
Но часъ придетъ, и свергнетъ вновь злодѣя.
И недалекъ суда Господня день,
И грѣшною къ раскольницѣ любовью
Паденіе разстриги строитъ Онъ.

Князь Шуйскій.

Грядущее ты вѣдаешь, Антоній!

Антоній.

Ты видишь самъ, что я больной старикъ.
Мой взоръ закрытъ, меня мальчишка водитъ,
Да не споткнусь о камень; но повѣрь!
Духовный взоръ мой чистъ, и зорко око,
И въ далекѣ мнѣ виденъ Божій путь.
Единаго жилища Православья,
Страны святыхъ, не сокрушитъ Господь;
Но тяжело и долго испытуетъ
И чистую потомъ ее отдастъ
Невинной, чистой длани.

Князь Шуйскій.

Эхъ, Антоній,
Кто въ мірѣ чистъ? Постой-ка, Ляпуновъ
Сюда идетъ.

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Прокофій Ляпуновъ.

Князь Шуйскій, предъ тобою
Виновенъ я.

Князь Шуйскій.

Предъ Богомъ, можетъ быть,
Передъ Москвой и Русью православной,
Но предо мной! Не думаю.

Прокофій Ляпуновъ.

Вчера
Я, буйною надеждой ослѣпленный,
Довѣрчиво колѣна преклонялъ
Предъ Лже-царемъ, предъ гнуснымъ Самозванцемъ,
И думать могъ, что Богъ ему внушилъ
Благую мысль, что свой обманъ отважный
Онъ славными дѣлами освятитъ,
Что онъ отмститъ за насъ.

Антоній.

Что злое сѣмя
Дастъ плодъ благой? О грѣшникъ и слѣпецъ!

Прокофій Ляпуновъ.

Я не внималъ твоимъ совѣтамъ мудрымъ.

Князь Шуйскій.

Не ты одинъ: всѣ опьянѣли вдругъ.

Прокофій Ляпуновъ.

Все кончено; разсѣялось мечтанье.
Поруганный послами короля,
Онъ замолчалъ, онъ жертвовалъ Россіей
Своей любви и дружбѣ къ Полякамъ;
И съ той поры онъ свой престолъ утратилъ.
И вся Москва уже съ утра полна
Нескладными и чудными вѣстями.
Я побывалъ у всѣхъ твоихъ друзей,
Они сюда не медля соберутся;
И многіе, безвѣстные досель
Купцы, жильцы и знатные дворяне,
И сотники градскіе, и стрѣльцы
Пристали къ намъ. Мы всѣ твои на вѣки!
Хоть явною, хоть тайною войной
Веди ты насъ! Я для святаго дѣла
Всѣмъ кланяюсь: и тѣломъ, и душой.

Князь Шуйскій.

Мнѣ васъ вести? Нѣтъ, полно, другъ Прокофій!
Вчерашній день извѣдалъ я людей
И вашихъ думъ непостоянну шаткость.
Что мнѣ до васъ? Измѣнчивы, какъ вѣтръ,

Волнуетесь, какъ море въ непогоду.
А я старикъ: вамъ нуженъ вождь иной.
Пойдемъ со мной, Антоній, въ образную
И сотворимъ молитву *(уходятъ)*.

Прокофій Ляпуновъ.

Это что?
Отъ замысловъ князь Шуйскій отказался!
Нѣтъ, нѣтъ, старикъ, ты проведешь другихъ,
А не меня: хитеръ и богомоленъ!

(Входятъ князь Куракинъ, бояре).

Князь Куракинъ.

Ты, Ляпуновъ, ужъ здѣсь! Да гдѣ же князь?

Прокофій Ляпуновъ.

Онъ молится.

Бояринъ.

Онъ мужъ боголюбивый,
И праведный, и многимъ лучше насъ.

Князь Куракинъ.

Мы подождемъ.

Прокофій Ляпуновъ.

Чего вамъ ждать, бояре?

Князь Куракинъ.

Чтобъ вышелъ князь, чтобъ нашимъ былъ вождемъ,
Чтобъ намъ помогъ онъ свергнуть Самозванца.

Прокофій Ляпуновъ.

Прекрасныя надежды! Но увы,
Не сбудутся. Князь Шуйскій отказался.

Князь Куракинъ.

Не можетъ быть!

Прокофій Ляпуновъ.

Онъ добръ и простъ душой,
За подвигъ нашъ готовъ молиться тайно!
Но болѣе не можетъ.

Бояринъ.

Боже мой!
Да безъ него удача невозможна.

Князь Иванъ Голицынъ.

Что жъ? Выберемъ начальниковъ другихъ
И безъ него низложимъ мы бродягу.

Князь Куракинъ.

Нѣтъ, князь Иванъ, безъ Шуйскаго бѣда!
Одинъ лишь онъ въ Москвѣ имѣетъ силу
И знатность...

Князь Голицынъ (*перебивая*).

А развѣ князь Нагой,
Иль ты, Куракинъ, иль хоть я, Голицынъ,
Мы выросли какъ лѣтніе грибы?

Князь Куракинъ.

А все-таки намъ далеко до Шуйскихъ.
Ни знатностью, ни саномъ, ни умомъ,
Ни доблестью, ни службой, ни богатствомъ
Съ Василіемъ тягаться намъ нельзя.

Бояринъ.

Сомнѣнья нѣтъ.

Князь Куракинъ.

Да только я не вѣрю,
Чтобъ не хотѣлъ онъ нашимъ быть вождемъ.

Прокофій Ляпуновъ.

Увидите.

Князь Куракинъ.

Подумай, братъ Прокофій:
Ужъ Царь давно на мѣстничество злится,
Такъ Шуйскому отстать отъ насъ грѣшно.

Прокофій Ляпуновъ.

Я говорю, увидите.

Князь Куракинъ.

Пустое!
Не стерпитъ онъ, чтобъ съ нами наравнѣ
Съ боярами, съ природными князьями
Шелъ дворянинъ, стрѣлецъ или казакъ,
А впереди усатый панъ Литовскій
Иль Римскій попъ, заморскій скоморохъ.

Салтыковъ.

Какъ дерзокъ Царь, какъ онъ неблагодаренъ!
Подумайте, какъ я служилъ ему,
И кланялся, и билъ челомъ смиренно,
И съ Ляхами былъ друженъ. Чтò жъ теперь?
На этихъ дняхъ уговорилъ я Мнишка,
Чтобъ онъ просилъ награды для меня;
И знаете ль, чтò отвѣчалъ Разстрига?
„Не дамъ ему: въ немъ подлая душа“.
Душа, душа! Какъ виденъ бывшій дьяконъ!

Князь Куракинъ.

Ну, признаюсь, обиженъ Салтыковъ! (*Хохочутъ*).

Салтыковъ.

Да, смѣйтеся!

Князь Куракинъ.

И правду не до смѣху.

(*Входитъ князь Шуйскій*).

Князь Шуйскій.

Скажите мнѣ, какой счастливый часъ
Собралъ въ мой домъ такихъ гостей безцѣнныхъ?

Князь Куракинъ.

Чтò за вопросъ? Ты самъ насъ призывалъ
Стать за Москву, начать святое дѣло
И нашу Русь спасти отъ Лже-царя.

Князь Шуйскій.

Когда жъ, когда?

Князь Куракинъ.

Помилуй, князь Василій,
Не ты ли къ намъ всечасно присылалъ
Изъ Галича, изъ мрака дальней ссылки
Своихъ друзей и преданныхъ дворянъ
И отъ людей святыхъ благословенье,
Чтобъ пробудить покорную Москву?

Князь Шуйскій.

Ты шутишь, князь!

Бояринъ.

Вотъ Ляпуновъ свидѣтель.

Князь Куракинъ.

Къ чему еще свидѣтели! Вчера
Ты насъ молилъ не вѣрить Самозванцу;
Его слова, внезапну брань съ Литвой
Ты называлъ порывомъ безразсуднымъ.

Князь Шуйскій.

И что̀ же вы сказали мнѣ въ отвѣтъ?

Князь Куракинъ.

Не вопрошай! Намъ совѣстно и вспомнить.

Салтыковъ.

Что́ совѣстно? Какая совѣсть тутъ?
Мы думали, что онъ разладилъ съ Польшей,
Что вновь бояръ своихъ полюбитъ онъ,
Насъ наградитъ, пожалуетъ богато,
И прежнее намъ будетъ вновь житье!
Ты знаешь самъ, что къ меду липнутъ мухи,
А къ милостямъ и злату родъ людской.

Князь Куракинъ.

Стыдись!

Князь Шуйскій.

Вчера обманъ и самозванство
И ересь, все прощали вы ему:

Свершайте же свой подвигъ какъ хотите!
Не измѣню, не помогу я вамъ!

Князь Куракинъ.

Но безъ тебя кому жъ народъ повѣритъ?
Чей гласъ какъ твой подвигнетъ всю Москву?

Князь Шуйскій.

Вы знаете, что Царь великодушный
Простилъ мнѣ всѣ минувшія вины.

Князь Куракинъ.

Помиловалъ, какъ милуетъ разбойникъ.

Князь Шуйскій.

А вы вчера не все ль забыли вдругъ,
Свои слова и тайные обѣты,
И родины неслыханный позоръ?
Подите, нѣтъ: не любите Россіи,
Вы холодны къ призванію ея.
Берите же себѣ вождя любаго,
Но не меня.

Князь Куракинъ.

Винимся предъ тобою.

Князь Шуйскій.

Винитеся, а завтра къ вамъ улыбку
Вновь обратитъ непостоянный Царь,
И передъ нимъ преклоните колѣна,
И отъ меня отступитесь опять.

Князь Скопинъ-Шуйскій.

Имъ будетъ стыдъ. Тебѣ какое дѣло?
Ты вѣренъ будь своей странѣ родной.

Князь Шуйскій.

Оставь, племянникъ.

Прокофій Ляпуновъ.

Многіе граждане
Здѣсь ждутъ въ сѣняхъ; велишь ихъ отослать?

Князь Шуйскій.

Нѣтъ, Ляпуновъ: хочу проститься съ ними.
(*Входятъ граждане*). Зачѣмъ ко мнѣ собрались въ часъ ночной,
Друзья?

Граждане (*кланяются*).

Мы бьемъ челомъ тебѣ, князь Шуйскій.
Мы, граждане со всѣхъ концовъ Москвы,
Къ тебѣ пришли съ усердною молитвой,
Да сжалишься надъ Русскою страной.
Ты, праведный обмановъ обличитель,
Ты, мученикъ за истину и насъ.
Возстань, возстань! Расторгни плѣнъ Россіи,
Сними позоръ съ страдающей земли!
Лишь отъ тебя мы чаемъ избавленья.
Такъ мыслитъ вся престольная Москва,
Такъ говорятъ служители святыни,
Такъ намъ рекли духовные отцы.

Князь Шуйскій.

Я не могу исполнить вашей просьбы.

Князь Скопинъ-Шуйскій.

О Господи! Въ тебѣ застыла кровь.
Одумайся! Передъ тобой Россія;
Ея сыны, достойные сыны,
Тебя зовутъ на помощь. Ты не можешь?
Не смѣешь ты? И ты природный князь,
И Суздальскихъ властителей наслѣдникъ!
Какъ? Вся Москва и Русь тебя зовутъ,
И сей могущій гласъ, сей гласъ призывный
Не пробудилъ въ тебѣ высокихъ думъ,
И ты стоишь безмолвный, безпорывный?
Душа молчитъ, робѣетъ хладный умъ.
Одумайся!

Князь Шуйскій.

Племянникъ, успокойся!

Граждане.

О вспомни, князь! Разстрига, злой бѣглецъ,
Слуга Литвы, подручникъ Сигизмунда
Заполонилъ и церковь, и народъ.

Онъ тестю дастъ всю Сѣверскую землю
И Новоградъ отдастъ своей женѣ.
Мы вѣдаемъ, что грамота готова;
Не правда ли?

Князь Шуйскій.

Быть можетъ.

Князь Скопинъ-Шуйскій.

Боже мой!
И бѣдствій сихъ ты будешь ждать спокойно?

Граждане.

Мы вѣдаемъ: онъ папу признаетъ,
Обители святыя уничтожитъ,
И инокинь и старцевъ изженетъ.

Князь Шуйскій.

Все можетъ быть.

Старецъ Антоній.

До страшной той годины
Не дай Господь мнѣ грѣшнику дожить!

Граждане.

О сжалься, князь, надъ скорбною Россіей!

Князь Шуйскій.

Вы знаете, что я страдалъ за васъ,
Что голову я положилъ на плаху;
Исполненъ долгъ.

Князь Скопинъ-Шуйскій.

Какъ! Долгъ исполненъ твой?
Нѣтъ: двадцать разъ иди на мѣсто казни
И двадцать разъ (коль можно) умирай:
Все родинѣ ты долга не уплатишь.

Князь Куракинъ.

Я думаю, онъ хочетъ измѣнить.

Князь Скопинъ-Шуйскій.

Ты слышишь ли? Стыдись, стыдися, дядя!

Князь Шуйскій.

Ты молодъ, другъ, чтобъ старика учить.
Не измѣню, но я боюсь измѣны.

Князь Куракинъ.

Клянемся всѣ, и Богъ свидѣтель намъ,
Что мы тебѣ отнынѣ всѣ покорны,
Доколь въ конецъ не сокрушимъ мечемъ
И Лже-царя, и Ляховъ ненавистныхъ.

Князь Шуйскій.

Клянетесь ли?

Всѣ.

Клянемся.

Князь Шуйскій.

Богъ великъ!
Его рукой свершится правый подвигъ.
Идите же, граждане̇, по домамъ,
Молитеся и тайну сокрывайте,
И къ роковому дню мечи приготовляйте.
Отсель, друзья, вождемъ я буду вамъ.

Граждане (*уходя*).

Господь свершитъ тобой спасенье намъ.

Князь Шуйскій (*къ боярамъ*).

Друзья мои! Надѣюся на васъ;
Увидимся для дальнихъ совѣщаній.

Бояре (*уходя*).

Увидимся. Прощай, почтенный князь!

Князь Шуйскій.

Другъ Ляпуновъ, съ надежными гонцами
Пошли приказъ по вотчинамъ моимъ,
Чтобъ выслали ко мнѣ въ Москву скорѣе
Отважнѣйшихъ и лучшихъ удальцовъ
Съ оружіемъ готовымъ для сраженья.
Въ соборы всѣ, во всѣ монастыри
Богатыя отправлю приношенья...
Прощай, мой другъ. Антоній, мы пойдемъ
И совершимъ полнощное моленье.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Внутренность дворца.

Басмановъ и Шутъ.

Басмановъ.

Ну, что̀ скажешь, князь потѣшный? Не слыхалъ ли чего? Не замѣтилъ ли? У тебя глаза остры, да и уши чутки: про Шуйскаго ты первый провѣдалъ. Не знаешь ли теперь чего?

Шутъ.

Нѣтъ, братъ Петръ, отъ Нѣмецкихъ винъ въ глазахъ темно, отъ Польской музыки въ ушахъ залегло. Ничего не знаю.

(*Басмановъ уходитъ*).

Вотъ я умная голова, ужъ разъ дураковъ выручилъ; а Полякъ побилъ, никто не заступился.—Вылѣчи спину, да и только!—Вылѣчу, вылѣчу! — А теперь опять: не знаешь ли чего, князь потѣшный? Да и знаю, а не скажу; да и могъ бы открыть, анъ промолчу. Могъ бы затушить порохъ, анъ самъ подожгу. (*Входятъ князь Шуйскій и князь Голицынъ.*) Е, е! Князь Шуйскій! Послушай-ка пѣсню.

Собрались ребята
На богатый пиръ,
Въ царскія палаты
Пива, меду пить.

Напилися пива:
Пьяные легли,
И дороги съ пира
Гости не нашли.

Князь Шуйскій.

Что̀ мнѣ до твоей пѣсни?

Шутъ.

Не любишь дудки, полюбишь палку; не хочешь сказки, услышишь быль. Ну хоть ты, князь Голицынъ, послушай сказочку. Жилъ-былъ царь, и далъ онъ своимъ боярамъ праздникъ за

заставою, и сказалъ царь своимъ боярамъ: Ой вы мои други, вѣрные слуги, на васъ платье старое шелковое: сошью новое сосновое, а головы умныя, разумныя прикрѣплю коломъ осиновымъ, чтобы вѣтеръ ихъ не снесъ. Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Платья перешиты, головы пронизаны, а тѣло подъ землю упрятано, отъ вѣтра и солнца, отъ дождя и мороза. Не свѣтло, да тепло! А когда-то это было? За заставой въ воскресный день. Прощайте, ребята, прощай Василій Щубникъ, Богъ съ тобою! Больно сердитъ ты, да не веселъ; повеселятъ старика. Пѣть не любишь, плакать будешь; плясать не хочешь, такъ спать уложатъ, да и всѣхъ бояръ: да и то въ Воскресенье. Что жъ ты, братъ, не смѣешься?

Князь Шуйскій.

Потѣшный князь! Поди къ другимъ боярамъ
Да разскажи. Имъ также будетъ смѣхъ. (*Къ Голицыну*).
Что̀ скажешь ты?

Князь Голицынъ.

На быль похожа сказка.

Князь Шуйскій.

Мы ускоримъ ударъ.

Князь Голицынъ.

Ужъ поздно, князь;
Пойдемъ домой.

Князь Шуйскій.

Съ тобою, князь Голицынъ,
Какъ много слугъ?

Князь Голицынъ.

Десятокъ.

Князь Шуйскій.

А со мной
Полдюжины.

Князь Голицынъ.

И всѣ небось съ оружьемъ?

Князь Шуйскій.

Вѣстимо, братъ! Теперь ночной порой
Того гляди, что Поляки ограбятъ. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Входятъ **Марина, патеръ Квицкій.**

Марина.

Ужъ пиръ къ концу. Какъ долго длился онъ,
Какъ праздники Московскіе докучны!
Я думаю, что скоро Царь придетъ.

Патеръ Квицкій.

Часъ важенъ сей. Рѣшительнымъ ударомъ
Ты утвердишь владычество свое:
Супруга тронъ и царство Римской вѣры.
Господень духъ внушитъ твои слова.

Марина.

Отецъ святой! Тутъ будетъ много крови.

Патеръ Квицкій.

Благая цѣль святитъ кровавый путь.
Ты знаешь ли, что твоему супругу
Спасенья нѣтъ, что бездна передъ нимъ?

Марина.

Все знаю я. Но кто же вырылъ бездну?
Кто подданныхъ отторгнулъ отъ Царя,
Его уча безумному презрѣнью
Къ обычаямъ Россійской старины?

Патеръ Квицкій.

Что жъ? Намъ стерпѣть, чтобъ онъ въ объятья Русскихъ,
Чувствительный, довѣрчивый, упалъ;
Чтобъ къ черни льстивъ и ласковый къ боярамъ,
И Поляковъ гордыню обуздавъ,
Онъ разорвалъ свободною рукою
И нашу сѣть, и Римской власти цѣпь?
Не для того трудились Іезуиты;
Не для того мы хитрою рукой
Въ его душѣ неопытной и юной
Посѣяли науки сѣмена;
Не для того погибъ младой Ѳеодоръ,
Чтобъ эта кровь, старанья и труды
И хитрыхъ думъ расчетливая смѣлость
Осталися безплодными для насъ.

Марина.

Ты, патеръ, правъ!

Патеръ Квицкій.

Вотще рвался Димитрій
И путь иной себѣ открыть хотѣлъ.
Мы путами незримо охватили
Его стопы и привели—куда?
Суди сама! Межъ имъ и Русскимъ царствомъ
Стоятъ теперь волшебною стѣной
Всѣ призраки преданій суевѣрныхъ,
Обычаевъ отверженныхъ ярмо
И тайныя, боярскія крамолы.
Назадъ нельзя—и бездна передъ нимъ.
Онъ долженъ пасть. Мы руку предлагаемъ,
Чрезъ глубину преносимъ, новый путь
Величія и славы открываемъ.
Онъ долженъ пасть иль нашимъ быть. Прощай!

Марина.

Остановись! На твой совѣтъ ужасный
Я не могу одна склонить его.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Входитъ **Димитрій.**

Димитрій.

Мой конченъ пиръ, и гости разошлися.
Какъ радостно шумѣла ихъ толпа,
Какъ весело и дружно всѣ смѣшались,
Литва и Русь, въ единый братскій кругъ!

Марина.

Довѣрчивый и добрый мой Димитрій!

Димитрій.

Какъ ты грустна, Марина! Что̀ съ тобой?

Марина.

Мнѣ жаль его. Какъ сонъ его пріятенъ!
Какъ тяжело проснуться долженъ онъ!

Димитрій.

Пророчество и горе. О, я вижу
Ужъ вѣрно ты, премудрый патеръ мой,
Разсказами смутилъ мою Марину.
Не вѣрь ему!

Марина.

Онъ хочетъ насъ спасти.
Внимай ему!

Патеръ Квицкій.

Позволь мнѣ удалиться,
О Государь! Царица знаетъ все.

Димитрій.

Постой, постой! Чтò это за загадки?
Откроете ль мнѣ ихъ глубокій смыслъ?

Марина.

Ихъ смыслъ глубокъ и мраченъ такъ, какъ бездна,
Надъ коей ты, безпечное дитя,
Блестящими пирами веселишься.

Димитрій.

Какъ, подъ дворцомъ есть пропасть?

Марина.

Не шути!
Какъ кормчему предъ близкою грозою,
Такъ дòроги мгновенья для тебя.

Димитрій.

Въ твоихъ устахъ, прелестный мой наставникъ,
Мнѣ нравится заботливый укоръ.

Марина.

О перестань! Душа моя трепещетъ
Предъ глубиной правительственныхъ тайнъ.

Димитрій.

Не для тебя онѣ, моя Марина!
Твоя душа прекрасна и ясна,
Какъ тихихъ водъ лазурная равнина:
Ты нѣжныхъ чувствъ и кроткихъ думъ полна.

Нерадостны державы царской тайны:
Въ нихъ кровь и казнь, измѣна и мятежъ,
И строгій судъ, и гнѣва бурный пламень.
Оставь же ихъ!

Марина.

Да, ты Димитрій правъ.
Вся кровь моя оледенѣла въ жилахъ,
Когда святой отецъ передо мной
Сталъ развивать ужасную картину
Грядущихъ бѣдъ и нынѣшнихъ крамолъ.

Димитрій.

Зачѣмъ онъ такъ безвременно заботливъ?

Марина.

О мой супругъ! Благодари его.
Небеснаго Царя святой служитель,
Исполненный усердія къ тебѣ,
Явился онъ, предвѣстникъ непогоды,
Чтобъ пробудить заснувшаго Царя.
Внемли ему и бодрствуй. Часъ боренья
Ужъ не далекъ. Колеблется престолъ;
Огонь горитъ еще покрытый пепломъ,
Во тмѣ созрѣлъ ужасный заговоръ.

Димитрій.

Не вѣрь, не вѣрь! Я знаю Іезуитовъ.
Ихъ хитрый умъ наклоненъ къ мятежамъ,
Ихъ радуютъ кровавыя волненья,
Имъ мирная противна тишина,
Какъ сонный вѣтръ въ пустыняхъ океана
Томителенъ для смѣлаго пловца.
И отъ того имъ снятся заговоры,
Какъ воину все снятся стукъ мечей,
И крѣпости, и врагъ звѣрообразный,
И сладкій звонъ гулякщихъ ковшей.

Патеръ Квицкій.

О юный Царь! Какъ смѣло и поспѣшно
Ты произнесъ неправый приговоръ!
Намъ суждено служить неблагодарнымъ
И тяжкій трудъ всечасно начинать,
Наградъ не зря, плодовъ не собирая.
Да будемъ такъ, какъ ты, Господь, велишь!

Димитрій.

Я не хотѣлъ тебя обидѣть, патеръ;
Я вѣдаю, что опытъ долголѣтній
И хитрый умъ, испытанный въ дѣлахъ,
И знанія въ тебѣ соединились;
И въ трудностяхъ на поприщѣ моемъ
Меня не разъ ты направлялъ ко благу.

Патеръ Квицкій.

Не нужно мнѣ упрековъ, ни похвалъ.
Я не пришелъ минувшихъ дней заслуги
Напоминать, но днесь въ послѣдній разъ
Отъ гибели тебя спасти, Димитрій!
Вокругъ тебя лукавый сонмъ бояръ,
Предъ властію смиренно преклоняясь,
Но съ злобою, сокрытою въ душѣ,
Ужасный ковъ составили во мракѣ.
Но я открылъ ихъ гнусный заговоръ.

Димитрій.

Участниковъ ты знаешь?

Патеръ Квицкій.

Знаю многихъ.
По знатности, по сану, по уму,
Начальникъ всѣмъ князь Шуйскій.

Димитрій.

Быть не можетъ.
Подумай самъ: возможно ль? Шуйскій князь,
Избавленный отъ смертной казни мною!

Марина.

Всегда змѣей останется змѣя.
Признательность чужда для властолюбца,
И низкій духъ обиды помнитъ все,
Въ единый мигъ забывъ благодѣянья.

Димитрій.

Другіе кто?

Патеръ Квицкій.

Всѣ Шуйскаго друзья:
Бутурлины, Татищевъ, Милославскій,
Да Салтыковъ.

Димитрій.

Бездушникъ и подлецъ!

Патеръ Квицкій.

Голицыны.

Димитрій.

Измѣнники двойные.
Да, вѣрю я, тутъ заговоръ сокрытъ.

Патеръ Квицкій.

Къ Куракину въ просторныя палаты
Сбираются полунощной порой.
И тихо все: закрыты плотно ставни,
И запертъ дворъ, чтобъ шумъ иль яркій свѣтъ
Не обличилъ ихъ тайныхъ совѣщаній.

Димитрій.

Не скроются, не скроются во мглѣ
Коварные и низкіе злодѣи.
Я отыщу подземное гнѣздо,
Я раздавлю шипящую эхидну.
Мой вѣрный другъ! Теперь понятны мнѣ
Ихъ рабскія колѣнопреклоненья
И льстивая покорность ихъ рѣчей.
Все медъ и макъ, чтобъ взоры льва младаго
Сомкнулись сномъ; но пробудился левъ.
Готовьтеся къ кровавому отчету,
Преступники! Мой другъ, ты спасъ меня.

Марина.

Ты видишь самъ, что милость безполезна,
Что въ строгости спасеніе царей;
Теперь внимать внушеньямъ кроткимъ сердца
Не долженъ ты. Губи, казни враговъ!

Димитрій.

О, знаешь ли, какъ больно, какъ жестоко
Крамольники мою терзаютъ грудь!
Ты знаешь ли, какъ я люблю Россію?
Ты знаешь ли, что ночію и днемъ,
И въ снахъ моихъ, и въ думахъ, и въ мечтаньяхъ
Все цѣль одна была передо мной—
Отчизны честь и счастье... О ужасно!
За милости, за мой незлобный духъ
Мнѣ заговоръ наградой!... Шуйскій! Шуйскій!
Ты мной прощенъ! И вотъ сердца людей,
А, кротости цѣнить вы не умѣли:
Такъ надъ собой увидите грозу
Свирѣпую, жесточе Іоанна.
Я чувствую, душа горитъ огнемъ,
Въ моей груди родится жажда крови.
Я ихъ казню, стопчу безумцевъ въ прахъ,
Мученьями и казнями упьюся,
Я истреблю злодѣевъ: видитъ Богъ,
Всѣхъ истреблю.

Марина.

Не говори о казняхъ.
Еще борьбы сомнителенъ успѣхъ,
Еще трудна и невѣрна побѣда.

Димитрій.

Что? Страшенъ бой? Трудна побѣда? Мнѣ
Противниковъ страшиться? Нѣтъ, Марина!
Пока я спалъ въ довѣріи слѣпомъ,
Во мглѣ вилась, питалася крамола
И выросла волшебною змѣей;
Но встану я, но голосъ мой раздастся,
Какъ зыкъ трубы гремящей, боевой,
Но мечь блеснетъ, и червемъ обратится
Чудовище, грозившее войной..
Бояться! Нѣтъ! Хитры они, лукавы,
Безсовѣстны, бездушны; но со мной
Начать борьбу не могутъ. Этотъ Шуйскій
Въ дѣлахъ смышленъ, искусный лицемѣръ,
Но не ему съ моей тягаться силой!
А прочіе ничтожнѣе еще...
То бой орла съ полнощною совою.

Патеръ Квицкій.

Но въ темный часъ, когда заснетъ орелъ,
Полнощницѣ нетяжела побѣда.

Димитрій.

Мой взоръ открытъ, и не сомкнется онъ.
Доколь въ конецъ не сокрушу измѣны.
Нестрашенъ мнѣ мятежный ковъ бояръ,
Пока народъ признателенъ и вѣренъ.

Марина.

Народъ, народъ! Да онъ твой первый врагъ
И жадно ждетъ боярскаго призыва,
Чтобы возстать и низложить тебя.

Димитрій.

Возстать? За что? За то ли, что поборы
Я уменьшилъ? За то ль, что власть бояръ
Я укротилъ правдивою рукою;
Что кротокъ я, доступенъ всѣмъ мольбамъ
И правый судъ даю нелицемѣрно?
За это ли?

Марина.

Не ослѣпляйся, Царь!
Для черни ты гнуснѣе Іоанна,
И Годуновъ передъ тобою святъ.
Свирѣпымъ будь: народъ замолкнетъ въ страхѣ;
Преступникомъ: и онъ тебя проститъ.
Ты хуже всѣхъ тирановъ—ты еретикъ.

Димитрій.

Еретикъ! А!

Марина.

И гдѣ жъ твои друзья,
Совѣтники, гдѣ вѣрный твой Басмановъ?
Они молчатъ.

Димитрій.

Не обвиняй Петра!
Онъ говорилъ.

Марина.

И ты ему не вѣрилъ.
И гибельно обманывалъ себя!
Иди жъ внимать, какъ эта чернь слѣпая
Раскольникомъ, безбожникомъ, волхвомъ,
Тебя вездѣ, всечасно называетъ
Въ своихъ церквахъ, и въ тишинѣ домовъ,
И на пирахъ, и на шумящихъ рынкахъ!
Поди внимать, какъ каждая черта,
Какъ каждое замѣчено движенье:
Что ихъ постовъ не соблюдаешь ты,
Не любишь бань, не дремлешь по трапезѣ...

Димитрій *(перебивая).*

Что жъ? Быть слугой, у черни быть рабомъ,
Носить ярмо преданій суевѣрныхъ
И жертвовать привычкой долгихъ лѣтъ?

Патеръ Квицкій.

О, Государь, ты мыслишь благородно,
Храня въ душѣ высокій плодъ наукъ;
Но, оскорбивъ народа предразсудки,
Въ немъ не ищи подпоры и любви;
Жди мятежей и злобы ядовитой
И зрѣющей къ возстанію вражды.
Повѣрія ему дороже вѣры.

Марина.

Есть врагъ другой, лукавѣе бояръ,
Опаснѣе мятежнаго народа;
Онъ ополченъ молитвой и святыней
И совѣстью довѣрчивыхъ гражданъ;
Церковный судъ въ его могущей длани,
Анаѳема гремитъ въ его устахъ.
Онъ раздуваетъ пламя.

Димитрій.

Духовенство?
Я чувствую, что оскорбилъ его.

Марина.

Всѣ на тебя. Одинъ раздастся голосъ
Рѣшительный, и мигомъ вспыхнетъ все;
И ты падешь, какъ жертва безъ защиты,
Безъ боя.

Димитрій.

Нѣтъ, безъ боя не паду!
Нѣтъ эта длань не выдастъ безъ сраженья
Моей главы, и этотъ добрый мечъ
Притупится на ихъ костяхъ враждебныхъ!
Безъ боя? Нѣтъ, такъ гибнетъ въ бѣгствѣ лань,
Такъ подъ свинцомъ падетъ пугливый заяцъ;
А левъ и барсъ ложатся на тѣлахъ,
Сраженные, но чуждой кровью сыты.
Увидимъ мы! Едва взойдетъ заря,
Я завтра же съ Микулинымъ, съ стрѣльцами
Схвачу бояръ преступныхъ.

Марина.

Двухъ иль трехъ
Не болѣе, и завтра же погибнешь.
Ихъ кровные, ихъ вѣрные друзья
Подымутъ кличъ, и вся Москва возстанетъ
На мщеніе.

Димитрій.

Не знаешь ты Москвы!
Она руки преступной не подниметъ
На своего законнаго Царя,
Доколѣ гласъ вдовицы Іоанна
Обманщикомъ меня не назоветъ.
Я клятвою ужасною связалъ
Ея уста и не боюсь измѣны.

Марина.

Такъ вотъ стѣна межъ бездной и тобой:
Слова жены измѣнчивой и слабой,
Измученный раскаяніемъ духъ!
Таковъ оплотъ Московскаго престола
И славный щитъ Россійскаго Царя!
Она клялась! Отъ новыхъ обольщеній,
Отъ совѣсти, отъ страха, отъ угрозъ

Безсильная своей измѣнить клятвѣ.
И что̀ жъ тогда? (*Молчаніе*).

Патеръ Квицкій.

Предупреди враговъ
Рѣшительнымъ ударомъ—и спасешься,
И совершишь въ спокойномъ торжествѣ
Высокія души предначертанья.

Димитрій.

Какъ? Говори!

Патеръ Квицкій.

Рѣдѣетъ ежедневно
Обмана тѣнь; невѣрный мракъ удвой.
Мятежъ ростетъ стоглавою змѣею.
Всѣ головы снеси въ единый махъ.

Димитрій.

Яснѣй, яснѣй!

Патеръ Квицкій.

Съ родительницей мнимой
Заутра же на площади явись,
Да утвердитъ она признаньемъ новымъ
Твоихъ судебъ сомнительный разсказъ,
И патріархъ, твоей покорный волѣ,
Да освятитъ торжественный обрядъ.

Димитрій.

Что̀ пользы въ томъ? Кто будетъ мнѣ порукой,
Что робкая не отречется вновь?
Когда обѣтъ и клятва ненадежны,
Чѣмъ на уста положишь ты печать
Глубокой, вѣчной тайны?

Патеръ Квицкій.

Чѣмъ? Землею. (*Молчаніе*).
Могилы дверь не выдастъ тайнъ своихъ.
Отъ поздняго разскаянья, отъ страха,
Отъ обольщенья власти и надеждъ
Порукой намъ заклепы гробовые.

Димитрій.

О патеръ!

Патеръ Квицкій.

Что̀ жъ? Единый путь открытъ:
Иди по немъ иль гибни! Этой смертью
Ты закалишь своихъ обмановъ цѣпь.
И матери послѣднее прощанье,
Передъ концомъ, раздавшися въ Москвѣ,
Твой царскій тронъ благословитъ на вѣки.

Димитрій.

О, ты ужасенъ!

Патеръ Квицкій.

Гордыя главы,
За коими,—чудовищное тѣло,—
Віется чернь въ волненіи слѣпомъ,
Ты сокрушить единымъ махомъ можешь.

Димитрій.

Бояръ, бояръ, не правда ль?

Патеръ Квицкій.

Всѣхъ зови
На пиршество или совѣтъ великій.

Димитрій.

А послѣ что̀?

Патеръ Квицкій.

Что̀ сдѣлалъ Боабдиль,
Иль Христіернъ. Ты помнишь ли, Царица?

Марина.

Я помню.

Димитрій.

Что̀ жъ?

Марина.

Въ Альгамбру, въ свой дворецъ,
Гренады царь созвалъ Абенсераговъ,
Готовившихъ паденіе его;
Всѣ собрались отъ мала до велика...

Патеръ Квицкій.

И ни одинъ не вышелъ изъ дворца.

Димитрій.

Зарѣзаны?

Патеръ Квицкій.

И ихъ увидя трупы,
Отъ ужаса безмолвствовалъ народъ,
И, предъ царемъ смиренно преклоняясь,
Покорствовалъ.

Димитрій.

И это твой совѣтъ?

Патеръ Квицкій.

Повѣрь мнѣ, Царь! Твои бояре хуже,
Опаснѣе Абенсераговъ.

Димитрій.

Всѣхъ?
Всѣхъ безъ суда—невинныхъ и виновныхъ?

Патеръ Квицкій.

Когда насталъ борьбы послѣдній день,
И дороги летучія мгновенья,
И каждый часъ грозы и бѣдствій полнъ:
Тогда и судъ, и жалость неумѣстны.

Димитрій

Довольно, ксендзъ. И это человѣкъ!
И въ сей груди біется также сердце,
И въ жилахъ сихъ ліется также кровь?
О, Іезуитъ! И ты не призракъ ада?
Не сатана? Я видѣлъ смерть вблизи,
Гулялъ мечемъ въ сраженіи кровавомъ,
Топталъ конемъ дрожащія тѣла,

И радовался битвѣ; но спокойно,
Не поблѣднѣвъ, не дрогнувъ, разсуждать
О выгодахъ гнуснѣйшаго злодѣйства;
Но сотнямъ жертвъ смѣясь готовить казнь
Противно мнѣ. Словамъ твоимъ внимая,
Я чувствовалъ, моя застыла кровь,
На головѣ власы вставали дыбомъ,
И я дрожалъ. Ты страшенъ, Іезуитъ!

Патеръ Квицкій.

А! Ты хотѣлъ владѣть чужимъ престоломъ,
Держать вѣнецъ подъ именемъ чужимъ;
Ты дерзко лгалъ предъ небомъ и землею,
Въ свидѣтели безстыдно звалъ Творца,
И совѣстливъ, какъ строкъ непорочный!
Смѣшно!

Димитрій.

Не съ тѣмъ я овладѣлъ вѣнцомъ,
Чтобы подъ нимъ злодѣйствовать по волѣ.
Для подвиговъ, для чести и похвалъ,
Для славныхъ дѣлъ, дарующихъ безсмертье,
Не для убійствъ, держу я царску власть.
Да, я хотѣлъ и днесь хочу Россіи
Величія и славы.

Патеръ Квицкій.

Доскажи!
Спасенья душъ и Царствія Христова,
И счастія всѣхъ подданныхъ своихъ.
Прекрасно все. Но, Царь мягкосердечный!
Судьба, безъ жертвъ, награды не даритъ,
И страшный путь благой святится цѣлью.

Димитрій.

О перестань!

Марина.

Ужасенъ этотъ путь,
Но для тебя спасенья нѣтъ инаго.
Мятежъ созрѣлъ: онъ вспыхнетъ, и огонь
Безбрежною рѣкою разольется,
И смертному не укротить его.
Предупреди!

Димитрій.

Чѣмъ? Гнусною измѣной
И казнію невинныхъ? Нѣтъ, Марина.

Марина.

О, этотъ міръ исполненъ многихъ золъ;
Невинныхъ кровь течетъ въ народныхъ буряхъ.
Она течетъ, чтобъ бури отвратить,
И сто падутъ, да тысячи спасутся.

Димитрій.

Въ моемъ дворцѣ убить моихъ гостей!
Въ монастырѣ печальную вдовицу,
Готовую чинъ ангельскій пріять...
Ужасно! Нѣтъ, я не могу.

Марина.

Иди же,
Сложи главу на плахѣ площадной!
При хохотѣ безумнаго народа
Окончи жизнь, какъ презрѣнный злодѣй,
Какъ низкій воръ! Конецъ тебя достойный.
Не правда ли? Возьми за всѣ труды,
(*Димитрій въ волненіи закрываетъ глаза руками*)
За подвиги, за битвы всѣ въ награду
Анаѳему, насмѣшки и топоръ!..
Гляди, гляди! Идетъ въ твоей порфирѣ
Князь Шуйскій.

Димитрій (*вскакивая*).

Кто? Безсовѣстный злодѣй,
Бездушникъ! Онъ Царемъ!

Марина.

Веселымъ крикомъ
Толпа льстецовъ привѣтствуетъ его.
А тамъ въ крови, во прахѣ кто поверженъ?
Внимай, внимай! Тамъ черни дикій вопль,
Слова: „Злодѣй, обманщикъ, злой разстрига“.
Тамъ ярый смѣхъ, и вотъ твоя судьба,
Вотъ имени великаго безсмертье!

Димитрій.

О, пощади!

Марина.

И снова вспыхнетъ бунтъ,
И новыхъ бѣдъ возстанетъ злая жатва,
И, разъ вкусивъ тревогъ и мятежей,
Народъ вскипитъ въ войнахъ междоусобныхъ,
И Русь твоя безъ силы, безъ царя,
Падетъ подъ власть враговъ иноплеменныхъ.

Димитрій.

Остановись! Еще не конченъ бой,
Еще бояръ сомнительна побѣда (*всплеснувъ руками*).
Но въ руки взять разбойничій кинжалъ,
Но сыпать ядъ въ сосудъ жены безсильной.
О ужасъ!... Петръ! Бояринъ Петръ Басмановъ!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Входитъ **Басмановъ**.

Димитрій.

Мой вѣрный другъ, спаси, спаси меня!
Ты видишь ли, вотъ женщина и старецъ;
Но это зміи. Чтò? Не вѣришь ты!
О, если бы ты ихъ услышалъ рѣчи,
Ты содрогнулся бъ (*послѣ молчанія*). Заговоръ открытъ.
Къ Куракину полнощные злодѣи
Сбираются.

Басмановъ.

Я этой вѣсти ждалъ;
Но тайна зла доселѣ сокрывалась
Отъ глазъ моихъ.

Димитрій.

И множество бояръ
Участниковъ въ опасномъ ковѣ.

Басмановъ.

Вѣрю.

Димитрій.

Къ возстанію Москва готова.

Басмановъ.

Царь,
Не тоже ли и Вандеманъ, и Фидлеръ,
И я тебѣ всечасно говорили?

Димитрій.

Бѣда близка. Что́ думаешь, Басмановъ?

Басмановъ

О если бы, услыша мой совѣтъ,
Ты дружбою нескромной къ Іезуитамъ
Не раздражалъ духовныхъ и Литвы
Гордыню стеръ могучею рукою,
И Шуйскаго казнилъ, или сославъ,
Не миловалъ, не возвращалъ изъ сылки:
Тогда бъ легко ты обуздалъ мятежъ
И сокрушилъ боярскую крамолу.
Но нѣтъ, тогда, то гнѣва чудный пылъ,
То кроткій духъ, довѣрчивая благость,
То рѣчь любви мутила ясный умъ
И гибельной вели тебя стезею.

Димитрій.

То прошлое; но что́ теперь?

Басмановъ.

Теперь
Лишь кровію, и лишь потокомъ крови
Спасешься ты.

Димитрій.

Я понялъ мысль твою:
Не правда ли, казнить виновныхъ смертью?

Басмановъ.

Безъ жалости.

Димитрій.

Лазутчиковъ пошли
Ты завтра въ ночь, чтобъ стерегли палаты
Куракина; и если бы къ нему
Мятежные бояре собралися,
Всѣхъ захватить! Скажи царицѣ Маѳѣ,
Чтобы она готовилась со мной
На площади явиться послѣ завтра.
Микулину вели, чтобы стрѣльцы
Во всякій часъ готовы были къ битвѣ,
Чтобъ первый звукъ и первый гласъ трубы
Созвалъ ихъ въ Кремль. Дружинѣ иноземной
Немедленно ты тотъ же дай приказъ.

Басмановъ.

Исполню все. Но лучше бы не медля,
Оставивши враждебную Москву,
Тебѣ спѣшить въ усердную Украйну:
Тамъ будешь ждать Елецкихъ ты полковъ
И казаковъ, и вольницы Литовской.

Димитрій.

Бѣжать, бѣжать! Нѣтъ, это стыдно, Петръ!
Дай здѣсь сперва управиться съ врагами,
Потомъ въ походъ; но полночь ужъ близка.
Прощай, мой другъ, пойду искать покоя (*уходитъ*).

Басмановъ.

Погибнетъ онъ, но я его люблю:
Незлобный духъ и смѣлый, и достойный
Прекраснаго Россійскаго вѣнца (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Марина и патеръ Квицкій.

Патеръ Квицкій.

Ты слышала: Царица послѣ завтра
На площади является съ Царемъ.

Марина.

А послѣ что́ жъ?

Патеръ Квицкій.

Тогда ужъ наше дѣло,
Чтобъ никогда не отреклась она.
На пиршество за Срѣтенской заставой
Сбирается Московскій весь народъ,
И всѣ бояре. Польская дружина
Надежна ли?

Марина.

Надежна.

Патеръ Квицкій.

Мысль мою
Ты поняла?

Марина.

Супругъ мой малодушенъ,
Такъ безъ него мы дѣйствовать должны.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

(Домъ князя Шуйскаго).

Ляпуновъ (*одинъ у окна*).

Какъ ночь ясна! Какъ ярко свѣтитъ мѣсяцъ,
Любуяся на спящую Москву!
Видалъ ли онъ, гуляя въ поднебесной,
Столь пышный градъ? Видалъ ли Кремль другой?
Какъ въ сумракѣ восходитъ величаво
Весь сонмъ палатъ, бойницъ и древнихъ стѣнъ,
И каждая изъ этихъ гордыхъ башенъ,
И каждый храмъ сіяніемъ луны
Украшенный какъ сребрянною ризой,
Увѣнчанный своимъ златымъ вѣнцомъ!
Ни зыби на рѣкѣ, ни облака въ лазури,
И воздухъ тихъ; а днемъ была гроза
И громъ гремѣлъ, но злымъ налетомъ бури
Очищены надолго небеса.
И будетъ тожъ съ святою нашей Русью.
Да будетъ ли? Не лжетъ ли Шуйскій князь?
Не тѣшитъ ли меня онъ земской думой,
И не себѣ ль готовитъ онъ престолъ?

Престолъ ему, ему, а власть боярамъ,
Какъ въ прежни дни страданій и стыда,
Когда рабомъ своихъ рабовъ надменныхъ
Сидѣлъ въ вѣнцѣ младенецъ Іоаннъ!
И это ли готовимъ для Россіи?
Для этого ль трудится Ляпуновъ?
Не лучше ли отважный Самозванецъ
Съ высокою и пылкою душой,
Чѣмъ низкіе, бездушные бояре,
Чѣмъ Шуйскій сей, холодный лицемѣръ?
Не лучше ли?... Какія это пѣсни?..
А, Поляки съ своихъ пировъ полнощныхъ
Бредутъ домой.

(*Музыка и голосъ на улицѣ*).

Если топну я ногою:,
Если звякнетъ сталь:
Тотчасъ въ землю предо мною
Кланяйся Москаль.

А, пойте молодцы!
Какъ весело и во́ время пропѣли
Свой приговоръ и гибель Лжецаря...
Сгублю его... А если князь Василій...
Что́ жъ? Часъ придетъ, сочтемся.

(*Входитъ князь Скопинъ-Шуйскій*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Князь Скопинъ-Шуйскій.

Ляпуновъ,
Давно ль ты здѣсь?

Ляпуновъ.

Давно.

Князь Скопинъ-Шуйскій.

Да гдѣ жъ другіе?

Ляпуновъ.

Къ полуночи сберутся. Дядя твой
До сей поры домой не возвращался.

Князь Скопинъ-Шуйскій.

Знать у Царя запировался онъ.

Ляпуновъ.

Чтò жъ не былъ ты на праздникѣ веселомъ?

Князь Скопинъ-Шуйскій.

Нѣтъ, Ляпуновъ, души не удержу.
Я не могу смиряться лицемѣрно
Передъ врагомъ.

Ляпуновъ.

Поди, да поучись
У Шуйскаго.

Князь Скопинъ-Шуйскій.

Чтó говорить о дядѣ?
Онъ старъ: не кровь, а ледъ въ его груди;
Онъ можетъ льстить и думать объ убійствѣ,
И ласково отраву подавать,
И кланяться, и сладко улыбаться,
И между тѣмъ выглядывать, куда
Кинжалъ вѣрнѣй, смертельнѣе ударитъ.
Нѣтъ, Ляпуновъ, онъ не примѣромъ мнѣ.

Ляпуновъ.

Все хорошо; но если царь Димитрій...

Князь Скопинъ-Шуйскій (*перебивая*).

Не Царь и не Димитрій, просто лжецъ,
Отрепьевъ, Гришка. Слушай, это имя
Меня какъ ядомъ жжетъ; его лицо
Противно мнѣ, какъ адъ; противенъ голосъ,
Какъ рѣзкое шипѣніе змѣи.
Не говори объ немъ! Невольно рвется
Рука къ мечу, и мечъ какъ бы живой
Дрожитъ въ ножнахъ.

Ляпуновъ.

Ну, скоро часъ спасенья
Для насъ пробьетъ.

Князь Скопинъ-Шуйскій.

Пора, давно пора!
О Господи, когда тотъ день настанетъ,
Когда мечемъ я въ схваткѣ роковой
Съ нимъ встрѣчуся, неумолимый мститель
За нашу Русь, за стыдъ и плѣнъ Москвы?
О, я готовъ, когда бы можно, кровью
Всей кровію, чтó въ сердцѣ у меня,
Тотъ листъ омыть, въ которомъ вѣкъ грядущій
Съ насмѣшкою запишетъ нашъ позоръ!

Ляпуновъ.

Какой позоръ! Что вѣрили мы баснѣ,
Что, именемъ прельщенные святымъ,
Дались въ обманъ!

Князь Скопинъ-Шуйскій.

И я ему повѣрилъ,
Ему служилъ! Но слушай, Ляпуновъ,
Теперь конецъ. У всѣхъ открыты взоры,
Туманъ исчезъ, и всѣхъ бояръ сердца
Святымъ огнемъ мгновенно запылали,
Огнемъ любви къ своей странѣ родной.

Ляпуновъ.

Въ боярахъ, князь, такихъ сердецъ немного;
На перечетъ: Голицынъ князь Андрей,
Да стольникъ князь Пожарскій, да Волконской,
А прочіе!....

Князь Скопинъ-Шуйскій.

Ты всюду видишь зло.

Ляпуновъ.

Да гдѣ добро? Я молодъ, князь Михайло,
Но знаю свѣтъ; и этотъ свѣтъ лукавъ.

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

Князь Шуйскій.

Здѣсь Ляпуновъ и мой племянникъ. Поздно,
Друзья мои, я прихожу домой.

Ляпуновъ.

Чтó, съ пиру?

Князь Шуйскій.

Нѣтъ, я совѣщался долго
Съ Куракинымъ. Да будутъ ли сюда
Всѣ званые?

Ляпуновъ.

Когда настанетъ полночь,
Знатнѣйшіе дворяне и жильцы,
И сотники, и головы градскія
Придутъ сюда.

Князь Шуйскій.

Я звалъ еще къ себѣ
Начальниковъ дружинъ Новогородскихъ,
Дворянъ Тверскихъ, Смоленскихъ; ихъ полки
Вблизи стоятъ и царскихъ ждутъ приказовъ,
Чтобы въ походъ отправиться къ Ельцу.

Ляпуновъ.

Надежны ли?

Князь Шуйскій.

Ихъ нечего бояться:
Народъ честнòй, издавна врагъ Литвѣ,
И любитъ насъ, и помнитъ Годунова.

Ляпуновъ.

Да, помощь ихъ была бы кстати намъ.

Князь Шуйскій.

Пришлà порà рѣшиться. Передъ нами
Готовится кровавая бѣда.
Предупредимъ ее.

Князь Скопинъ-Шуйскій.

Ну, слава Богу,
Намѣшкались, надумалися вы.

Ляпуновъ.

А послѣ, князь, не правда ль, земской думой
Избрать Царя?

Князь Шуйскій.

Конечно, Ляпуновъ.
Мы думу соберемъ... А вотъ ужъ полночь. (*Полночь бьетъ. Изъ другихъ комнатъ слышно пѣніе слѣпаго Антонія*).
Полнощный часъ, полнощный часъ!
Душа, проснися для моленья,
Псалтырь возставь для пѣснопѣнья,
Проснися гуслей сладкій гласъ!
Молись! Господень взоръ не дремлетъ,
Господень слухъ молитвамъ внемлетъ,
И ночи пасмурная тѣнь
Предъ Нимъ свѣтла, какъ ясный день.

Блаженъ, кто полный умиленья,
Поднявши очи къ небесамъ,
Благоуханнаго хваленья
Ночной сжигаетъ ѳиміамъ.
Настанетъ день, и съ новой силой
Онъ какъ орелъ ширококрылый
Помчится въ путь, и Божій щитъ
Его незримо осѣнитъ.

Но если именемъ святыни,
Какъ ризой покрываешь ты
Лукавства, злобы иль гордыни
Своекорыстныя мечты:
Тебя Господень судъ постигнетъ,
Народны бури Онъ подвигнетъ,
И домъ, и родъ преступный твой
Снесетъ кровавою волной.

Князь Скопинъ-Шуйскій.

Да будетъ такъ!

Ляпуновъ.

Какъ я люблю Россію,
Такъ всѣ труды и подвиги мои
Благослови, Господь!

Князь Шуйскій (*послѣ молчанія).*

Гостей примите!
Съ Антоніемъ межъ тѣмъ поговорю. (*Уходитъ*).

Ляпуновъ.

Онъ промолчалъ: знать совѣсть нечиста!

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Князь Скопинъ-Шуйскій.

Въ сѣняхъ шумятъ: не наши ль? Вотъ Татищевъ
Съ Валуевымъ, Засѣкинъ, Колычовъ.

Ляпуновъ.

Ихъ много тутъ, а въ задніе ворота
Такъ и валятъ. Пойдемъ ихъ принимать. (*Уходитъ*).

Князь Скопинъ-Шуйскій (*входящимъ гостямъ*).

Привѣтствую васъ, гости дорогіе,
Отъ имени хозяина.

Первый.

Да гдѣ жъ
Нашъ ласковый хозяинъ?

Князь Скопинъ-Шуйскій.

Онъ сейчасъ
Самъ явится.

Второй.

Едва пробила полночь,
И по дворамъ пропѣли пѣтухи,
Мы тутъ какъ тутъ.

Князь Скопинъ-Шуйскій.

На васъ надежда наша
Крѣпка, какъ сталь.

Третій.

Здорово, князь Скопинъ.
Повѣришь ли, что сердце такъ и пляшетъ,
Какъ на тебя взгляну? Ужъ какъ похожъ
Ты на отца и взглядомъ, и лицомъ,
И голосомъ.

Князь Скопинъ-Шуйскій.

Дай Богъ, чтобъ и дѣлами
Я былъ похожъ!

Третій.

Но только не концемъ.

Князь Скопинъ-Шуйскій.

Была бы жизнь возвышенна, прекрасна:
Смерть все одна, какая бъ ни пришла.

Тверской дворянинъ.

Зачѣмъ мы здѣсь?

Другой.

Ужъ вѣрно же не даромъ:
Князь Шуйскій звалъ и въ этотъ поздній часъ
Сбираетъ всѣхъ не для пустой забавы.

Третій.

Гляди-ка, братъ, сановники, купцы,
Бояре и мѣщане.

Другой.

Сердце чуетъ,
Что кроются здѣсь важныя дѣла.

Третій.

Не на Литву ль? Она ужъ всѣмъ постыла.

Бояринъ.

Ужъ нынче Царь натѣшился довольно.

Валуевъ.

Вотъ, подожди, потѣшимъ плясуна.

Тверской бояринъ.

А! Слышишь ли?

Бояринъ.

Какъ шутъ въ нарядѣ Польскомъ,
Онъ такъ плясалъ съ Маринкою своей
Да съ Ляхами, что за него невольно
Я покраснѣлъ.

Валуевъ.

А между тѣмъ текла
Невинныхъ кровь, святая передъ Богомъ,
Кровь инока и десяти стрѣльцовъ,
Безбожника въ обманѣ обличавшихъ.

Купецъ.

Мы собрались. Да что же пользы въ томъ?
Вѣдь злой колдунъ, Разстрига окаянный
И съ вѣдьмою Мариной, сквозь стѣны
Все видитъ, слышитъ: бѣсы переносятъ
Имъ каждое словечко.

Ляпуновъ.

Подожди!
Немного здѣсь услышишь: всѣ окошки,
Ворота, дверь, осѣнены крестомъ,
Окроплены святой водою.

Купецъ.

Такъ-то!
Догадливъ князь, ужъ нечего сказать!
(*Входятъ многіе*). Спасите, заступитесь!

Ляпуновъ.

Что такое? (*окружаютъ ихъ*).

Первый.

Насъ Поляки...

Второй.

Постойте, я скажу.
Мы пятеро безъ шума пробирались
По улицѣ.

Первый.

Да изъ чего шумѣть?
Кажися, мы не хмельны.

Второй.

Не бродяги.
Я сотникъ городской.

Первый и Третій.

А мы купцы
Не изъ послѣднихъ; торгъ ведемъ съ Ганзою.

Четвертый.

А я жилецъ.

Пятый.

Я царскій дворянинъ.

Бояринъ.

Мы знаемъ васъ. Да что́ жъ случилось съ вами?

Второй.

Вотъ встрѣтилась намъ шайка Поляковъ.

Первый.

Всѣ пьяные.

Второй.

Какъ крикнутъ: „прочь съ дороги,
Московскія собаки!“

Первый.

А другой:
„Какія тутъ собаки, все бараны“.

Второй.

Нѣтъ: „зайцы“, онъ сказалъ.

Первый.

Ну, все равно;
И пьяные какъ вдругъ поднимутъ хохотъ!

Второй.

Мы медлили. Тутъ принялись они
Бить и рубить, рубить и бить. Скорѣе
Мы въ переулокъ, а они за нами,
Мы въ лавку, вотъ къ нему.

Первый.

Что́ на углу
Мясницкой.

Второй.

Да едва, едва спаслись.

Первый.

А лавку-то разграбили злодѣи:
Все унесли, поставили вверхъ дномъ.

Тверской дворянинъ.

Ну, хорошо житье въ престольномъ градѣ!
У насъ въ Твери спокойно.

Ляпуновъ.

И до васъ
Не нынче-завтра гости доберутся.

Многіе.

Чего же ждать?
Да долго ли терпѣть?
Возстанемъ разомъ.

Ляпуновъ.

Вотъ идетъ хозяинъ.

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Входитъ **Князь Шуйскій.**

Князь Шуйскій.

Отъ имени поруганной Москвы,
Отъ имени страдающей Россіи,
Въ послѣдній разъ, товарищи-друзья,
Я васъ созвалъ для думы и совѣта.

Одинъ голосъ.

А послѣ ужъ за дѣло?

Князь Шуйскій.

О друзья,
Предъ нами путь высокій и прекрасный,
Предъ нами долгъ завидный и святой!
Насъ Богъ зоветъ на подвигъ: въ наши руки
Отечества грядущую судьбу

И древнее сокровище святыни,
Владимира Божественный завѣтъ,
Онъ отдаетъ. Мы будемъ ли достойны
Высокаго призванія сего?
Свершимъ ли трудъ завѣщанный отъ Бога?
Оставимъ ли потомству своему
Мы край родной, могучій, чистый, вольный,
Какъ отъ отцовъ его пріяли мы?
Отвѣтствуйте!

Голоса.

Вѣстимо не измѣнимъ.
Не выдадимъ.
За красную Москву,
За церковь и за вѣру мы готовы
И грудью стать, и головою лечь.

Князь Шуйскій.

Нѣтъ, не въ конецъ за беззаконья наши
Прогнѣвался Господь. Нѣтъ, Онъ спасетъ
Отъ гибели народъ Свой православный.
Есть добрыя и смѣлыя сердца,
Горящія любовію къ Россіи;
Есть души сильныя, для коихъ смерть,
Пріятая за родину, краснѣе,
Чѣмъ долгій вѣкъ въ иноплеменныхъ узахъ.
И здѣсь онѣ... и наша Русь жива!
Минувшее вспомянемъ мы! Царевичъ
Былъ въ Угличѣ убійцами сраженъ,
И видѣли останки бездыханны,
И знали всѣ, кѣмъ онъ убитъ... Увы!
Мы тяжко согрѣшили: мы въ порфиру
Святоубійцу нагло облекли!
И посѣтилъ насъ Божій гнѣвъ правдивый:
Подъ именемъ царевича возсталъ
Разстрига злой, пріемышъ Іезуитовъ,
И съ помощью враждебной намъ Литвы
Онъ рать привелъ и взоры отуманилъ...
И передъ нимъ (знать такъ Господь велѣлъ)
Всѣ пали ницъ, и вѣрили безумно.
И нелюбимъ былъ строгій царь Борисъ.
И сладкими, волшебными рѣчами,
Отважныхъ дѣлъ высокою молвой
Невѣрящихъ прельстилъ злодѣй лукавый.

Голоса.

Да, онъ колдунъ и въ дѣлѣ: и въ словахъ
Ужъ соловей,
И словно звѣрь въ сраженьи.

Князь Шуйскій.

Но долго ли продлился сей обманъ,
И долго ль насъ надежда утѣшала?...
Вы знаете, что первый изъ бояръ
Я обличилъ злодѣя, что на плаху
Меня вели, что голова моя
Подъ топоромъ лежала.

Голоса.

Помнимъ, помнимъ!

Князь Шуйскій.

Я не хвалюсь: я долгъ исполнилъ свой,
Какъ Русскій князь и человѣкъ крещеный,
И всякій день на тоже вновь готовъ,
За истину, за васъ и за Россію;
Хоть завтра, нынче, хоть сейчасъ!

Голоса.

За то
Тебя Господь благословитъ во вѣки.

Князь Шуйскій.

Я шелъ на казнь; злодѣй въ своемъ вѣнцѣ
Торжествовалъ; Москва какъ въ снѣ глубокомъ
Не тронулась; но Божія рука
Меня спасла! Съ тѣхъ поръ завѣса пала:
И иноки святые, и стрѣльцы,
И ближніе, и мать его, и братья
Всечасными уликами будили
Нашъ спящій духъ—и болѣ! Небеса
Димитрія могилу освятили;
Тамъ частыя сіяли чудеса,
И свѣтлыя являлися видѣнья,
И лились благодать и исцѣленья,
Какъ благовонная роса.
И святъ былъ гробъ царевича; но что же
Мы зрѣли здѣсь? Безбожье и развратъ,

И стыдъ, и грѣхъ подъ именемъ святаго.
Въ самомъ Кремлѣ Латинскихъ пѣсенъ гласъ
Теперь звучитъ; Полякъ съ своими псами
Вступаетъ въ храмъ; Владимира вѣнецъ
На головѣ царицы некрещенной.
О тяжело! Невольно токи слезъ
Бѣгутъ изъ глазъ.

Голоса.

Смотри: онъ вправду плачетъ.
Что говоритъ? Онъ праведникъ прямой.

Князь Шуйскій.

Царевичъ спитъ въ своемъ кровавомъ гробѣ,
А здѣсь злодѣй даритъ врагамъ Москвы
Ея царей державное стяжанье.
Край Сѣверскій за Мнишкомъ укрѣпилъ,
А Новгородъ и древній городъ Ольгинъ
Своей женѣ.

Голоса.

Какъ! Онъ дерзнулъ отдать
Нашъ старый Псковъ?
И Новградъ? Быть не можетъ!

Бояринъ.

Мы грамоту читали.

Князь Шуйскій.

А Смоленскъ
Назначилъ онъ въ подарокъ Сигизмунду.

Голоса.

Смоленскъ, Смоленскъ!
Нѣтъ, этому не быть!
Нѣтъ, мы умремъ скорѣе.
Эту руку
Тогда я самъ зубами изгложу,
Когда враговъ она въ нашъ городъ пуститъ.

Князь Шуйскій.

Увидите! И здѣсь, въ самой Москвѣ
Мы плѣнники, а Ляхи господами...
Что тамъ за шумъ? Кто это весь въ крови
Съ мечемъ въ рукѣ? Ты, Колобовъ?

Колобовъ.

Отмстите,
Отмстите за меня! Въ мой мирный домъ
Съ оружіемъ вломилась шайка Ляховъ:
Мой сынъ убитъ, похищена жена,
И ранами покрытый самъ насилу..
Отмстите! (*падаетъ въ обморокъ*).

Князь Шуйскій.

А! Что̀ говорить еще?
Рѣшитеся! Намъ до̀роги мгновенья.
Хотите ль ждать грозящей намъ бѣды?
Хотите ль зрѣть, сложивъ спокойно руки,
На мѣстѣ томъ, гдѣ нынѣ Божій храмъ,
Безбожіе Латинскаго костела?

Голоса.

Нѣтъ, никогда!

Князь Шуйскій.

Съ высокихъ стѣнъ Москвы
Хотите ль зрѣть Литовскую границу?
Хотите ли безъ ропота главу
Подъ тяжкій гнетъ, подъ иго иноземцевъ,
Подъ злую руку робко преклонить?

Голоса.

Нѣтъ, не хотимъ!
Нѣтъ, не потерпимъ срама!

Князь Шуйскій.

Внемлите мнѣ! Хотите ли со мной
Возстать за Русь, за Церковь пресвятую,
И Ляховъ цѣпь, и власть Разстриги злую
Избыть мечемъ и силой боевой?
Хотите ли? И вспрянемъ мы грозою
И, мстители обмановъ и обидъ,
Сотремъ могучею рукою
Россіи тяжкій плѣнъ, Москвы кровавый стыдъ.
Отвѣтствуйте!

Голоса.

Мы всѣ съ тобой!
Избудемъ,
Избудемъ Самозванца!
Чтобы слѣдъ
Его пропалъ! Чтобъ Ляхами не пахло
На Русской сторонѣ!
Мы всѣ съ тобой!
Веди насъ, князь, не выдадимъ Россіи!

Князь Шуйскій.

Какой же день назначимъ?

Голоса.

Чѣмъ скорѣй
Тѣмъ лучше.
Да; но многіе оружья
Не добыли.
Пустое! Есть ножи
И топоры, рогатины, дреколья,
И въ правомъ дѣлѣ Богъ помощникъ намъ.

Бояринъ.

За Срѣтенской заставой послѣ завтра
Пиръ всей Москвѣ, и Ляхи, какъ всегда,
Напьются винъ и меда, и безпечно
Въ домахъ заснутъ. Ударимъ въ туже ночь
На Понедѣльникъ! Мудрые бояре,
Согласны ль вы?

Бояре.

Согласны.

Бояринъ.

Вы, друзья,
Что̀ скажете?

Голоса.

Мы будемъ всѣ готовы.

Князь Голицынъ.

На Понедѣльникъ? Кто-то будетъ живъ?

Другой.

Да, во дворцѣ не даромъ говорили,
Что для бояръ кровавый пиръ дадутъ
На Срѣтенскомъ лугу.

Бояринъ.

Такъ завтра?

Голоса.

Завтра.
Бѣда близка, и дорогъ каждый мигъ.

Князь Шуйскій.

Такъ! Завтра въ ночь возстанемъ дружно, смѣло
И нападемъ на дремлющихъ враговъ,
Да перейдутъ отъ сновъ горячей нѣги
Въ холодный мракъ, въ подземный крѣпкій сонъ.
Передъ зарей раздастся звукъ набата
Со всѣхъ церквей; тогда стремитесь въ Кремль!
Не страшенъ бой, побѣда несомнѣнна;
Однихъ крестьянъ и вѣрныхъ слугъ моихъ
Здѣсь тысячъ шесть.

Князь Голицынъ.

Такъ много?

Князь Шуйскій.

Изъ помѣстьевъ
Я ихъ созвалъ. Другихъ боярскихъ слугъ
Не менѣе; всѣ съ ружьями, съ мечами.

Дворяне.

Дворяне всѣ возстанутъ.

Князь Шуйскій.

Вы, купцы
И сотники градскіе?

Купцы.

Князь Василій!
Насъ трудно счесть, насъ много, и никто
Не измѣнитъ.

Другой.

А развѣ кто отстанетъ,
Такъ мясники.

Другой.

Теперь имъ любо жить,
Пока постовъ не думаютъ и вспомнить
Ни Поляки, ни нашъ Отрепьевъ-воръ.

Князь Шуйскій.

Что̀ намъ до нихъ? Рогатки изготовьте,
Всѣ улицы заприте, чтобъ никто
Не могъ ни въ Кремль, ни изъ Кремля спастися.
А что́ стрѣльцы?

Стрѣльцы.

Не тронутся они.
Хоть многіе къ намъ склонны, да боятся
Микулина; другіе же Царю
Привержены за то, что онъ отваженъ
И удальствомъ ихъ тѣшитъ, и окладъ
Двойной даетъ.

Князь Скопинъ-Шуйскій.

Безъ помощи стрѣлецкой
Все сдѣлаемъ.

Князь Шуйскій.

Вы, храбрые дворяне,
Начальники полунощныхъ дружинъ,
Какъ много васъ?

Дворянинъ.

У насъ осьмнадцать тысячъ
Отборныхъ войскъ.

Князь Шуйскій.

Когда потухнетъ день,
Захва̀тите ворота городскіе
И въ тишинѣ дождетесь вѣсти.

Дворянинъ.

Князь,
На бой, на смерть, на язвы мы готовы;
Да вотъ бѣда!

Князь Шуйскій.

Чтó скажешь?

Дворянинъ.

Видишь, князь!
Мы люди всѣ нехитрые, простые,
И насъ легко ввести въ обманъ.

Князь Шуйскій.

Въ обманъ!
Въ какой обманъ?

Дворянинъ.

Послушай, князь Василій,
Боярамъ всѣмъ мы вѣримъ и тебѣ...

Князь Шуйскій.

Такъ чтó жъ еще?

Дворянинъ.

Великъ отвѣтъ предъ Богомъ.
Ну, если онъ и вправду царскій сынъ?

Князь Шуйскій.

Онъ царскій сынъ? Онъ извергъ, бѣглый дьяконъ.
Всѣ знаютъ то.

Дворянинъ.

Когда царица Марѳа
Объявитъ намъ, что онъ не сынъ ея,
Тогда, тогда сгубить его клянемся,
И истребить, и даже слѣдъ его
Съ земли стереть.

Другой.

И вправду, пусть Царица
Благословитъ нашъ подвигъ.

Третій.

Для чего?
Всѣмъ истина извѣстна.

Другой.

Но сильнѣе
Свидѣтельствъ всѣхъ ея слова.

Четвертый.

Она.
Одна она неправды намъ не скажетъ.

Многіе.

Она рѣшитъ, и мы повѣримъ ей.

Салтыковъ.

Бѣда, бѣда! Вотъ къ совѣсти дворянской
Пристали вмигъ мѣщане и купцы.
О, эта совѣсть, совѣсть!..

Князь Шуйскій (*Ляпунову*).

Мы погибли.

Ляпуновъ (*выходитъ впередъ*).

Иль мните вы, что мы на подвигъ сей
Созвали васъ безъ вѣдома Царицы?
Что не она, вручая намъ мечи,
Ко мщенію нашъ путь благословила?

Дворяне.

Пусть рѣчь твою намъ подтвердитъ сама,
И мы пойдемъ, и горе Самозванцу!
Но безъ того не извлечемъ меча.

Другой.

Вѣстимо такъ.

Ляпуновъ.

Такъ завтра къ темной ночи
Сберитесь вновь, и съ нами въ монастырь
Мы всѣ идемъ. Согласны ли, бояре?

Бояре.

Какъ Шуйскій князь?

Князь Шуйскій.

Онъ мысль мою сказалъ.

Ляпуновъ.

Сберетесь ли къ назначенному сроку?

Многіе.

Всѣ явимся до однаго.

Князь Шуйскій.

Друзья!
Простите днесь. Но, помня обѣщанье,
Вновь жду я васъ, когда настанетъ ночь.
(*Уходятъ всѣ, кромѣ Шуйскаго и Ляпунова*).

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Ты обѣщалъ.

Ляпуновъ.

Да что же было дѣлать?
Молчать? Такъ въ мигъ всѣ измѣнили бъ намъ.

Князь Шуйскій.

Да какъ исполнимъ?

Ляпуновъ.

Выручитъ Антоній.
Онъ набоженъ, хитеръ, краснорѣчивъ,
Въ немъ духъ горитъ любовію къ святынѣ
И злобою на ересь лже-царя.
Иду къ нему: онъ насъ спасетъ! (*Уходитъ*).

Князь Шуйскій (*одинъ*).

Ужасно!
У пристани погибнетъ ли корабль?
Исчезнутъ ли опять мои надежды?...
Что? Ежели Царица.... Ляпуновъ
Насъ выручитъ.. Не вѣрю Ляпунову.
Тяжелый часъ! Тутъ гибель, тутъ вѣнецъ!
Когда она Димитрія признаетъ:
Тогда бѣда, тогда всему конецъ!
Глава горитъ, и сердце замираетъ.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Монастырская келья.

Царица Марѳа (*одна*).

Ужъ конченъ день, заря вечерня гаснетъ.
О не спѣши, румяная заря,
Не угасай! Часы не улетайте,
Помедли ночь! Заутра страшный день.
Заутра вновь, о ужасъ, предъ народомъ
Отъ сына отрекусь, заутра вновь
Обманщику дамъ царское названье,
И вся земля услышитъ, церковь вся
Во образѣ святого патріарха
Благословитъ обрядъ. Нѣтъ, не пойду.
Я не хочу и не должна. Довольно
Мученія я на душу взяла,
Довольно тяжкихъ дней, ночей безсонныхъ
Я провела. И вновь теперь идти,
Вновь грѣшный духъ продать нечистымъ силамъ,
Въ виду земли и внемлющихъ небесъ,
Въ виду Творца, и Ангеловъ, и смертныхъ!
Я не могу!... Но, горе! Я клялась,
Безумная клялась передъ иконой
И крестъ святой въ свидѣтели звала;
И Божій громъ, когда нарушу клятву,
Меня сразитъ, и ада вѣчный огнь
Меня пожретъ. О пощади, Всевышній!
О Господи, услышь мою мольбу,
О укрѣпи слабѣющую душу,
Дай силы мнѣ.... Вновь смѣло согрѣшать,
Вновь предъ Его святыней лицемѣрить
И ложію обрадовать бѣсовъ!
О горе, горе! Грѣшницы молитвы
Ужаснѣе хулы; мои слова
Ругательство надъ Богомъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Входитъ **Антоній.**

Антоній.

Миръ Господень
Обители и кельи сей.... Молчатъ.
Знать, нѣтъ Царицы.

Царица Мареа.

Ты ль, слѣпецъ Антоній.
Такъ поздно, ночью?

Антоній.

День—пора заботъ,
Суетъ, торжествъ, и шума, и обмановъ;
А ночь тиха, полна святыхъ молитвъ,
И истины, и совѣсти, и Бога.

Царица Мареа.

Нѣтъ: совѣсти, раскаянья и слезъ
Она полна.

Антоній.

О перестань, Царица!
Тому страшна безмолвной ночи тѣнь,
Кто власти тьмы и вѣчно лгущимъ силамъ
Свой продалъ духъ безсмертный. Ты должна
Спокойной быть.

Царица Мареа.

Да, я спокойна.

Антоній.

Вѣрю
Ужъ царство лжи слабѣетъ и падетъ;
Послѣдній слѣдъ обмановъ исчезаетъ.
Ты знаешь вѣсть?

Царица Мареа.

Какую вѣсть?

Антоній.

Тотъ прахъ,
Тотъ низкій прахъ, который въ царскомъ гробѣ
Подъ именемъ Царевича сокрытъ.

Царица Мареа.

Гдѣ, въ Угличѣ?...

Антоній.

Онъ почестью и блескомъ.
Былъ окруженъ; но нынѣ Царь велѣлъ
Сей низкій прахъ извергнуть изъ собора.

Царица Мареа.

Прахъ сына моего? Прости, прости,
О Господи!? Я измѣнила клятвѣ,
Я тайну обличила. Прочь, старикъ,
Прочь съ глазъ моихъ, обманщикъ!

Антоній.

Тайну, тайну
Ты мнѣ открыла! Иль забыла ты,
Что не всегда мой взоръ былъ тьмой задернутъ,
Что въ Угличѣ нерѣдко я видалъ
Царевича, и послѣ трупъ кровавый
Въ соборѣ зрѣлъ я; да, тотъ самый трупъ,
Который днесь лишатъ могилы царской.

Царица Мареа.

Нѣтъ, не стерплю; нѣтъ не позволю я!
Ничья рука враждебно не коснется
Могилы той, доколѣ я жива.

Антоній.

Доколь жива; но послѣ? И на долголь
Лукавый врагъ тебѣ оставитъ жизнь?
Кто сына прахъ спасетъ тогда? Послушай!
Погибнетъ злой любимецъ сатаны;
Обманъ открытъ, и мстители готовы.
Москва полна пищалей и мечей;
Иди со мной, скажи едино слово,

И онъ падетъ; бояре и Москва
Оружіемъ безмолвно ополчились,
Возстали всѣ ко мщенью; ждутъ тебя,
Тебя одной.

Царица Мареа.

Когда извѣстна правда,
Что жъ до меня?

Антоній.

Есть слабые умы,
Есть совѣстью болѣзненныя души:
И въ ясный день свѣтильникъ нуженъ имъ,
Имъ оправданье нужно въ дѣлѣ правды.
Они Творцу молиться не дерзнутъ
Безъ приказанья пастырей церковныхъ,
И не спасутъ отчизны и царя
Безъ земскаго указа. Много, много
Такихъ сердецъ, и ты нужна для нихъ.
Сомнѣніемъ окованы ихъ руки;
Но выйдешь къ нимъ и слово скажешь ты,
Всѣ двинутся, и горе Самозванцу!
И кровію похищенный престолъ
Омоетъ онъ.

Царица Мареа.

Какъ ты жестокъ, Антоній!

Антоній.

Иди за мной!

Царица Мареа.

Нѣтъ, старецъ, не пойду.
Я знаю все: онъ дерзкій Самозванецъ;
Какъ ризою, онъ именемъ чужимъ
Себя покрылъ и овладѣлъ порфирой.
Но смерть.... Но кровь.... Повѣрь, незлобенъ онъ,
И любитъ Русь, и полонъ думъ высокихъ,
И казни сей не заслужилъ.

Антоній.

Кто? Онъ
Не заслужилъ? Нѣтъ, онъ достоинъ смерти
И временной, и вѣчной. О Господь,
Излей Свой гнѣвъ на голову злодѣя!

Да сгибнетъ онъ, да будетъ въ вѣкъ и вѣкъ
Проклятіемъ клейменъ неумолимымъ,
Проклятіемъ Іуды; прахъ его
Съ лица земли, земли благословенной,
Да свѣетъ вѣтръ! Ты скажешь, я жестокъ;
Но знаешь ли, что онъ Россію продалъ
Своей Литвѣ?

Царица Мареа.

Пустыя сказки! Нѣтъ,
Не вѣрю я.

Антоній.

И ты тому не вѣришь,
Что, вскормленный для будущихъ злодѣйствъ
Отравами коварныхъ Іезуитовъ,
Онъ обѣщалъ учителямъ благимъ
Смирить главу святой Христовой Церкви
И подъ пяту Латинскаго врага
Ее сложить. Ты этому не вѣришь?
Иди жъ внимать, въ часы его забавъ,
Какъ нагло онъ надъ вѣрою смѣется,
Какъ въ дни постовъ, порой святыхъ молитвъ,
Бѣснуется съ толпами скомороховъ
Средь пѣсень, винъ и смрада гнусныхъ яствъ;
Какъ, иноковъ торговой казнью муча,
Обителей завѣтную казну
Для праздниковъ безбожно расхищаетъ.
Гляди, какъ Ляхъ вступаетъ въ чистый храмъ
И за собой, хохоча, вводитъ стаю
Нечистыхъ псовъ... Иль нѣтъ, иди туда,
Гдѣ въ сумракѣ церквей неозаренныхъ
Едва блеститъ ночной лампады свѣтъ:
Тамъ слушай гласъ іереевъ, звукъ анаѳемъ,
Зовущихъ Божій громъ на Лже-царя.
Внимай, внимай и послѣ сихъ проклятій
Тягчайшую, ужаснѣйшую часть
Возьми съ собой!

Царица Мареа.

О пощади, Антоній!
Ты грудь мою терзаешь; но увы!
Я, Шуйскаго отъ гибели спасая,
Присягою тяжелой сопрягла
Свою судьбу съ судьбой злодѣя.

Антоній.

Клятвой?
И этимъ ли окованъ робкій духъ?
Сильнѣе ли обѣтъ безумный, грѣшный,
Чѣмъ тотъ обѣтъ, что Богу ты дала
При таинствѣ спасительной купели?

Царица Маѳа.

Нѣтъ, старецъ, нѣтъ; не знаешь ты тѣхъ словъ,
Тѣхъ грозныхъ словъ, которыми навѣки
Связала я свой трепетный языкъ.

Антоній.

Ты совершила страшный грѣхъ; но слушай!
Когда бъ клялась ты Руси измѣнить
Иль въ спящаго невиннаго младенца
Вонзить кинжалъ, иль, Бога позабывъ,
Поправъ Креста животворящу силу,
Безсмертный духъ продать бѣсамъ: скажи,
Должна ль бы ты тогда обѣтъ исполнить?
Все въ клятвѣ той соединила ты:
Обманъ и кровь, отечеству измѣну,
Предательство предъ вѣрой и Творцемъ,
И торжество нечистыхъ силъ, и болѣ
О, болѣе еще. Иди за мной,
Союзъ грѣха расторгни покаяньемъ,
Преступника оставь!

Царица Маѳа.

Я не могу!
Не возражай, подумай. Я въ страданьяхъ,
Въ презрѣніи влачила дни свои:
Всѣ съ ужасомъ изгнанницы бѣжали:
Онъ жизнь мою мгновенно оживилъ,
Бездѣтную сыновнею любовью
Онъ окружилъ, и мщенье, мщенье далъ;
Да, мщеніе, котораго такъ долго
Алкала я; и дней моихъ закатъ
Озолотилъ торжественной зарею.
И онъ мой сынъ, и я Царицей вновь.
А гдѣ враги? Во прахѣ. О Антоній,
Забуду ль все и измѣню ль ему,
Чтобъ снова быть страдалицей презрѣнной?

Антоній.

Остановись! Такъ вотъ чему душой
Ты жертвуешь, и вѣрой, и Россіей?
А, вотъ чему! Безумной мишурѣ
Мгновенныхъ почестей, и злой гордынѣ,
И мщенію. Но вѣдай же, Царица,
Что безъ тебя судебъ Своихъ завѣтъ,
Свершитъ Господь; что безъ тебя съ престола
Преступника Онъ свергнетъ, безъ тебя
Освободитъ Онъ вѣру православну.
Но ты, отвергшая Его призывъ святой,
Раба грѣха; отнынѣ надъ тобой
Клеймо суда, анаѳема призрѣнья
Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ,
И казнь стыда и отверженья
Съ названіемъ твоимъ къ потомству перейдетъ.

Царица Марѳа.

Зачѣмъ, зачѣмъ столь грознымъ испытаньемъ
Безсильная жена посѣщена?
И робкому, волнуемому духу
Зачѣмъ людей тяжелая судьба
Поручена?

Антоній.

И ты ль на Бога ропщешь?
Ты, болѣ всѣхъ въ сей беззаконный вѣкъ
Избранная и взысканная свыше?
Ты ль на отвѣтъ Всевышняго зовешь,
Межъ тѣмъ какъ Онъ, сіяньемъ чудотворства
И святостью видѣній неземныхъ,
Царевича безгрѣшную могилу
Прославилъ дивно?

Царица Марѳа.

Чью могилу? Чью?
Димитрія?

Антоній.

И ты того не знала,
Не слышала! Ужель никто доселѣ
Преступницѣ повѣдать не дерзнулъ
Величіе отверженнаго сына?
Уже давно въ дали степей глухихъ,

Во тьмѣ лѣсовъ, въ пустыняхъ полунощныхъ,
Вездѣ гремитъ хвалебныхъ ликовъ гласъ
Димитрію, а ты одна не знаешь!
Несчастная!

Царица Марѳа.

О счастливая мать!
Мой сынъ, мой сынъ небесною любовью
Искупленъ!

Антоній.

Нѣтъ, отвергнетъ онъ тебя,
Какъ ты его отвергла.

Царица Марѳа.

Боже, Боже!

Антоній.

Онъ чуждъ тебѣ; твой сынъ—Разстрига злой,
Избранникъ твой, любимецъ; съ нимъ прекрасный
Свой путь свершишь, съ нимъ мзду пріимешь ты.
И каждый лучъ небесной благодати,
Сіяющій надъ отрокомъ твоимъ,
Надъ отрокомъ, отверженнымъ тобою,
И каждое Разстриги злое дѣло,
Какъ тяжкій гнетъ въ бездонной глубинѣ,
Тебя прижметъ, какъ мечъ вопьется въ душу,
Какъ огнь сожжетъ!

Царица Марѳа.

И завтра я должна
Отъ сына вновь отречься, отъ святаго;
И патріархъ благословитъ обрядъ,
И вся земля узнаетъ.

Антоній.

Завтра, завтра?
Свою бѣду почуялъ хитрый врагъ.
Но съ нами Богъ! Въ послѣдній разъ, Царица,
Всевышняго ослушная раба,
Зову тебя; послѣдній мигъ спасенья
Даетъ Господь; расторгни плѣнъ грѣха,
Иди за мной, отвергни Самозванца

Ты медлишь? А, возьми же приговоръ!
Внемли ему. Твое отнынѣ имя
Изгладится изъ Книги Живота,
И въ небесахъ, среди блаженныхъ ликовъ,
Какъ ложь, какъ грѣхъ, забудется оно;
И отвратится ангелъ покаянья,
И въ безпредѣльной благости Творца
Тебѣ одной пощады не найдется. (*Беретъ ее за руку*).
Но ты дрожишь, ты стонешь, слезы льешь!...
О, знаю я, ты не отвергнешь сына.
Внемли, внемли; я слышу: онъ зоветъ!
Воззри горѣ, чело его сіяетъ;
Съ своихъ небесъ, съ блаженныхъ тѣхъ высотъ,
Онъ чистыя объятья простираетъ
И грѣшницу вѣнцами осѣняетъ.
И въ Божій рай тебѣ отверзся входъ.
О не бѣги призванія роднаго,
Не отвергай младенца своего!
За мной, за мной; я именемъ его
Тебя зову.

Царица Мароа.

Антоній, я готова!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Домъ Шуйскаго.

Входятъ **Князь Куракинъ** и **Князь Шуйскій**.

Князь Куракинъ.

Ну, признаюсь, отъ сердца отлегло!
Была бѣда, и если бъ твой Антоній
Усовѣстить Царицу не сумѣлъ,
Пришлось бы намъ съ повинной головою
Отправиться къ Отрепьеву.

Князь Шуйскій.

А онъ,
По милости своей неизреченной,
Пустилъ бы насъ домой безъ головы.

Князь Куракинъ.

Да, кажется, что намъ съ тобою, Шуйскій,
Едва ли бы избѣгнуть топора.
Ты знаешь ли, что нынѣ передъ ночью,
Ужъ въ сумерки, вкругъ моего двора,
Кремлевскіе лазутчики вертѣлись;
Да къ счастію, дворецкой мой успѣлъ
Ихъ захватить.

Князь Шуйскій.

Тожъ самое случилось
Здѣсь у меня.

Князь Куракинъ.

Знать, чуетъ онъ бѣду.

Князь Шуйскій.

Но отвратить не можетъ: всѣ исходы
Захвачены, всѣ улицы къ Кремлю
Наполнены моими молодцами;
И граждане не спятъ въ тиши домовъ;
И областей полунощныхъ дружины
Безмолвно ждутъ, вблизи Тверскихъ воротъ,
Послѣдняго, рѣшительнаго зова.
Едва Востокъ освѣтится зарей,
Всѣ церкви вдругъ заговорятъ набатомъ,
И съ нами Богъ!

Князь Куракинъ.

И сгибнетъ нашъ злодѣй.

Князь Шуйскій.

Все хорошо. Но это лишь начало.
Кому жъ потомъ наслѣдіе царей
Поручимъ мы?

Князь Куракинъ.

Повѣрь, народный голосъ
Уже избралъ властителя.

Князь Шуйскій.

Кого?

Князь Куракинъ.

Тебя.

Князь Шуйскій.

Нѣтъ, другъ мой. тяжко это бремя.
О, во сто кратъ счастливѣй тихій кровъ,
Чѣмъ бурное волненіе чертоговъ;
Счастливѣй тотъ, кто можетъ безъ заботъ
Свой легкій трудъ нести въ смиренной долѣ,
Въ глуши полей, чѣмъ тотъ кто на себя
Пріялъ вѣнца мученье золотое. (*Задумывается*).

Князь Куракинъ.

Но въ дни грозы, въ годину общихъ смутъ,
Лишь ты одинъ достоинъ царской власти.

Князь Шуйскій.

Но въ дни грозы, въ годину общихъ смутъ,
Еще страшнѣй сіяніе престола.
Пусть изберутъ другого.

Князь Куракинъ.

Но священъ
Отечества страдающаго голосъ.

Князь Шуйскій.

О, князь Андрей! Когда верховну власть
Поручитъ мнѣ избранье земской думы,
Я чувствую: священный долгъ велитъ
Ее принять; но страшно и подумать
О власти сей. Я видѣлъ трехъ владыкъ,
Крамолами взволнованные годы,
И вѣдаю, какъ тяжела она,
Правленія державная наука.
О князь Андрей! Одинъ безсиленъ умъ;
Одна глава, игралище обмановъ,
Невольная работница страстей,
Не усмиритъ, не осчастливитъ края
Обширнаго, величіемъ своимъ
Подобнаго вселенной. Вы бояре,
Мнѣ будете наставниками. Вы
Прольете свѣтъ своихъ уроковъ мудрыхъ
На темный путь, которымъ я пойду.

Клянуся въ томъ, что, избранъ вашей волей,
Не прешагну боярскаго устава,
И будетъ святъ боярскій приговоръ,
Какъ въ прежни дни, до грозныхъ Іоанновъ.
Но поздно, другъ! Тебѣ и мнѣ заботъ
Осталося довольно.

Князь Куракинъ.

На разсвѣтѣ
Увидимся. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Князь Шуйскій (*одинъ*).

Какъ много голосовъ
Ужъ я купилъ такой разумной клятвой!
Къ чему жъ терять благопріятный мигъ?
Къ чему мнѣ ждать невѣрной земской думы?
Все за меня: дворянство и народъ.
Теперь скорѣй проклятаго Разстригу
Съ земли долой! Онъ пощадилъ меня,
Но я не пощажу... Сюда, Воейковъ,
Валуевъ!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

(Входятъ Воейковъ и Валуевъ).

Князь Шуйскій.

Слушай: предъ лицемъ Царя,
Ты Поляка вчера ударилъ оземь
За дерзкія слова о Москаляхъ?

Валуевъ.

Такъ точно, князь!

Князь Шуйскій.

И что жъ сказалъ Отрепьевъ?

Валуевъ.

Не спрашивай: мнѣ больно вспоминать,
Какъ онъ шутилъ, какъ горько издѣвался
Надъ бѣшенствомъ, надъ злобою моей;
Какъ онъ велѣлъ прогнать меня съ безчестьемъ,
Съ ругательствомъ.

Князь Шуйскій.

И выдать головой
Обиженному пану; но бояре
Тебя спасли.

Валуевъ.

Я расплачуся съ нимъ.

Князь Шуйскій.

Въ сраженіяхъ тебя видалъ я часто;
Твой мечъ остеръ, рука крѣпка, и духъ
Опасностью кровавой веселится.
Скажи же мнѣ, ты хочешь ли отмстить,
Какъ смѣлый мужъ, за кровную обиду,
Иль, какъ жена, свой гнѣвъ излить въ словахъ;
Иль, какъ дитя, сложивши скромно руки,
Заплакать?

Валуевъ.

Нѣтъ, мнѣ въ томъ свидѣтель Богъ,
Что я отмщу. О только бы съ злодѣемъ
Мнѣ встрѣтиться такъ близко, чтобы мечъ
О мечъ его ударился, и если
Одинъ изъ насъ не ляжетъ головой,
То, Господи, прости грѣхи Разстриги,
А для меня сомкни врата небесъ!

Князь Шуйскій.

Я узнаю Валуева!

Валуевъ.

Послушай!
Клянуся въ томъ, что гдѣ бы ни былъ онъ,
Хотя бъ во храмѣ предъ святой иконой,
Хотя бъ въ слезахъ, безъ силъ, у ногъ моихъ,
Съ отчаяньемъ, молилъ меня о жизни:
Я и тогда не пощажу его.

Князь Шуйскій.

При строгомъ Годуновѣ, ты, Воейковъ,
Тому лѣтъ пять...

Воейковъ (*перебивая*).

Неловко, съ пьяныхъ глазъ.
Я кулакомъ убилъ Петрова, помню.

Князь Шуйскій.

Кто спасъ тебя?

Воейковъ.

Ты, милостивый князь.

Князь Шуйскій.

Заплатишь ли услугой за услугу?

Воейковъ.

Повелѣвай: я твой на жизнь и смерть.

Князь Шуйскій.

Внимайте мнѣ. Вы знаете, что демонъ
Злодѣю далъ волшебный даръ рѣчей,
Что сладкими словами онъ чаруетъ
Народный умъ.

Валуевъ.

Да, говоритъ красно!

Князь Шуйскій.

Что чернь всегда измѣнчива, безумна,
Обманамъ вѣритъ, къ истинѣ глуха;
Что у него друзей сокрытыхъ много.

Валуевъ.

Все правда, князь.

Князь Шуйскій.

Когда ворвемся мы
Съ оружіемъ въ Кремлевскія палаты,
И надъ собой увидитъ онъ грозу,
Въ послѣдній разъ, испытывая счастье,
Захочетъ онъ съ народомъ говорить:
Тогда погибли мы.

Валуевъ.

Зажму кинжаломъ
Обманщика болтливыя уста.

Князь Шуйскій (*къ Воейкову*).

Чтò жъ ты молчишь?

Воейковъ.

Чтò много говорить?
Убью, да только.

Князь Шуйскій.

Я на васъ надѣюсь.

Воейковъ.

О Господи! Да развѣ я вола
Не убивалъ вотъ этой пятернею.
Рогатиной медвѣдя не кололъ?
Такъ чтò жъ мнѣ вашъ Отрепьевъ?

Князь Шуйскій.

Нѣтъ, Воейковъ:
Онъ самъ гораздъ медвѣдя бить ножомъ.

Валуевъ.

А это что? Винтовка не измѣнитъ.

Воейковъ.

Хоть онъ колдунъ и драться молодецъ,
А отъ свинца едва ли увернется.

Князь Шуйскій.

Такъ рѣшено! Прощайте же, друзья. (*Валуевъ уходитъ*).
Чтò жъ ты, Воейковъ, медлишь? Ты въ раздумьи.

Воейковъ.

Свѣтлѣйшій князь, вотъ видишь. Прикажи:
И съ голыми руками на медвѣдя
Полѣзу я и задушу его.

Князь Шуйскій.

Такъ что жъ еще?

Воейковъ.

Вѣдь, можетъ быть, ерéтикъ
Заговоритъ?

Князь Шуйскій.

Съ тобою?

Воейковъ.

Нѣтъ: винтовку.
Иль, можетъ быть, волшебная броня
Проклятаго незримо покрываетъ?

Князь Шуйскій.

Вотъ бредни... Да, ты правду говоришь:
Тебѣ нужна серебряная пуля.
Противъ нея безсиленъ заговоръ.
Возьми ее. *(Отрываетъ у себя пуговицу).*

Воейковъ.

Какой же я безумный!
Совсѣмъ забылъ; ты, благо, вразумилъ.
Прощай же, князь. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Князь Шуйскій.

Дворецкій! Э! Дворецкій!

Дворецкій.

Я здѣсь.

Князь Шуйскій.

Скажи мнѣ, сколько молодцевъ
Собрали мы изъ Суздальскихъ помѣстій,
Изъ отчины, отъ братьевъ?

Дворецкій.

Тысячъ шесть;
Нѣтъ, болѣе: всего шесть тысячъ триста.

Князь Шуйскій.

Куда жъ ты ихъ поставилъ?

Дворецкій.

Вокругъ Кремля
Стоятъ они на стражѣ; да въ запасѣ
Оставлено шесть сотенъ лучшихъ рукъ,
Псарей, конюшихъ, ловчихъ и стремянныхъ,
Сокольничихъ...

Князь Шуйскій (*перебивая*).

Всѣмъ этимъ удальцамъ
Вели сѣдлать. Съ разсвѣтомъ мы ударимъ.

Дворецкій.

Уже готовы кони, а народъ
Ждетъ на дворѣ.

Князь Шуйскій.

А къ Ильѣ Пророку
Послалъ ли ты?

Дворецкій.

Тамъ ждетъ уже давно
Мой сынъ Иванъ и въ колоколъ ударитъ,
Когда прикажешь. И въ другихъ церквахъ
Сидятъ ребята наши.

Князь Шуйскій.

Дѣло, дѣло!
Ты думаешь, Морозовъ, что вѣстей
До времени Отрепьевъ не получитъ?

Дворецкій.

Кому теперь добраться до Кремля?
Всѣ улицы я занялъ, переулки
Всѣ захватилъ. Змѣя не проползетъ,
Безъ позволенья крыса не пролѣзетъ.

Князь Шуйскій.

А по водѣ?

Дворецкій.

Такъ лодки на рѣкѣ
На то стоятъ, все съ нашимъ же народомъ.

Князь Шуйскій.

Спасибо, братъ Морозовъ: хорошо
Все сладилъ ты.

Дворецкій.

Ужъ мнѣ ли догадаться?
Все Ляпуновъ устроилъ.

Князь Шуйскій.

Молодецъ!
Теперь еще послѣднее велѣнье,
Но важное и тайное. Внимай:
Спѣши открыть глубокіе подвалы
Во всѣхъ домахъ, у братьевъ, у родныхъ
И у меня. Когда ворвемся въ Кремль
И кончитъ жизнь проклятый Самозванецъ:
Поите чернь и пивомъ, и виномъ,
И крѣпкими завѣтными медами,
Чтобы вездѣ раздался общій крикъ:
„Да здравствуетъ Василій, царь Россіи!“

Дворецкій.

Исполню все.

Князь Шуйскій.

А нашимъ молодцамъ
Вели бѣжать по улицамъ Московскимъ
И величать великаго царя
Василія, избраннаго народомъ.
Ты понялъ ли?

Дворецкій.

Я понялъ.

Князь Шуйскій.

Но дотоль
Молчаніемъ сомкни свои уста,
Чтобы никто не вѣдалъ нашей тайны,
А менѣ всѣхъ Прокофій Ляпуновъ!
Теперь иди.

Дворецкій (*уходя*).

Какое разоренье!
Какой убытокъ будетъ въ погребахъ!

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Князь Шуйскій (*одинъ*).

Осталося недолго до разсвѣта.
Ужъ часъ второй, а черезъ часъ еще
Войдутъ въ Москву Смоленскія дружины.
(*Съ жаромъ*) Тогда, тогда пусть ропщетъ Шаховскій,
Пусть плачетъ Татевъ, злится Телятевскій:
Чрезъ нихъ шагну я твердою стопой,
Схвачу вѣнецъ могучею рукою.
Вѣнецъ, вѣнецъ! Какъ сладокъ этотъ звукъ!
Какъ много думъ въ семъ словѣ обитаетъ.
Какъ сердце веселитъ оно! Вѣнецъ!
Златая цѣль моихъ усопшихъ предковъ
Еще со дней Донскаго и Татаръ,
Златая цѣль, за коею такъ долго
Стремился я невидимымъ путемъ!
Ты мой теперь! О, для тебя какъ много
Я претерпѣлъ! Какъ много, много лѣтъ,
Я для тебя во прахѣ изгибался,
Какъ низкій червь, крамольствовалъ, страдалъ!
Ты мой теперь, и я расширю крылья
И полечу. Не медлите, часы!
Займись, заря! Благодарю судьбину:
Ужъ брегъ въ виду, и ясны небеса.
О, мой корабль, лети черезъ пучину!
Попутный вѣтръ, наполни паруса!
(*По нѣкоторомъ размышленіи*).
Но я забылъ, что передъ часомъ битвы
Не совершилъ ночной своей молитвы.

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

(Дворецъ Кремлевскій).

Димитрій, Басмановъ.

Димитрій.

Тебѣ пора, Басмановъ, отдохнуть:
Уже давно за полночь; до разсвѣта
Недалеко.

Басмановъ.

Чтò жъ ты не отдохнешь
Послѣ труда дневнаго?

Димитрій.

Мнѣ не спится.
Не вѣдаю, что̀ сдѣлалось со мной.
Но здѣсь и здѣсь то вдругъ горитъ, то стынетъ;
И въ жилахъ кровь то бурно потечетъ,
То станетъ вся.

Басмановъ.

Ты утомленъ, и бдѣнье
Волнуетъ кровь.

Димитрій.

Лазутчики твои
Еще не возвращались?

Басмановъ.

Доселѣ
Отвѣта нѣтъ.

Димитрій.

Знать, тихо все въ Москвѣ.
Не правда ли? Быть можетъ, патеръ Квицкій
Самъ выдумалъ тотъ гнусный заговоръ?

Басмановъ.

Не думаю: слѣдовъ открыто много,
И признаки такъ вѣрны, что едва ль
Сомнѣніе возможно.

Димитрій.

Но надеждой
Еще хочу я утѣшать себя.
Повѣрь, мнѣ, другъ, противны эти казни,
Противна кровь подъ топоромъ суда;
И отъ того мнѣ грустно здѣсь въ чертогахъ,
Въ моей Москвѣ мнѣ скучно. О, туда,
Туда скорѣй, гдѣ битвы, гдѣ раздолье,
Гдѣ звонкій пиръ гулюющихъ мечей;
Тамъ на конѣ, въ пылу тревоги бурной,
Подъ вольнымъ небомъ, въ ширинѣ полей,
Я оживу.

Басмановъ.

Ты хочешь послѣ завтра
Идти въ походъ?

Димитрій.

Да, послѣ завтра въ ночь.
Внезапностью враговъ предупреждая
И захвативъ сомнительныхъ бояръ,
Я выступлю съ отборными стрѣльцами,
Да съ Нѣмцами, да съ вольницей Литвы.
Теперь въ Ельцѣ ужъ собралося войска
Не менѣе какъ тысячъ пятьдесятъ.
Достаточно. Мы съ ними въ степь выходимъ;
Къ намъ на пути дружины казаковъ
Стекаются отъ Волги и отъ Дона
И отъ бреговъ воинственныхъ Днѣпра;
И гордый Крымъ увидитъ насъ, и громомъ
Ударимъ мы на царство Мусульманъ.
Прекрасный край съ зелеными горами,
Съ долинами, гдѣ вѣчный блескъ весны,
И съ синими, какъ яхонтъ, небесами,
И съ зеркаломъ лазоревой волны!
Прекрасный край, наслѣдье нашихъ предковъ,
Владимира священная купель,
Ужъ какъ давно отторгнутъ отъ Россіи,
И какъ давно онъ Русскихъ не видалъ!

Басмановъ.

Нѣтъ, Государь, при Грозномъ Іоаннѣ
Бывали тамъ Московскіе полки,
И хищники въ скалахъ своихъ дрожали.

Димитрій.

Когда же? Да, Адашевъ Даніилъ
Ходилъ туда. Князь Курбскій, Воротынскій,
Адашевы!... Какія имена!
Какъ счастливъ былъ ты, Грозный Самодержецъ!
Какихъ мужей дала тебѣ судьба!
Зачѣмъ не мнѣ? Я встрѣтилъ бы любовью,
Схватилъ бы ихъ въ объятія свои,
Хранилъ бы такъ ихъ, какъ зѣницу ока,
Какъ красоту любовницы младой.
А онъ, увы! Съ красой своей Россіи,
Съ надеждами величья и побѣдъ,
Что́ сдѣлалъ? Все желѣзною рукою
Сломилъ, сдавилъ. За то и родъ его
Погибъ... Скажи, что̀ болѣ: у живаго
Отнять ли жизнь, иль имя мертвеца?

Басмановъ.

Какой вопросъ? За гробовой доскою
Всѣмъ общее одно названье—трупъ.

Димитрій.

Чтó жъ мертвецу до имени? Не правда ль?
Не встанетъ онъ, чтобъ допрошàть живыхъ
И требовать назадъ свое названье;
А если бы изъ гроба онъ возсталъ
И допросилъ, и смѣлый похититель
Сказалъ ему: „твое я имя взялъ,
Но я его прославилъ и сіяньемъ
И яркими лучами увѣнчалъ;
Ты былъ забытъ въ своей могилѣ темной,
Я оживилъ и воскресилъ тебя
Для чуднаго безсмертія, для славы,
Для громкихъ пѣсень будущихъ вѣковъ",—
Я думаю, сердитый житель гроба
Смягчился бы и тихою рукою
Благословилъ преемника на подвигъ,
На трудный путь. Я все тебѣ открылъ,
Все высказалъ.

Басмановъ.

Твою я вѣдалъ тайну
Уже давно; но ты до сей поры
О ней молчалъ.

Димитрій.

Сегодня, что-то чудно
Волнуется въ встревоженной груди,
И прежни дни такъ ярко переходятъ
Передо мной, что я не могъ молчать.

Басмановъ.

Чтó въ имени или въ рожденьи царскомъ?
Димитрій ли, Григóрій ли—равно
Люблю тебя; люблю твой духъ отважный,
И замысловъ возвышенный полетъ,
И будущую славу. Жизнью, кровью,
Всѣмъ жертвовать я для тебя готовъ.

Димитрій.

Я зналъ тебя и говорилъ безъ страха.
Но душно здѣсь, я подойду къ окну.
Прохлады нѣтъ: такъ вѣтеръ слабо вѣетъ,
Такъ воздухъ тихъ, и Майской ночи мгла,
Какъ лѣтній день, удушливо тепла.
На Западѣ едва, едва яснѣетъ
Рогъ мѣсяца.

Басмановъ.

Но въ этотъ годъ его
Задернемъ мы завѣсою кровавой.
Не правда ли?

Димитрій.

Ты дѣльно говоришь,
И вѣрю я, что сею чистой славой
Вѣнчаемся мы скоро. Но смотри,
Какъ дремлетъ все, и лентой голубою
Бѣжитъ рѣка, спокойна, безъ зыбей,
И тонкій паръ не тронется надъ ней,
И шума нѣтъ. Лишь слышно, что порою
Надъ городомъ широкій всходитъ гулъ,
Какъ соннаго чудовища дыханье,
Или волны полнощное роптанье,
Когда съ зарей усталый вѣтръ заснулъ.
Помысли, другъ, какъ много сильныхъ душъ
Здѣсь грустно спятъ, какъ много думъ высокихъ,
Окованныхъ дремотой вѣковой!
Все пробудить, все вызвать къ полной жизни:
Вотъ подвигъ, да, вотъ подвигъ для Царя!
Поднять лишь кличъ высокій, благородный,
И загремятъ отвѣтны голоса,
Какъ звуки струнъ, когда струна родная
Заговоритъ; какъ клёктъ младыхъ орловъ,
Когда зоветъ ихъ мощная орлица,
Давнишняя владычица степей.
Что̀ скажешь ты?

Басмановъ.

Что велика Россія,
Что много въ ней возвышенныхъ сердецъ,
И гласъ Царя, зовущій ихъ ко благу,
Не пропадетъ, какъ звукъ въ степи глухой.

Димитрій.

Я разбужу всѣ дремлющія силы,
Я имъ открою путь сперва къ войнѣ,
И чувствую, Орелъ ширококрылый
Затмитъ Луну въ полуденной странѣ.
Тогда, тогда я буду вновь свободенъ.
Побѣдами сомкнувъ уста враговъ,
Стряхну Литву и Римской цѣпи тягость
И новый трудъ начну я для вѣковъ.

Басмановъ.

О Государь! Гордыню книгъ разрядныхъ
Низложишь ли? Начало всѣмъ бѣдамъ
Хранится въ ней.

Димитрій.

Чтȯ Іоаннъ провидѣлъ,
Чтȯ началъ царь Борисъ—я довершу.
И вольный судъ, и строгіе законы,
И кроткая, но твѣрдая рука,
Дадутъ покой и стройное стремленье,
И жаръ, и жизнь проснувшейся землѣ;
Небесный свѣтъ, познанья и науки
Намъ дастъ чужбина.

Басмановъ.

Старый Годуновъ
Того жъ хотѣлъ.

Димитрій.

Высокій умъ державный!
Онъ понималъ грядущую судьбу
Своей страны; онъ вѣдалъ, что не даромъ
Богатствомъ и избыткомъ силъ
Ее Господь благословилъ.
Безбрежна даль ея степей широкихъ,
И гладь озеръ, приволье кораблямъ,
И льются воды рѣкъ глубокихъ,
Моря, текущія къ морямъ...
И все не даромъ! Есть тебѣ, Россія,
Святой завѣтъ и твердою рукой
Его свершу, и будутъ предъ тобой
Склоняться въ прахъ страны чужія,
Благоговѣть весь міръ земной!

Басмановъ.

О, для чего столь многимъ неизвѣстенъ
Твой замыселъ высокій и благой?
Трудовъ, препонъ ты встрѣтишь много.

Димитрій.

Много!
А жизнь кратка, и грустно, тяжко мнѣ;
Невольный страхъ въ душевной глубинѣ,
И я прошу, исполненный волненья,
Дней у судьбы и силъ у Провидѣнья...
Дней у судьбы! Но вотъ родится день
И на Востокѣ пышно разсвѣтаетъ.

Басмановъ.

А! Это что̀? Ты слышишь ли? Набатъ
Со всѣхъ церквей!

Димитрій.

Знать, городъ загорѣлся.
Но гдѣ жъ пожаръ?

Басмановъ.

Нѣтъ, это не пожаръ
По площади вездѣ блеститъ оружье,
Народъ валитъ, бояре на коняхъ!

Димитрій.

Постельничій! Постельничій! Скорѣе! (*Входитъ постельничій*).
Зови стрѣльцовъ, бѣги на житный дворъ
(Ихъ тамъ пять сотъ). Веди ко мнѣ въ палаты.
Скорѣй, скорѣй: здѣсь дорогъ каждый мигъ! (*Уходитъ постельничій*).

Басмановъ.

О Государь!

Димитрій.

Басмановъ, будь спокоенъ:
Мы выдержимъ осаду. Между тѣмъ
На помощь намъ Микулинъ подоспѣетъ,
Да Маржеретъ съ дружиною своей.

Фирстенбергъ (*входитъ*).

Великій Царь! На площади волненье.

Димитрій.

Что жъ, Фирстенбергъ? Всѣ двери затворить
И укрѣпить. Какъ много здѣсь на стражѣ
Товарищей съ тобою?

Фирстенбергъ.

Пятьдесятъ.

Димитрій.

Не болѣе?—Ну, все равно, увидимъ! (*Уходятъ всѣ*).

Разныя лица.

Э! Какой шумъ!—Сѣнныя двери отбиты.—Въ сѣняхъ дерутся, и Нѣмцы отступаютъ.—Такъ валомъ и валитъ сюда.—Убираться до поры до времени; наше дѣло невоенное: за столомъ прислуживаемъ, а драться не умѣемъ.—Руки плохи, за то ноги хороши—убираться! (*Уходятъ. Входятъ опять. Димитрій съ Нѣмцами отступаетъ сражаясь*).

Димитрій.

Нѣтъ, тщетно все: число превозмогаетъ.
Стой, Фирстенбергъ! Стой, затворяйте дверь!
Подержимся, подмога подоспѣетъ.
Постройтеся! Ну, Нѣмцы молодцы! (*Крикъ за дверью*).
Отрепьева! Давайте намъ Разстригу!

Басмановъ.

О Государь! Позволь, въ послѣдній разъ
Я выйду къ нимъ, усовѣщу безумцевъ.

Димитрій.

Нѣтъ, слишкомъ поздно.

Басмановъ.

Я молю тебя:
О Государь, позволь мнѣ.

Димитрій.

Нѣтъ, Басмановъ. (*Басмановъ уходитъ*).
Онъ вышелъ. А! Спасайте! Онъ погибъ.
Держите крѣпче дверь. Въ другомъ покоѣ
Я слышу шагъ моихъ стрѣльцовъ. Скорѣй,
Скорѣй ко мнѣ! (*Дверь выломана и выстрѣлъ*).
О Господи! Я раненъ.
Нѣтъ болѣ силъ, и мечъ падетъ изъ рукъ.
Я не могу за жизнь свою сражаться,
За свой престолъ! Все меркнетъ! (*Падаетъ въ обморокъ*).

Народъ.

А! Злодѣй!
Ты нашъ теперь, попался!

Стрѣльцы.

Подходите!
Ну, шубники Московскіе! Сюда!
Отвѣдайте стрѣлецкаго желѣза,
Дотроньтесь до Царя.

Народъ.

Возьмемъ его.

Голосъ.

Неладно, братъ: народъ вѣдь это бойкой.

Князь Куракинъ.

Отрепьева ль хотите вы въ Цари?

Стрѣльцы.

Онъ не Отрепьевъ.

Князь Куракинъ.

Мы клянемся Богомъ,
Могилой предковъ, жизнію дѣтей—
И не солжемъ. Царица объявила,
Что онъ злодѣй, не сынъ ея. Тотъ святъ,
Тотъ въ небесахъ, среди блаженныхъ ликовъ,
И молится о страждущей Руси;
А это воръ, разстрига, чернокнижникъ!

Стрѣльцы.

Не вѣрьте имъ: они безбожно лгутъ.
Не выдадимъ!

Голосъ изъ народа.

О, храбрые стрѣльцы!
Одни ли вы измѣните Россіи
И Русской вѣрѣ? Мы клянемся вамъ,
Что онъ злодѣй. Стрѣльцы, побойтесь Бога!
За изверга мечей въ крови родной
Не обагряйте!

Стрѣлецъ.

Этому я вѣрю;
Онъ нашъ стрѣлецъ, и честенъ, и правдивъ,
И никогда во лжи не приметъ клятвы.

Другіе.

Товарищи, не вѣрьте!

Другіе.

Вся Москва
Противу насъ. Вѣдь мы одни не сладимъ:
Такъ изъ чего же биться?

Голосъ въ народѣ.

Э, друзья!
Что̀ медлимъ здѣсь? Зажжемъ посадъ стрѣлецкій,
Убьемъ ихъ женъ, раздавимъ ихъ дѣтей.

Стрѣлецъ.

За мной, за мной! Дома свои избавимъ
Отъ пламени! (*Уходятъ*).

Одинъ.

Охъ, жалко молодца!
Какъ былъ удалъ! Я радъ бы головою
Лечь за него. (*Уходитъ*).

Димитрій (*опомнясь*).

Оставили меня.
Всему конецъ! Нѣтъ силы, нѣтъ защиты,
И нѣтъ меча, чтобъ грудь свою пронзить!

Князь Куракинъ.

Ну что жъ, Отрепьевъ? Говори, винишься ль?
Покаешься ль въ обманѣ ты своемъ?

Димитрій.

На площади, предъ внемлющимъ народомъ,
Я истину открою.

Валуевъ.

Ну, пора! (*Валуевъ и Воейковъ стрѣляютъ*).

Димитрій.

О Господи! Будь кроткимъ судіею
Моихъ грѣховъ (*падаетъ*).

Валуевъ (*продувая ружье*).

Я долгъ свой заплатилъ.
(*Вбѣгаютъ князь Скопинъ и Ляпуновъ*).

Князь Скопинъ-Шуйскій.

Гдѣ Самозванецъ? (*видитъ трупъ*) Вы его убили?
Бѣгите прочь! О горе вамъ и стыдъ!
Вы правый судъ въ злодѣйство обратили (*народъ уходитъ*).

Ляпуновъ.

Безмолвенъ, мертвъ и хладенъ онъ лежитъ
У нашихъ ногъ. Какъ пылокъ былъ въ сраженьяхъ,
Какъ полонъ думъ, и пламени, и силъ!
Мнѣ жаль его.

Князь Скопинъ-Шуйскій.

Онъ былъ обманщикъ дерзкій,
И не его престолъ Россійскій былъ.
(*На улицѣ крикъ*).
Да здравствуетъ Василій, царь Московскій!

Ляпуновъ.

Что, князь Скопинъ, ты слышишь?

Князь Скопинъ-Шуйскій.

Это что?
Безъ выбора, безъ земскаго собора?
Пойдемъ туда, Прокофій! (*уходитъ*).

Ляпуновъ (*одинъ*).

Шуйскій князь!
Неправдою и ты достигъ престола.
И эту кровь я пролилъ для него?
О падшій вождь! Я каюсь предъ тобою.
Но день придетъ для мщенья твоего,
И злой старикъ падетъ передо мною:
Сгубили льва, такъ справимся съ лисою.

Прокопій Ляпуновъ.

ОТРЫВОКЪ.

Отъ этой трагедіи сохранилось лишь то что̀ здѣсь помѣщается (было сначала напечатано, съ подлинной рукописи, въ 1-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“ 1899 года). См. о ней въ письмахъ автора къ А. В. Веневитинову, въ VIII-мъ томѣ нынѣшняго изданія его сочиненій.

Прокофій Ляпуновъ.

СЦЕНА ВЪ РЯЗАНИ.

Площадь.

Народъ.

1.

Смотри, Степанъ, тутъ лѣстница плохая,
А ты легокъ, какъ пушка-дробовикъ;
Не упади!

2.

(Пробуетъ лѣстницу ногами).

Нѣтъ, лѣстница здорова.

1.

Пожалуйста, какъ вздумаешь упасть,
Ты крикни намъ, чтобъ мы посторонились.

2.

Ты зубоскалъ, проклятый скоморохъ!
Смѣяться радъ; стрекочешь, какъ сорока,
А самъ трусливъ, какъ травленый русакъ.

3.

Что? Видно ли?

2.

Какъ будто на ладони!

3.

Взберусь и я взглянуть на молодцовъ.

Старикъ.

А что̀ тамъ за стѣною дѣлается, честны́е господа?

Другой.

Нашъ думный дворянинъ Прокофій Петровичъ Ляпуновъ дѣлаетъ смотръ сотнѣ отборныхъ удальцовъ, которыхъ отправляетъ онъ въ Москву на царскую службу.

Старикъ.

Знать, къ князю Скопину. Доброе дѣло!

Другой.

А что слышно? Князь Михайло Васильевичъ все еще въ Москвѣ?

Старикъ.

Говорятъ, что Царь его въ походъ еще не пустилъ.

Другой.

А соколъ нашъ ужъ вѣрно рвется къ бою!

На стѣнѣ.

Ахъ, Господи! Какъ весело глядѣть
На конный строй! Какъ лошади играютъ!
А люди-то всѣ въ латахъ, въ шишакахъ
И съ копьями, и съ длинными мечами,
И съ ружьями.

— Нѣтъ, ружья не у всѣхъ.

— Какъ не у всѣхъ? Гляди-ка: за спиною у каждаго короткое ружье.

— Теперь я вижу!

— Вишь, доспѣхи рдѣютъ
Какъ бы въ огнѣ отъ солнечныхъ лучей.
Смотря на нихъ, глаза мои слезятся,
А сердце пляшетъ. Мать, отца и домъ свой,
Я все бы бросилъ, чтобы съ ними быть,
И на конѣ, и драться. Но пустое!
Старуха-мать и думать не велитъ.
— А это кто кругомъ дружины вьется
На свѣтло-рыжемъ бѣгунѣ?
— То Петръ,
Любимый ловчій Ляпунова.
— Такъ-то!
Ну молодецъ! Да правда весь народъ
Отличный.
— Ихъ совсюда набирали.
— А это кто сидитъ на вороножъ
Аргамакѣ, и самъ какъ словно буря?

Снизу.

— Кто это на вороножъ аргамакѣ? Кому быть, какъ не нашему богатырю, свѣту-то удальцу Захарью Петровичу. Лошадь съ проточиной на лбу?

Сверху.

— Да.

Снизу.

Я ее продалъ на запрошлой недѣлѣ и, право слово, въ убытокъ.

2.

Какъ же не въ убытокъ? Ты ее укралъ у Ногайскаго Татарина въ Тушинскомъ лагерѣ, да и ускакалъ на ней.

—

Да какъ скачетъ! Двѣсти верстъ безъ отдыха и не пыхнетъ.

2.

Точно, послѣ двухсотъ верстъ она не пыхнетъ.

—

Не корми, сыта!

2.

Точно, шесть дней не корми, да на седьмой ѣсть не давай, такъ сама овса не захочетъ.

—

Ей, Иванъ, не озорничай! Плохо будетъ.

На стѣнѣ.

А это кто такъ гордо подъѣзжаетъ?
То самъ Прокофій Ляпуновъ?
— Ты правъ,
Вотъ молодецъ, красавецъ! Равныхъ нѣтъ
Ему въ Рязани; да въ Москвѣ, я чаю,
Едва ль найдешь.
— А конь-то, конь подъ нимъ,
Весь въ яблокахъ!
— Я знаю эту лошадь,
Скакунъ лихой, Турецкій жеребецъ.

Снизу.

Лошадь хороша, да дорого заплатилъ за нее Прокофій Петровичъ.

2.

Знать, не у тебя купилъ!

—

Нѣтъ, не у меня, а у Коломенскаго Игната.

2.

То-то же.

На стѣнѣ.

Вотъ онъ остановился. Жеребецъ
Копытомъ бьетъ, визжитъ, дрожитъ отъ злобы.
Ротъ въ пѣнѣ, глазъ, какъ пламя. Чудный конь!

—

Вишь, ратникамъ какъ низко поклонился,
Замѣтилъ ты?
— Онъ что-то говоритъ.
— Конь на дыбы, а онъ не шевельнулся!
Ѣздокъ чудесный.
— Онъ махнулъ рукой,
И рысью всѣ пошли. Какъ ровно, дружно!
Земля дрожитъ.
— Теперь несутся вскачь.
— Махнулъ опять!
— Всѣ мигомъ разлетѣлись,
Гарцуютъ... Нѣтъ, я болѣе глядѣть
Ужъ не хочу: не то какъ сумасшедшій
Отца и мать покину, да уйду.
Прощай!
— Постой.
— Нѣтъ, сердце защемило.

Внизу.

Такъ ты изволишь говорить, что князя Михайла Васильевича Скопина Царь все еще въ Москвѣ держитъ. Что̀ бъ это значило?

— А Богъ вѣсть.

— Пора бы въ поле. Вотъ скоро Май мѣсяцъ, дороги просохли, войску походъ будетъ легкій.

— Лучшее время въ году, да и Богъ вѐдро посылаетъ.

— А дѣла-то осталося князю Скопину довольно: Тушинскій еще все бѣснуется въ Калугѣ, Поляки грабятъ около Старицы, а самъ ихъ король Жигмунтъ проклятый бьется объ стѣны Смоленска.

— Ну что же? Жигмунту плоха удача съ Смоленскомъ, бьется объ стѣны, да и лобъ разобьетъ. Тамъ воевода-то Шеинъ, самому князю Михайлу подъ стать.

— Да, да! Онъ Поляковъ подчиваетъ со стѣны такою смородиною, что они себѣ оскомину наѣли.

— А ворамъ Сапѣгинымъ около Старицы и ужъ не до жиру, а быть бы живу.

— Эхъ, ихъ отъ Дмитрова Куракинъ-то пугнулъ! Говорятъ, на лыжахъ къ нимъ подъѣхалъ; а Полякъ, какъ волкъ, на лыжахъ

ходить не умѣетъ. Ихъ, слышно, тамъ въ глубокомъ снѣгѣ пропасть похоронили.

— Правда, правда; мой братъ двоюродный ходилъ съ Куракинымъ и все дѣло мнѣ разсказывалъ. Мертвыхъ кучами клали, да жгли. И подѣломъ этой нехристи поганой: всю Русь разграбили. А ужъ о Тушинскомъ что̀ и говорить? Ему плохіе пиры въ Калугѣ; шайка у него осталась малая, и бояре почти всѣ отъ него поотстали.

— Охъ, эти бояре, бояре! Они-то и бѣду всю сдѣлали, и насъ-то людей малыхъ въ соблазнъ ввели.

— Ну, не всѣ бояре подъ одну стать. Вотъ князь Михаилъ чистъ передъ Богомъ: въ рукѣ мечъ, а въ сердцѣ крестъ Божій. Его и Маринка-вѣдьма не обморочитъ.

— О немъ и рѣчи не было; а пора бы ему Тушинскую гадину въ конецъ сгубить.

Другой.

Что̀? Иль о Калужскомъ царикѣ говорите? Ему ужъ куда плохо пришлось. Я намеднясь къ брату писалъ: „Покинь-молъ его; не сдобровать ему“.

— Аль братъ твой Ѳедотка все еще у него служитъ?

Другой. При немъ.

— Неужели онъ еще все вѣритъ Самозванцу? Казалось, Ѳедотъ малый смышленый.

Другой. Вѣритъ, не вѣритъ, а служитъ. Теперь время смутное: норовишь, какъ бы съ голода не умереть. Думаешь: тутъ однаго брата разорятъ, такъ у другаго кусокъ лишній останется.

— Ахъ, ты безсовѣстная душа!

Другой. Ну, вотъ ты и браниться сталъ! Теперь, какъ намъ Богъ князя Михаила далъ, такъ и Ѳедотъ отъ Самозванца отстанетъ; а прежде и всѣ мы ему служили.

— Тогда еще обмана не провѣдали.

Другой. А велъ-то насъ самъ Прокофій Петровичъ. Что̀? И онъ небось вѣрилъ?

— Не тебѣ про то знать. Вѣрилъ ли онъ, нѣтъ ли, не вѣдаю; да и не намъ съ тобой догадываться, какую онъ думу думаетъ.

— Да и не скоро догадаешься, что̀ у него въ головѣ.

— А какіе это ратники переходятъ тамъ черезъ улицу?

— Это дворянскіе ратники, что̀ въ Москву идутъ.

Старикъ.

Эхъ, времячко! Когда-нибудь бывало-ль
Въ Святой Руси, чтобъ всякій, старъ и младъ,

Ходилъ съ мечемъ какъ словно (казаки) воръ иль Нѣмцы,
Что у моря за Юрьевымъ живутъ?

Молодой. Аль страшно, дѣдушка?

Старикъ. Пожалуй, смѣйся!
А мнѣ такъ страшно грустно. Въ прежни дни
(Когда Господь былъ милостивъ къ Россіи)
Иной живалъ до волосовъ сѣдыхъ,
Кормилъ дѣтей и внучатъ, а желѣза
Другаго не видалъ, какъ свой топоръ,
Сошникъ для пашни или серпъ для жатвы.

Молодой. Да чѣмъ же хлѣбъ онъ рѣзалъ?

Старикъ. Смѣйся, смѣйся!
Не вѣришь мнѣ затѣмъ, что молодъ ты
И не знавалъ счастливыхъ дней протекшихъ.
А вспомню я: все было хорошо,
И веселы пиры, и пѣсни звонки,
И пляски въ селахъ подъ вечерній часъ...

Молодой. Вы старики все хвалите былое.

Старикъ. И парни-то свѣжи, какъ маковъ цвѣтъ,
Румяные, ходили молодцами,
Не такъ какъ ты, безкровный, испитой,
Нахмурилъ лобъ, надвинулъ важно брови,
Какъ будто вся судьба Россіи въ томъ,
Что правою иль лѣвою ногою
Ты ступишь напередъ.

Другой. Досталось, братъ!

Молодой. Все вретъ старикъ.

Старикъ. Какому быть веселью,
Когда вездѣ, въ деревняхъ, въ городахъ,
Куда не обернешься,— все желѣзо;
Куда не взглянешь, копья да мечи?

Другой. Эхъ, не брани ты ратнаго желѣза:
Твой домъ, твой закормъ, даже жизнь твоя
Охранены мечами.

Старикъ. Я не спорю.

Другой. Что говоритъ нашъ Ляпуновъ?

Старикъ. А что?

Другой. Держите ножъ! Ножъ хлѣба не попроситъ,
А хлѣбъ разрѣжетъ и добудетъ хлѣбъ,
Да и чужаго къ хлѣбу не подпуститъ.

Молодой. Вотъ знатно сказано.

Другой. За то гляди!

Какъ ратники, мы всѣ готовы къ бою.
И отъ того спокойнѣе живемъ,
И область-то Рязанская цѣлѣе.
Молодой. Чтò говорить? Досталося и намъ.
Зарайскій край разграбленъ.
Другой. Это малость!
Поди въ Смоленскъ, въ Калугу, въ Тулу, въ Тверь,
Такъ будь хоть злой Татаринъ, сердце взноетъ,
И всплачется. Гдѣ были города—
Зола; гдѣ люди—трупы; лужи съ кровью,
Медвѣдямъ пиръ, да пойло для волковъ.
Нѣтъ, все Рязань счастливѣе.
Молодой. Дай Богъ
Прокофію Петровичу здоровья!
Его умомъ мы живы.
Старикъ. Хорошо!
Нашъ Ляпуновъ уменъ; но то ли было,
Когда за всѣхъ одинъ уменъ былъ Царь,
Какъ съ небеси всѣмъ правитъ Богъ единый?
Молодой. А развѣ нѣтъ у насъ теперь Царя?
Старикъ. Чтò? Родомъ Царь?
Молодой. Нѣтъ, выбранъ.
Старикъ. Кѣмъ?
Молодой. Не знаю;
А говорятъ, что выбрала Москва.
Старикъ. Вишь, говорятъ! А не съ того ль избранья
Пришла бѣда и разоренье всѣмъ?
Избави Богъ, чтобъ я Царя позорилъ
Иль чтò дурное мыслилъ; но скажу,
Что прежде было лучше. Всѣ цари
Велися домомъ. Дѣдъ и сынъ и внуки
Родились на престолѣ, подъ вѣнцомъ,
Все праводержцы, мiродержцы, строги,
Хранители намъ бѣднымъ.
Другой. Что же дѣлать,
Когда Господь нашъ царскій родъ пресѣкъ?
Старикъ. Чтò дѣлать? Правда, Богъ казнилъ Россію.
Другой. Постой-ка. Вотъ идутъ Ляпуновы.
Всѣ. Ляпуновы!

Явленіе 2

Прокопій Ляпуновъ. Вѣрь, братъ Захаръ, не частная отвага,
Не личное безумье удальства,

Но твердый строй, но натискъ злой и дружный
Даютъ вождямъ побѣду.

Захаръ Ляпуновъ. Можетъ быть;
Но удальство разгульное, лихое
Такъ весело!

Пр. Л. Татарскій бредъ! Смотри,
Что̀ дѣлаетъ смышленый Шведъ, какъ Нѣмцы
Смыкаются въ желѣзные полки.

З. Л. У Нѣмцевъ намъ учиться!

Пр. Л. Что же? Стыдно?
То стыдно, братъ, что есть въ сердцахъ огонь
И мощь въ рукахъ, а смотришь: въ дѣлѣ ратномъ
Младенцы мы.—Здорово, господа!
Что рѣчь? О чемъ?

Старикъ. Какая рѣчь, бояринъ!
Мы люди темные и малые.

Пр. Л. Такъ что жъ!
Темны и малы? Но душою чистой
Вы любите Россію, за нее
Готовы пасть въ сраженьи, и бесѣда
Была объ ней.

Другой. Все знаетъ!

Пр. Л. Не стыдитесь
Прекрасныхъ чувствъ. Не говорите мнѣ,
Что малы вы. Ты мѣщанинъ безродный,
Но совѣстный, возвышеннѣй сто кратъ,
Чѣмъ Салтыковъ, Іуда родовитый.
Не правда ль?

Многіе. Правда.

Пр. Л. Луховъ! Приготовь
Мнѣ копій сто на образецъ заморскій;
За образцомъ ты завтра приходи.

Голова. Братецъ твоей милости, Захарій Петровичъ, ужъ прислалъ его ко мнѣ: четырехгранные, аршинными полосами, что̀ въ ратовище врѣзываются.

Пр. Л. Да, самый тотъ. Но поспѣши работой!
Не то гляди, какъ храбрый князь Скопинъ
Избавитъ насъ отъ Польши некрещеной:
Тогда прощай, и копья, и мечи,
И панцыри стальные: ихъ и даромъ
Мы не возьмемъ. Не правда ли, старикъ?

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Текстъ печатается съ изданія 1888 года, но стихотворенія размѣщены нѣсколько иначе. Приводимъ отзывъ автора о своихъ стихахъ изъ письма его къ А. Н. Попову (Генварь 1850): „Безъ притворнаго смиренія я знаю про себя, что мои стихи, когда хороши, держатся мыслію, т. е. прозаторъ вездѣ проглядываетъ, и слѣдовательно долженъ, наконецъ, задушить стихотворца“.

Заря

Въ воздушныхъ высотахъ, межъ ночію и днемъ.
Тебя поставилъ Богъ, какъ вѣчную границу,
Тебя облекъ Онъ пурпурнымъ огнемъ,
Тебѣ Онъ далъ въ сопутницы денницу.

Когда ты въ небѣ голубомъ
Сіяешь, тихо догарая,
Я мыслю, на тебя взирая:
Заря, тебѣ подобны мы—
Смѣшенье пламени и хлада,
Смѣшеніе небесъ и ада,
Сіяніе лучей и тьмы.

(1826).

Въ альбомъ сестрѣ.

Не грустью, нѣтъ, но нѣжной думой
Твои наполнены глаза,
И не печали слѣдъ угрюмой—
На нихъ жемчужная слеза.

Когда съ душою умиленной
Ты къ небу взоръ возводишь свой,
Не за себя мольбы смиренной
Ты тихо шепчешь звукъ святой;

Но свѣтлыми полна мечтами,
Паришь ты мыслью надъ звѣздами,
Огнемъ пылаешь неземнымъ,
И на печали, на желанья,
Глядишь какъ юный Серафимъ—
Безсмертный, полный состраданья,
Но чуждый бѣдствіямъ земнымъ.

(1826).

Изола Белла.

Красавецъ островъ! Предо мною
Восходишь гордо ты въ водахъ,
Поставленъ смертнаго рукою
На дикихъ, мраморныхъ скалахъ,
Роскошнымъ садомъ осѣненный,
Облитый влагой голубой—
И мнится, изумрудъ зеленый
Обхваченъ чистой бирюзой.

Меня манитъ твой брегъ счастливый.
Онъ сладкихъ думъ, онъ нѣги полнъ...
Спѣши, спѣши, пловецъ лѣнивый!
Лети въ зыбяхъ, мой легкій челнъ!
Тамъ, межъ вѣтвей полу-сокрыты,
Лимоны золотомъ горятъ;
Какъ дѣвъ полуденныхъ ланиты,
Блистаетъ пурпурный гранатъ;
Тамъ свѣжихъ розъ благоуханье,
Тамъ гордый лавръ плѣняетъ взоръ,
И листьевъ мирта трепетанье,
Какъ двухъ влюбленныхъ разговоръ.

Прелестный край! Все дышитъ Югомъ,
И тѣнь садовъ, и лоно водъ,
И Альповъ цѣпь могучимъ кругомъ
Его отъ хлада стережетъ;
И ярко въ небѣ блещутъ льдины,
И выше сизыхъ облаковъ
Восходятъ горы-исполины
Подъ шлемомъ дѣвственныхъ снѣговъ.

Не такъ ли, въ повѣстяхъ Востока,
Ирана юная краса
Сокрыта за моремъ, далеко,
Гдѣ чисто свѣтятъ небеса,
Гдѣ сонъ ея лелѣютъ Пери,
И духи водъ ей пѣснь поютъ;
Но мрачный Дивъ стоитъ у двери,
Храня таинственный пріютъ.

(1826).

Желаніе.

Хотѣлъ бы я разлиться въ мірѣ,
Хотѣлъ бы съ солнцемъ въ небѣ течь,
Звѣздою, въ сумрачномъ эѳирѣ,
Ночной свѣтильникъ свой зажечь.

Хотѣлъ бы зыбію стеклянной
Играть въ бездонной глубинѣ,
Или лучомъ зари румяной
Скользить по плещущей волнѣ.

Хотѣлъ бы съ тучами скитаться,
Туманомъ виться вкругъ холмовъ,
Иль буйнымъ вѣтромъ разыграться
Въ сѣдыхъ изгибахъ облаковъ;

Жить ласточкой подъ небесами,
Къ цвѣтамъ ласкаться мотылькомъ,
Или надъ дикими скалами
Носиться дерзостнымъ орломъ.

Какъ сладко было бы въ природѣ
То жизнь и радость разливать,
То въ громахъ, вихряхъ, непогодѣ
Пространства неба обтекать!

(1827).

Поэтъ.

Всѣ звѣзды въ новый путь стремились,
Разсѣявъ вѣковую мглу;
Всѣ звѣзды жизнью веселились
И пѣли Божію хвалу.

Одна, печально измѣряя
Никѣмъ незнаемы лѣта,—
Земля катилася нѣмая,
Небесъ веселыхъ сирота.

Она безъ пѣсенъ путь свершала,
Безъ пѣсенъ въ путь текла опять,
И на устахъ ея лежала
Молчанья строгаго печать.

Кто дастъ ей голосъ?... Лучъ небесный
На перси смертнаго упалъ,
И смертнаго покровъ тѣлесный
Жильца безсмертнаго пріялъ.

Онъ къ небу взоръ возвелъ спокойный,
И Богу гимнъ въ душѣ возникъ;
И далъ землѣ онъ голосъ стройный,
Творенью мертвому языкъ.

(1827).

Отзывъ одной дамѣ.

Когда Сивиллы слухъ смятенной
Глаголы Фебовы внималъ,
И передъ дѣвой изступленной
Призрàкъ грядущаго мелькалъ,—
Чело сіяло вдохновеньемъ,
Глаза сверкали, гласъ гремѣлъ,
И въ прахѣ, съ трепетнымъ волненьемъ
Предъ ней народъ благоговѣлъ.

Но утихалъ восторгъ мгновенный,
Смолкала жрица—и блѣдна,
Передъ толпою изумленной,
На землю падала она.
Кто, видя впалыя ланиты
И взоръ безъ блеска и лучей,
Узналъ бы тайну силы скрытой
Въ пророчицѣ грядущихъ дней?

И ты не призывай поэта!
Въ волшебный кругъ свой не мани!
Когда, вдали отъ шума свѣта,
Душа восторгами согрѣта:
Тогда живетъ онъ. Въ эти дни
Вмѣщаетъ все существованье.
Но вскорѣ, слабъ и утòмленъ
И вихремъ свѣта увлеченъ,
Забывъ высокія созданья,
То ловитъ темныя мечтанья,
То, какъ дитя, сквозь смутный сонъ,
Смѣется и лепечетъ онъ.

(1827).

Сонъ.

Я видѣлъ сонъ, что будто я пѣвецъ,
И что пѣвецъ—пречудное явленье,
И что въ пѣвцѣ на все Свое творенье
Всевышній положилъ вѣнецъ.

Я видѣлъ сонъ, что будто я пѣвецъ,
И подъ перстомъ моимъ дышали струны,
И звуки ихъ гремѣли какъ перуны,
Стрѣлой вонзалися во глубину сердецъ.

И какъ въ степи глухой живыя воды,
Такъ пѣснь моя ласкала жадный слухъ;
Въ ней слышенъ былъ и тайный гласъ природы,
И смертнаго горѣ парящій духъ.

Но часъ насталъ. Меня во гробъ сокрыли,
Мои уста могильный хладъ сковалъ;
Но изъ могильной тьмы, изъ хладной пыли,
Гремѣла пѣснь и сладкій гласъ звучалъ.

Вѣка прошли, и племена другія
Покрыли край, гдѣ прахъ пѣвца лежалъ;
Но не замолкли струны золотыя,
И сладкій гласъ попрежнему звучалъ.

Я видѣлъ сонъ, что будто я пѣвецъ,
И что пѣвецъ пречудное явленье,
И что въ пѣвцѣ на все Свое творенье
Всевышній положилъ вѣнецъ.

(Базарджикъ,
3 Іюля 1828 г.).

Просьба.

О сжальтесь надо мной! О дайте волю мнѣ!
Изъ края дальняго волшебный зовъ несется,
И кровь моя кипитъ, и сердце бурно рвется
Въ тотъ дальній край, къ войнѣ, къ войнѣ!
Вы видите: стремятся ополченья,
И взоры ихъ блестятъ надеждою побѣдъ...
Туда, туда, въ кровавыя сраженья
Я полечу за ними вслѣдъ.

Противна мнѣ дремота нѣги праздной,
И мирныхъ дней безжизненный покой,
Какъ путь въ степяхъ однообразный,
Какъ гробъ холодный и нѣмой.
Противно мнѣ безумное веселье,
Неупоенныхъ душъ притворное похмѣлье,
И скука вѣчная, и вѣчный переходъ
Младенческихъ забавъ и нищенскихъ заботъ.

О сжальтесь надо мной! Отдайте мечъ блестящій,
Отдайте бодраго и легкаго коня!
Въ тотъ край, куда летятъ мечты порывъ горящій,
Какъ вихрь, какъ мысль онъ унесетъ меня!..

На мигъ одинъ судьбины злой оковы
Рукой я смѣлою расторгъ:
И сердцу памятны сраженій блескъ суровый,
И торжества воинственный восторгъ...

Въ часъ утренней зари, румяной и росистой,
Услышать пушки гласъ, зовущій насъ къ боямъ;
Глядѣть, какъ солнца лучъ златистый,
Играя, блещетъ по штыкамъ;
Какъ вождь сѣдой, отваги юной полный,
На срѣтенье врагамъ ведетъ покорный строй,

И движутся полки, какъ бурь осеннихъ волны;
И чувствовать тогда, что вѣренъ мечъ стальной,

Что длань сильна, что вихремъ конь несется
Подъ свистомъ пуль средь дыма и огня,
Что сердце гордое въ груди спокойно бьется,
Что этотъ дольній міръ не дорогъ для меня:
Что я могу, съ улыбкою презрѣнья
На жизнь, на смерть и на судьбу взирать!..
О, эти сладкія мгновенья
Отдайте мнѣ, отдайте ихъ опять!
Я не хочу въ степи земной скитаться
Безъ воли и надеждъ, безвременный старикъ;
Какъ робкая жена, передъ рокомъ не привыкъ
Главой послушной преклоняться,
Внимать, какъ каждый день, и скученъ, и смѣшонъ,
Все тѣ же сказки напѣваетъ,
И тихо душу погружаетъ
Въ какой-то слабоумный сонъ.

Я не рожденъ быть утлою ладьею,
Забытой въ пристани, не знающей морей,
И праздной истлѣвать кормою,
Добычей гнили и червей.

Но я хочу летать надъ бурными волнами
Могучимъ кораблемъ съ дружиной боевой;
Подъ солнцемъ тропика, межъ сѣверными льдами,
Бороться съ бездною и съ дикою грозой;

Челомъ возвышеннымъ встрѣчать ударъ судьбины,
Бродить по области и смерти и чудесъ,
И жадно пить восторгъ, и изъ сѣдой пучины
Крыломъ поэзіи взноситься до небесъ!

О, вотъ онъ, вотъ удѣлъ, давно желанный мною!
Отдайте жъ мнѣ коня, булатъ отдайте мой!
Въ тотъ дальній край я полечу стрѣлою
И ринуся въ кровавый бой.

(1828).

Сонетъ.

Въ тѣни садовъ и стѣнъ Эски-сарая,
При блескѣ лампъ и шумѣ водъ живыхъ,

Сидѣлъ султанъ, роскошно отдыхая
Среди толпы красавицъ молодыхъ.

Онъ въ думахъ былъ. Главою помавая,
Шумѣлъ чинаръ; и вѣтеръ, свѣжъ и тихъ,

Межъ алыхъ розъ вздыхалъ благоухая;
И рогъ луны былъ въ сонмѣ звѣздъ ночныхъ.

„Чтобъ кисть писца на камняхъ начертала,
Что все пройдетъ!“ воскликнулъ пади-шахъ...

Я зрѣлъ Сарай и надпись на стѣнахъ,
И вся душа невольно тосковала.

И снова грусть былое воскрешала,
И мысль моя носилась въ прежнихъ дняхъ.

(1829).

Прощаніе съ Адріанополемъ.

Эдырне *), прощай! Уже болѣе мнѣ
Не зрѣть Забалканскаго края,
Ни синихъ небесъ въ ихъ ночной тишинѣ,
Ни роскоши древней Сарая,
Ни тѣни густой полуденныхъ садовъ,
Ни васъ, кипарисы, любимцы гробовъ!

Эдырне! На стройныхъ мечетяхъ твоихъ
Орелъ возвышался двуглавый.
Онъ вновь улетаетъ, но вѣчно на нихъ
Останутся отблески славы,
И Турокъ въ мечтахъ будетъ зрѣть предъ собой
Тѣнь крыльевъ Орла надъ померкшей Луной!

Адріанополь,
7 Октября 1829 г.

*) Турецкое имя Адріанополя.

Клинокъ.

Не презирай клинка стальнаго
Въ обдѣлкѣ древности простой,
И пыль забвенья вѣковаго
Сотри заботливой рукой.

Мечи съ красивою оправой,
Въ златыхъ покоясь ножнахъ,
Блестали тщетною забавой
На пышныхъ роскоши пирахъ;

А онъ, въ порывахъ бурь военныхъ,
По латамъ весело стучалъ
И на главахъ иноплеменныхъ
О Руси память зарубалъ.

Но тяжкій мечъ, въ ножнахъ забытый
Рукой слабѣющихъ племенъ,
Давно лежитъ полу-сокрытый
Подъ ѣдкой ржавчиной временъ,

И ждетъ, чтобъ грянулъ голосъ брани,
Булата звонкаго призывъ,
Чтобъ вновь воскресъ въ могучей длани
Его губительный порывъ.

И тамъ, гдѣ мечъ съ златой оправой
Какъ хрупкій сломится хрусталь,
Глубоко врѣжетъ слѣдъ кровавый
Его синѣющая сталь.

Такъ не бросай клинка стальнаго
Въ обдѣлкѣ древности простой
И пыль забвенья вѣковаго
Сотри заботливой рукой.

(1829).

Изъ Саади.

(На кусокъ янтаря).

Червь ядовитый скрывался въ землѣ:
Черныя думы таились во мнѣ.

Червь, изгибаясь, землю сквернилъ:
Грѣхъ ненавистный мнѣ душу тягчилъ.

Червь ядовитый облитъ янтаремъ:
Весело взоры почіютъ на немъ.
Къ Небу подъемлю я очи съ мольбой,
Грѣхъ обливаю горячей слезой.

Въ сердце взгляну я. Тамъ Божья печать:
Грѣхъ мой покрыла Творца благодать.

(1830.)

Два часа.

Есть часъ блаженства для поэта,
Когда мгновенною мечтой
Душа внезапно въ немъ согрѣта,
Какъ будто огненной струей:
Сверкаютъ слезы вдохновенья,
Чудесной силы грудь полна,
И льются стройно пѣснопѣнья,
Какъ сладкозвучная волна.

Но есть поэту часъ страданья,
Когда возстанетъ въ тьмѣ ночной
Вся роскошь дивная созданья
Передъ задумчивой душой;
Когда въ груди его сберется
Міръ цѣлый образовъ и сновъ,
И новый міръ сей къ жизни рвется,
Стремится къ звукамъ, проситъ словъ.

Но звуковъ нѣтъ въ устахъ поэта,
Молчитъ окованный языкъ,
И лучъ божественнаго свѣта
Въ его видѣнья не проникъ.
Вотще онъ стонетъ изступленный:
Ему не внемлетъ Фебъ скупой,
И гибнетъ міръ новорожденный
Въ груди безсильной и нѣмой.

Зима.

Поля покрылися пушистыми снѣгами,
И солнце, скрытое туманными зыбями,
Какъ будто крадется невидимой стезей
Отъ утра поздняго до ранней тьмы ночной.
Прощайте, осени разгульныя забавы!
Прощай, призывный рогъ въ безмолвіи дубравы,
И легкій скокъ коня по доламъ и горамъ,
И звучная гоньба по утреннимъ зарямъ!
Когда пройдетъ зима? Когда увидимъ снова
Веселый цвѣтъ луговъ и поля озимнова,
Лѣса, согрѣтые дыханіемъ весны,
И синеву небесъ надъ зеркаломъ волны?

*

Вотще, исполненный невольнаго томленья,
Чтобъ разогнать тоску и скуку заточенья,
Гляжу въ замерзшее и тусклое окно:
Вокругъ все холодно, и мертво, и темно!
Вдали шумитъ мятель, и на землѣ печальной
Раскинутъ бѣлый снѣгъ какъ саванъ погребальный.
Вокругъ все холодно. Но что жъ? Въ груди моей
Теплѣе кровь бѣжитъ, и взоръ души свѣтлѣй.
Мечта проснулася, и чудныя видѣнья
Рисуетъ предо мной игра воображенья.

*

Мнѣ помнятся края, гдѣ путникъ молодой,
Я съ мирнымъ посохомъ и пылкою душой
Бродилъ среди картинъ и прелестей природы...
Скалы Швейцаріи, убѣжища свободы,
И роскошь Франціи, и ты страна чудесъ
И пламенныхъ искусствъ и радужныхъ небесъ,
Страна Италіи, гдѣ лугъ, и лѣсъ, и волны,
И дикихъ горъ верхи восторговъ сладкихъ полны!

Мнѣ битвы помнятся, гусаровъ шумный станъ,
Блестящей сабли взмахъ, погибель Мусульманъ,
Марицы свѣтлый токъ, Эдырне горделивый,
И стройный минаретъ въ пустынѣ молчаливой.
Но чаще помню я, забывши внѣшній міръ,
На лонѣ юности мой беззаботный пиръ,
Надежды смѣлыя, веселыя мечтанья,
Давно увядшіе цвѣты существованья,
И брата, и пѣвца, любимца чистыхъ Музъ,
И смертью раннею разорванный союзъ...
И съ памятью утратъ и прежнихъ наслажденій,
Бѣгутъ потоки слезъ, стиховъ и вдохновеній.

(1831).

На сонъ грядущій.

Давно ужъ за полночь, я лягу отдохнуть:
Пора мнѣ мирнымъ сномъ сомкнуть
Глаза усталые отъ бдѣнья,
И отъ житейскаго волненья
На время успокоить грудь.
Ложуся спать... Какою нѣгой чудной
Все дышитъ здѣсь!... Какъ сладко думать мнѣ,
Что конченъ день заботливый и трудный,
Что я могу въ безпечной тишинѣ
Лелѣять до утра веселыя видѣнья,
И вольною мечтой свой новый міръ творить,
И средь роскошнаго творенья
Другою, дивной жизнью жить.

*

Пусть завтра вновь привычныя волненья!...
Пусть завтра вновь!.. Да кто жъ порукой въ томъ,
Что встанетъ для меня денница золотая?
Кто скажетъ мнѣ, что, засыпая,
Не засыпаю вѣчнымъ сномъ?
Быть можетъ, что востокъ туманный
Зажжется въ утренней зарѣ,
А на нѣмомъ моемъ одрѣ
Найдутъ лишь трупъ мой бездыханный.

*

Подумай страшно. Сонъ лукавъ!
Что, если, жизненныя силы
Коварной цѣпью связавъ,
Онъ передастъ ихъ въ плѣнъ могилы?
Что, если чувство бытія
И страсти бурное волненье,
И мыслей гордое паренье
Въ единый мигъ утрачу я?

*

Я въ морѣ былъ, въ кровавой битвѣ,
На краѣ пропастей и скалъ,
И никогда въ своей молитвѣ
О жизни къ Богу не взывалъ;
Но въ тихій часъ успокоенья
Ударъ нежданный получить,
На ложѣ темнаго забвенья
Украденнымъ изъ міра быть—
Противно мнѣ. Творецъ вселенной,
Услышь мольбы полнощный гласъ:

*

Когда тобой опредѣленный
Настанетъ мой послѣдній часъ,
Пошли мнѣ въ сердце предвѣщанье!
Тогда покорною главой,
Безъ малодушнаго роптанья,
Склонюсь предъ волею святой.
Въ мою смиренную обитель
Да придетъ Ангелъ-разрушитель,
Какъ гость издавна жданный мной!
Мой взоръ измѣритъ великана,
Боязнью грудь не задрожитъ,
И духъ изъ дольняго тумана
Полетомъ смѣлымъ воспаритъ!

(1831).

Ода.

(На Польскій мятежъ).

Внимайте голосъ истребленья!
За громомъ громъ, за крикомъ крикъ!
То звуки дальняго сраженья,
Къ нимъ слухъ воинственный привыкъ.
Вотъ ружей звонкіе раскаты,
Вотъ пѣшей рати мѣрный шагъ,
Вотъ натискъ конницы крылатой,
Вотъ пушекъ ревъ на высотахъ,
И крикъ торжествъ, мнѣ крикъ знакомый,
И смерти стонъ, мнѣ плачъ родной...
О, замолчите, битвы громы!
Остановись, кровавый бой!

Потомства пламеннымъ проклятьямъ
Да будетъ преданъ тотъ, чей гласъ
Противъ Славянъ Славянскимъ братьямъ
Мечи вручилъ въ преступный часъ!
Да будутъ прокляты сраженья,
Одноплеменниковъ раздоръ,
И перешедшей въ поколѣнья
Вражды безсмысленной позоръ!
Да будутъ прокляты преданья,
Вѣковъ исчезнувшихъ обманъ,
И повѣсть мщенья и страданья,—
Вина неисцѣлимыхъ ранъ!

И взоръ поэта вдохновенный
Ужъ видитъ новый вѣкъ чудесъ...
Онъ видитъ: гордо надъ вселенной,
До свода синяго небесъ,
Орлы Славянскіе взлетаютъ
Широкимъ, дерзостнымъ крыломъ,
Но мощную главу склоняютъ
Передъ старшимъ—Сѣвернымъ Орломъ.
Ихъ твердъ союзъ, горятъ перуны,
Законъ ихъ властенъ надъ землей,
И будущихъ Баяновъ струны
Поютъ согласье и покой!...

(1831).

Думы.

Тамъ были шумъ и разговоры,
И блескъ ума, и смѣхъ живой,
И юныхъ дѣвъ сіяли взоры
Свѣтлѣй, чѣмъ звѣзды въ тьмѣ ночной;
И сладки рѣчи слухъ ласкали,
И былъ привѣтенъ блескъ очей.
Но думы бурныя роптали
Во глубинѣ души моей.

„Проснись, проснись! Мы призываемъ
Тебя отъ сновъ, отъ грезъ пустыхъ:
Проснись! Мы гаснемъ, увядаемъ,
Любимцы лучшихъ дней твоихъ!
Проснися... Радость измѣняетъ,
И жизнь кратка, и хладенъ свѣтъ,
И не надолго утѣшаетъ
Его обманчивый привѣтъ;
А мы безсмертными вѣнцами
Могли бъ главу твою вѣнчать,
Могли бы яркими цвѣтами
Межъ лавровъ Руси расцвѣтать!

Мы крыльями тебя обнимемъ,
И въ край поэзіи святой
Твой духъ восторженый поднимемъ
Мечтами, пѣснью и мольбой.
Проснись, проснись!... Мы призываемъ
Тебя отъ сновъ, отъ грезъ пустыхъ,
Проснись!... Мы гаснемъ, увядаемъ,
Любимцы лучшихъ дней твоихъ!“

Молчите, пламенныя думы!
Засните вновь на краткій срокъ:
Твердитъ напрасный мнѣ упрекъ
Вашъ голосъ строгій и угрюмый.
Меня не свяжетъ свѣтъ холодный!
Настанетъ вдохновенный часъ,—
И къ жизни звучной и свободной,
Могучій, вызову я васъ!

(1831).

Орелъ.

Высоко ты гнѣздо поставилъ,
Славянъ полуночныхъ Орелъ,
Широко крылья ты расправилъ,
Глубоко въ небо ты ушелъ!
Лети; но въ горнемъ морѣ свѣта,
Гдѣ силой дышащая грудь
Разгуломъ вольности согрѣта,
О младшихъ братьяхъ не забудь!

На степь полуденнаго края,
На дальній Западъ оглянись;
Ихъ много тамъ, гдѣ гнѣвъ Дуная,
Гдѣ Альпы тучей обвились,
Въ ущельяхъ скалъ, въ Карпатахъ темныхъ,
Въ Балканскихъ дебряхъ и лѣсахъ,
Въ сѣтяхъ Тевтона вѣроломныхъ,
Въ стальныхъ Татарина цѣпяхъ...

И ждутъ окованные братья—
Когда же зовъ услышатъ твой,
Когда ты крылья, какъ объятья,
Прострешь надъ слабой ихъ главой?...
О, вспомни ихъ, Орелъ Полночи!
Пошли имъ звонкій твой привѣтъ,
Да ихъ утѣшитъ въ рабской ночи
Твоей свободы яркій свѣтъ!

Питай ихъ пищей силъ духовныхъ,
Питай надеждой лучшихъ дней,
И хладъ сердецъ единокровныхъ
Любовью жаркою согрѣй!
Ихъ часъ придетъ: окрѣпнутъ крылья,
Младыя когти подростутъ,
Вскричатъ Орлы,—и цѣпь насилья
Желѣзнымъ клювомъ расклюютъ!

(1832).

Русская пѣсня.

Гой красна земля Володимира!
Много селъ въ тебѣ, городовъ большихъ,
Много люду въ тебѣ православнаго!
Въ сини горы ты упираешься,
Синимъ моремъ ты омываешься:
Не боишься ты люта в◌̈рога,
А боишься лишь гнѣва Божія.

Гой красна земля Володимира!
Послужили тебѣ мои прадѣды,
Миромъ-разумомъ успокоили,
Города твои изукрасили,
Люта в◌̈рога отодвинули.
Помяни добромъ моихъ прадѣдовъ:
Послужили тебѣ службу крѣпкую.

Службу бо́льшую я служилъ тебѣ.
Отъ меня ль въ степяхъ мужички пошли,
Мужички пошли богатые.
Знаютъ чинъ свой, знаютъ до́бычу,
Братьевъ любятъ, Богу молятся.
Отъ меня ль въ судахъ правда-судъ пошли,
Правда-судъ пошли неподкупные,—

Правда въ слушанье, судъ въ видѣніе!
Отъ меня ль пошла въ цѣлый міръ молва,
Что и синяго неба не выглядѣть,
Что и синяго моря не вычерпать:
То красна земля Володимира.
Полюбуйся ей—не насмотришься,
Черпай разумъ въ ней—не исчерпаешь!

Ходитъ по небу солнце ясное,
Грѣетъ, свѣтитъ міру цѣлому;
Ночью теплятся звѣзды частыя,
А травѣ да песчинкамъ счету нѣтъ.
По землѣ ходитъ слово Божіе,
Грѣетъ жизнію, свѣтитъ радостью.
Блещутъ главы церквей золочёныя,
А Господнихъ слугъ да молельщиковъ,
Что̀ травы въ степяхъ, что̀ песку въ моряхъ!

Иностранкѣ.

А. О. Россетъ.

Вокругъ нея очарованье,
Вся роскошь Юга дышитъ въ ней:
Отъ розъ ей прелесть и названье;
Отъ звѣздъ полудня блескъ очей.

Прикованъ къ ней волшебной силой,
Поэтъ восторженный глядитъ;
Но никогда онъ дѣвѣ милой
Своей любви не посвятитъ.

Пусть ей понятны сердца звуки,
Высокой думы красота,
Поэтовъ радости и муки,
Поэтовъ чистая мечта;

Пусть въ ней душа какъ пламень ясный,
Какъ дымъ молитвенныхъ кадилъ;
Пусть Ангелъ свѣтлый и прекрасный
Ее съ рожденья осѣнилъ;

Но ей чужда моя Россія,
Отчизны дикая краса;
И ей милѣй страны другія,
Другія лучше небеса!

Пою ей пѣснь роднаго края,—
Она не внемлетъ, не глядитъ!
При ней скажу я: „Русь Святая!"
И сердце въ ней не задрожитъ.

И тщетно лучъ живаго свѣта
Изъ черныхъ падаетъ очей:
Ей гордая душа поэта
Не посвятитъ любви своей.

(1832).

Къ ней же.

О дѣва-роза, для чего
    Мнѣ грудь волнуешь ты
Порывной бурею страстей,
    Желанья и мечты?

Спусти на свой блестящій взоръ
    Рѣсницы длинной тѣнь:
Твои глаза огнемъ горятъ,
    Томятъ, какъ лѣтній день.

Нѣтъ, взоръ открой! Отраднѣй мнѣ
    Отъ зноя изнывать,
Чѣмъ знать, что въ небѣ солнце есть,
    И солнца не видать!

(1832).

Къ *.

Не горюй по лѣтнимъ розамъ.
Вѣрь мнѣ, чуденъ Божій свѣтъ!
Зимнимъ вьюгамъ и морозамъ
Рады заяцъ да поэтъ.

Для меня, въ безпечной лѣни,
Какъ часы ночнаго сна,
Протекли безъ вдохновеній
Лѣто, осень и весна.

Но лишь гулкія мятели
Въ снѣжномъ полѣ заревутъ,
И въ пушистыя постели
Зайцы робкіе уйдутъ,—

Пѣсень дѣва молодая
Въ бурѣ мнѣ привѣтъ пришлетъ
И, привѣту отвѣчая,
Что-то въ сердцѣ запоетъ.

(1832).

Жаворонокъ, Орелъ и Поэтъ.

Когда, проснувшися, свѣтлѣетъ
Востокъ росистою зарей,
Незримый жаворонокъ рѣетъ
Въ равнинѣ неба голубой;

И вдохновенный, безъ науки
Творитъ онъ пѣснь, и свысока
Серебряные сыплетъ звуки
На слѣдъ воздушный вѣтерка.

Орелъ, добычу забывая,
Летитъ и выше сизыхъ тучъ,
Какъ парусъ крылья разстилая,
Всплываетъ веселъ и могучъ.

Зачѣмъ поютъ? Зачѣмъ летаютъ?
Зачѣмъ горячія мечты
Поэта въ небо увлекаютъ
Изъ мрака дольней суеты?

Затѣмъ, что въ небѣ вдохновенье,
И въ пѣсняхъ есть избытокъ силъ,
И гордой воли упоенье
Въ надоблачномъ размахѣ крылъ;

Затѣмъ, что съ выси небосклона
Отрадно видѣть край земной
И робкихъ чадъ земнаго лона—
Далеко, низко подъ собой.

(1833).

Вдохновеніе.

Лови минуту вдохновенья,
Восторговъ чашу жадно пей
И сномъ лѣниваго забвенья
Не убивай души своей!

Лови минуту: пролетаетъ,
Какъ молньи яркая струя,
Но годы многіе вмѣщаетъ
Она земнаго бытія.

Но если разъ душой холодной
Отринешь ты небесный даръ
И въ суетѣ земли безплодной
Потушишь вдохновенья жаръ;

И если разъ, въ безпечной лѣни,
Ничтожность міра полюбивъ,
Ты свяжешь цѣпью наслажденій
Души бунтующій порывъ:

Къ тебѣ поэзіи священной
Не снидетъ чистая роса,
И предъ зѣницей ослѣпленной
Не распахнутся небеса;

Но сердце бѣдное изсохнетъ,
И нива прежнихъ думъ твоихъ,
Какъ степь безводная, заглохнетъ
Подъ терномъ помысловъ земныхъ.

(1833).

Двѣ пѣсни.

Прелестна пѣснь полуденной страны!
Она огнемъ живительнымъ согрѣта,
Какъ яркій день безоблачнаго лѣта.
Она сладка, какъ томный свѣтъ луны,
Трепещущій на зеркалѣ лагуны.
Все въ ней къ любви и нѣгѣ насъ манитъ.
Но не звучатъ отзывно сердца струны,
И мысль моя въ груди безмолвной спитъ.

Другая пѣснь, то пѣснь родного края,—
Протяжная, унылая, простая,
Тоски и слезъ и горестей полна!
Какъ много думъ взбудила вдругъ она
Про нашу степь, про гулкія мятели,
Про радости и скорби юныхъ дней,
Про тихіе напѣвы колыбели,
Про отчій домъ и кровныхъ и друзей!

(1833).

Элегія.

Когда вечерняя спускается роса,
И дремлѣтъ дольній міръ, и вѣтръ прохладой дуетъ,
И синимъ сумракомъ одѣты небеса,
И землю сонную лучъ мѣсяца цѣлуетъ:
Мнѣ страшно вспоминать житейскую борьбу,
И грустно быть однимъ, и сердце сердца проситъ,
И голосъ трепетный то ропщетъ на судьбу,
То имена любви невольно произноситъ...

Когда жъ въ часъ утренній проснувшійся Востокъ
Выводитъ съ торжествомъ денницу золотую,
Иль солнце льетъ лучи, какъ пламенный потокъ,
На ясный миръ небесъ, на суету земную—
Я снова бодръ и свѣжъ. На смутный бытъ людей
Бросаю смѣлый взглядъ; улыбку и презрѣнье
Одни я шлю въ отвѣтъ грозѣ судьбы моей,
И радуетъ меня мое уединенье.
Готовая къ борьбѣ и крѣпкая какъ сталь,
Душа бѣжитъ любви безсильнаго желанья,
И одинокая, любя свои страданья,
Питаетъ гордую, безгласную печаль.

(1834).

Мечта.

О грустно, грустно мнѣ! Ложится тьма густая
На дальнемъ Западѣ, странѣ святыхъ чудесъ:
Свѣтила прежнія блѣднѣютъ догорая,
И звѣзды лучшія срываются съ небесъ.

А какъ прекрасенъ былъ тотъ Западъ величавый!
Какъ долго цѣлый міръ, колѣна преклонивъ
И чудно озаренъ его высокой славой,
Предъ нимъ безмолвствовалъ, смиренъ и молчаливъ!

Тамъ солнце мудрости встрѣчали наши очи,
Кометы бурныхъ сѣчъ бродили въ высотѣ,
И тихо, какъ луна, царица лѣтней ночи,
Сіяла тамъ любовь въ невинной красотѣ;

Тамъ въ яркихъ радугахъ сливались вдохновенья,
И вѣры огнь живой потоки свѣта лилъ...
О, никогда земля отъ первыхъ дней творенья
Не зрѣла надъ собой столь пламенныхъ свѣтилъ!

Но горе! Вѣкъ прошелъ, и мертвеннымъ покровомъ
Задернутъ Западъ весь. Тамъ будетъ мракъ глубокъ...
Услышь же гласъ судьбы, воспрянь въ сіяньи новомъ,
Проснися, дремлющій Востокъ!

(1834).

Ключъ.

Сокрыть въ глуши, въ тѣни древесной,
Любимецъ Музъ и тихихъ думъ,
Фонтанъ живой, фонтанъ безвѣстный,
Какъ сладокъ мнѣ твой легкій шумъ!
Поэта чистая отрада,
Тебя не сыщетъ въ жаркій день
Копыто жаждущаго стада,
Иль поселянъ бродящихъ лѣнь.

Лѣсовъ зеленая пустыня
Тебя широко облегла,
И Вѣры ясная святыня
Тебя подъ кровъ свой приняла.
И не скуютъ тебя морозы,
Тебя не ссушитъ лѣтній зной,
И льешь ты сребряныя слезы
Неистощимою струей.

Въ твоей груди, моя Россія,
Есть также тихій, свѣтлый ключъ;
Онъ также воды льетъ живыя,
Сокрытъ, безвѣстенъ, но могучъ.
Не возмутятъ людскія страсти
Его кристальной глубины,
Какъ прежде холодъ чуждой власти
Не заковалъ его волны.

И онъ течетъ неизсякаемъ,
Какъ тайна жизни невидимъ,
И чистъ, и міру чуждъ, и знаемъ
Лишь Богу да Его святымъ!

Но водоема въ тѣсной чашѣ
Не вѣчно будетъ заключенъ,—
Нѣтъ, съ каждымъ днемъ живѣй и краше
И глубже будетъ литься онъ.
И вѣрю я: тотъ часъ настанетъ,
Рѣка свой край перебѣжитъ,
На небо голубое взглянетъ
И небо все въ себѣ вмѣститъ.

Смотрите, какъ широко воды
Зеленымъ доломъ разлились,
Какъ къ брегу чуждые народы
Съ духовной жаждой собрались!
Смотрите! Мчатся черезъ волны
Съ богатствомъ мыслей корабли,
Любимца неба, силы полны,
Плодотворители земли!

И солнце яркими огнями
Съ лазурной свѣтитъ вышины,
И осіянъ весь міръ лучами
Любви, святыни, тишины.

(1835)

Къ ***.

Когда гляжу, какъ чисто и зеркально
Твое чело,
Какъ ясенъ взоръ,—мнѣ грустно и печально,
Мнѣ тяжело.

Ты знаешь ли, какъ глубоко и свято
Тебя люблю?
Ты знаешь ли, что отдалъ безъ возврата
Я жизнь свою?

Когда умреть предъ хладной молньей взора
Любви мечта,
Не прогремятъ правдиваго укора
Мои уста;

Но пропою въ послѣднее прощанье
Я пѣснь одну:
Въ ней всю любовь, все горе, все страданье,
Всю жизнь сомкну.

И слыша пѣснь какимъ огнемъ согрѣта
И какъ грустна,
Узнаетъ міръ, что въ ней душа поэта
Схоронена.

(1835).

Къ***

Благодарю тебя! Когда любовью нѣжной
Сіяли для меня лучи твоихъ очей,
Подъ игомъ сладостнымъ заснулъ въ груди мятежной
Порывъ души моей.

Благодарю тебя! Когда твой взоръ суровый
На юнаго пѣвца съ холодностью упалъ,
Мой гордый духъ вскипѣлъ, и прежнія оковы
Я смѣло разорвалъ!

И шире мой полетъ, живѣе въ крыльяхъ сила;
Все въ груди тишина, все въ сердцѣ расцвѣло;
И пѣсень благодать свѣжѣе осѣнила
Свободное чело!

Такъ, послѣ ярыхъ бурь моря лазурнѣй, тише,
Благоуханнѣй лѣсъ, свѣжѣй долинъ краса;
Такъ раненый слегка орелъ уходитъ выше
Въ родныя небеса!

(1836).

Островъ.

Островъ пышный, островъ чудный,
Ты краса подлунной всей,
Лучшій камень изумрудный
Въ голубомъ вѣнцѣ морей!
Грозный стражъ твоей свободы,
Сокрушитель чуждыхъ силъ,
Вкругъ тебя широко воды
Океанъ сѣдой разлилъ;

Онъ бездоненъ и просторенъ,
И враждуетъ онъ съ землей,
Но смиренен, но покоренъ,
Онъ любуется тобой:
Для тебя онъ укрощаетъ
Свой неистовый набѣгъ,
И ласкаясь обнимаетъ
Твой бѣлѣющійся брегъ.

Дочь любимая свободы,
Благодатная земля,
Какъ кипятъ твои народы,
Какъ цвѣтутъ твои поля!
Какъ державно надъ волною
Ходитъ твой широкій флагъ!
Какъ кроваво надъ землею
Мечъ горитъ въ твоихъ рукахъ!

Какъ свѣтло вѣнецъ науки
Блещетъ надъ твоей главой!
Какъ высоки пѣсень звуки,
Міру брошенныхъ тобой!
Вся облита блескомъ злата,
Мыслью вся озарена,
Ты счастлива, ты богата,
Ты роскошна, ты сильна,

И далекія державы,
Робко взоръ стремя къ тебѣ,
Ждутъ, какіе вновь уставы
Ты предпишешь ихъ судьбѣ.

Но за то, что ты лукава,
Но за то, что ты горда,
Что тебѣ мірская слава
Выше Божьяго суда;
Но за то, что Церковь Божью
Святотатственной рукой
Приковала ты къ подножью
Властью суетной, земной:

Для тебя, морей царица,
День придетъ, и близокъ онъ!
Блескъ твой злато, багряница,
Все пройдетъ, минетъ какъ сонъ.
Громъ въ рукахъ твоихъ остынетъ.
Перестанетъ мечъ сверкать,
И сыновъ твоихъ покинетъ
Мысли ясной благодать.

И забывъ твой флагъ державный,
Вновь свободна и грозна,
Заиграетъ своенравно
Моря шумная волна!
И другой странѣ смиренной,
Полной вѣры и чудесъ,
Богъ отдастъ судьбу вселенной,
Громъ земли и гласъ небесъ...

(1836).

Лампада поздняя горѣла
Предъ сонной лѣнію моей,
И ты взошла и тихо сѣла
Въ сліяньи мрака и лучей.

Головки русой очеркъ нѣжный
Въ тѣни скрывался, а чело,
Святыня думы безмятежной,
Бѣлѣло чисто и свѣтло.

Уста съ улыбкою спокойной,
Глаза съ лазурной ихъ красой,
Все чуднымъ миромъ, мыслью стройной,
Въ тебѣ сіяло предо мной.

Кругомъ—глубокое молчанье.
Казалось, это дивный сонъ,
И я глядѣлъ, стаивъ дыханье,
Боясь, чтобъ не скрылся онъ.

Ушла ты,—солнце закатилось,
Померкла хладная земля;
Но въ ней глубоко затаилась
Отъ солнца жаркая струя.

Ушла,—но, Боже, какъ звенѣли
Всѣ струны пламенной души,
Какую пѣсню въ ней запѣли
Онѣ въ полуночной тиши!

Какъ вдругъ, и молодо, и живо,
Вскипѣли силы прежнихъ лѣтъ,
И какъ вздрогнулъ нетерпѣливо,
Какъ вспрянулъ дремлющій поэтъ!

Какъ чистымъ пламенемъ искусства
Его зажглася голова,
Какъ сны, надежды, мысли, чувства
Слилися въ звучныя слова!

О, вѣрь мнѣ, сердце не обманетъ:
Свѣтло звѣзда моя взошла,
И снова яркій лучъ проглянетъ
На лавры гордаго чела.

(1838).

Къ дѣтямъ.

Бывало, въ глубокій полуночный часъ,
Малютки, приду любоваться на васъ;
Бывало люблю васъ крестомъ знаменать,
Молиться, да будетъ на васъ благодать,
Любовь Вседержителя Бога.

Стеречь умиленно вашъ дѣтскій покой,
Подумать о томъ, какъ вы чисты душой,
Надѣяться долгихъ и счастливыхъ дней,
Для васъ, беззаботныхъ и милыхъ дѣтей,
Какъ сладко, какъ радостно было!

Теперь прихожу я: вездѣ темнота,
Нѣтъ въ комнатѣ жизни, кроватка пуста,
Въ лампадѣ погасъ предъ иконою свѣтъ...
Мнѣ грустно, малютокъ моихъ уже нѣтъ!
И сердце такъ больно сожмется!

О дѣти, въ глубокій полуночный часъ,
Молитесь о томъ, кто молился о васъ,
О томъ, кто любилъ васъ крестомъ знаменать.
Молитесь, да будетъ и съ нимъ благодать,
Любовь Вседержителя Бога.

(1839).

Милькѣеву.

Не вѣрь, что хладными сердцами
Остались чужды мы тебѣ,
Что ты забытъ, не понятъ нами,
Что брошенъ въ жертву злой судьбѣ.

Твоей молитвы гимнъ прекрасный,
Твоихъ страданій тихій гласъ,
Все жизнью свѣтлой, мыслью ясной,
Чаруя, оживило насъ.

Ты пѣлъ,—и Обь, Иртышъ и Лена
Въ степяхъ вилися предо мной;
Бѣлѣла ихъ сѣдая пѣна,
Лѣса чернѣли надъ волной.

Ты пѣлъ,—и подъ крыломъ бурана
Гудѣла степь и гнулся боръ.
И, прорѣзая зыбь тумана,
Росли вершины снѣжныхъ горъ.

Вставалъ Алтай, весь полонъ злата,
И тайны и видѣній полнъ...
А пѣснь твоя звучала свято,
Прекраснѣй горъ, степей и волнъ.

Ты нашъ, ты нашъ! По сердцу братья
Тебѣ нашлись. Тебя зовутъ
И дружбы теплыя объятья,
И Музамъ сладостный пріютъ.

(1839).

Кіевъ.

Высоко передо мною
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ:
Днѣпръ сверкаетъ подъ горою
Переливнымъ серебромъ.

Слава, Кіевъ многовѣчный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днѣпръ нашъ быстротечный,
Руси чистая купель!

Сладко пѣсни раздалися,
Въ небѣ тихъ вечерній звонъ...
Вы откуда собралися,
Богомольцы, на поклонъ?

—„Я оттуда гдѣ струится
Тихій Донъ, краса степей“.
„Я оттуда, гдѣ клубится
Безпредѣльный Енисей!“

„Край мой—теплый брегъ Евксина!“
„Край мой—брегъ тѣхъ дальнихъ странъ,
Гдѣ одна сплошная льдина
Оковала океанъ“.

„Дикъ и страшенъ верхъ Алтая,
Вѣченъ блескъ его снѣговъ:
Тамъ страна моя родная!“
„Мнѣ отчизна старый Псковъ“.

„Я отъ Ладоги холодной“,
„Я отъ синихъ волнъ Невы“,
„Я отъ Камы многоводной“,
„Я отъ матушки-Москвы“.

Слава, Днѣпръ, сѣдыя волны!
Слава, Кіевъ, чудный градъ!
Мракъ пещеръ твоихъ безмолвный
Краше царственныхъ палатъ.

Знаемъ мы: въ вѣка былые,
Въ древнюю ночь и мракъ глубокъ,
Надъ тобой блеснулъ Россіи
Солнца Вѣчнаго Востокъ.

И теперь изъ странъ далекихъ,
Изъ невѣдомыхъ степей,
Отъ полночныхъ рѣкъ глубокихъ—
Полкъ молящихся дѣтей —

Мы вокругъ твоей святыни
Всѣ съ любовью собраны...
Братцы, гдѣ жъ сыны Волыни?
Галичъ, гдѣ твои сыны?

Горе, горе! Ихъ спалили
Польши дикіе костры,
Ихъ сманили, ихъ плѣнили
Польши шумные пиры.

Мечъ и лесть, обманъ и пламя
Ихъ похитили у насъ;
Ихъ ведетъ чужое знамя,
Ими правитъ чуждый гласъ.

Пробудися, Кіевъ, снова!
Падшихъ чадъ своихъ зови!
Сладокъ гласъ отца роднова,
Зовъ моленья и любви.

И отторженныя дѣти,
Лишь услышатъ твой призывъ,
Разорвавъ коварства сѣти,
Знамя чуждое забывъ,

Снова, какъ во время оно,
Успокоиться придутъ
На твое святое лоно,
Въ твой родительскій пріютъ.

И вокругъ знаменъ отчизны
Потекутъ они толпой
Къ жизни духа, къ духу жизни
Возрожденные тобой!

1839.

Видѣніе.

Какъ темнота широко воцарилась!
Какъ замеръ шумъ деннаго бытія!
Какъ сладостно дремотою забылась
Прекрасная, любимая моя!
Весь міръ лежитъ въ торжественномъ покоѣ,
Увитый сномъ и дивной тишиной;
И хоры звѣздъ, какъ празднество ночное,
Свои пути свершаютъ надъ землей.

Что̀ пронеслось какъ вешнее дыханье?
Что̀ надо мной такъ быстро протекло?
И что̀ за звукъ, какъ арфы содроганье,
Какъ лебедя звенящее крыло?
Вдругъ свѣтъ блеснулъ, полнеба распахнулось.
Я задрожалъ, безмолвный, чуть дыша...
О, передъ кѣмъ ты, сердце, встрепенулось?
Кого ты ждешь? Скажи, моя душа!

Ты здѣсь, ты здѣсь, владыка пѣснопѣній,
Прекрасный царь моей младой мечты!
Небесный другъ, мой благодатный геній,
Опять, опять ко мнѣ явился ты!
Все тажъ весна ланиты оживленной,
И тотъ же блескъ твоихъ ѳеирныхъ крылъ,
И тѣжъ уста съ улыбкой вдохновенной:
Все тотъ же ты. Но ты не то, что̀ былъ.

Ты долго жилъ въ лазурномъ томъ просторѣ,
И на челѣ остался лучъ небесъ;
И цѣлый міръ въ твоемъ глубокомъ взорѣ,
Міръ ясныхъ думъ и творческихъ чудесъ.
Прекраснѣе, и глубже, и звучнѣе
Твоихъ рѣчей пѣвучая волна,
И крѣпкій станъ подъемлется смѣлѣе,
И звонкихъ крылъ грознѣе ширина.

Передъ тобой съ волненіемъ тайнымъ страха
Сливается волненіе любви.
Склонись ко мнѣ, возьми меня изъ праха,
По прежнему мечты благослови!
По прежнему эѳирнымъ дуновеньемъ,
Небесный братъ, коснись главы моей,
Всю грудь мою наполни вдохновеньемъ,
Земную мглу отъ глазъ моихъ отвѣй!

И волный силъ, торжественный и мирный,
Я возстаю надъ бездной бытія...
Проснись, тимпанъ! Проснися, голосъ лирный!
Въ моей душѣ проснися, пѣснь моя!
Внемлите мнѣ, вы страждущіе люди;
Вы, сильные, склоните робкій слухъ;
Вы, мертвыя и каменныя груди,
Услыша пѣснь, примите жизни духъ!

Россіи.

„Гордись!“ тебѣ льстецы сказали:
„Земля съ увѣнчаннымъ челомъ,
„Земля несокрушимой стали,
„Полміра взявшая мечомъ!
„Предѣловъ нѣтъ твоимъ владѣньямъ,
„И прихотей твоихъ раба
„Внимаетъ гордымъ повелѣньямъ
„Тебѣ покорная судьба.
„Красны степей твоихъ уборы,
„И горы въ небо уперлись,
„И какъ моря твои озеры...“
Не вѣрь, не слушай, не гордись!

Пусть рѣкъ твоихъ глубоки волны,
Какъ волны синія морей,
И нѣдра горъ алмазовъ полны,
И хлѣбомъ пышенъ тукъ степей;
Пусть предъ твоимъ державнымъ блескомъ
Народы робко клонятъ взоръ,
И семь морей немолчнымъ плескомъ
Тебѣ поютъ хвалебный хоръ;
Пусть далеко грозой кровавой
Твои перуны пронеслись:
Всей этой силой, этой славой,
Всѣмъ этимъ прахомъ не гордись!

Грознѣй тебя былъ Римъ великой,
Царь семихолмнаго хребта,
Желѣзныхъ силъ и воли дикой
Осуществленная мечта;
И нестерпимъ былъ огнь булата
Въ рукахъ Алтайскихъ дикарей,
И вся зарылась въ груды злата
Царица западныхъ морей.
И что же Римъ? И гдѣ Монголы?
И скрывъ въ груди предсмертный стонъ,
Куетъ безсильныя крамолы,
Дрожа надъ бездной, Альбіонъ.

Безплоденъ всякой духъ гордыни,
Не вѣрно злато, сталь хрупка;
Но крѣпокъ ясный міръ святыни,
Сильна молящихся рука!

И вотъ, за то, что ты смиренна,
Что въ чувствѣ дѣтской простоты,
Въ молчаньи сердца сокровенна,
Глаголъ Творца пріяла ты,—
Тебѣ Онъ далъ свое призванье,
Тебѣ онъ свѣтлый далъ удѣлъ:
Хранить для міра достоянье
Высокихъ жертвъ и чистыхъ дѣлъ;
Хранить племенъ святое братство,
Любви живительной сосудъ,
И вѣры пламенной богатство,
И правду, и безкровный судъ.

Твое все то, чѣмъ духъ святится,
Въ чемъ сердцу слышенъ гласъ небесъ,
Въ чемъ жизнь грядущихъ дней таится,
Начала славы и чудесъ!...
О, вспомни свой удѣлъ высокій,
Былое въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!
Внимай ему—и всѣ народы
Обнявъ любовію своей,
Скажи имъ таинство свободы,
Сіянье вѣры имъ пролей!

И станешь въ славѣ ты чудесной
Превыше всѣхъ земныхъ сыновъ,
Какъ этотъ синій сводъ небесный
Прозрачный Вышняго покровъ!

1839.

На перенесеніе Наполеонова праха.

Небо ясно, тихо море,
Воды ласково журчатъ;
Въ безграничномъ ихъ просторѣ
Мчится весело фрегатъ.

Молньи сизыя трепещутъ,
Бури дикія шумятъ,
Волны бьются, волны плещутъ;
Мчится весело фрегатъ.

Дни текутъ. На ризахъ ночи
Звѣзды южныя зажглись;
Мореходцевъ жадны очи
Въ даль завѣтную впились.

Берегъ, берегъ! Передъ ними
Къ небу синему взошла
Надъ пучинами морскими
Одинокая скала.

Здѣсь онъ! Здѣсь его могила
Въ дикихъ вырыта скалахъ:
Глыба тяжкая покрыла
Полководца хладный прахъ.

Здѣсь страдалъ онъ въ ссылкѣ душной,
Молньей внутренней сожженъ,
Местью страха малодушной,
Низкой злостью истомленъ.

Вырывайте жъ бренно тѣло,
И чрезъ бурный океанъ
Пусть фрегатъ вашъ мчится смѣло,
Съ новой данью южныхъ странъ!

Онъ придетъ, онъ въ пристань станетъ,
Онъ своей хранимъ судьбой.
Слыша вѣсть о васъ, воспрянетъ
Встрѣтитъ пепелъ дорогой,—

Съ шумомъ буйныхъ ликованій,
Поздней ревности полна,
Въ дни несчастья, въ дни страданій
Измѣнившая страна!

Было время, были годы,—
Этотъ прахъ былъ богъ земли:
Взглянетъ онъ—дрожатъ народы,
Войска движутся вдали.

А пойдетъ онъ, строгій, блѣдный,
Словно памятникъ живой,—
Подъ его стопою мѣдной
Содрогнется шаръ земной;

Въ полѣ вспыхнетъ буря злая,
Вспыхнутъ громы на моряхъ,
И ложатся, умирая,
Люди въ кровь и царства въ прахъ!

И въ тѣ дни своей гордыни
Онъ пришелъ къ Москвѣ святой...
Но спалилъ огонь святыни
Силу гордости земной.

Опускайте жъ тѣло бренно
Въ тихій, темный, вѣчный домъ,
И обрядъ мольбы смиренной
Совершите надъ вождемъ.

Пусть изъ мѣди, пусть изъ злата,
Камней, красокъ и рѣзьбы,
Встанетъ памятникъ богатый
Той неслыханной судьбы!

Пусть надъ перстью благородной
Громомещущей главы
Блещетъ саванъ зимъ холодный,
Пламя жаркое Москвы;

И не мечъ, не штыкъ трехгранный,
А въ вѣнцѣ полночныхъ звѣздъ
Усмиритель бури бранной—
Наша сила, Русскій крестъ!

Пусть, когда въ земное лоно,
Пренесенъ чрезъ бездну водъ,
Бѣдный прахъ Наполеона,
Тлѣнью отданный, заснетъ,—

Передъ сномъ его могилы
Скажетъ міръ, склонясь главой:
Нѣтъ могущества, ни силы,
Нѣтъ величья подъ луной!

(1840).

7 Ноября.

Когда мы разрыли могилу вождя
И вызвали гробъ на сіяніе дня,
Въ насъ сердце сжалось отъ страха:
Казалось, лишь тронемъ свинецъ гробовой,
Лишь дерзко подымемъ преступной рукой
Покровъ съ могучаго праха—
Сердитыя волны вскипятъ на моряхъ,
Сердитыя тучи взбѣгутъ въ небесахъ,
И вихрь средь знойнаго поля!
И снова польется потоками кровь,
И, вставши, всю землю потребуетъ вновь
Боецъ—желѣзная воля!

Мы сняли покровы... Глядимъ—небеса
Спокойны, безмолвны поля и лѣса,
И тихи зеркальныя волны!
И все озлатилось вечернимъ лучомъ,
И мы вкругъ могилы стоимъ и живемъ,
И силъ, и юности полны.

А онъ недвижимъ, онъ гремящій въ вѣкахъ,
Онъ сжавшій всю землю въ орлиныхъ когтяхъ,
Мужъ силы, молнія брани!
Уста властелина на вѣки молчатъ,
И смертью закрытъ повелительный взглядъ,
И смертью скованы длани.

И снова скрѣпляя свинецъ роковой,
Тогда оросили мы горькой слезой
Его доску гробовую:
Какъ будто сложили подъ вѣчный покровъ
Всю силу души и всю славу вѣковъ,
И всю гордыню людскую.

Еще о немъ.

Не сила народовъ тебя подняла,
Не воля чужая вѣнчала:
Ты мыслилъ и властвовалъ, жилъ, побѣждалъ,
Ты землю желѣзной стопой попиралъ,
Главу самозданнымъ вѣнцомъ увѣнчалъ,
Помазанникъ собственной силы!

Не сила народовъ повергла тебя,
Не всталъ тебѣ ровный соперникъ;
Но Тотъ, Кто предѣлы морямъ положилъ,
Въ побѣдномъ бою твой булатъ сокрушилъ,
Въ пожарѣ святомъ твой вѣнецъ растопилъ
И снѣгомъ засыпалъ дружины.

Скатилась звѣзда съ омраченныхъ небесъ,
Величье земное во прахѣ!..
Скажите, не утро ль съ Востока встаетъ?
Не новая ль жатва надъ прахомъ растетъ?
Скажите!.. Міръ жадно и трепетно ждетъ
Властительной мысли и слова!..

(1841).

Nachtstück.

Вчерашняя ночь была такъ свѣтла,
Вчерашняя ночь всѣ звѣзды зажгла
Такъ ясно,
Что, глядя на холмы и дремлющій лѣсъ,
На воды, блестящія блескомъ небесъ,
Я думалъ: о, жить въ этомъ мірѣ чудесъ
Прекрасно!

Прекрасны и волны, и даль степей,
Прекрасна, въ одеждѣ зеленыхъ вѣтвей,
Дубрава;
Прекрасна любовь съ вѣчно-свѣжимъ вѣнкомъ,
И дружбы звѣзда съ неизмѣннымъ лучомъ,
И пѣсенъ восторгъ съ озареннымъ челомъ,
И слава!

Взглянулъ я на небо—тамъ твердь ясна:
Высоко, высоко восходитъ она
Надъ бездной;
Тамъ звѣзды живыя катятся въ огнѣ...
И дѣтское чувство проснулось во мнѣ,
И думалъ я: лучше намъ въ той вышинѣ
Надзвѣздной!

(1841).

Сумракъ вечерній тихо взошелъ,
Мѣсяцъ двурогій звѣзды повелъ
Въ лазурномъ просторѣ.
Время покоя, любви, тишины,
Воздухъ и небо сіянья полны,
Смолкло роптанье разгульной волны,
Сравнялося море.

Сердцу отрадно; берегъ далекъ,
Какъ очарованъ спитъ мой челнокъ,
Упали вѣтрила.
Небо, какъ море, лежитъ надо мной,
Море, какъ небо, блеститъ синевой;
Въ безднѣ небесной и безднѣ морской
Все тѣже свѣтила.

О, чтобы въ душу вошла тишина!
О, чтобы рѣже смущалась она
Земными мечтами!
Лучше, чѣмъ въ лонѣ лазурныхъ морей,
Полное тайны и полно лучей,
Вѣчное небо глядѣлось бы въ ней
Со всѣми звѣздами!

(1841).

Rittersprucḣ—Richtersprucḣ.

Ты вихремъ летишь на конѣ боевомъ
  Съ дружиной твоей удалою,—
И врагъ побѣжденный упалъ подъ конемъ,
И плѣнный лежитъ предъ тобою.
Сойдешь ли съ коня ты? Поднимешь ли мечъ?
Сорвешь ли безсильную голову съ плечъ?
Пусть бился онъ съ дикимъ неистовствомъ брани,
По градамъ и селамъ пожары простеръ;
Теперь онъ подъемлетъ молящія длани.
  Убьешь ли? О стыдъ и позоръ!

А если васъ много, убьете ли вы
  Того, кто охваченъ цѣпями,
Кто стоптанный въ прахѣ, молящей главы
  Не смѣетъ поднять передъ вами?
Пусть духъ его черенъ какъ мракъ гробовой,
Пусть сердце въ немъ подло какъ червь гноевой,
Пусть кровью, разбоемъ онъ весь знаменованъ;
Теперь онъ безсиленъ, угасъ его взоръ,
Онъ властію связанъ, онъ ужасомъ скованъ...
  Убьете ль? О стыдъ и позоръ!

(1842).

Давидъ.

Пѣвецъ-пастухъ на подвигъ ратный
Не бралъ ни тяжкаго меча,
Ни шлема, ни брони булатной,
Ни латъ съ Саулова плеча;

Но духомъ Божьимъ осѣненный,
Онъ въ поле бралъ кремень простой,
И падалъ врагъ иноплеменный,
Сверкая и гремя броней.

И ты—когда на битву съ ложью
Возстанетъ правда думъ святыхъ—
Не налагай на правду Божью
Гнилую тягость латъ земныхъ.

Доспѣхъ Саула—ей окова,
Ей царскій тягостенъ шеломъ:
Ея оружье—Божье слово,
А Божье слово—Божій громъ!

(1844).

Не говорите: „то былое,
То старина, то грѣхъ отцевъ;
А наше племя молодое
Не знаетъ старыхъ тѣхъ грѣховъ“.
Нѣтъ, этотъ грѣхъ—онъ вѣчно съ вами,
Онъ въ вашихъ жилахъ и въ крови,
Онъ сросся съ вашими сердцами,
Сердцами, мертвыми къ любви.

Молитесь, кайтесь, къ небу длани!
За всѣ грѣхи былыхъ временъ,
За ваши Каинскія брани
Еще съ младенческихъ пеленъ;
За слезы страшной той годины,
Когда, враждой упоены,
Вы звали чуждыя дружины
На гибель Русской стороны.
За рабство вѣковому плѣну,
За робость предъ мечомъ Литвы,
За Новгородъ и его измѣну,
За двоедушіе Москвы;
За стыдъ и скорбь святой царицы,
За узаконенный развратъ,
За грѣхъ царя-святоубійцы,
За разоренный Новоградъ;
За клевету на Годунова,
За смерть и стыдъ его дѣтей,
За Тушино, за Ляпунова,
За пьянство бѣшеныхъ страстей;
За слѣпоту, за злодѣянья,
За сонъ умовъ, за хладъ сердецъ,
За гордость темнаго незнанья,
За плѣнъ народа; наконецъ,
За то, что, полные томленья,

Въ слѣпой сомнѣнія тоскѣ,
Пошли просить вы исцѣленья
Не у Того, въ Его жъ рукѣ
И блескъ побѣдъ, и счастье мира,
И огнь любви, и свѣтъ умовъ,—
Но у бездушнаго кумира,
У мертвыхъ и слѣпыхъ боговъ!
И, обуявъ въ чаду гордыни,
Хмельные мудростью земной,
Вы отреклись отъ всей святыни,
Отъ сердца стороны родной!
За все, за всякія страданья,
За всякій попранный законъ,
За темныя отцовъ дѣянья,
За темный грѣхъ своихъ временъ,
За всѣ бѣды роднаго края,—
Предъ Богомъ благости и силъ,
Молитесь, плача и рыдая,
Чтобъ Онъ простилъ, чтобъ Онъ простилъ!

(1846).

Въ альбомъ В. В. Ганкѣ.

Когда-то я просилъ Бога о Россіи и говорилъ:

„Не дай ей рабскаго смиренья,
Не дай ей гордости слѣпой,
И духъ мертвящій, духъ сомнѣнья
Въ ней духомъ жизни успокой“.

Эта же молитва у меня для всѣхъ Славянъ. Если не будетъ сомнѣнья въ насъ, то будетъ успѣхъ. Сила въ насъ будетъ, только бы не забывалось братство. Что я это могъ записать въ книгѣ вашей, будетъ мнѣ всегда помниться, какъ истинное счастіе.

А. Хомяковъ.

Прага, 1847 года
19 Іюля.

Беззвѣздная полночь дышала прохладой,
Крутилася Лаба, гремя подъ окномъ;
О Прагѣ я съ грустною думалъ отрадой,
О Прагѣ мечталъ, забываяся сномъ.

Мнѣ снилось—лечу я: орелъ сизокрылый
Давно и давно бы въ полетѣ отсталъ;
А я, увлекаемъ невидимой силой,
Все выше и выше взлеталъ.

И съ неба картину я зрѣлъ величаву:
Въ убранствѣ и блескѣ весь Западный край,
Мораву, и Лабу, и дальнюю Саву,
Гремящій и синій Дунай.

И Прагу я видѣлъ, и Прага сіяла,
Сіялъ златоверхій на Петшинѣ храмъ;
Молитва Славянская громко звучала
Въ напѣвахъ, знакомыхъ минувшимъ вѣкамъ.

И въ старой одеждѣ Святаго Кирилла
Епископъ на Петшинъ всходилъ,
И слѣдомъ валила народная сила,
И воздухъ былъ полонъ куреньемъ кадилъ.

И клиръ, воспѣвая небесную славу,
Звалъ милость Господню на Западный край,
На Лабу, Мораву, на дальнюю Саву,
На шумный и синій Дунай.

(1847).

И. В. Кирѣевскому.

Ты сказалъ намъ: „За волною
Вашихъ мысленныхъ морей—
Есть земля: надъ той землею
Блещетъ дивной красотою
Новой мысли эмпирей“.

Распусти жъ свой парусъ бѣлый—
Лебединое крыло—
И стремися въ тѣ предѣлы,
Гдѣ тебѣ, нашъ путникъ смѣлый,
Солнце новое взошло!

И съ богатствомъ многоцѣннымъ
Возвратившись снова къ намъ,
Дай покой душамъ смятеннымъ,
Крѣпость волямъ утомленнымъ,
Пищу алчущимъ сердцамъ!

Надпись къ картинѣ.

(Ангелъ спасаетъ двѣ души отъ Сатаны).

Я видѣлъ, какъ посланникъ рая
Души двѣ въ небо уносилъ,—
И та прекрасна, и другая;
Но образъ ихъ различенъ былъ:

Одна небесъ не забывала,
Но и земное все познала,—
И пыль земли на ней легла;

Другая чуть земли коснулась,
И отъ земли ужъ отвернулась,
И для безсмертья сберегла
Всю прелесть юнаго чела.

(1848).

Сербская пѣсня.

Гаснетъ мѣсяцъ на Стамбулѣ,
Всходитъ солнышко свѣтло,
У Маджаръ и Турки злова
Никнетъ гордое чело.

Спишь ли ты, нашъ королевичъ?
Посмотри-ка, твой народъ
Расходился, словно волны,
Чтȏ ломаютъ вешній ледъ!

Спишь ли, спишь ли, королевичъ?
Посмотри-ка въ чьихъ рукахъ
Блещутъ копья и пищали
На Дунайскихъ берегахъ!

Слушай, трубы загремѣли,
Бьетъ въ раскатахъ барабанъ!
Сербы съ горъ текутъ, какъ рѣки,
Кроютъ поле, какъ туманъ.

Просыпайся, королевичъ!
Знать, великій часъ насталъ:
У твоей могилы темной
Богатырскій конь заржалъ...

(1849).

Кремлевская заутреня на Пасху.

Въ безмолвіи, подъ ризою ночною,
Москва ждала, и часъ святой насталъ:
И мощный звонъ промчался надъ землею,
И воздухъ весь, гудя, затрепеталъ.
Пѣвучіе, серебряные громы
Сказали вѣсть святаго торжества,
И слыша гласъ, ея душѣ знакомый,
Подвиглася великая Москва.

Все тотъ же гласъ: ни нашего волненья,
Ни мелочно-торжественныхъ забсть
Не знаетъ онъ, и вѣстникъ искупленья,
Онъ съ высоты намъ пѣснь одну поетъ,—
Свободы пѣснь, пѣснь конченнаго плѣна!
Мы слушаемъ; но какъ внимаемъ мы?
Сгибаются ль упрямыя колѣна?
Смиряются ль кичливые умы?
Откроемъ ли радушныя объятья
Для страждущихъ, для меньшей братьи всей?
Хоть вспомнимъ ли, что это слово—братья—
Всѣхъ словъ земныхъ дороже и святѣй?

1849.

Навуходоносоръ.

Пойте, други, пѣснь побѣды!
Пойте! Снова потекутъ
Наши вольныя бесѣды,
Закипитъ свободный трудъ!

Вавилона царь суровый
Былъ богатъ и былъ силенъ;
Въ неразрывныя оковы
Заковалъ онъ нашъ Сіонъ.

Онъ губилъ ожесточенно
Наши вѣчныя права:
Слово—Божій даръ священный,
Разумъ—лучъ отъ Божества.

Милость Бога забывая,
Говорилъ онъ: все творятъ
Мой булатъ, моя десная,
Царскій умъ мой, царскій взглядъ!

Надъ равнинами Деира
Онъ создалъ себѣ кумиръ,
И у ногъ того кумира
Пировалъ безбожный пиръ.

Но отмстилъ ему Іегова!
Казнью жизнь ему сама:
Бродитъ нѣмъ губитель слова,
Траву щиплетъ врагъ ума!

Какъ работникъ подъяремный,
Безсловесный, глупый волъ,
Не глядя на міръ надземный,
Онъ обходитъ злачный долъ...

Ты скажи намъ, царь надменный,
Живъ ли Мстящій за Сіонъ?...
Но покайся, но смиренно
Полюби Его законъ,

Духъ свободы, святость слова,
Святость мысленныхъ даровъ,
И проститъ тебя Іегова
Отъ невидимыхъ оковъ:

Снова на престолъ великій
Возведетъ тебя царемъ
И земной вѣнецъ владыки
Освятитъ Своимъ вѣнцомъ.

Пойте, други, пѣснь побѣды!
Пойте! Снова потекутъ
Наши вольныя бесѣды,
Закипитъ свободный трудъ!

1849.

„Мы—родъ избранный", говорили
Сіона дѣти въ старину:
„Намъ Божьи громы осушили
„Морей волнистыхъ глубину".

„Для насъ Синай одѣлся въ пламя,
„Дрожала горъ кремнистыхъ грудь,
„И дымъ и огнь, какъ Божье знамя,
„Въ пустыняхъ намъ казали путь".

„Намъ камень лилъ воды потоки,
„Дождили манной небеса;
„Для насъ законъ, у насъ пророки;
„Въ насъ Божьей силы чудеса!"

Не терпитъ Богъ людской гордыни;
Не съ тѣми Онъ, кто говоритъ:
„Мы соль земли, мы столбъ святыни,
„Мы Божій мечъ, мы Божій щитъ!"

Не съ тѣми Онъ, кто звуки слова
Лепечетъ рабскимъ языкомъ
И, мертвенный сосудъ живаго,
Душою мертвъ и спитъ умомъ.

Но съ тѣми Богъ, въ комъ Божья сила,
Животворящая струя,
Живую душу пробудила
Во всѣхъ изгибахъ бытія.

Онъ съ тѣмъ, кто гордости лукавой
Въ слова смиренья не рядилъ,
Людскою не хвалился славой,
Себя кумиромъ не творилъ.

Онъ съ тѣмъ, кто духа и свободы
Ему возноситъ ѳиміамъ;
Онъ съ тѣмъ, кто всѣ зоветъ народы
Въ духовный миръ, въ Господень храмъ!

(1851).

Воскресеніе Лазаря.

О Царь и Богъ мой! Слово силы
Во время оно Ты сказалъ,—
И сокрушенъ былъ плѣнъ могилы,
И Лазарь ожилъ и возсталъ.

Молю, да слово силы грянетъ,
Да скажешь: „встань!“ душѣ моей,—
И мертвая изъ гроба встанетъ,
И выйдетъ въ свѣтъ Твоихъ лучей;

И оживетъ, и величавый
Ея хвалы раздастся гласъ
Тебѣ—сіянью Отчей славы,
Тебѣ—умершему за насъ!

1853.

Не гордись передъ Бѣлградомъ,
Прага, Чешскихъ странъ глава!
Не гордись предъ Вышеградомъ,
Златоверхая Москва!

Вспомнимъ: мы родные братья,
Дѣти матери одной:
Братьямъ братскія объятья,
Къ груди грудь, рука съ рукой!

Не гордися силой длани
Тотъ, кто въ битвѣ устоялъ;
Не скорби кто въ долгой брани
Подъ грозой судьбины палъ!

Испытанья время строго;
Тотъ, кто палъ, возстанетъ вновь:
Много милости у Бога,
Безъ границъ Его любовь!

Пронесется мракъ ненастный,
И ожиданный давно
Возсіяетъ день прекрасный:
Братья станутъ за одно,

Всѣ велики, всѣ свободны,
На враговъ—побѣдный строй,
Полны мыслью благородной
Крѣпки вѣрою одной!

(1852).

Вечерняя пѣснь.

Солнце сокрылось, дымятся долины,
Медленно сходятъ къ ночлегу стада,
Чуть шевелятся лѣсныя вершины,
Чуть шевелится вода.

Вѣтеръ приноситъ прохладу ночную,
Тихою славой горятъ небеса.
Братья, оставимъ работу дневную,
Въ пѣсню сольемъ голоса:

„Ночь на восходѣ съ вечерней звѣздою,
„Тихо сіяетъ струей золотою
„Западный край".

„Господи! Путь нашъ межъ камней и терній,
„Путь нашъ во мракѣ: Ты, свѣтъ невечерній,
„Насъ осіяй!"

„Въ мглѣ полунощной, въ полуденномъ зноѣ,
„Въ скорби и радости, въ сладкомъ покоѣ,
„Въ тяжкой борьбѣ",

„Всюду сіяніе солнца святаго,
„Божія мудрость, и сила, и слово...
„Слава Тебѣ!"

(1851).

Звѣзды.

Въ часъ полночный, близъ потока,
Ты взгляни на небеса:
Совершаются далеко
Въ горнемъ мірѣ чудеса.

Ночи вѣчныя лампады,
Невидимы въ блескѣ дня,
Стройно ходятъ тамъ громады
Негасимаго огня.

Но впивайся въ нихъ очами—
И увидишь, что вдали,
За ближайшими звѣздами,
Тьмами звѣзды въ ночь ушли.

Вновь вглядись—и тьмы за тьмами
Утомятъ твой робкій взглядъ:
Всѣ звѣздами, всѣ огнями
Бездны синія горятъ.

*

Въ часъ полночнаго молчанья,
Отогнавъ обманы сновъ,
Ты вглядись душой въ писанья
Галилейскихъ рыбаковъ,—

И въ объемѣ книги тѣсной
Развернется предъ тобой
Безконечный сводъ небесный
Съ лучезарною красой.

Узришь: звѣзды мыслей водятъ
Тайный хоръ свой вкругъ земли;
Вновь вглядись—другія всходятъ;
Вновь вглядись, и тамъ, вдали,

Звѣзды мыслей, тьмы за тьмами,
Всходятъ, всходятъ безъ числа,
И зажжется ихъ огнями
Сердца дремлющая мгла.

1853.

Вставайте! Оковы распались,
Проржавѣла старая цѣпь!
Ужъ Нилъ и Ливанъ взволновались,
Проснулась Сирійская степь!

Вставайте, Славянскіе братья,
Болгаринъ, и Сербъ, и Хорватъ!
Скорѣе другъ къ другу въ объятья,
Скорѣй за отцовскій булатъ!

Скажите: „Намъ въ старые годы
„Въ наслѣдство Господь даровалъ
„И степи, и быстрыя воды,
„И лѣсъ, и ущелія скалъ!“

Скажите: „Мы люди свободны,—
„Да будетъ свободна земля,
„И горы, и глуби подводны,
„И долы, и лѣсъ, и поля!

„Мы вольны, мы къ битвѣ готовы,
„И подвигъ нашъ честенъ и святъ:
„Намъ Богъ разрываетъ оковы,
„Намъ Богъ закаляетъ булатъ!“

Смотрите, какъ мракъ убѣгаетъ,
Какъ мѣсяцъ двурогій угасъ!
Смотрите, какъ небо сіяетъ
Въ торжественный утренній часъ!

Какъ ярки и радости полны
Свѣтила грядущихъ вѣковъ!..
Вскипите жъ, Славянскія волны!
Проснитеся, гнѣзда орловъ!

(1853).

Жаль мнѣ васъ, людей безсонныхъ!
Цѣлый міръ кругомъ храпитъ,
А отъ думъ неугомонныхъ
Вашъ тревожный умъ не спитъ.

Бродитъ, ищетъ, рѣчь заводитъ
Съ тѣмъ, съ другимъ: все прока нѣтъ!
Тотъ глазами чуть поводитъ,
Тотъ сквозь сонъ кивнетъ отвѣтъ.

Вотъ, оставивъ братьевъ спящихъ,
Вы ведете въ тьмѣ ночной,
Не смыкая вѣждъ горящихъ,
Думу долгую съ собой.

И надумались; и снова
Мысли бурныя кипятъ,
Бу́дите того, другого...
Всѣ киваютъ и молчатъ.

Вы волнуетесь, горите,
Въ сердцѣ горечь, въ слухѣ звонъ...
А кругомъ-то поглядите,
Какъ отраденъ мирный сонъ!

Жаль мнѣ васъ людей безсонныхъ!
Ужъ не лучше ли заснуть,
И отъ думъ неугомонныхъ
Хоть на время отдохнуть?

(1853).

Какъ часто во мнѣ пробуждалась
Душа отъ лѣниваго сна,
Просилася людямъ и братьямъ
Сказаться словами она!

Какъ часто, о Боже, рвалася
Вѣщать Твою волю землѣ,
Да свѣтъ осіяетъ разумный
Безумцевъ, бродящихъ во мглѣ!

Какъ часто, безсильемъ томимый,
Съ глубокой и тяжкой тоской,
Молилъ Тебя дать имъ пророка
Съ горячей и крѣпкой душой!

Молилъ Тебя, въ часъ полуночи,
Пророку дать силу рѣчей,
Чтобъ міръ оглашалъ онъ далеко
Глаголами правды Твоей!

Молилъ Тебя съ плачемъ и стономъ,
Во прахѣ простертъ предъ Тобой,
Дать міру и уши и сердце
Для слушанья рѣчи святой!

(1854).

Судъ Божій.

Гласъ Божій: „Сбирайтесь на праведный судъ,
„Сбирайтесь къ Востоку народы!“
И, слѣпо свершая назначенный трудъ,
Народы земными путями текутъ,
Спѣшатъ черезъ бурныя воды.

Спѣшатъ и, кровавый предчувствуя споръ,
Смятенья, волненія полны,
Сбираются,—грозный, гремящій соборъ,—
На Черное море, на синій Босфоръ.
И ропщутъ и пѣнятся волны.

Чреваты громами, крылаты огнемъ,
Несутся суда—и надъ ними:
Двуглавый орелъ съ одноглавымъ орломъ,
И скачущій левъ съ однорогимъ конемъ,
И флагъ подъ звѣздами ночными.

Гласъ Божій: „Сбирайтесь изъ дальнихъ сторонъ!
„Великое время приспѣло
„Для тризны кровавой, большихъ похоронъ:
„Мой судъ совершится, Мой часъ положенъ,—
„Въ сраженья бросайтеся смѣло!“

„За вѣру безвѣрную, лесть и развратъ,
„За гордость Царьграда слѣпую—
„Отману Я далъ сокрушительный млатъ,
„Громовыя стрѣлы и острый булатъ,
„И силу коварную, злую“.

„Грозою для міра былъ страшный боецъ,
„Былъ карой Восточному краю.
„Но слышу Я стоны смиренныхъ сердецъ;
„Ломаю престолъ и срываю вѣнецъ,
„И Мой бичъ вѣковой сокрушаю!“

Народы собрались изъ дальнихъ сторонъ.
Волнуются берегъ и море.
Безумной борьбою весь міръ потрясенъ,
И стонъ надъ землею, и на морѣ стонъ,
И плачъ и кровавое горе.

Твой судъ совершится въ огнѣ и крови.
Свершатъ его слѣпо народы...
О Боже, прости ихъ и всѣхъ призови!
Исполни ихъ вѣры и братской любви,
Согрѣй ихъ дыханьемъ свободы!

Мартъ 1854.

Россіи.

Тебя призвалъ на брань святую,
Тебя Господь нашъ полюбилъ,
Тебѣ далъ силу роковую,
Да сокрушишь ты волю злую
Слѣпыхъ, безумныхъ, дикихъ силъ.

Вставай, страна моя родная!
За братьевъ! Богъ тебя зоветъ
Чрезъ волны гнѣвнаго Дуная—
Туда, гдѣ, землю огибая,
Шумятъ струи Эгейскихъ водъ.

Но помни: быть орудьемъ Бога
Земнымъ созданьямъ тяжело;
Своихъ рабовъ Онъ судитъ строго, —
А на тебя, увы! какъ много
Грѣховъ ужасныхъ налегло!

Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

О, недостойная избранья,
Ты избрана! Скорѣй омой
Себя водою покаянья,
Да громъ двойнаго наказанья
Не грянетъ надъ твоей главой!

Съ душой колѣнопреклоненной,
Съ главой, лежащею въ пыли,
Молись молитвою смиренной,
И раны совѣсти растлѣнной
Елеемъ плача исцѣли!

И встань потомъ, вѣрна призванью,
И бросься въ пылъ кровавыхъ сѣчъ!
Борись за братьевъ крѣпкой бранью,
Держи стягъ Божій крѣпкой дланью,
Рази мечомъ—то Божій мечъ!

Мартъ 1854.

Раскаявшейся Россіи.

Не въ пьянствѣ похвальбы безумной,
Не въ пьянствѣ гордости слѣпой,
Не въ буйствѣ смѣха, пѣсни шумной,
Не съ звономъ чаши круговой:
Но въ силѣ трезвенной смиренья
И обновленной чистоты,
На дѣло грознаго служенья
Въ кровавый бой предстанешь ты,

О Русь моя! Какъ мужъ разумный,
Сурово совѣсть допросивъ,
Съ душою свѣтлой, многодумной,
Идетъ на Божескій призывъ:
Такъ, исцѣливъ болѣзнь порока
Сознаньемъ, скорбью и стыдомъ,
Предъ міромъ станешь ты высоко
Въ сіяньи новомъ и святомъ!

Иди! Тебя зовутъ народы.
И, совершивъ свой бранный пиръ,
Даруй имъ даръ святой свободы,
Дай мысли жизнь, дай жизни миръ!
Иди! Свѣтла твоя дорога:
Въ душѣ любовь, въ десницѣ громъ,
Грозна, прекрасна—Ангелъ Бога
Съ огнесверкающимъ челомъ!

(1854).

Ночь

Спáла ночь съ померкшей вышины,
Въ небѣ сумракъ, надъ землею тѣни,
И подъ кровомъ темной тишины
Ходитъ сонмъ обманчивыхъ видѣній.

Ты вставай, во мракѣ спящій братъ!
Освяти молитвой часъ полночи!
Божьи духи землю сторожатъ,
Звѣзды свѣтятъ, словно Божьи очи.

Ты вставай, во мракѣ спящій братъ!
Разорви ночныхъ обмановъ сѣти!
Въ городахъ къ заутренѣ звонятъ,
Въ Божью церковь идутъ Божьи дѣти.

Помолися о себѣ, о всѣхъ,
Для кого тяжка земная битва,
О рабахъ безмысленныхъ утѣхъ!..
Вѣрь, для всѣхъ нужна твоя молитва.

Ты вставай, во мракѣ спящій братъ!
Пусть зажжется духъ твой пробужденный,
Такъ какъ звѣзды на небѣ горятъ,
Какъ горитъ лампада предъ иконой.

(1855).

26 Августа 1856 года.

(День коронованія Александра II-го).

Народомъ полонъ Кремль великій,
Народомъ движется Москва,
И слышны радостные клики,
И звонъ и громы торжества.

Нашъ Царь въ стѣнахъ издревле славныхъ,
Среди ликующихъ сердецъ,
Пріялъ вѣнецъ отцовъ державныхъ,—
Царя-избранника вѣнецъ.

Ему Господь роднаго края
Вручилъ грядущую судьбу,
И Русь, его благословляя,
Вооружаетъ на борьбу.

Его елеемъ помазуетъ
Она святыхъ своихъ молитвъ,
Да силу Богъ ему даруетъ
Для жизненныхъ, для царскихъ битвъ.

И преклоненны у подножья
Молитвеннаго алтаря,
Мы вѣримъ: будетъ милость Божья
На православнаго Царя.

И дастъ Всевышній даръ познанья,
И ясность мысленнымъ очамъ,
И въ сердце крѣпость упованья,
Несокрушимую бѣдамъ.

И вѣримъ мы, и вѣрить будемъ,
Что дастъ Онъ даръ—вѣнецъ дарамъ—
Даръ братолюбья къ братьямъ-людямъ,
Любовь отца къ своимъ сынамъ.

И дастъ года Онъ яркой славы,
Побѣду въ подвигахъ войны,
И средь прославленной державы
Года цвѣтущей тишины...

А ты, въ смиреніи глубокомъ
Вѣнца пріявшій тяготу,
О, охраняй неспящимъ окомъ
Души безсмертной красоту!

По прочтеніи псалма.

Земля трепещетъ; по эѳиру
Катится громъ изъ края въ край.
То Божій гласъ; онъ судитъ міру:
„Израиль, Мой народъ, внимай!

Израиль! Ты Мнѣ строишь храмы,
И храмы золотомъ блестятъ,
И въ нихъ курятся ѳиміамы,
И день и ночь огни горятъ.

Къ чему Мнѣ пышныхъ храмовъ своды,
Бездушный камень, прахъ земной?
Я создалъ землю, создалъ воды,
Я небо очертилъ рукой!

Хочу—и словомъ расширяю
Предѣлъ безвѣстныхъ вамъ чудесъ,
И безконечность созидаю
За безконечностью небесъ.

Къ чему Мнѣ злато? Въ глубь земную,
Въ утробу вѣковѣчныхъ скалъ
Я влилъ, какъ воду дождевую,
Огнемъ расплавленный металлъ.

Онъ тамъ кипитъ и рвется, сжатый
Въ оковахъ темной глубины;
А ваши серебро и злато
Лишь всплёскъ той пламенной волны.

Къ чему куренья? Предо Мною
Земля, со всѣхъ своихъ концовъ,
Кадитъ дыханьемъ подъ росою
Благоухающихъ цвѣтовъ.

Къ чему огни? Не Я ль свѣтила
Зажегъ надъ вашей головой?
Не Я ль, какъ искры изъ горнила,
Бросаю звѣзды въ мракъ ночной?

Твой скуденъ даръ.—Есть даръ безцѣнный,
Даръ нужный Богу твоему;
Ты съ нимъ явись и, примиренный,
Я всѣ дары твои приму:

Мнѣ нужно сердце чище злата
И воля крѣпкая въ трудѣ;
Мнѣ нуженъ братъ, любящій брата,
Нужна Мнѣ правда на судѣ!..."

(1858).

Широка, необозрима,
Чудной радости полна,
Изъ воротъ Іерусалима
Шла народная волна.
Галилейская дорога
Оглашалась торжествомъ:
„Ты идешь во имя Бога,
„Ты идешь въ свой царскій домъ!
„Честь тебѣ, нашъ царь смиренный,
„Честь тебѣ, Давидовъ сынъ!“

Такъ, внезапно вдохновенный,
Пѣлъ народъ. Но тамъ одинъ,
Недвижимъ въ толпѣ подвижной,
Школъ воспитанникъ сѣдой,
Гордый мудростію книжной,
Говорилъ съ усмѣшкой злой:
„Это-ль царь вашъ, слабый, блѣдный,
„Рыбаками окруженъ?
„Для чего онъ въ ризѣ бѣдной,
„И зачѣмъ не мчится онъ,
„Силу Божью обличая,
„Весь одѣянъ черной мглой,
„Пламенѣя и сверкая
„Надъ трепещущей землей?....“

И вѣка прошли чредою,
И Давидовъ сынъ съ тѣхъ поръ,
Тайно правя ихъ судьбою,
Усмиряя буйный споръ,
Налагая на волненье
Цѣпь любовной тишины,
Міръ живитъ, какъ дуновенье
Наступающей весны.

И въ трудахъ борьбы великой
Имъ согрѣтыя сердца
Узнаютъ шаги владыки,
Слышатъ сладкій зовъ отца.

Но въ своемъ невѣрьи твердый,
Неисцѣльно ослѣпленъ,
Все, какъ прежде, книжникъ гордый
Говоритъ: „Да гдѣ же онъ?
„И зачѣмъ въ борьбѣ смятенной
„Историческаго дня,
„Онъ проходитъ такъ смиренно,
„Такъ незримо для меня,
„А нейдетъ, какъ буря злая,
„Весь одѣянъ черной мглой,
„Пламенѣя и сверкая
„Надъ трепещущей землей?...“

(1858).

Труженикъ.

По жесткимъ глыбамъ сорной нивы,
Съ утра, до истощенья силъ,
Довольно, пахарь терпѣливый,
Я плугъ тяжелый свой водилъ.

Довольно, дикою враждою
И злымъ безумьемъ окруженъ,
Боролся крѣпкой я борьбою....
Я утомленъ, я утомленъ!

Пора на отдыхъ. О, дубравы!
О, тишина полей и водъ,
И надъ оврагами кудрявый
Вѣтвей сплетающихся сводъ!

Хоть разъ одинъ въ тѣни отрадной,
Склонившись къ звонкому ручью,
Хочу всей грудью, грудью жадной,
Вдохнуть вечернюю струю.

Стереть бы потъ дневнаго зноя,
Стряхнуть бы грузъ дневныхъ заботъ!....
„Безумецъ! Нѣтъ тебѣ покоя,
Нѣтъ отдыха: впередъ, впередъ!

Взгляни на ниву: пашни много,
А дня немного впереди.
Вставай же, рабъ лѣнивый Бога.
Господь велитъ: иди, иди!

Ты купленъ дорогой цѣною,
Крестомъ и кровью купленъ ты.
Сгибайся жъ, пахарь, надъ браздою!
Борись, борецъ, до поздней тьмы!“—

Предъ словомъ грознаго призванья
Склоняюсь трепетнымъ челомъ,
А Ты безумнаго роптанья
Не помяни въ судѣ Твоемъ!

Иду свершать въ трудѣ и потѣ,
Удѣлъ, назначенный Тобой,
И не сомкну очей въ дремотѣ,
И не ослабну предъ борьбой.

Не брошу плуга, рабъ лѣнивый,
Не отойду я отъ него,
Покуда не прорѣжу нивы,
Господь, для сѣва Твоего.

(1858).

Благочестивому меценату.

О, мудрый другъ! Отъ странъ полночи.
Съ прибрежья царственной Невы,
Ты кротко обращаешь очи
На наши темныя главы.

Ты кубокъ роскоши лѣнивой
Испилъ до дна; но ты жъ подчасъ
Рѣчами ласки небрезгливой
На подвигъ поощряешь насъ.

Мудрецъ, съ улыбкой благосклонной
За чашей хвалишь круговой
Нашъ строгій постъ, нашъ трудъ безсонный,
Плебейской вѣры бытъ простой.

Прими-жъ привѣтъ отъ черни темной
Тобою взысканныхъ людей
И приношенье дани скромной
Ихъ благодарственныхъ рѣчей.

Прими мольбу: твоей лазури,
Твоихъ безоблачныхъ высотъ
Да не смущаютъ крылья бури
И мракъ житейскихъ непогодъ!

Да мысль желѣзною рукою
Твоей главы не тяготитъ,
И вѣчной да цвѣтетъ весною
Румяный пухъ твоихъ ланитъ!

(1858).

По поводу картины Иванова.

Счастлива мысль, которой не свѣтила
Людской молвы привѣтная весна.
Безвременно рядиться не спѣшила
Въ листы и цвѣтъ ея младая сила,
Но корнемъ въ глубь врывалася она.

И ранними и поздними дождями
Вспоенная, внезапно къ небесамъ
Она взойдетъ, какъ ночь темна вѣтвями,
Какъ ночь въ звѣздахъ, осыпана цвѣтами:
Краса землѣ и будущимъ вѣкамъ!

(1858)

Парусъ поднятъ! Вѣтра полный
Онъ канаты натянулъ
И на ропщущія волны
Мачту длинную нагнулъ.

Парусъ Русскій!.. Черезъ волны
Ужъ корабль несется самъ,
И готовъ всѣхъ братьевъ челны
Прицѣпить къ крутымъ бокамъ.

Поднятъ флагъ. На флагѣ виденъ
Правды судъ и миръ любви.
Мчись, корабль! Твой путь завиденъ...
Господи, благослови!

Напечатано въ 1 №
прекращенной газеты И. С. Аксакова „Парусъ“.
1859 г. Янв. 3-го.

Подвигъ есть и въ сраженьи,
Подвигъ есть и въ борьбѣ;
Высшій подвигъ въ терпѣньи,
Любви и мольбѣ.

Если сердце заныло
Передъ злобой людской,
Иль насилье схватило
Тебя цѣпью стальной;

Если скорби земныя
Жаломъ въ душу впились,—
Съ вѣрой бодрой и смѣлой
Ты за подвигъ берись:

Есть у подвига крылья,
И взлетишь ты на нихъ,
Безъ труда, безъ усилья,
Выше мраковъ земныхъ,—

Выше крыши темницы,
Выше злобы слѣпой,
Выше воплей и криковъ
Гордой черни людской!

(1859).

Поле мертвыми костями
Все бѣлѣлося кругомъ;
Вѣтеръ билъ его крылами;
Солнце жгло его огнемъ.

Ты, пророкъ, могучимъ словомъ
Поле мертвое воздвигъ:
И одѣлись плотью кости,
И возсталъ соборъ великъ.

Но не полно возрожденье,
Жизнь проснулась не сполна:
Всѣхъ оковъ земнаго тлѣнья
Не осилила она.

И въ соборѣ томъ великомъ
Ухо чуткое порой
Слышитъ подъ румяной плотью
Кости щелканье сухой...

О, чужія тайны зная,
Ты, пѣвецъ, спроси себя:
Не звенитъ ли кость сухая
Въ пѣсняхъ, въ жизни у тебя?...

(1859).

Помнишь, по стезѣ нагорной,
Шли мы лѣтомъ: солнце жгло,
А полнеба тучей черной
Съ полуденъ заволокло.
По стезѣ песокъ горючій
Ноги путниковъ сжигалъ,
А изъ тучи вихрь летучій
Капли крупныя срывалъ.

Быть громамъ и быть ударамъ!
Быть сверканью въ облакахъ,
И ручьямъ по крутоярамъ,
И потокамъ на лугахъ!
Быть грозѣ! Но буря злая
Скоро силы истощитъ,
И сіяя золотая
Зорька въ небѣ погоритъ;

И въ объятья кроткой ночи
Передастъ покой земли,
Чтобы зорко звѣздны очи
Сонъ усталый стерегли;
Чтобъ съ Востока, утромъ рано,
Загораясь въ небесахъ,
Свѣтъ румяный зрѣлъ поляны,
Всѣ въ росинкахъ и цвѣтахъ.

И теперь, съ полудня, темной
Тучей кроетъ небеса,
И за тишью вѣроломной
Притаилася гроза.
Гулъ растетъ, какъ въ спящемъ морѣ
Передъ бурей роковой;
Вскорѣ, вскорѣ въ бранномъ спорѣ
Закипитъ весь міръ земной.

Чтобъ страданьями—свободы
Покупалась благодать,
Чтобъ готовились народы
Зову истины внимать;
Чтобы гласъ ея пророка
Могъ проникнуть въ духъ людей,
Какъ глубоко лучъ съ Востока
Грѣетъ влажный тукъ полей!

(1859).

Спи!

Днемъ наигравшись, натѣшившись, къ ночи забылся ты сномъ.
Спи, улыбаясь, малютка: весенняго утра лучемъ
Жизнь молодая, играя, блеститъ въ сновидѣньѣ твоемъ.

Спи!

Труженикъ, въ горести, въ радости, путь ты свершаешь земной.
Утромъ отмѣренный, къ вечеру конченъ твой подвигъ дневной.
Что-нибудь начато, что-нибудь сдѣлано,—купленъ твой отдыхъ ночной.

Спи!

Съ свѣтлымъ лицомъ засыпаешь ты, старецъ, трудомъ утомленъ.
Видно, какъ въ ночь погружается жизни земной небосклонъ.
Дня замогильнаго первымъ сіяньемъ ужъ твой озаряется сонъ.

Спи!

(1860).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ РАННЕЙ МОЛОДОСТИ.

Перепечатывается съ единственнаго изданія, вышедшаго въ Москвѣ, въ 1832 году. (При немъ прекрасная гравюра Е. Скотникова съ изображенія Ермака, по рисунку К. Брюло). Вставлены тѣ стихи, которыхъ не допустилъ тогда въ печати цензоръ Левъ Цвѣтаевъ и которые появились на свѣтъ лишь 65 лѣтъ спустя, во второмъ выпускѣ „Русскаго Архива" 1897 года.

„Ермакъ" написанъ еще въ царствованіе Александра Павловича и до появленія въ печати былъ три раза игранъ на Петербургской сценѣ, 27 Августа, 10 и 17 Сентября 1827 года. Пушкинъ, въ своихъ замѣткахъ, признаетъ въ „Ермакѣ" „очаровательную прелесть поэзіи". *Изд.*

ЕРМАКЪ.

ТРАГЕДІЯ
ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

„Аще намъ всемогій, въ Троицѣ слави-
„мый Богъ поможетъ, то и по смерти
„нашей память наша не оскудѣетъ въ
„тѣхъ странахъ, и слава наша вѣчна
„будетъ“. Слова козаковъ.

Лѣтоп. Сиб., изд. Спасскаго, стр. 35.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Ермакъ, атаманъ козаковъ.
Тимоѳей, отецъ его.
Ольга, его невѣста.
Софья, ея подруга.
Кольцо, } Есаулы Ермаковой дружины.
Мещерякъ, }
Заруцкій, сотникъ тойже дружины,
Шаманъ Сибирскій.
Козаки.
Остяки.

Всѣ дѣйствія происходятъ въ Сибири, кромѣ втораго, на берегахъ Оки.

ЕРМАКЪ ТИМОѲѢЕВИЧЬ

Завоеватель Сибири.

ЕРМАКЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена представляетъ площадку во внутренности стана; вдали палатки, обнесенныя стѣною.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Козаки

(безоружные сидятъ около огня и стоятъ, чистя оружіе. Вдали на стѣнѣ перекликаются).

Слушай!
Слушай!
Слушай!
Слушай!
Слушай!

1-й козакъ.

Что такъ давно замолкъ ты, нашъ пѣвецъ?
Пропой намъ пѣснь про милую отчизну,
Про тихій Донъ и мирныя поля,
Съ которыми надолго мы разстались.
Ахъ! дастъ ли Богъ увидѣть ихъ опять?

2-й козакъ.

Что, други, пѣть, когда на сердцѣ горесть,
Когда лишь смерти ждемъ мы каждый часъ
Въ землѣ чужой, въ пустыняхъ безпредѣльныхъ?
Нѣтъ, не видать ужъ намъ Руси святой!

1-й козакъ.

Да, не къ добру залаяли лисицы,
Когда мы въ темный лѣсъ вчера зашли.

3-й козакъ.

А слышалъ ты, какою шумной тучей
Носилися надъ нашей головой
Стада какихъ-то черныхъ птицъ? Кирилловъ,
Смотря на нихъ, какъ мертвый поблѣднѣлъ.

2-й козакъ.

А старику извѣстны всѣ примѣты...

1-й козакъ.

Его отецъ могущій былъ колдунъ
И передалъ ему свое искусство.

4-й козакъ.

Да атаманъ не вѣритъ никому.
Не знаетъ онъ ни страха, ни преграды:
Безтрепетно, съ спокойною душой,
Стремясь къ боямъ, стремясь на подвигъ славный,
Онъ смѣлою стопой откроетъ путь,
Гдѣ пробѣжитъ лишь хищный звѣрь дубравный,
Лишь вѣтеръ горный можетъ дуть.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и старый козакъ.

Старый козакъ *(входитъ вооруженный).*

Какая ночь! Я обошелъ дозоромъ
Вкругъ нашихъ стѣнъ, вкругъ дремлющихъ шатровъ,
И весь прозябъ. Ужасно вѣтеръ свищетъ,
Волнуя по полямъ сѣдой туманъ;
По небесамъ, какъ путникъ запоздалый,
Средь черныхъ облаковъ бредетъ луна;
И съ пѣною разя въ крутыя скалы,
Въ рѣкѣ шумитъ сердитая волна.
Но что жъ, друзья, такъ поздно засидѣлись,
О чемъ теперь бесѣдовали вы?

1-й козакъ.

Не объ весельѣ, Власій, а объ горѣ.

2-й козакъ.

О томъ, что насъ Ермакъ туда завелъ,
Откуда намъ на Русь не воротиться.

3-й козакъ.

Костями ляжемъ мы въ землѣ чужой.

Старый козакъ.

Ну полно, братъ, о чемъ тутъ горевать?
Ты знаешь самъ, что смерти не минуешь;
И все равно, гдѣ долгимъ сномъ заснешь,
На берегу-ль своей рѣки родимой,
Или въ странѣ безлюдной и пустой.
Вездѣ крѣпка и холодна могила,
И ласкова къ намъ мать сыра земля.

1-й козакъ.

Конечно такъ.

2-й козакъ.

Все правда.

3-й козакъ.

Я не спорю;
Однакоже, не худо бы пожить.

2-й козакъ.

Ахъ! для чего послушались мы слѣпо,
Когда насъ атаманъ повелъ въ Сибирь?

Старый козакъ.

Эхъ, братцы! съ нимъ не станешь много спорить.
Повѣрьте мнѣ, я знаю Ермака:
Не званіемъ, не властью атаманской
Вселяетъ страхъ онъ въ смѣлыхъ козаковъ.
Нѣтъ! Власть свою онъ получилъ отъ Бога.
Безстрашныхъ птицъ немало въ небесахъ;
Когда жъ орелъ, ихъ сизый царь, летаетъ,
Не всѣ-ль онѣ спускаются къ землѣ?
Таковъ нашъ атаманъ. Когда хотите,
Я разскажу вамъ, какъ онъ избранъ былъ.

Всѣ козаки.

Скажи, скажи!

Старый козакъ.

Мы плыли внизъ по Волгѣ...

1-й козакъ.

Тсъ! Атаманъ идетъ сюда.

3-й козакъ.

Смотри,
Какъ онъ печаленъ!

1-й козакъ.

Да, теперь не даромъ
Печаленъ онъ.

Старый козакъ.

Послушайте, друзья!
Пойдемте лучше въ ставку. Пусть съ собою
Раздумаетъ онъ общую бѣду.

3-й козакъ.

И вправду, какъ Ермакъ нахмуритъ брови,
Такъ отъ него подалѣ отходи.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Ермакъ *(одинъ, безъ оружія).*

Проклятіе отца! Въ душѣ моей
Ты возлегло какъ тягостное бремя.
Всегда, вездѣ ты слѣдуешь за мной,
Какъ грозный гласъ неотвратимой кары.
Всечасно слухъ тебѣ внимаетъ мой
Средь бурныхъ сѣчь, среди побѣдныхъ кликовъ,
Среди молитвъ, средь тишины ночной.—
Гдѣ отдохнуть? Чѣмъ сердцу возвратится
Невинная безпечность юныхъ дней?
Когда-нибудь въ груди моей усталой
Возстанетъ ли счастливая заря
И тишины, и мира, и покоя?
Звѣзда отрадъ, средь черныхъ жизни тучъ,
Блеснетъ ли мнѣ твой свѣтлый лучъ?
Воспоминанья! Вы вокругъ меня тѣснитесь,
Пылаете въ сердечной глубинѣ;
И адскій духъ, грядущей вѣстникъ муки,
Тамъ написалъ негаснущимъ огнемъ
Слова: „разбой, убійство и проклятье!“
Забвеніе! вотще зову тебя!
Живешь ли ты надъ свѣтлыми звѣздами,
Слети ко мнѣ, о ангелъ тишины!
Слети; коснись холодными перстами
Груди моей, горящаго чела!
Ты лучше счастья; твой сосудъ цѣлебный
Есть неба даръ, всѣхъ лучше благъ земныхъ!

Дай смочить уста въ струѣ волшебной
И совѣстью уснуть хотя на мигъ.

(*Малое молчаніе*).

И вотъ оставилъ я свой край родимый,
Извлекъ я мечъ, чтобъ за Россію мстить,
Изгладить стыдъ свой, съ Небомъ примириться
И укротить Сибирскаго царя.
Меня влекла невидимая сила
Въ далекій путь, чрезъ горы и лѣса.
И пало все, и все мнѣ покорилось;
И я стою на брегѣ Иртыша!
Ужъ вижу я Сибири гордой стѣны,
Уже насталъ послѣдней битвы часъ!...
О счастіе! Побѣда! И вѣнцами
Еще украсится глава моя;
И имя громкое я передамъ потомкамъ,
И съ славою въ могилу лягу я.
Меня пѣвцы... Опомнися, безумный!
Куда летишь надменною мечтой?
Ермакъ! Ермакъ! Что вѣчный стыдъ твой смоетъ?
Ты вождь разбойниковъ! Какой вѣнецъ
Твое чело преступное покроетъ?
Ермакъ! Ермакъ! Тебя проклялъ отецъ.

(*Малое молчаніе*).

Но я свершу предпринятое мною.
Безъ сладостной надежды, безъ наградъ,
Пройду я путь, указанный мнѣ небомъ,
Путь примиренья, но кровавый путь.
А ты, Сибирь, подвластная Россіи,
Цвѣти, цвѣти надъ гробомъ Ермака,
Какъ памятникъ раскаянья, не славы,
Какъ памятникъ моихъ горючихъ слезъ!
Ахъ, можетъ быть, тогда проклятье сниметъ
Съ главы моей прощающій отецъ,
И съ благостью, и съ миромъ, наконецъ,
Земля мой прахъ въ свои объятья приметъ.

(*Садится на каменъ, въ сторонѣ, подъ деревомъ*).

Но я усталъ, глаза смыкаетъ сонъ...
Ахъ! не уснутъ въ душѣ моей печали!

(*Ложится на камнѣ*).

Небесный Царь, благослови меня!

(*Засыпаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Ермакъ *спящій, входятъ* **Мещерякъ, Заруцкій и нѣсколько старыхъ козаковъ.**

Мещерякъ *(продолжая рѣчь).*

Скажите имъ, что завтра съ раннимъ солнцемъ
Увидимъ мы безчисленныхъ враговъ;
Что войска новыя изъ странъ далекихъ
Стекаются вокругъ Сибирскихъ стѣнъ;
Что побѣжденные мы не найдемъ спасенья,
Что побѣдители мы мира не найдемъ.
Повѣрьте мнѣ, вспылаетъ бой за боемъ,
И изъ земли, гдѣ палъ сраженный врагъ,
Противу насъ сто мстителей возстанутъ.
Труды и битвы, битвы и труды:
Вотъ всѣхъ побѣдъ, всѣхъ подвиговъ награда!

Одинъ изъ козаковъ.

Ты правду говоришь; но, можетъ быть,
Еще спасетъ насъ счастье атамана.

Мещерякъ.

Надѣяться на счастіе! Глупецъ!
Вѣрь тишинѣ обманчиваго моря,
Словамъ врага, любови женской вѣрь,
Но счастію не вѣрь: оно измѣнитъ.
Я вамъ, друзья, отъ сердца говорилъ,
Я не сокрылъ отъ васъ своей печали,
И съ горестью я повторяю вамъ...
Но дѣло сдѣлано; теперь ужъ поздно!
Вы помните, уже давнымъ-давно
Я предсказалъ бѣду.

Козаки.

Да, помнимъ, помнимъ.

Мещерякъ.

Да нѣтъ! Тогда не слушали меня....
Подите! Сонъ передъ сраженьемъ нуженъ.

(*Козаки уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣже, кромѣ козаковъ.

Мещерякъ (*расхаживая въ безпокойствѣ*).

Ермакъ, да атаманъ! Все рѣчь одна
Въ устахъ толпы. Мои усилья тщетны!
Для нихъ онъ Богъ, онъ посланный небесъ,
Онъ имъ залогъ и счастья и побѣды.
Заруцкій! Вся душа моя кипитъ
Досадою, отчаяньемъ, враждою;
Заруцкій! Я лишился всѣхъ надеждъ!

Заруцкій.

Стыдись! Придетъ и наша череда:
Не такъ же ли, какъ ты, я недругъ атаману?

Мещерякъ.

Какъ я? Нѣтъ, нѣтъ! Твой братъ не умерщвленъ;
Не Ермакомъ разрушены надежды,
Сіявшія въ твоей младой душѣ:
Ты никогда руки нетерпѣливой
Не простиралъ на атаманскій мечъ.
А я!... Ермакъ мнѣ болѣ ненавистенъ,
Чѣмъ цѣпи рабскія, чѣмъ смерть сама.

Заруцкій.

Да! Сладокъ онъ, сосудъ кровавый мщенья!
И я, какъ ты, въ немъ жажду утолю;
И я, какъ ты, въ душѣ своей храню
Безмолвный гнѣвъ и память оскорбленья;
И чувствую, что скоро онъ придетъ,
Счастливый день, давно желанный мною,
Когда Ермакъ заплатитъ кровью намъ,
Тебѣ за брата смерть, мнѣ за обиду.

Мещерякъ.

Ахъ, сколько разъ надежда льстила мнѣ,
И сколько разъ я ею былъ обманутъ!
Безсильны мы противу Ермака!
Всегда, вездѣ, слѣпымъ водимый счастьемъ,
Надъ нашей местію смѣется онъ.

Заруцкій.

Пусть онъ высокъ, пусть онъ хранимъ судьбою;
Онъ долженъ пасть.—Кто въ памяти своей,
Кто сердца въ безднѣ сокровенной,
Такъ, какъ залогъ святой, какъ кладъ неоцѣненный,
Обиду хоронитъ, ей дышетъ, ей живетъ:
Тотъ поздно-ль, рано ли, для мщенья часъ найдетъ.

Мещерякъ.

Ты правъ, ты правъ! О, другъ мой, ты не можешь
Постичь вражду, кипящую во мнѣ.
Когда бы съ юныхъ лѣтъ,—нѣтъ, съ колыбели,
Ты мысль одну лелѣялъ и питалъ;
Когда бы всѣ надежды, всѣ желанья
Ты въ ней и въ ней одной соединялъ,
И видѣлъ, наконецъ, свершались ожиданья,
Къ мечтѣ своей ты руку простиралъ,
И въ этотъ мигъ... пришлецъ ненавистный
Вѣнецъ трудовъ похитилъ у тебя!
Тогда бъ ты могъ понять мои мученья;
Тогда бъ ты могъ въ душѣ моей читать.
Съ тѣхъ самыхъ лѣтъ, какъ стали проясняться
Мечты незрѣлыя въ младенческой главѣ,
Я помню: всѣ въ одну соединялись,
Въ одну лишь мысль стекалися онѣ.
Я росъ, она со мною возрастала;
Всѣ страсти юности слились въ нее,
И ей одной вся грудь моя пылала,
Въ ней видѣлъ я и жизнь и бытіе.
Я ночью сна, я днемъ не зналъ покоя:
Сжигаемый огнемъ души моей,
Какъ часто среди хлада, среди зноя
Бѣжалъ я въ глубь свободную степей!
Я не желалъ любви и наслажденья,
Я не хотѣлъ ни злата, ни богатствъ,
И рано оцѣнилъ я призракъ славы.
Но властвовать, другимъ повелѣвать—
Вотъ, вотъ къ чему мое рвалося сердце,
Вотъ что одно плѣняло юный духъ.
Зачѣмъ разсказывать, какъ вслѣдъ за сей мечтою
Стремился я и въ мирѣ и въ войнѣ;
Какъ часто былъ обманутъ я надеждой,
Какъ горько объ обманахъ слезы лилъ!
Но сердце пылкое, какъ волны отъ оплота,
Кипѣло все свирѣпѣй и сильнѣй.

Я къ козакамъ пошелъ.—И тутъ, казалось,
Я достигалъ вѣнца надеждъ своихъ.
По Волгѣ, по степямъ мое гремѣло имя,
И козаки, дивясь моимъ дѣламъ,
Мнѣ атаманскій мечъ вручить хотѣли.
И вдругъ!...

Заруцкій.

Ермакъ пришелъ.

Мещерякъ.

Да, онъ пришелъ!
Съ нимъ было все: и счастье, и побѣда,
И мужество, и слава чудныхъ дѣлъ.
Онъ первый родины прешелъ границы,
И въ чуждый край помчалъ разбой и брань.
Я былъ забытъ: онъ избранъ въ атаманы,
И я, я самъ ему свой голосъ далъ.

Заруцкій.

Ты? Но скажи, какое ослѣпленье!
Ты уступилъ ему свои права,
Ты отдалъ плодъ трудовъ своихъ и крови!
О, лучше бъ умереть.

Мещерякъ.

Нѣтъ: лучше мстить.
Что могъ я противъ всѣхъ? Мой слабый голосъ,
Какъ чайки крикъ средь шумныхъ бурь морскихъ,
Потерянъ былъ бы средь рукоплесканій.
И легче бури эти укротить,
Чѣмъ усмирить восторгъ толпы безумной.
Что могъ я? Онъ являлся среди насъ,
Какъ нѣкій сынъ возвышеннаго міра;
Безтрепетный, не знающій преградъ,
Непобѣдимый. Онъ увлекалъ съ собою:
И силою, и прелестью рѣчей,
И пламенемъ души непостижимой;
И на его задумчивомъ челѣ,
Казалося, природа положила
Могущества, владычества печать.
О! Я отмщу!

Заруцкій.

Но мы теряемъ время.

Мещерякъ.

Заруцкій! Нѣтъ, не кровію одной,
Но славою, но честію своею,
Но всѣмъ, чѣмъ онъ досель гордиться могъ,
Заплатитъ онъ!

Ермакъ (*спящій*).

Отецъ мой.

Мещерякъ.

Что я слышалъ?
Кто говорилъ?

Заруцкій

(*подходя къ камню, на которомъ спитъ Ермакъ*).

Ермакъ!

(*Мещерякъ хватается за кинжалъ*).

Остановись!
Въ семъ голосѣ судьба намъ говорила,
Объ осторожности напоминая намъ.

Мещерякъ (*задумчиво*).

Онъ спитъ!... Заруцкій, ты иди по стану,
Сзывать друзей и возмущать толпу.
Напоминай минувшія страданья;
Страши картиною грядущихъ бѣдъ;
Льсти суевѣрію сердецъ безсильныхъ,
Льсти всѣмъ страстямъ. О, если бы хоть разъ
Съ улыбкою ко мнѣ судьба склонилась,
И месть моя достойно совершилась,
Тогда, тогда приди мой смертный часъ!
Иди.

(*Заруцкій уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Мещерякъ и спящій Ермакъ.

Мещерякъ.

Онъ спитъ! Вокругъ насъ все безмолвно,
Какъ будто бъ въ гробѣ (*подходя ближе къ Ермаку*).
Сонъ его глубокъ...
Онъ могъ бы вѣчнымъ быть!... Одно движенье,
Одинъ ударъ, и никогда заря
Его къ боямъ и къ славѣ не пробудитъ.
Вездѣ покой, и въ станѣ шумъ умолкъ...

Что жъ медлю я, чего еще страшуся?
Свидѣтеля не будетъ на меня.
Никто меня не видитъ. Ночь сгустила
Непроницаемый и дружескій покровъ.
Луна сокрылася: однѣ лишь звѣзды,
Небесъ всегда открытыя глаза,
Вдали надъ головой моей мерцаютъ
И, кажется, взираютъ на меня.
Пусть смотрятъ.

(*Вынимаетъ кинжалъ*).

Пусть свидѣтелями будутъ.
Ихъ голоса не слышны на землѣ.

(*Почти нагнувшись надъ Ермакомъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же и Кольцо (*входитъ*).

Кольцо.

Гдѣ атаманъ?

Мещерякъ (*спрятавъ кинжалъ*).

Онъ спитъ на этомъ камнѣ.
Но для чего ты ищешь Ермака?

Кольцо.

У нашихъ стѣнъ стоитъ посолъ Кучума.

Мещерякъ (*указывая на Ермака*).

Что жъ? разбуди его.

Кольцо.

Нѣтъ: подождемъ.

Мещерякъ.

Но посланный?...

Кольцо.

Ермакъ проснется скоро.
Его глаза смыкаетъ рѣдко сонъ,
И коротки часы его покоя.

Мещерякъ.

Ты этотъ сонъ покоемъ называешь?
Смотри сюда, послушай, какъ онъ стонетъ!
Не кажется ль, какъ будто бы душа
При каждомъ вздохѣ вырваться готова?
Уста дрожатъ; рука въ мученьяхъ сжата,
И на челѣ холодный вышелъ потъ.

Кольцо.

Ты что-то странно говоришь. Сей видъ
Тяжелаго, несноснаго мученья,
Ужель твой взоръ и душу веселитъ?
Когда бъ я зналъ!

Мещерякъ.

О, нѣтъ! Я только думалъ
О томъ, что хоть Ермакъ и атаманъ,
Но не счастливѣе онъ козака простаго,
И что не все то злато, что блеститъ.

Кольцо.

Послушайся меня: будь осторожнымъ!
Давно я замыслы твои проникъ;
Твою вражду, твое я сердце знаю;
Но берегись.

Мещерякъ.

Не думаешь ли ты своей угрозой
Меня пугать!..

Кольцо.

Молчи, у Ермака
Спокойствіе въ лицѣ изобразилось,
И на глазахъ его блеститъ слеза.
Онъ просыпается.

Ермакъ (*просыпаясь, садится на камнь*).

О, мой отецъ!
Но гдѣ же онъ?... Ахъ! Это лишь мечтанье!
Какой чудесный сонъ! Кольцо, ты здѣсь?
И Мещерякъ? Друзья, какія вѣсти?

Кольцо.

При входѣ въ станъ Сибирскій ждетъ посолъ.

Ермакъ.

Что онъ принесъ?

Кольцо.

Дары и рѣчь о мирѣ.

Ермакъ (*вставая*).

Я знаю ихъ: одинъ пустой обманъ
И хитрыя слова и обольщенья.

Но ты иди, мой вѣрный Мещерякъ.
И, сотниковъ въ мою созвавши ставку,
Введи туда Кучумова посла.

(*Мещерякъ выходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Ермакъ, Кольцо.

Кольцо (*указывая на Мещеряка*).

Не вѣрь ему! Тебя онъ ненавидитъ.

Ермакъ.

За что?

Кольцо.

О, кто въ сердечной мглѣ прочтетъ
За что любовь иль ненависть пылаетъ?
Но помнишь ли: когда былъ братъ его
Совѣтомъ осужденъ къ позорной смерти,
Не ты ли первый голосъ подалъ свой?

Ермакъ.

Не я его, законы осудили.
За это ли мнѣ Мещерякъ отмститъ?

Кольцо.

Онъ гордъ и жаждалъ атаманской власти.

Ермакъ.

Такъ что жъ? Онъ самъ въ вожди меня избралъ.

Кольцо.

Повѣрь мнѣ: не мечтою я обманутъ.

Ермакъ.

Любовь ко мнѣ твой ослѣпляетъ взоръ.

Кольцо.

О, ты погибнешь! Сердцемъ благороднымъ
Чуждаяся обмана и измѣнъ,
Ты вѣришь всѣмъ.

Ермакъ.

Ты слишкомъ недовѣрчивъ!
Эхъ! Жизнь того не стоитъ, чтобы я
Сталъ мучиться, терзаться подозрѣньемъ,

Обманъ и ложь читать во всѣхъ глазахъ,
Страшиться, друга къ сердцу прижимая,
И въ чашѣ круговой отраву пить.
Не лучше ль разомъ смерть, чѣмъ жизнь влачить
Всечасно смерти ожидая?
Но прекрати сей тщетный разговоръ.
Къ чему смущать сомнѣніемъ холоднымъ
И горестью торжественный сей часъ,
Въ которой тишина и лучъ отрады
Моимъ глазамъ блеснули въ первый разъ?
О, другъ мой, знай: моя судьба рѣшилась.
Когда мнѣ сонъ сомкнулъ усталый взоръ,
Отчаянье въ груди моей гнѣздилось,
И въ будущемъ являлися очамъ
Лишь трудъ и смерть, за смертію мученья,—
Степь безпредѣльная, гдѣ я блуждалъ
Безъ отдыха, покоя, утѣшенья,
Безъ цѣли, безъ надежды, безъ похвалъ,
И безъ всего! Отверженный Россіей,
Отверженный изъ самыхъ нѣдръ земли,
Носящій на челѣ печать проклятья,
Предметъ презрѣнія для самаго себя.
О сладкій сонъ! Мои сомкнувши вѣжды,
Ты радость въ грудь мою пролилъ,
Мои мечты, мои надежды
Въ увядшемъ сердцѣ пробудилъ.
Не смѣйся! Не игра воображенья:
Въ немъ истина, мой другъ, явилась мнѣ.

Кольцо.

Твоимъ словамъ охотно вѣрю я.
Когда въ тѣни родительскаго крова,
Я жилъ еще на берегахъ Оки.
—Ахъ свѣтлая Ока! ея теченью
Уже давно не радовался я.—
Тогда мнѣ говорилъ святый отшельникъ,
Что въ тихій часъ, когда всё въ мірѣ спитъ,
И въ насъ молчитъ страстей волненье бурныхъ,
Спокойный духъ нашъ ближе къ небесамъ,
И ночи мракъ намъ открываетъ тайны
Безвѣстныя заботливому дню.

Ермакъ.

То не было мечтаніе пустое;
Нѣтъ, другъ мой, то былъ гласъ небесъ благихъ.
Онъ мнѣ шепталъ: „Покой и примиренье“;

Онъ усыплялъ мученія мои.
Я чувствую, мнѣ сердце въ томъ порукой,
Грядущаго завѣса поднялась;
Вся жизнь моя открыта предо мною,
Я въ небесахъ судьбу свою читалъ.
Пойду на смерть, но смѣлою стопою:
Мнѣ сладкій гласъ прощенье обѣщалъ.—
Послушай! Завтра предъ дружиной нашей,
Падутъ толпы несмѣтныя враговъ,
Падутъ врата Кучумовой столицы
И древняго Царя златой престолъ;
Нашъ мечъ расширитъ родины границы,
Къ ея вѣнцамъ придастъ еще вѣнецъ.
Тогда, мой другъ, въ Россію возвратися,
Иди въ Москву, неси къ ногамъ Царя
И злато и мѣха, добычу брани,
Скажи ему: „Вотъ нашихъ плодъ трудовъ!
„Со мной къ тебѣ сіи прислало дани
„Раскаянье преступныхъ козаковъ“.

Кольцо.

Но какъ, скажи, предстану къ Іоанну?
Уже давно я осужденъ на смерть,
И ждетъ меня правдивый мечъ закона,
И мнѣ ль главу на плаху несть?

Ермакъ.

Съ тобой
Богатый выкупъ дамъ я—жезлъ Сибири.
Насъ Іоаннъ проститъ: его рука
Разрушитъ приговоръ законовъ строгихъ.
О ты постигъ ли, какъ счастливы мы?
Мой другъ, мы будемъ вновь сыны Россіи,
Она въ свои обьятья приметъ насъ.
У насъ отчизна будетъ, братья будутъ,
Законы, Церковь, Царь, побѣды, гордость, честь.
О край родной! Намъ можно будетъ
Тебя своимъ, своимъ назвать,
Жить для тебя, и за твое величье
Въ сраженьяхъ славныхъ умирать!

Кольцо.

Ты помнишь ли, Ермакъ, когда по Волгѣ
Съ богатою добычей плыли мы,
Я говорилъ: „Возьмите все богатство,
„Но дайте право мнѣ хоть разъ сказать:

„Мои сограждане, моя Россія!“
Но я не смѣлъ такаго счастья ждать.

Ермакъ.

Исполни, другъ, еще одно прошенье!...
На Волжскихъ берегахъ, тамъ гдѣ въ нее
Впадаетъ Кама, бѣдная деревня
Скрывается въ лѣсу, и близъ нея,
Между кустарниковъ, къ рѣкѣ спускаясь,
Чуть видится смиренной хаты кровъ.
Мнѣ этотъ кровъ дороже всей вселенной!
Тамъ, другъ мой, тамъ живетъ она—она,
Которую любилъ я болѣ жизни,
Которую любить не смѣю я.
Ахъ, прежде взоръ ея, ея улыбка,
Средь жизненныхъ трудовъ, казались мнѣ.
Звѣздами счастья, міромъ, небомъ, раемъ.
Она меня любила: я мечталъ,
Что съ нею жизнь какъ сонъ промчится сладкій.—
Все, все утрачено! Но, вѣрный другъ,
Скажи, какъ я раскаялся, терзался,
Какъ я страдалъ, какія слезы лилъ.
И если не совсѣмъ она забыла
Преступника, который въ прежни дни
Ее любилъ такъ пламенно, такъ нѣжно;
Скажи, что онъ, какъ прежде, вѣрный ей
Хранитъ въ душѣ ея прелестный образъ.
Я объ одномъ молю; не о любви,
Давно забытой ею, не о дружбѣ;
Нѣтъ: лишь о томъ прошу, чтобы она
Не ненавидѣла, не презирала,
Молилась за меня. Ея мольбамъ
Доступны Небеса; онѣ внимаютъ
Прошенію ея невинныхъ устъ,
И можетъ быть со мною примирятся.
Короткій срокъ назначенъ днямъ моимъ;
Но я бы легъ спокойнѣе въ могилу,
Когда бы могъ еще предъ смертью знать,
Что обо мнѣ хоть разъ вздохнула Ольга.

Кольцо.

Но въ этой хижинѣ уже ль она
Одна живетъ?

Ермакъ (*съ напряженіемъ*)

Нѣтъ... съ нею старецъ....
О другъ!... сей старецъ былъ... моимъ отцомъ.
Но онъ проклялъ меня.

Кольцо.

Безчеловѣчный!

Ермакъ.

О нѣтъ, онъ правъ былъ. На рукахъ моихъ
Убитыхъ мной невинныхъ кровь дымилась.
Да, онъ былъ правъ, и грозное проклятье
Исполнилося надо мной: оно
На Ермака весь адъ вооружило,
И злобный духъ преслѣдуетъ меня;
Онъ шепчетъ мнѣ всечасно: „что ты медлишь?
„Тебя давно ужъ ждетъ подземный мракъ.
„Ермакъ! Земля благословенна Небомъ,
„Проклятому нѣтъ мѣста на землѣ!“

Кольцо.

О полно!

Ермакъ.

Свѣтлый міръ—мнѣ гробъ пространный;
Среди живыхъ какъ мертвый я брожу.
И слезы то бѣгутъ изъ глазъ, то скрытно
Онѣ падутъ на сердце какъ огонь.
О другъ мой! (*упадая на плечо Кольца*).
Раскажи ему мои страданья;
Скажи, что ихъ свинцовая рука
Сіи власы до срока изсушила,
По юному челу морщины провела,
И что болѣзнь измученнаго сердца
Въ немного лѣтъ всю жизнь мою сожгла.
Скажи, что мнѣ судьба моя извѣстна;
Мнѣ смерти приговоръ прощеніе его;
Но въ немъ все счастье, все мое блаженство,
Его я жду какъ рая самаго.
О, я прошу лишь однаго—прощенья.
Прощенья! Объ одномъ его молю:
Пусть буду я отверженнымъ, забытымъ—
Но не проклятымъ!—Лишь прощеннымъ быть,
И послѣ умереть.

Кольцо.

Во цвѣтѣ жизни
Зачѣмъ тебѣ о смерти говорить?

Ермакъ.

Нѣтъ, я себя обманывать не стану;
Мнѣ сердца гласъ, мнѣ Небо говоритъ,

Что скоро нить моей прервется жизни.
И сладкій сонъ, которымъ возвращенъ
Покой въ мою волнуемую душу,
О другъ мой, вѣрь мнѣ, не обманчивъ онъ!
Вся жизнь прошедшая глазамъ явилась.
Я видѣлъ вновь тѣ счастливые дни,
Когда любимъ отцомъ, любимый Ольгой,
Такъ смѣло я въ грядущее смотрѣлъ.
И вновь она была моей невѣстой,
И вновь ее опричникъ похищалъ;
Но подъ моимъ мечомъ окровавленнымъ
Его на землю падала глава.
И я бѣжалъ отцомъ благословенный.
Вездѣ гонимъ, скитался я въ лѣсахъ;
И долго тамъ бродивши безъ пріюта,
Вездѣ преслѣдуемъ толпой враговъ,
Я забывалъ законъ и добродѣтель,
Вступилъ въ дружину смѣлыхъ козаковъ.
Тогда отца проклятіе гремѣло,
И я душой въ унынiе впадалъ...
Но, наконецъ, раздался голосъ съ Неба,
И въ сердцѣ отголосокъ отвѣчалъ!
Онъ говорилъ: „Надѣйся и молися,
„Ты въ примиреніи услышишь смерти вѣсть“.

(*Послѣ нѣкотораго молчанія*).

Мнѣ не видать тебя, земля родная;
Мнѣ не вступать въ державную Москву!
Я въ битвахъ здѣсь сложу свою главу,
Мой приметъ трупъ земля чужая.
Но въ часъ послѣдній, роковой,
Тебя, Сибирь, мои обнимутъ длани,
Какъ воинъ жметъ хладѣющей рукой
Кровавый щитъ, пріобрѣтенный въ брани.
Но сотники ужъ въ ставку собрались,
Насъ ждетъ посолъ. Пойдемъ.

(*Ермакъ и Кольцо уходятъ, а во время послѣднихъ словъ Ермака вооруженные козаки собираются въ отдаленіи*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Козаки (*выходятъ впередъ*).

1-й козакъ.

Съ ограды стана
Смотрѣлъ я въ даль. По берегамъ крутымъ
Безчисленныхъ враговъ огни блистали.
Къ землѣ прилегъ я: тихій несся гулъ,

Какъ роя пчелъ сердитое жужжанье,
Иль въ часъ грозы далекій ропотъ волнъ.

2-й козакъ.

И мы сражаться будемъ.

3-й козакъ.

Мы погибнемъ.

1-й козакъ.

Спасенья нѣтъ: къ сей битвѣ собрались
Не войска, но народы всей Сибири.
Вокругъ насъ ихъ несмѣтныя толпы.
Предъ нами градъ съ могущею твердыней,
За нами степь и смерть со всѣхъ сторонъ.

4-й козакъ.

Не въ первый разъ мы къ ней пойдемъ навстрѣчу.

1-й козакъ.

Тогда намъ можно было побѣдить;
Теперь, увы! Надежды не осталось.
Что будемъ мы, три сотни козаковъ,
Ослабшіе отъ глада и сраженій...

4-й козакъ (*прерывая*).

Но храбрые!

1-й козакъ.

Что съ храбростью твоей
Ты сдѣлаешь, отвсюду окруженный
Освирѣпѣлою ордой враговъ?
Теперь не пять, не десять стрѣлъ и копій
На каждаго изъ насъ устремлены,
Но тысячи.

5-й козакъ (*подходя*).

Онъ говоритъ вамъ правду:
Я видѣлъ ихъ огни.

3-й козакъ.

Охъ! Атаманъ
Насъ погубилъ.

4-й козакъ.

Друзья, еще надѣйтесь!
Мы побѣдимъ: насъ въ бой ведетъ Ермакъ.
Его мечу побѣда не измѣнитъ.

Его судьба—нежданное свершать,
Весь міръ дивить чудесными дѣлами
И въ смѣлыхъ подвигахъ препоны разрушать.

6-й козакъ (*входитъ и поетъ*).

Какъ по синей, синей Волгѣ плыли удальцы.

2-й козакъ.

Молчи, теперь намъ не до пѣсней дѣло.

6-й козакъ.

Вотъ пустяки! Теперь-то должно пѣть:
Мы завтра въ ночь довольно намолчимся.
(*Подавая бутыль*).
Хотите ль вина, друзья? Что жъ, Дмитрій, пей!

2-й козакъ.

Я не хочу, поди.

6-й козакъ.

Какой упрямый!
Когда разляжемся мы по землѣ сырой,
Тебѣ ужъ не достать вина такаго.

2-й козакъ.

Ну полно жъ приставать.

6-й козакъ.

Погрѣйся, братъ!
Насъ завтра прохладятъ желѣзнымъ пивомъ.

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ же и Заруцкій (*входитъ*).

1-й козакъ.

Куда, Заруцкій?

Заруцкій.

Въ ставку Ермака.

1-й козакъ.

Зачѣмъ?

Заруцкій.

Туда намъ велѣно собраться,
Чтобы принять Кучумова посла.

2-й козакъ.

Посолъ Кучума?

Заруцкій.

Да, онъ миръ намъ предлагаетъ.
(*Уходитъ*).

2-й козакъ.

О счастье, миръ!

1-й козакъ.

Еще не принятъ онъ.

2-й козакъ.

Не принятъ: неужель его отвергнутъ?
Ужель когда къ спасенью путь открытъ,
Ермакъ насъ повлечетъ съ собой въ погибель?

3-й козакъ.

Не можетъ быть.

2-й козакъ.

О, вѣрно самъ Ермакъ
Не смѣлъ надѣяться такаго счастья.

1-й козакъ.

Ахъ, знаю я его отважный духъ.
Онъ миръ отвергнетъ, если царь Сибири
Откажется Россіи дань платить.

2-й козакъ.

Ермакъ отвергнетъ миръ, но мы принудимъ
Его принять.

3-й козакъ.

Заруцкій къ намъ идетъ.
(*Заруцкій входитъ*).

Что? Принятъ миръ?

Заруцкій.

Отверженъ атаманомъ.
Кучумъ намъ путь свободный открывалъ,
Для возвращенья въ Русскіе предѣлы,
И присылалъ богатые дары.
Мы съ радостью словамъ посла внимали,
Въ нихъ видѣли конецъ трудовъ и бѣдъ;
Но тщетно намъ, друзья, надежда льстила.

Ермакъ сказалъ: „Коль хочетъ мира царь,
„Пусть онъ теперь Россіи покорится;
„Пусть Іоанну онъ заплатитъ дань.
„Тогда въ ножны мы вложимъ мечъ кровавый.
„Когда же нѣтъ, то завтра утромъ бой
„Рѣшитъ судьбу Кучума и Сибири“.

1-й козакъ.

Друзья, и мы потерпимъ, чтобъ Ермакъ,
Исполненный отважности надменной,
И жизнью нашей и судьбой игралъ!

Всѣ.

Нѣтъ, нѣтъ!

1-й козакъ.

Устали мы отъ битвъ напрасныхъ;
Намъ нуженъ миръ, покоя мы хотимъ,
Мы отдохнуть хотимъ въ землѣ родимой,
А онъ ведетъ къ боямъ лишь и трудамъ.

Заруцкій.

Онъ васъ ведетъ къ неизбѣжимой смерти.

1-й козакъ.

Его безумной дерзостью...

4-й козакъ (*прерывая*).

Молчи!

Многіе.

Нѣтъ: говори!

Другіе.

Да говори всю правду.

2-й козакъ.

Къ чему въ Сибирь онъ велъ насъ?

Заруцкій.

Мещерякъ
Давно сказалъ, что онъ насъ всѣхъ погубитъ.

1-й козакъ.

Онъ, онъ повергъ насъ въ пропасть, и теперь,
Когда, казалось, Небо простирало
Спасенья длань, ее отринулъ онъ.
Онъ Провидѣнье искушаетъ.

Голосъ изъ толпы.

Правда!

1-й козакъ.

Онъ отвергаетъ даръ небесъ благихъ.
И мы потерпимъ, мы ему позволимъ!

Многіе.

Нѣтъ, этому не быть!

Голосъ.

Не для того
Онъ нами былъ назначенъ въ атаманы.

Другой.

Тсъ, слушайте, Кириловъ говоритъ.

1-й козакъ.

Когда же такъ, когда вы не хотите,
Чтобъ дерзостью его погибли мы,
Чтобъ для него мы завтра пали въ битвѣ,
И сдѣлались добычей хищныхъ птицъ,—
Послушайте: пойдемъ къ нему толпою...

Многіе.

Пойдемъ, пойдемъ!

1-й козакъ.

И скажемъ мы ему,
Что мы хотимъ, что требуемъ мы мира,
Что требуемъ идти въ обратный путь;
И если онъ противиться дерзнетъ,
То горе!

Голосъ.

Пусть страшится онъ!

Заруцкій.

Остановитеся! Какою вы мечтой
Ослѣплены? Куда бѣжите вы?
Ужель не знаете вы атамана?
Ужель безвѣстна вамъ его душа?
Скорѣе вспять къ водамъ Зайсана
Польются воды Иртыша,
Чѣмъ онъ свои премѣнитъ начертанья.
Покуда живъ Ермакъ, намъ мира нѣтъ.

Голосъ.

Такъ за него погибнуть намъ?

Другой.

Скорѣе

Пусть онъ умретъ!

Многіе.

Да, пусть онъ умретъ!

Другіе.

Смерть Ермаку, смерть Ермаку!

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тѣже и Ермакъ

(*входитъ вооруженный, быстро разсѣкаетъ толпу, которая разсыпается, и снявъ шлемъ говоритъ.—При входѣ Ермака самые буйные прячутся въ толпу, и изъ говорившихъ козаковъ остается только четыре*).

Ермакъ.

Разите!

Что жъ медлите? Купите славный миръ
Кровавою главою атамана.
Вы видите—она обнажена
И безъ защиты ждетъ ударовъ вашихъ.
Идите съ ней къ Кучумовымъ ногамъ,
И падши предъ златымъ его престоломъ
Скажите вы Сибирскому царю:
„Вотъ тотъ, которой насъ водилъ къ сраженьямъ!
„Вотъ тотъ, чей мечъ путь къ славѣ открывалъ!
„Онъ не жалѣлъ для насъ трудовъ и крови,
„Для насъ онъ жилъ, для насъ бы жизнь отдалъ,
„И мы его убили".

(*Осматривая кругъ*).

Вы молчите!

Скажите, кто мнѣ первый дастъ ударъ?
Ты Струга?

Голосъ.

Я? Въ сраженьѣ на Уралѣ
Ты жизнь мнѣ спасъ, закрывъ меня щитомъ.

Ермакъ.

Не ты ль Червленный?

Другой.

Я тонулъ на Волгѣ;
Ты бросился въ сердитую рѣку
И вытащилъ меня.

Ермакъ.

Не ты ль, Удалый?

Третій.

Ты спасъ меня отъ плѣна.

Ермакъ.

Кто жъ изъ васъ?

Одинъ козакъ.

Никто.

Другой.

Кто руку на него подыметъ!

Третій.

Скорѣй роднаго бъ брата я убилъ.

Ермакъ.

Пусть я умру! Но, други, вы клялися
Сибирскаго владыку укротить,
И отъ его неистовыхъ набѣговъ
На вѣки край родной освободить.
О, не забудьте вашихъ клятвъ священныхъ,
Обѣтовъ данныхъ передъ алтарёмъ!
И преступленій, нами совершенныхъ,
Омойте стыдъ предъ Богомъ и Царемъ.

Голосъ.

Вѣдь какъ послушаешь, такъ правъ онъ!

Другой.

Мы клялися,
А не исполнить клятву грѣхъ большой.

Ермакъ.

Кучумъ дары и миръ вамъ предлагаетъ.
Его ль словамъ повѣрить вы могли?
Татарина невѣрнымъ обѣщаньямъ?
Онъ дастъ вамъ миръ, но миръ сырой земли,

Покой могилы, крѣпкій, непробудный,
Среди степей безлюдныхъ и глухихъ,
Гдѣ васъ сразятъ и голодъ и измѣна.
И мало васъ на родину придетъ,
Чтобъ подъ сѣкиру строгаго закона
Преступною склониться головой.
Одинъ открытъ намъ къ миру путь.—Побѣда!
Впередъ! Тамъ за Сибирскою стѣною
Насъ слава ждетъ, насъ ждетъ добыча, злато
И сладкій миръ, и по трудахъ покой.
Пусть мало насъ, несчетенъ непріятель:
Не въ первый разъ намъ побѣждать его.
Впередъ, друзья! Какъ стадо птицъ смятенныхъ,
Когда орелъ къ нимъ мчится съ облаковъ,
Разсѣются предъ нашею дружиной
Толпы Татаръ и блѣдныхъ Остяковъ.

(*Разсвѣтаетъ*)

Что вижу я? О счастье! Небо съ нами
И благодать всесильнаго Царя!
Здѣсь воздухъ чистъ и свѣтелъ;—надъ врагами
Зажглась средь тучъ огнистая заря!
Теперь, друзья, кто помнитъ обѣщанья,
Кто вѣритъ Небу, любитъ Ермака,
Впередъ! За мной! Вамъ путь кровавый
Откроетъ смѣлая моя рука,
Чтобъ побѣдить враговъ иль умереть со славой!

Многіе.

Мы всѣ съ тобой!

Другіе.

Мы всюду съ Ермакомъ!

Всѣ.

Съ тобой иль жить иль умереть со славой!

(*Ермакъ уходитъ и всѣ за нимъ*).

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Утро.

Театръ представляетъ берега Оки. Съ лѣвой стороны хижина между деревьями, такъ что сидящихъ на порогѣ ея не видятъ другія лица, находящіяся на сценѣ. Вдали на горѣ церковь и колокольня.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Ольга, Софья (*онѣ сидятъ у порога хижины и прядутъ*).

Софья (*поетъ*).

О чемъ, скажи, твое стенанье
И безутѣшная печаль?
Твой умеръ другъ, или изгнанье
Его умчало въ синю даль?

*

Когда бъ онъ былъ въ странѣ далекой,
Я друга бы назадъ ждала,
И въ скорбяхъ жизни одинокой
Надежда бы еще цвѣла.

*

Когда бъ онъ былъ въ могилѣ хладной,
Мои бы плакали глаза,
А слезы—въ грусти безотрадной
Небесъ вечерняя роса.

*

Но онъ преступникъ, онъ убійца.
О немъ и плакать мнѣ нельзя.
Ахъ, растворись моя гробница,
Откройся тихая земля!

Ольга.

О полно, полно Софья! Этой пѣсней
Ты только грусть удвоила мою.

Софья.

Прости мнѣ, Ольга; я сама не знаю,
Какъ эта пѣсня мнѣ на умъ пришла.
Сто разъ ужъ я ее забыть хотѣла.

Ольга.

Ахъ, если бъ можно было забывать!

Софья.

Признайся, Ольга; это очень странно,
Когда захочешь что нибудь забыть,
Оно тогда-то и идётъ на память,—
Какъ будто бы на зло. Не правда ль?

Ольга.

Да!
Я это слишкомъ больно испытала.
Когда бы можно съ памяти своей
Изгладить все былое, скоро бъ сердце
Отъ ранъ несчастья исцѣлѣть могло.
Но помнишь счастье, дней минувшихъ радость,
Всё, что навѣки время унесло—
Вотъ, вотъ что тяжко. Эти вспоминанья
На стрѣлы рока льютъ смертельный ядъ;
Отъ нихъ въ душѣ такъ пламенно горятъ
Неисцѣлимыя страданья....
Скитаясь по землѣ, объ раѣ помнить... адъ!

Софья.

О чемъ такъ грустно ты вздохнула, Ольга?

Ольга.

О Волга! На твоихъ брегахъ
Какъ жизнь моя прелестно расцвѣтала,
Какъ сладко я о будущемъ мечтала,
Какъ мало думала о горѣ и бѣдахъ!
Съ нимъ было сладко всё; среди дубравъ скитаться,
Внимать ихъ сладостнымъ пѣвцамъ;
Иль грозно плещущимъ волнамъ
На легкомъ челнокѣ ввѣряться;
Съ нимъ быть, рѣчамъ его внимать,
Встрѣчать всечасно взоръ его прекрасный,
И въ немъ любовь его читать,
И блескъ души какъ небо ясной.. (*Вздыхаетъ*)
Но все навѣкъ прошло! Ермакъ, Ермакъ!

Софья.

Ты часто говоришь о Волгѣ; вѣрно
Ты родилась на берегахъ ея.

Ольга.

Да.

Софья.

Тамъ, конечно, пѣсню ты слыхала,
Которую сейчасъ пропѣла я....
Ты знаешь, кто сложилъ ее?

Ольга.

Не помню.

Софья.

Да, можетъ быть, и не слыхала ты;
Послушай же. Тому уже лѣтъ двадцать,
Иль болѣе, тамъ дѣвушка жила,
И говорятъ, во всей странѣ Приволжской
Она добрѣй, прелестнѣй всѣхъ была;
Она любила и была любима,
И юноша, любви ея предметъ,
Былъ также добръ, и молодъ, и прекрасенъ.
Казалось, счастье имъ сулила жизнь;
Но вдругъ они разстались. Я не помню,
Долга иль нѣтъ разлука ихъ была;
Когда жъ они увидѣлися снова,
Онъ былъ—безъ слезъ я вспомнить не могу —
Онъ былъ разбойникомъ.

Ольга.

О, Боже!

Софья.

Ольга,
Что̀ сдѣлалось съ тобой?

Ольга (*съ напряженіемъ*).

Ничего!
Но разскажи жъ, что̀ послѣ....

Софья.

Эта встрѣча
На вѣкъ ея разрушила покой.
Она по Волжскимъ берегамъ бродила,
Воспоминая прежніе года,
И пѣла, но такъ сладко, такъ уныло,
Что рыбаки, вечернею порой
Внимая ей, свой парусъ опускали
И, забывая трудный промыслъ свой,
Ручьями слезы проливали.
Она жила недолго, все страдала,

И съ нетерпѣньемъ смерть къ себѣ звала,
И, наконецъ, утомлена мученьемъ,
Поверглася въ сердитые валы
Ахъ, бѣдная!

Ольга (*въ сторону*).

Тебѣ благодаренье,
Творецъ небесъ! Ты жизнь мою спасалъ,
Когда, смотря на Волжскую пучину,
Я думала, на хладномъ днѣ ея
Печаль заснетъ, отчаянье утихнетъ.

Софья.

Съ тѣхъ поръ, какъ ты съ отцемъ въ нашъ край пришла,
Ты все грустишь; о чемъ, скажи мнѣ, Ольга?
Здѣсь, кажется бы, должно грусть забыть:
Такъ все прекрасно здѣсь, все такъ спокойно,
Такъ весело и въ рощахъ и въ поляхъ.
Смотри, какъ тихая Ока струится
Вокругъ холмовъ и свѣтлыхъ деревень;
По ней скользятъ струга, и юный день
Въ нее, какъ въ зеркало, глядится.
Но ты печальна;—хочешь, я спою
Другую пѣсню, о любви счастливой?

Ольга.

Нѣтъ, Софья, перестань; оставь меня!
Моя душа такою грустью сжата,
Что мнѣ теперь отраднѣй быть одной.

Софья.

Прощай! Но я приду, когда смеркнется (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Ольга (*одна*).

Счастливая! И я была какъ ты,
Не зная грусти, ни печали;
Вокругъ меня толпилися мечты
И сны веселые летали. (*Плачетъ и тихо поетъ*).
„Но онъ преступникъ, онъ убійца,
„О немъ и плакать мнѣ нельзя“.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Ольга и Тимоѳей (*входитъ*).

Тимоѳей.

Ты, Ольга, здѣсь? Лишь солнце проглянуло,
А ты ужъ за работой, дочь моя.
Скажи, зачѣмъ такъ рано ты проснулась?
Что̀ до зари прогнало твой покой?
Ты молода; въ твоемъ невинномъ сердцѣ
Не раздается буйный гласъ страстей
И совѣсти неспящей укоризны.
Зачѣмъ же сонъ бѣжитъ твоихъ очей?
Или сама его ты прогоняешь?
Охъ, не бѣги его! Онъ даръ небесъ,
Неоцѣненный даръ. Блаженъ, кто можетъ
Найти забвенье подъ его крыломъ!

Ольга.

Сама не знаю, отчего такъ рано
Проснулась я; едва, едва Востокъ
Вдали краснѣлъ, но жаворонки пѣли
Такъ весело, привѣтствуя зарю,
Роса блистала, небо было чисто,
Я не могла ужъ болѣ глазъ сомкнуть;
Казалося, ты спалъ еще. Я вышла
И пробужденья твоего ждала;
Здѣсь слушала я пѣсни доброй Софьи.

Тимоѳей.

И плакала.

Ольга.

О, это ничего!
Но ты, отецъ мой, тихъ ли былъ твой отдыхъ?

Тимоѳей.

Мой отдыхъ! Мнѣ давно ужъ нѣтъ его,
Когда отъ слезъ и горя утомленный
На время я свой закрываю взоръ,—
Ужель ты думаешь, ко мнѣ нисходятъ
Забвеніе и сладостный покой?
О нѣтъ! Они давно мнѣ неизвѣстны.
Я проклялъ сына!

Ольга.

Позабудь его.

Тимоѳей.

Когда вся кровь остынетъ въ этихъ жилахъ,
И грудь моя засыплется землей,
Тогда, быть можетъ, я забуду сына.
Но прежде—нѣтъ! Забыть его? Онъ здѣсь,
Онъ въ самомъ сердцѣ, такъ какъ чувство жизни.
И я, я могъ его проклясть! Въ трудахъ,
Въ заботахъ днёмъ я иногда забуду
Страданія и тяжкую тоску;
Но ночію, когда на одръ склонюся,
Тогда проснется всё въ душѣ моей,
И тихими неслышными шагами
Ко мнѣ придёгъ неусыпимый стражъ,
Ты знаешь ли его? Воспоминанье!
Оно придетъ и сядетъ близъ меня,
Оно начнетъ разсказы про былое;
И каждый разъ, разсказъ кончая свой,
Споетъ мнѣ такъ, какъ воронъ передъ бурей:
„Спи, спи, старикъ! Тобою проклятъ сынъ!"

Ольга.

О Боже!

Тимоѳей.

„Спи, старикъ, твой сынъ въ вертепахъ,
„Среди лѣсовъ, скитается одинъ;
„Онъ проситъ сна, онъ молитъ о покоѣ;
„Но сонъ, покой бѣгутъ отъ глазъ его.
„Тобою проклятъ онъ". Какъ сладко спится
Подъ эту пѣсню!

Ольга.

О, мой отецъ, зачѣмъ
Терзаешься ты мыслями такими?
Ты проклялъ сына, но твой гнѣвъ былъ правъ.

Тимоѳей.

И ты меня оправдываешь, Ольга!
Не ты ль всечасно думаешь о немъ?
О немъ ты молишься, о немъ вздыхаешь
И плачешь.

Ольга.

Да; но я съ надеждой жду,
Что онъ раскается, что онъ съ слезами
Придетъ къ твоимъ ногамъ. Его душа
Не рождена для низкихъ преступленій.
О, можетъ ли потухнуть навсегда
И чувствъ и мыслей благородныхъ пламень?
Нѣтъ, нѣтъ! Онъ былъ на время помраченъ
Несчастіемъ, гоненіемъ неправымъ;
Но снова, вѣрь мнѣ, снова заблеститъ
Прекрасными небесными лучами.
Когда нибудь, быть можетъ, даже скоро
Его увидишь ты.

Тимоѳей,

Нѣтъ: никогда!
Уже не вѣрю я пустой надеждѣ,
Не вѣрю я обманчивымъ мечтамъ;
Давно я по землѣ скитаюсь,
Преслѣдуемъ неправедной враждой.
Одна лишь ты мое жилище знаешь;
Лишь ты, которая, забывши для меня
И тишину и счастье мирной жизни,
Пошла за мной въ далекій, трудный путь.

Ольга.

Что было дѣлать мнѣ въ родимомъ краѣ?
Теперь тамъ чуждо все моей душѣ.
Мои родители давно во гробѣ;
Ты былъ моимъ отцомъ, съ тобою я
Была тогда, когда смѣялось счастье,
Съ тобою я и горе раздѣлю.
Но слышишь ли, вдали несутся пѣсни?
И лодка по теченію рѣки
Плыветъ сюда! На ней блеститъ оружье.
О мой отецъ! ужель гонитель нашъ
Твои слѣды открылъ? Уже ли злоба
И здѣсь тебѣ покоя не даетъ?

Тимоѳей.

Спокойся, Ольга: въ тихомъ семъ пріютѣ
Намъ нечего страшиться; навсегда
Сокрыты мы отъ мести и гоненій.
Нигдѣ найти я мира не могу,
Но здѣсь, что могъ, нашелъ я—безопасность.

Ольга.

Но кто же воины сіи? Смотри,
Они идутъ сюда.

Тимоѳей.

По ихъ одеждѣ
Я думаю, что это козаки.
Останься здѣсь: я къ нимъ иду навстрѣчу.
(*Козаки выходятъ изъ лодки*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣже и козаки.

1-й козакъ.

Ну, слушайте!
(*Поётъ*)
Вѣй сильнѣе, вѣтръ игривый,
Въ бѣлый парусъ челнока!
Понеси насъ въ путь счастливый,
Волга, свѣтлая рѣка.

*

Ты узнала насъ: за нами
Плещутъ весело струи,
И помчалися стрѣлами
Наши легкія ладьи.

*

За туманною горою
Скрыты десять кораблей;
Тамъ вечернею порою
Будетъ слышенъ стукъ мечей.

*

Злато тамъ, драгія ткани,
Тамъ заморское вино.
Сладко, братцы, послѣ брани
Будетъ пѣниться оно.

*

Пѣлъ козакъ. Надъ влагой ясной
Вздулся парусъ челнока,
И, какъ грудь дѣвицы красной,
Всколыхалася рѣка.
Что̀ каково, друзья?

2-й козакъ.

Да, спѣлъ ты хорошо, да только пѣсня
Не хороша.

1-й козакъ.

А чѣмъ?

2-й козакъ.

Какой вопросъ!
Вѣдь мы клялись свой прежній промыслъ бросить.

1-й козакъ.

Да развѣ пѣсня промыселъ? Глупецъ!

2-й козакъ.

Ну не сердися. А когда услышитъ
Отецъ Иванъ.

1-й козакъ.

Ну такъ что жъ? . . .

2-й козакъ.

Бѣда!
Онъ говоритъ: пой псалмы. . .

1-й козакъ.

Ужъ этому не быть, чтобъ я отсталъ
Отъ прежнихъ пѣсенъ славныхъ, молодецкихъ.

2-й козакъ.

Ну берегися.

1-й козакъ.

Козаку прожить
Свой вѣкъ безъ пѣсень, слыхано ли дѣло?
Вотъ пусть старикъ намъ скажетъ правду всю.
Вѣдь пѣсня хороша? (*поётъ*).
И, какъ грудь дѣвицы красной,
Всколыхалася рѣка. . .

Тимоѳей.

Да; но скажите,
Куда теперь идёте вы?

Одинъ изъ козаковъ.

Куда?
Въ Сибирь; дары Царь посылаетъ съ нами
Тому, кто побѣдилъ Кучума.

2-й козакъ.

Что жъ?
Что мѣшкать намъ? Впередъ, на лодки.
(*Козаки уходятъ*).

Тимоѳей (*Ольгѣ, возвращаясь къ ней*).

И ты могла страшиться за меня?
Ты видишь, какъ глуха сія долина.
Она отъ свѣта такъ удалена,
Что шумъ его едва до насъ доходитъ,
Какъ слабый ропотъ дальняго ручья.
И царства возстаютъ и упадаютъ,
А слава ихъ не раздается здѣсь,
И не слыхать ихъ громкаго паденья.
О, какъ счастливо здѣсь бы можно жить!

Ольга.

Но что же козаки тебѣ сказали?

Тимоѳей.

Сибирь покорена, и Іоаннъ
Къ своимъ вѣнцамъ вѣнецъ прибавилъ новый;
А мы про это и не знали.

Ольга.

Кто жъ,
Отецъ мой, сей прославился побѣдой?

Тимоѳей.

Не знаю: я забылъ у нихъ спросить.
Ты помнишь, Ольга, было прежде время,
Я съ жадностью своей слухъ склонялъ къ вѣстямъ
О битвахъ, о побѣдахъ и о славѣ.
Я говорилъ: такъ будетъ мой Ермакъ
Сражать враговъ въ поляхъ кровавой брани.
Увы! Ермакъ!

Ольга.

И онъ, внимая симъ словамъ,
Горѣлъ и трепеталъ: къ мечу стремились длани,
Душа его рвалася къ торжествамъ.

Тимоѳей.

Кто ровенъ былъ ему и красотой,
И мужествомъ, и силою руки,
И пламенной любовію къ отчизнѣ?

Ольга.

Когда онъ выступалъ въ толпѣ друзей,
Какъ среди звѣздъ денница золотая,
Какъ былъ прекрасенъ тихій свѣтъ очей
И стана стройность молодая!

Тимоѳей.

Какъ въ немъ горѣлъ огонь высокихъ чувствъ,
Какъ свѣтлой мыслей, думою глубокой,
Онъ часто удивлялъ меня. Я думалъ:
Онъ будетъ щитъ и мечь земли родной.
И онъ теперь преступникъ, врагъ Россіи!
(*Плачетъ*).
Плачь, плачь, отецъ! Ты сына потубилъ.
Не утѣшай меня. Нѣтъ, не старайся
Меня передъ собою оправдать.
Я, я виновенъ, я своимъ проклятьемъ
Повергъ его въ отчаянье.... Ермакъ!
Ермакъ!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣже и Кольцо (*входитъ съ козаками*).

Кольцо.

А, лодки наши ужъ готовы!

Козакъ.

Онѣ съ зарей насъ были ждать должны.

Кольцо.

Иди же, я слѣдую за вами.

Козакъ.

Въ какой же лодкѣ будешь самъ?

Кольцо.

Въ большой.
Поля отечества, простите снова,
На долгій срокъ я оставляю васъ:
Меня зовутъ священные обѣты,
И дружества и славы громкій гласъ.
Простите! Послѣ грустнаго изгнанья
Я среди васъ явился лишь на мигъ.
Но сладокъ былъ сей краткій мигъ свиданья!
Онъ жизнь мою на время обновилъ.

Съ какою радостью мои узнали взоры
Поля веселыя, родные берега,
И васъ въ дали синѣющія горы,
Васъ воды свѣтлыя, зеленыя луга.
Съ тѣхъ поръ, какъ съ вами я разстался,
Какой я тяжкій, длинный путь протекъ,
Какою бурей волновался
Мой смутный, безпокойный вѣкъ!
Но въ двадцать лѣтъ и вы преобразились;
Или, быть можетъ, въ памяти моей,
Подъ времени рукой тяжелой, измѣнились
Воспоминанья свѣтлыхъ, юныхъ дней!
Вотще средь васъ искалъ я жаднымъ окомъ
Тотъ кровъ, гдѣ мнѣ блеснуло бытіе,
Гдѣ въ тишинѣ, какъ будто въ снѣ глубокомъ,
Промчалося младенчество мое.
Увы! Конечно, онъ уже во прахѣ,
Какъ тѣ, которыхъ я тогда любилъ.
Всѣ, всѣ во гробѣ!

(*Идетъ далѣе*).

Но.... Мнѣ это мѣсто
Знакомо. Церковь на горѣ, внизу
Рѣка. Все это снова пробуждаетъ
Какія-то воспоминанья. Когда бъ
Я видѣлъ поселянъ! А вотъ ихъ двое.

(*Къ Тимоѳею и Ольгѣ*).

Скажи, дѣвица, или ты, старикъ,
Какъ называете вы ту деревню
Тамъ за рѣкою, гдѣ еловый лѣсъ?

Тимоѳей.

Ее мнѣ имя неизвѣстно.

Ольга.

Сами
Пришельцы мы. Но видишь на горѣ
Тамъ крестъ блистаетъ: это колокольня
Монастыря Пречистой Дѣвы.

Кольцо.

Память
Меня не обманула. Но какъ все
Перемѣнилося: гдѣ были рощи,
Тамъ поле зеленѣетъ; здѣсь лѣса,
Гдѣ были нивы. Ты одна, какъ прежде,
Течешь, Ока, лазурна и свѣтла.

Тимоѳей.

Ты здѣсь родился?

Кольцо.

Да: тамъ за рѣкою
Былъ домъ, гдѣ жилъ отецъ мой. Но теперь
Кустарникъ тамъ растетъ; его и слѣда
Здѣсь не осталося. И гробъ его
Въ чужой и дальней сторонѣ, на Волгѣ.
(*Слышенъ свистъ козаковъ*).
Прощай, меня зовутъ!
(*Идетъ и возвращается*).
Послушай, старецъ,
Когда ты въ этотъ монастырь пойдешь,
Молися тамъ передъ святой иконой
О томъ, кто прежде бѣднымъ былъ отецъ,
Бояринѣ Петрѣ Кольцо.
(*Даетъ ему денегъ*).

Тимоѳей.

Но кто же
Ты, юный воинъ?

Кольцо.

Сынъ его.

Тимоѳей.

Куда
Свой путь теперь ты направляешь?

Кольцо.

Длиненъ
Мой путь. Я покорителю Сибири
Несу дары Царя: златую цѣпь,
Шишакъ и броню съ званьемъ воеводы.

Ольга.

Какъ тотъ счастливъ, кто родинѣ своей
Служилъ столь славно! За него молитвы
Россія будетъ къ Небу возсылать.

Кольцо.

Счастливъ? О нѣтъ! Я другъ его и знаю,
Какъ страшно онъ несчастью платитъ дань.
Среди торжествъ, среди побѣдъ и славы

Ему отрады и покоя нѣтъ.
Онъ жизнь свою влачитъ какъ бремя. Знайте,
На немъ лежитъ проклятіе отца.

Ольга.

Несчастный!

Тимоѳей.

Но отецъ еще несчастнѣй.
Ты знаешь ли, что̀ значитъ произнесть
Проклятье надъ главой преступной сына?
Стонать, страдать, и день и ночь лить слезы,
Для нихъ склоняться на безсонный одръ,
Для нихъ лишь взоръ свой открывать съ зарею,
Страшиться смерти, ненавидя жизнь,
Весь адъ носить въ себѣ. О Боже, Боже!
Я проклялъ сына.

Кольцо.

Горестный отецъ!

Ольга (*къ Кольцу*).

Но что жъ виной сего проклятья было?

Кольцо.

Онъ за невѣсту мстилъ. Вездѣ гонимъ
Друзьями имъ убитаго злодѣя,
Онъ сдѣлался разбойникомъ.

Ольга.

Какой
Мнѣ новый свѣтъ блеснулъ!

Кольцо.

Все трепетало
Предъ нимъ; но онъ, онъ горько слезы лилъ
О торжествахъ и о преступной славѣ.
И онъ раскаялся: онъ пробудилъ
Въ насъ совѣсти давно безмолвный голосъ,
И мы пошли въ Сибирскія страны,
Чтобы отмстить за родину святую.
Мы побѣдили; кровію враговъ
Омыли мы свой стыдъ и преступленья.
Но онъ несчастливъ: онъ не смѣетъ ждать
Прощенья отъ отца. Въ молчаньѣ ночи
Я часто слышу, какъ стонаетъ онъ,
Какъ молится съ слезами предъ иконой,

Иль повторяетъ въ безпокойномъ снѣ:
„Отецъ мой! Ольга! О, я проклятъ, проклятъ!"

Ольга.

Его невѣсту Ольгою зовутъ?

Тимоѳей.

Онъ былъ разбойникъ, проклятъ былъ отцемъ!
Надежда! Вѣрить я тебѣ не смѣю.

Кольцо.

Но я пойду къ его отцу, пойду
И на колѣняхъ вымолю прощенье.

Тимоѳей.

Но гдѣ живетъ его отецъ?

Кольцо.

Межъ Волгой
И Камою.

Тимоѳей.

О Небо! Доверши!
Ты не сказалъ, и я спросить не смѣю.

Кольцо.

Ты поблѣднѣлъ, что сдѣлалось съ тобой?

Тимоѳей.

Ахъ, Ольга! Я умру, коль я обмануть.
Сей вождь, сей воинъ... ты мнѣ не сказалъ,
Какъ имя побѣдителя Сибири.

Кольцо.

Какъ имя нашего вождя? Ермакъ!

Тимоѳей (*вскрикиваетъ*).

Мой сынъ!

Ольга.

Меня не обмануло сердце!

Тимоѳей.

Но гдѣ жъ онъ? Если это лишь мечта?
Оставьте мнѣ ее.

Кольцо.

И ты прощаешь?

Тимоѳей.

Что жъ медлю я? Ужъ вѣютъ паруса.

(*Слышенъ опять свистъ*).

Ты слышишь, насъ зовутъ. Скорѣй, скорѣе.
Ермакъ, Ермакъ! Я слышу голосъ твой.
Прости на вѣкъ, прости, земля родная!
Въ Сибирь къ нему! Ему отдать покой,
И умереть, его благословляя!

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Ночь.

Сцена представляетъ открытую ставку Ермака; передъ нею площадка, среди которой большой камень.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Ермакъ одинъ.

(*сидитъ безъ оружія въ козацкомъ платьѣ, предъ нимъ песочные часы*).

Песчинка за песчинкой, день за днемъ
Скользитъ безъ шума, въ вѣчность упадая.
И такъ-то годъ пройдетъ, и жизнь сама
Уйдетъ отъ насъ неслышными шагами.
Все кончено. Ложись въ свой тѣсный гробъ.
Ермакъ! Ты скоро сей услышишь голосъ!
Твой конченъ путь: Сибирь покорена,
Исполнено небесное велѣнье,
И родина съ тобой примирена.

(*Помолчавъ*).

Ахъ! Мнѣ ль вздыхать, съ землею разставаясь?
Какія радости мнѣ жизнь дала
Средь непогодъ и волнъ существованья?
Какая пристань челнъ мой приняла?
Раскройся жъ ты, о гробъ, предѣлъ отрадный,
Отдай уставшей груди тишину!

Въ твоей тѣни, сырой, безмолвной, хладной,
Какъ сладко я отъ жизни отдохну!
Кольцо, Кольцо, скорѣе возвратися!
Что медлишь ты отраду сердцу несть?
О возвратись! Будь вѣстникъ примиренья,
Въ немъ смерти радостная вѣсть.

(*Помолчавъ*).

Но умереть... Лежать въ могилѣ тѣсной...
Быть снѣдію червей...

(*Положивъ руку на сердце*).

Нѣтъ, замолчи!

Я чувствую, что твой обманчивъ голосъ,
Ему внимать не долженъ болѣ я!
Но голова горитъ и грудь пылаетъ;
Подъ ставкою мнѣ тягостно дышать.

(*Выходитъ на площадку и встрѣчаетъ Мещеряка*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Ермакъ и Мещерякъ.

Ермакъ.

А, Мещерякъ, ты здѣсь. Весь станъ въ покоѣ,
Всѣ козаки, вкушая сладкій сонъ,
Свои труды и подвиги забыли,
И счастливы на время; ты одинъ
Блуждаешь, какъ ночное привидѣнье,
Гонимое изъ тишины гробовъ
Воспоминаньями минувшей жизни.
Неужели на бархатныхъ коврахъ
И подъ парчей, добычею Сибири,
Тебя бѣжитъ покой?

Мещерякъ.

Что козаку
До бархатныхъ ковровъ? Не также-ль крѣпко
Въ степяхъ засну я на землѣ сырой,
Подъ хладнымъ кровомъ пасмурнаго неба,
Какъ здѣсь подъ блескомъ ткани золотой?
Но я люблю блуждать во мракѣ ночи:
Она, какъ я, угрюма и дика,
И болѣе сходна съ моей душою,
Чѣмъ солнца свѣтъ и дня веселый блескъ.

Ермакъ.

Ты обошелъ весь станъ?

Мещерякъ.

Да.

Ермакъ.

Все безмолвно?

Мещерякъ.

Одинъ тамъ пѣлъ про свѣтлую луну,
И про любовь, про радость и про слезы;
Но я велѣлъ ему молчать.

Ермакъ.

Мой другъ!
Не прерывай пѣвца мечтаній сладкихъ;
Оставь его, когда, въ тиши ночей,
Онъ вдохновенья тихій гласъ внимаетъ,
И бурю чувствъ и сердца тайный огнь
Высокой пѣснѣ повѣряетъ.
О, счастливъ тотъ, кто могъ остановить
Восторга краткія мгновенья,
И въ слово смертное излить
Души безсмертныя волненья.

Мещерякъ.

Но отчего же ты не спишь, Ермакъ?
Какая мысль твою тревожитъ душу?

Ермакъ.

Я думалъ о прошедшемъ и считалъ,
Какъ скоро къ намъ Кольцо вернуться долженъ.

Мещерякъ.

И ты его нетерпѣливо ждешь?

Ермакъ.

Да кто жь изъ насъ быть можетъ равнодушнымъ,
Когда онъ вѣсть прощенья намъ несетъ?
Мнѣ, можетъ быть, отца благословенье.

Мещерякъ.

И ты тогда въ торжественныхъ вѣнцахъ
Со славою въ Россію возвратишься,
Среди благословеній, средь молитвъ,
При радостныхъ толпы рукоплесканьяхъ,
Сибири гордой побѣдитель?

Ермакъ.

Я!
Знай, Мещерякъ, не счастіе, не радость,
Но смерти гласъ мнѣ будетъ эта вѣсть.

Мещерякъ.

Да почему же?

Ермакъ.

Сердце не обманетъ;
Не тщетно Небо говорило мнѣ.

Мещерякъ.

И ты желаешь смерти?

Ермакъ.

Какъ преступникъ
Прощенія отъ праведныхъ судей.

Мещерякъ.

Ты молодъ, жизнь твоя лишь разцвѣтаетъ.
Едва еще ты омочилъ уста
Въ ея блестящей и волшебной чашѣ,
И хочешь оттолкнуть ее. Ермакъ!
Какъ много радостей и наслажденій,
Какъ много счастія она хранитъ!
Ты зналъ несчастье; но оно минуло,
И новый свѣтъ блистаетъ для тебя.
Ты былъ преступникъ; но своею кровью,
Сраженьями за Русскую страну,
Побѣдами, и торжествомъ, и славой
Ты стыдъ и преступленіе омылъ.
Да! Лишь теперь надъ головой твоею
Взошла надежды свѣтлая звѣзда,
И ты желаешь смерти?

Ермакъ.

Другъ! Все тщетно!
Мои побѣды, слава и труды
Не воскресятъ погибшаго на вѣки:
Я былъ преступникомъ.

Мещерякъ.

Ты былъ! Но что жъ?
Раскаяньемъ ты съ Небомъ примирился.
Оставь воспоминанія, Ермакъ!

Гонимый злобой, местію неправой,
Потомъ, стремясь къ сраженьямъ и трудамъ,
Ты зналъ еще лишь непогоды жизни,
Въ твоей душѣ пылалъ огонь страстей
Губительный, а не животворящій;
Но онъ утихнетъ; сердце отдохнетъ,
И новыя въ немъ чувства возродятся.
Ахъ! Міръ прелестенъ! И его дары
Неистощимы такъ, какъ благость Неба.
Ты видишь, я угрюмъ: моей душѣ
Какъ много неизвѣстно наслажденій!
Но жизнь сладка и для меня: и мнѣ
Она даетъ отраду и веселье.
А ты! О, ты для счастія рожденъ,
И для него тебя хранило Небо.
Тебя все радуетъ, прельщаетъ все,
И ясный день съ его великолѣпьемъ,
И ночь съ ея таинственною мглой,
И эта твердь, блестящая звѣздами,
И свѣтлый видъ смѣющихся полей,
И звучныя мечтанья пѣснопѣвца.
И ты желаешь смерти!

(*Ермакъ вздыхаетъ*).

Мещерякъ (*продолжаетъ*).

О! Любовь
Еще придетъ твой юный вѣкъ украсить.
Она безвѣстна мнѣ; но, говорятъ,
Она такъ радостна въ своихъ наградахъ,
Такъ сладостна въ мученіяхъ своихъ!
Съ ней сладко все: она на тучахъ рока
Какъ радуга небесная горитъ,
И бѣдствія и гибель украшая.
И ты ее узнаешь.

Ермакъ.

Мещерякъ!
Я зналъ ее, она мнѣ улыбалась,
Надъ жизнію моей она взошла,
Какъ юный Май надъ хладною землею;
Но все прошло: на вѣкъ погибло все.
Межъ ей и мной возстали грозны тѣни,
И льется кровь. Смотри—на сей рукѣ
Есть пятна,—ты не видишь ихъ,—ни слезы,
Ни кровь враговъ, сраженныхъ мной въ бояхъ,
Ничто, ничто не смоетъ ихъ. О другъ мой!

Да, я любилъ, по счастья срокъ протекъ.
Пусть смерть придетъ: объ жизни не жалѣю,
Уже давно отцвѣлъ мой юный вѣкъ.

Мещерякъ.

А слава?

Ермакъ.

Ахъ!

Мещерякъ.

Но что она? Пустое
Мечтанье, слово, дымъ одинъ, ничто,
Разсказъ вечерній стариковъ болтливыхъ
О томъ, кто ихъ не слышитъ и лежитъ
Глубоко подъ землей, въ могилѣ темной.
Не правда ли, Ермакъ?... Но ты молчишь.
Но, можетъ быть, ты думаешь, что сладко
Побѣдами безсмертіе стяжать,
И съ именемъ, и съ памятью дѣяній
Позднѣйшему потомству передать
Сокровище высокихъ вспоминаній.
О, полно! Это лишь обманъ пустой!

Ермакъ (*съ восторгомъ*).

Но сладокъ онъ! Мечта! Но все мечтанье,
И жизнь сама не есть ли тяжкій сонъ,
Отъ коего мы съ смертью пробудимся?
Она мечта; по ею красенъ міръ,
Она трудовъ и подвиговъ награда,
Она кумиръ возвышенныхъ сердецъ.
Мечта, но вслѣдъ за ней стремится воинъ,
Ее поетъ восторженный пѣвецъ.
Ея рука незримо воздвигаетъ
Надъ полемъ брани памятникъ златой,
И надъ могилой хладной и нѣмой
Небесное сіянье зажигаетъ.

Мещерякъ.

Ты въ поприще ея едва вступилъ.
Она тебѣ еще вѣнцы готовитъ;
И путь завоеваній и торжествъ
Передъ тобой блеститъ необозримый.
И ты желаешь смерти!

Ермакъ.

Перестань!
О Мещерякъ! Ты растравляешь раны,
Сокрытыя въ сердечной глубинѣ.

Да, я страшился этихъ тяжкихъ мыслей,
А ты ихъ пробуждаешь. Умереть,
Когда огонь въ груди и въ мышцахъ сила,
Когда такъ бурно въ жилахъ кровь кипитъ,
Когда душа стремится лишь къ побѣдамъ,
И весело въ рукахъ играетъ мечъ.
О другъ мой!

Мещерякъ.

Перестань объ этомъ думать.

Ермакъ.

Теперь вступилъ я въ поприще торжествъ,
Теперь свершились гордыя надежды,
Которымъ я и вѣрить ужъ не смѣлъ.
И должно умереть!

Мещерякъ.

Оставь мечтанья.

Ермакъ.

Я чувствую, что здѣсь пылаетъ духъ,
Готовый звать вселенную на битву.
Я чувствую, что я бы могъ еще
Судьбою править среди волнъ сраженья;
Что этотъ мечъ открылъ бы славный путь
Въ толпы враговъ, трепещущихъ и блѣдныхъ.
Но тщетно все: склониться въ темный гробъ,
Простившись съ юной несозрѣвшей жизнью,
И тамъ заснуть, снѣдь тлѣнья и червей,
Холодный трупъ, безчувственный, забытый,
Подобный тѣмъ, которыхъ предъ собой
Я въ битвахъ гналъ, какъ стадо слабыхъ ланей;
Подобный тѣмъ, въ которыхъ не пылалъ
Огонь и чувствъ и мыслей благородныхъ,
Въ чьемъ робкомъ сердцѣ жизнь сама была
Вода гніющая въ болотѣ смрадномъ.
Быть имъ подобнымъ: какъ они, лежать
Подъ тяжкою могильною доскою,
Потоптанной небрежною стопой
Пришельцевъ и звѣрей пустынь Сибирскихъ.
О, это горестная мысль!... Мечты
Счастливыхъ дней моихъ, вы не свершитесь!
Я прежде думалъ, будущимъ вѣкамъ
И имя передать, и память дѣлъ,
Записанныхъ на лѣтописяхъ славы.

Я прежде думалъ, что, хваля вождя
Безстрашнаго, счастливаго во браняхъ,
Любящаго отечественный край,
Какъ жизнь, иль нѣтъ! какъ упованье рая,
Потомство скажетъ, доверша хвалу:
А! Этотъ вождь былъ Ермаку подобенъ!
Ахъ! Для тебя сражаться я хотѣлъ
Мой край родной, отчизна дорогая;
Какъ радостно, враговъ твоихъ карая,
Я въ бурю битвы бы летѣлъ.
Я чувствую, со мной была бъ побѣда,
Ты Польша пала бы; ты пала бъ гордость Шведа;
И, поразивъ коварный Крымъ,
Я бы поставилъ градъ царей священный
На высоты, отколѣ древній Римъ
Гремѣлъ надъ трепетной вселенной.
(*Вздохнувъ*).
Да, это были сладкія мечты;
Но воспоминаніе объ нихъ жестоко.
Ахъ! Для чего ты вновь ихъ пробудилъ
Въ душѣ, гдѣ ужъ давно онѣ молчали!
Имъ не свершиться: пусть же смерть придетъ!
Когда ты съ вѣстью мира и прощенья
Къ намъ возвратишься, вѣрный мой Кольцо?

Мещерякъ.

Но мы не прощены еще.

Ермакъ.

Ужели
Ты можешь сомнѣваться въ томъ, что Царь
Забудетъ нашъ разбой и преступленья,
Когда нашъ мечъ ему даетъ Сибирь?

Мещерякъ.

Онъ непреклоненъ.

Ермакъ.

Какъ! Ты можешь думать?

Мещерякъ.

Гдѣ Воротынскій? Не его-ль рука
Спасла Царя, Москву и всю Россію?
Какую жъ онъ награду получилъ—
Ты знаешь самъ.

Ермакъ.

Но что за шумъ я слышу?
(Входитъ козакъ).

Гонецъ съ границъ Россіи прибылъ въ станъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣже и Заруцкій.

Ермакъ.

Пусть онъ придетъ!
(Къ входящему Заруцкому).
А, это ты, Заруцкій.
Ты съ Камскихъ береговъ?

Заруцкій.

Да, атаманъ.

Ермакъ.

Давно ли ты отправленъ?

Заруцкій.

Слишкомъ мѣсяцъ.

Ермакъ.

Зачѣмъ такъ долго медлилъ ты въ пути?

Заруцкій.

Я не виновенъ. Среди волнъ Тагиля
Пронзенъ стрѣлой, погибъ мой вѣрный конь,
И стана твоего достигъ я пѣшій,
Блуждавши долго по глухимъ степямъ,
Изнеможенный отъ трудовъ и глада.

Ермакъ.

Какую вѣсть мой вѣрный Панъ прислалъ?

Заруцкій.

Ты долженъ ей внимать одинъ; другіе
Пусть отойдутъ.

Ермакъ *(махнувъ рукой входившему козаку).*

Останься, Мещерякъ!
Теперь ты можешь говорить свободно.

Заруцкій.

Когда Кольцо тобою посланъ былъ
Въ Москву, чтобъ испросить у Іоанна
Прощенье козакамъ и передъ нимъ
Повергнуть наши славныя добычи,
Я былъ въ его дружинѣ; но едва
Достигли мы до стана, гдѣ тобою
Оставленъ съ войскомъ Панъ, чтобъ охранять
Россійскія границы отъ набѣговъ
Кочующихъ Татаръ и Остяковъ,
Меня остановилъ недугъ жестокій,
И долго съ смертію боролся я.
Когда же одръ болѣзни я оставилъ,
Кольцо ужъ былъ далеко. Я хотѣлъ
Въ твой станъ, къ твоей дружинѣ возвратиться;
Но Панъ меня избралъ, чтобъ принести
Тѣ вѣсти, коихъ ждали мы всечасно
Съ нетерпѣливой радостью! Увы!
Какъ были мы обмануты надеждой!

Ермакъ.

Что жъ далѣе?

Заруцкій.

Мы долго изъ Москвы
Вѣстей не слышали, гонца не зрѣли.
Но, наконецъ, оттуда къ намъ пришелъ
Купецъ, старикъ, торгующій мѣхами.
Онъ видѣлъ, какъ Кольцо предсталъ къ Царю;
Его слова, отвѣтъ Царя онъ слышалъ.
О, горестная вѣсть!

Ермакъ.

Что? Говори!
Я трепещу: ужели друга къ смерти
Я посылалъ?

Заруцкій.

Спокойся! Живъ Кольцо.
Онъ живъ; онъ съ новой сильною дружиной
Ужъ былъ тогда на Камскихъ берегахъ.
Они теперь уже въ Сибири, близко,
Ужъ, можетъ быть, достигли Иртыша;
Но съ ними ихъ начальникъ, воевода,
Назначенный намѣстникомъ въ Сибирь.

Ермакъ.

А!

Заруцкій.

Другъ твой вѣренъ такъ, какъ былъ и прежде.
Но... Атаманъ, мы прощены, мы всѣ;
Лишь ты одинъ, о Боже, къ смертной казни
Ты осужденъ!

Ермакъ.

Заруцкій, хорошо!
Иди! Тебѣ, я вижу, нуженъ отдыхъ.
Но помни: чтобъ въ станѣ семъ никто
Не зналъ сей вѣсти; если же узнаютъ,
Заруцкій: видишь, тамъ течетъ Иртышъ!
(*Заруцкій уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Ермакъ, Мещерякъ.

Ермакъ (*ходя по сценѣ*).

И такъ, ничто: ни слезы покаянья,
Ни кровь моя, пролитая въ бояхъ,
Ни всѣ страданія, ни всѣ побѣды,
Ни сверженный Кучумъ, ни сей вѣнецъ
Сибири всей, пріобрѣтенной мною,
Ничто Царя къ прощенью не склонитъ.
Ничто!

Мещерякъ.

О, это я давно предвидѣлъ!

Ермакъ.

Небесный Царь, читающій въ сердцахъ,
Могъ не прощать мнѣ, могъ ко мнѣ быть строгимъ;
Ты, Іоаннъ, ты долженъ былъ простить!
Сравнилъ ли ты съ заслугами моими
Вины и преступленія мои?
Ты взвѣсилъ ли съ прославленной Россіей
Какой-нибудь ограбленный корабль?
О, что купцовъ презрѣнные товары
Въ сравненьи съ царствомъ, покореннымъ мной?
И ты пошлешь меня на казнь? О, Боже!
Гдѣ-жъ правосудіе?

Мещерякъ.

Я говорилъ:
Прощенія не жди отъ Іоанна;
Но ты тогда не вѣрилъ мнѣ, Ермакъ.

Ермакъ.

Я былъ разбойникомъ; но къ преступленьямъ,
Къ разбоямъ, кто, скажи, меня послалъ?
Не ты-ль, который отдалъ всю Россію
И подданныхъ богатства, жизнь и честь
Кромечникамъ своимъ на расхищенье?
Не ты-ль, у коего законовъ мечъ
Лишь беззаконья смѣлаго орудье,
Невинныхъ страхъ, преступниковъ покровъ?
Чего въ разбояхъ я искалъ? Спасенья!
Спасенья отъ неправедной вражды,
Отъ коей вся пространная Россія
Укрыть главы невинной не могла!
И вотъ за что идти я долженъ къ смерти!
О, Мещерякъ! Я ожидалъ ее,
Но ожидалъ на полѣ славной брани,
На трупахъ пораженныхъ мной враговъ,
Средь торжества, среди побѣдныхъ кликовъ,
И средь друзей, вздыхающихъ о мнѣ.
Я этой смерти могъ бы улыбаться,
Она и жизни сладостнѣй самой
Съ ея надеждами, съ ея вѣнцами,
Со всѣмъ, что прежде взоръ плѣняло мой.
Но встрѣтить смерть на мѣстѣ лютой казни;
Но умереть, какъ презрѣнный злодѣй,
При восклицаніяхъ толпы безумной
И радости смѣющихся враговъ;
Но блѣдное чело склонить на плаху,
Кроваваго безславія престолъ.
О, эта смерть, какъ Божій гнѣвъ, ужасна!

Мещерякъ.

Не общая-ль у насъ съ тобой судьба?

Ермакъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Ты слышалъ, козакамъ прощенье,
И казнь лишь мнѣ. За что? Не всѣ ли вы
Со мною раздѣляли преступленья?
Не всѣ ли вы виновны такъ, какъ я?

За что жъ одинъ наказанъ? О, я знаю.
Не за разбой я долженъ умереть,
И не за то, что смѣлою рукою
Я расхищалъ сокровища купцовъ,
Богатые товары иноземцевъ;
Нѣтъ, Іоаннъ простилъ бы и тогда,
Когда бы по всему теченью Волги
Всѣ корабли я сжегъ до одного.
Но слушай. Мстя зе честь моей невѣсты
Я дерзкаго опричника убилъ,
Презрѣннаго Скуратовыхъ любимца.
Вотъ, вотъ за что пойду я къ казни.

Мещерякъ.

Ты?
Ты къ казни не пойдешь. Нѣтъ, нѣтъ, скорѣе
Мы за тебя погибнемъ всѣ, Ермакъ.
Ты козаковъ, Мещеряка не знаешь,
Когда ты думать можешь, что тебя
Похитятъ изъ среды твоей дружины,
Покуда въ жилахъ нашихъ льется кровь.

Ермакъ.

Давно мнѣ, другъ, извѣстна ваша вѣрность;
Но вы такъ малочисленны, а къ намъ,
Ты слышалъ самъ, ужъ близокъ воевода,
Съ дружиной сильной, присланной Царемъ
За головою Ермака.

Мещерякъ.

Такъ что же?
Изъ козаковъ составлена она.
Не всѣ ль они тебя ужъ знаютъ, любятъ?
Не съ ними ли твой вѣрный другъ, Кольцо?
Вели: они съ тобой соединятся,
И воевода побѣжитъ одинъ,
Гонимый страхомъ и стыдомъ, въ Россію,
Свою главу къ ногамъ Царя отнесть.
Пусть возвратясь онъ скажетъ Іоанну,
Что за тебя мы съ радостью умремъ.
О! будь вождемъ, будь нашимъ атаманомъ,
Будь назависимъ. Сохрани Сибирь,
Но для себя, для насъ и для Россіи;
И окруженъ толпой своихъ друзей,
Ермакъ, ты будешь, такъ какъ былъ доселѣ,
Непобѣдимъ и славенъ и могущъ.

Не весели погибелью своею
Свирѣпаго и дикаго безумца,
Гонителя Угодниковъ Христовыхъ,
Вѣнчаннаго врага земли родной.
Довольно Богъ уже каралъ Россію,
Довольно ранъ ей Іоаннъ нанесъ,
Онъ выпилъ кровь спасителя России,
Онъ погубилъ всѣхъ доблестныхъ вождей.
Твоей главы онъ хочетъ. О Ермакъ,
Ужель ее какъ жертву кровопійцѣ
Ты беззащитно хочешь самъ нести?

Ермакъ.

Нѣтъ, нѣтъ, когда моей главы онъ алчетъ,
Пусть онъ за нею рать свою пришлетъ,
Своихъ бояръ и воеводъ безстрашныхъ.
Но кто изъ нихъ захочетъ мечъ поднять
Противъ того, кто далъ Сибирь России?
Пусть онъ за ней своихъ любимцевъ шлетъ,
Скуратовыхъ, Щелкалыхъ, Шуйскихъ, Глинскихъ,
Которыхъ имена пойдутъ вѣкамъ
Клейменыя проклятіемъ безсмертнымъ.
Пусть самъ идетъ съ толпою рындъ своихъ,
Съ дружиною кромечниковъ крамольныхъ,
Съ бездушною ордою палачей.
Здѣсь не Москва, не безопасный Кремль,
Нѣтъ, нѣтъ, здѣсь степь враждебная Сибири,
И вѣрные, безстрашные друзья.
Пусть онъ идетъ сюда.—Но что такое?
Тамъ въ станѣ шумъ; я слышу на стѣнахъ
Кого-то стража дважды окликаетъ.
Что можетъ это быть?

Козакъ (*входитъ*).

У нашихъ стѣнъ
Стоитъ шаманъ Сибирской.

Ермакъ.

Пусть онъ завтра
Опять придетъ поутру.

Козакъ.

Сей отвѣтъ
Уже былъ данъ ему; но онъ клянется,
Что важную онъ вѣсть къ тебѣ принесъ.

Ермакъ.

Мнѣ вѣсть? Шаманъ.... какой нибудь обманщикъ!
Но можетъ быть.... Веди его сюда.
(*Козакъ уходитъ*).
(*къ Мещеряку*).
Останься здѣсь.—Меня Сибири житель
Не долженъ видѣть безъ меча и латъ.
Я передъ нимъ всегда такимъ явлюся,
Какимъ онъ зрѣлъ меня на полѣ битвъ.
(*Уходитъ въ ставку*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Мещерякъ (*одинъ*).

Возьми свой мечъ, надѣнь свою кольчугу:
Они теперь тебя не защитятъ.
О, вѣрный другъ Заруцкій, ложной вѣстью
Какой огонь ты бросилъ въ грудь его!
Онъ нашъ. Ермакъ, ты не страшился смерти,
А ты страшишься казни.—Измѣни
Отчизнѣ и Царю, и вотъ награда!
(*Показывая на кинжалъ*).

Да, ты падешь, не съ славой, но съ стыдомъ,
Но съ мрачною печатью преступленья,
Но Небомъ проклятъ, презрѣнъ отъ людей,
Но такъ, что и въ груди моей
Заснетъ вражда и жажда мщенья.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Мещерякъ, козаки и послѣ Шаманъ.

1-й козакъ (*Шаману*).

Колдунъ, иди впередъ, да перестань свой шопотъ.

2-й козакъ.

Послушай, Слуцкій, не серди его:
Вѣдь, Богъ вѣсть, что онъ можетъ сдѣлать съ нами.

1-й козакъ.

А ты его боишься? Молодецъ!

2-й козакъ.

Чему смѣешься? Развѣ ты не знаешь,
Что у него нечистый самъ въ роднѣ.

Послушай, добрый старичокъ, ты вспомни,
Что я тебя ничѣмъ не обижалъ.
Ты не сердись!

1-й козакъ.

Послушай, добрый чортъ,
Когда я вздумаю гадать со скуки,
Смотри, скорѣе приходи ко мнѣ;
А я скажу: „Чуръ наше мѣсто свято!"

Шаманъ.

Безумные!

2-й козакъ первому.

Ужъ быть бѣдѣ съ тобой.
(*Козаки уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Мещерякъ, Шаманъ, Ермакъ (*выходитъ вооруженный*).

Ермакъ.

Шаманъ, я знаю, что у васъ обычай
Обманывать притворнымъ колдовствомъ
Непросвѣщенныхъ жителей Сибири.
Когда ты для сего въ нашъ станъ пришелъ,
То дурно выбралъ ты и часъ и мѣсто,
Чтобы искусство показать свое;
Теперь ужъ полночь, тихій часъ покоя,
И здѣсь не юрта бѣдныхъ Остяковъ,
Гдѣ легковѣрьемъ глупаго народа
Питается вашъ дерзостный обманъ.
Иди жъ назадъ! Когда же съ важной вѣстью
Ты къ намъ пришелъ, то говори скорѣй.

Шаманъ.

И ты, Ермакъ, какъ всѣ вы дѣти праха,
Наружностью пустою обаянъ
И вѣря слабому разсудку, видишь
Одинъ обманъ лишь тамъ, гдѣ, можетъ быть,
Скрывается могущее искусство.
Но для чего объ этомъ говорить?
Не для бесѣды суетной и тщетной
О томъ, что непонятно для тебя,
Къ тебѣ пришелъ я: нѣтъ, бесѣда наша
Рѣшитъ судьбу твою, Сибири всей,
И, можетъ быть, народовъ полвселенной.
Къ чему же между насъ свидѣтель сей?

Къ тебѣ я присланъ, и съ однимъ тобою
Я долженъ говорить. Уже ли ты
Измѣны ждешь отъ стараго Шамана!

Ермакъ.

Когда бы ты хотѣлъ мнѣ измѣнить,
Со мной, ты видишь, есть защитникъ вѣрный,
(*показывая на мечъ*).
Съ которымъ нечего страшиться мнѣ.
Но это другъ мой. Говори же смѣло.

Шаманъ

Ермакъ, твой мечъ ужъ покорилъ Сибирь:
Кучумъ бѣжалъ въ полуденныя степи
Свой стыдъ и пораженіе сокрыть.
Могущее разрушилося царство,
Престолъ богатый, древній палъ во прахъ.
Такъ повелѣли мощные шайтаны,
Властители и міра и судьбы.
Ты покорилъ Сибирь, ты такъ мечтаешь;
Но подвигъ твой еще не совершенъ.
У насъ ужъ нѣтъ Царя, ужъ нѣтъ престола,
Но есть еще свобода, и за ней
Пойдемъ мы въ слѣдъ на край далекій свѣта,
Оставя родину, предѣлъ отцовъ,
И васъ, поля священныя Сибири.
Но не безъ боя мы оставимъ ихъ;
Еще польется кровь, вспылаютъ битвы,
И смерть свой грозный пиръ возобновитъ.
Мы можемъ умереть, но мы не склонимъ
Своей главы предъ властію чужой;
Мы можемъ умереть, но такъ какъ жили:
Какъ вольные сыны земли родной.

Ермакъ.

Ты забываешь, старецъ неразумный,
Что въ Русскомъ станѣ ты, что говоришь
Предъ Ермакомъ.

Шаманъ.

(*Смотритъ на него съ твердостію, а Ермакъ дѣлаетъ ему знакъ продолжать*).

Внимай же мнѣ!
Кучумъ отвергнутъ Рачей всемогущимъ
За то, что онъ покрылъ свою главу
Презрѣнною чалмою иноземцовъ

И, позабывъ законъ отцовъ своихъ,
Сталъ умерщвлять служителей шайтановъ.
Да будетъ проклятъ онъ! Его глава
Да будетъ снѣдію волковъ пустынныхъ!
Ты Небомъ избранный, ты низпровергъ
Его престолъ златой; Мехмета Кулу
Безстрашнаго, подобнаго богамъ,
Ты побѣдилъ въ единоборствѣ славномъ
И, побѣдивъ, повлекъ въ постыдный плѣнъ.
И нѣтъ у насъ Царя! Главы народовъ,
Собравшися, сказали: „Царь звѣрей
„Не есть ли бабръ, ловцевъ отважныхъ трепетъ?
„Не беркутъ ли пернатыхъ грозный царь?
„Но кто жъ изъ смертныхъ, такъ какъ Бабръ, безстрашенъ,
„Кто къ битвамъ такъ, какъ Беркутъ, полетитъ?“
Ермакъ, Ермакъ! ты будь Царемъ Сибири!

Мещерякъ.

О счастіе! Не Небо ли само,
Ермакъ, тебя незримо защищаетъ?
Ты осужденъ на казнь, твоя глава
Должна упасть на плахѣ беззаконной;
И предъ тобой блеститъ вѣнецъ.

Ермакъ.

Шаманъ!
Могу ль я быть владыкою Сибири?
Я Христіанинъ! Неужели вы
Мечтаете, что для вѣнца земного
Я отступлю отъ Бога самого,
И преклоню преступныя колѣна
Передъ кумиромъ мертвымъ и нѣмымъ?

Шаманъ.

О нѣтъ! будь Христіаниномъ какъ прежде,
Но насъ оставь служить своимъ богамъ.

Мещерякъ.

Ермакъ, ужель ты можешь колебаться?

Шаманъ.

Ты мнѣ не вѣришь? Съ раннею зарей
Пусть завтра вѣтеръ развѣваетъ знамя
Сибирское надъ ставкою твоей,
И узришь ты, окрестные народы
Веселыми толпами притекутъ.

Когда же нѣтъ, подъ остріемъ сѣкиры
Пусть завтра же падетъ моя глава.
Ты мнѣ не вѣришь? Ты слыхалъ конечно,
Что древніе Сибирскіе Цари
Въ священномъ капищѣ, рукой шамана
Вѣнчалися таинственнымъ вѣнцомъ.
Онъ не блисталъ на головѣ Кучума,
Онъ не вѣнчалъ преступнаго чела.
Онъ былъ сокрытъ, и я его хранитель;
Онъ былъ сокрытъ, и ты одинъ, Ермакъ,
Боговъ любимецъ, былъ его достоинъ.
И сей вѣнецъ—онъ здѣсь—онъ предъ тобой.
(*Изъ-подъ полы вынимаетъ и подаетъ вѣнецъ*).

Мещерякъ.

И ты колеблешься? Но вспомни, что въ Россіи
Тебѣ блеститъ сѣкира палача,
Что Іоаннъ свирѣпъ и непреклоненъ.

Шаманъ.

Надѣнь вѣнецъ сей. На твоихъ власахъ
Какъ заблеститъ онъ свѣтлыми лучами!
Надѣнь его; онъ будетъ надъ тобой
Сіять такъ, какъ вѣнецъ шайтановъ золотой,
Усѣянный безсмертными звѣздами.
Надѣнь его, и въ завтрашній же день
Увидишь ты, что сто народовъ разныхъ
Передъ тобой склонятъ чело во прахъ.
Всѣ племена отъ дальняго Китая
До Камскихъ и Уральскихъ береговъ,
Отъ Каспія до вѣчныхъ льдовъ полнощныхъ,
Всѣ назовутъ тебя своимъ Царемъ.

Мещерякъ.

Мы всѣ съ тобою умереть готовы,
Но мы отъ смерти не спасемъ тебя.
Мы вѣрны, но насъ мало; неисчетны
Дружины Іоанновы. Ермакъ!
За нами рать враждебная Россіи,
А впереди враждебная Сибирь.
Прими вѣнецъ сей!

Шаманъ.

Мы тебя видали,
Когда ты, среди мрака грозныхъ битвъ,
Блисталъ какъ молньи лучъ въ престолѣ Рачи.

Какъ грозенъ ты, и какъ прекрасенъ былъ!
Ты шелъ, и предъ тобою рать склонялась,
Какъ волны предъ могущимъ кораблемъ;
Ты шелъ, спокойно, веселяся брани,
Играя съ ней, какъ съ другомъ юныхъ лѣтъ.
Ты падшихъ миловалъ, сражалъ надменныхъ,
Дерзающихъ твой тяжкій встрѣтить мечъ.
Тогда я восклицалъ, исполненъ восхищенья:
„Вы видите-ль, идетъ шайтанъ сраженья,
„Дающій жизнь, дающій смерть".
О, будь нашъ Царь! Какъ весело съ тобою
Пойдутъ къ побѣдамъ нашимъ племена:
Кто могъ бы смерти за тебя бояться?

Мещерякъ.

Ермакъ, прими вѣнецъ! Всѣ козаки
Вокругъ тебя съ восторгомъ соберутся:
Твои защитники, твои друзья,
Тебѣ неизмѣняющіе слуги.
Къ тебѣ изъ нѣдръ страдающей Россіи
Непобѣдимая стечется рать.
Гдѣ Новоградъ разрушенъ до основы,
Гдѣ средь убійствъ въ расхищенномъ Торжкѣ
Опричники потѣшно пировали,
Тамъ бѣдные, лишенные всего
Свирѣпою опалой Іоанна,
Скитаются, безъ пищи, безъ пріюта.
Они къ тебѣ, какъ къ Небу, прибѣгутъ;
Защитникъ ихъ, покровъ ихъ, ихъ спаситель,
Ты имъ отдашь надежду, счастье, жизнь.

Шаманъ.

Прими вѣнецъ и полети къ побѣдамъ,
Отъ торжества стремися къ торжеству.
Передъ тобой въ ничто падутъ престолы,
Какъ передъ взглядомъ утра легкій паръ.
Передъ тобой Чингисъ, Тимуръ забыты,
Полъ-Азіей твой управляетъ мечъ,
Твоимъ словамъ вселенная внимаетъ.

Мещерякъ.

Ты къ смерти осужденъ. Будь Царь Сибирскихъ странъ,
Полунощи могущій повелитель,
И предъ тобой смирится Іоаннъ,
Невиннаго неистовый гонитель.
Но для чего же медлишь ты? Рѣшись!

Шаманъ.

Будь, будь Царемъ, спасителемъ Сибири.

Ермакъ

(во все это время стоявшій у большого камня въ задумчивости).

Идите! Я вамъ вскорѣ дамъ отвѣтъ,
А вы вблизи рѣшенья дожидайтесь.

Мещерякъ *(уходя).*

Но помни. Выборъ твой: вѣнецъ иль смерть.

(Уходитъ и Шаманъ, положивъ вѣнецъ на камень передъ Ермакомъ).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Ермакъ одинъ.

Ермакъ.

Здѣсь быть Царемъ, тамъ умереть на плахѣ!
Царемъ, владѣть судьбою ста племенъ,
Быть Богомъ ихъ, ихъ зримымъ Провидѣньемъ.
О гордая, но сладостная мысль!
Сказать войнѣ: пылай! и кровь ліется;
Велѣть: будь миръ, и счастлива земля;
Зрѣть предъ собой склоненные народы
И взглядомъ, маніемъ однимъ руки
Имъ страхъ внушать, вливать въ ихъ сердце радость;
Давать имъ жизнь, иль къ смерти посылать,
И лишь отъ Неба ждать своей судьбины,
Предъ нимъ однимъ главу свою склонять...
Не это ли вѣнецъ мнѣ предлагаетъ?...
Но родина... За подвиги мои
Какая же тамъ ждетъ меня награда?...
Отечество?... Что жъ?... Защититъ оно
Меня отъ злобы гнуснаго злодѣя?
Я за Россію кровь свою пролилъ;
Но между мной и грозною сѣкирой
Прострретъ ли длань спасенія она?
О нѣтъ!... И я пойду на мѣсто казни,
Чтобъ веселить Скуратовыхъ сердца,
Чтобъ Іоаннъ сказалъ съ свирѣпымъ смѣхомъ:
„Вы видите-ль, онъ покорилъ Сибирь;
„Но я смѣюся надъ его безсильемъ“.
Сказалъ, и стая кровожадныхъ псовъ
Ему хвалу надъ плахою завыла?
Нѣтъ, Іоаннъ! Ты хочешь сей главы,
Приди жъ за ней въ Сибирскія пустыни!

Приди за ней: тебя здѣсь ждетъ Ермакъ,
Не съ горькими, безсильными слезами,
Не съ тщетною мольбою на устахъ;
Но какъ боецъ съ мечемъ въ могущей длани,
Какъ смѣлый вождь, готовый къ лютой брани,
Какъ мощный Царь, полнощи властелинъ,
Сіяющій въ вѣнцѣ средь пламенныхъ дружинъ.
(*Беретъ вѣнецъ*).
А ты, о даръ нежданный рока,
Вѣнецъ, главу мою покрой!
Вокругъ тебя сокровища Востока
Блестятъ таинственной игрой.
Но взоры Ермака плѣняетъ
Не изумрудъ, не огненный алмазъ;
Нѣтъ, твой волшебный блескъ отъ смертныхъ глазъ
Богатства тайныя скрываетъ.
Въ тебѣ невидимы отрада и покой,
И гордая свободы радость,
И власти безпредѣльной сладость,
И лучъ безсмертья неземной.
Всѣ упоенія надежды дерзновенной,
Всѣ сердца смѣлыя мечты,
И всѣ сокровища, все счастіе вселенной,
Въ свой тѣсный кругъ соединяешь ты!
Приди жъ, приди ко мнѣ, вѣнецъ Сибири...
Сибири?... Но ея ужъ нѣтъ: она
Покорена Россіи.—О, Ермакъ!
О чемъ мечталъ ты и какой преступной
Надеждою ты былъ теперь прельщенъ?
Умри, умри!—Ты думалъ объ измѣнѣ.
(*Кладетъ вѣнецъ опять на камень*).
Прочь отъ меня обманчивый вѣнецъ!
Сокрой свое коварное сіянье.
Несносенъ мнѣ его укорный видъ,
Въ его лучахъ глазамъ моимъ горитъ
Мое преступное мечтанье
И неизгладимый мой стыдъ.
Прочь отъ меня.—Теперь я Русскій снова!—
Шаманъ!

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Ермакъ. Мещерякъ вбѣгаетъ, за нимъ Шаманъ.

Мещерякъ.

Ты избралъ?

Ермакъ.

Избралъ.

Мещерякъ.

Царство?

Ермакъ.

Смерть!

(*Шаманъ закрываетъ лицо*).

Мещерякъ.

О Небо! Вспомни, что ты отвергаешь!

Ермакъ.

Прекрати напрасный разговоръ!

Мещерякъ.

Нѣтъ: не вѣнецъ одинъ, не блескъ престола;
Нѣтъ, ты отвергъ безсмертіе свое.
Ермакъ, тебя ждала побѣда, слава,
И все, что льститъ возвышеннымъ сердцамъ.

Ермакъ.

Я не хочу, чтобъ на моей гробницѣ
Могъ начертать потомства правый судъ
Слова: „Ермакъ, увѣнчанный предатель!"

Мещерякъ.

Чего?

Ермакъ.

Россіи!

Мещерякъ.

О Ермакъ, она
Не защититъ тебя отъ лютой смерти.
Россія!... многимъ ей обязанъ ты?
Законами, которыхъ мечъ кровавый
Какимъ нибудь Скуратовымъ врученъ!

Ермакъ.

И я за то Россіи долженъ мстить,
Что Небо ей послало Іоанна?
Она злодѣями растерзана, попрана,
И мнѣ ли кровь ея за то пролить?
Нѣтъ, на ея страданья, на желѣзы,
На раны тяжкія ея
Есть у меня стенанье, горесть, слезы,
Но нѣтъ меча противъ нея.

Мещерякъ.

Ты хочешь смерти?

Ермакъ.

Что жъ! Не лучше ль разомъ
Сказать и свѣту и землѣ: прощай!
Сказать судьбѣ: я отъ тебя свободенъ,
Иди, съ другими жертвами играй!
Не лучше ль смерть, чѣмъ цѣлый вѣкъ согбенный
Подъ тяжестью преступнаго вѣнца,
Вѣнца, блестящаго презрѣніемъ вселенной
И праведнымъ проклятіемъ отца?

Мещерякъ.

Ты знаешь Іоанна. На мученья
Ты, можетъ быть, пойдешь.

Ермакъ.

Я ихъ снесу.

Мещерякъ.

И на позоръ.

Ермакъ.

Меня утѣшитъ совѣсть.

Мещерякъ.

О Курбскій! ты среди дружинъ чужихъ
Нашелъ спасеніе своей гонимой жизни...

Ермакъ.

Но имя Курбскаго, измѣнника отчизнѣ,
Подлѣй Скуратовыхъ самихъ.

Шаманъ.

Ермакъ, Ермакъ! ты знаешь ли, какъ сладко
Отцомъ народа быть?

Ермакъ.

О, замолчи!

Шаманъ.

Быть благодѣтелемъ, его отрадой,
Его защитой? Зрѣть веселіе одно,
Внимать вокругъ благословенья,

Знать, что вездѣ, гдѣ чтится твой законъ,
Во всѣхъ странахъ твоей подвластныхъ волѣ
Ни вздоха нѣтъ, ни горести, ни слезъ—
И говорить: „они счастливы мною;
„Моя рука имъ льетъ дары небесъ.
„Лишь обо мнѣ предъ алтаремъ шайтановъ
„Курится чистый ѳиміамъ;
„Лишь обо мнѣ моленія шамановъ
„Восходятъ къ внемлющимъ богамъ".

Ермакъ.

О старецъ, рѣчь твоя сладка; но слушай:
Одна пусть капля яда упадетъ
Въ напитокъ сладкій и цѣлебный.
Сосудъ коварный и враждебный
Твоя рука со страхомъ оттолкнетъ.
Не правда ли?

Шаманъ.

Ты правъ!

Ермакъ.

Такъ слушай, старецъ.
Ты подалъ мнѣ блистающій сосудъ,
И въ немъ кипитъ напитокъ дивный - слава;
Но скрыта въ немъ смертельная отрава,
Ее измѣною зовутъ.

Шаманъ.

Ермакъ, смотри на синій сводъ небесный.
Ты видишь ли, какъ звѣзды въ немъ горятъ?
Тамъ вѣчными, блестящими чертами
Земли и смертныхъ вписана судьба.
Тебѣ безвѣстны ихъ святые знаки,
Но я ихъ понимаю: въ нихъ мой взоръ
Прошедшее, грядущее читаетъ.
Не смѣйся. О! я зрѣлъ уже давно,
Что ты придешь, ведомый небесами,
Побѣдою увѣнчанный отъ нихъ.
Прими вѣнецъ, и никогда шайтаны
Не обѣщали смертному наградъ
Подобныхъ тѣмъ, которыя польются
На юную твою главу. Ермакъ, Ермакъ!
Прими вѣнецъ, и никогда въ подлунной
Другой престолъ такъ не сіялъ, какъ твой.
Отвергни: ты погибъ, Сибирь погибла.

Ермакъ.

Я не могу отчизнѣ измѣнить.

Шаманъ.

Я сорокъ лѣтъ предъ алтарями Рачи
Молилъ его, чтобъ онъ тебя склонилъ
Принять вѣнецъ, принять престолъ Сибирскій.

Ермакъ.

Я не могу, не долженъ.

Шаманъ.

О, Ермакъ!
Мы не склонимъ главы передъ Россіей,
Мы здѣсь умремъ иль откочуемъ вдаль,
Чтобъ умереть среди пустынь суровыхъ,
Среди враждебныхъ и чужихъ племенъ.
Сибирь погибнетъ, царство опустѣетъ.
(*Бросается на колѣни*).
О, сжалься надъ Сибирью, надъ собой,
И надо-мной полуумершимъ старцемъ.
Не отвергай моей мольбы, Ермакъ!
Не дай мнѣ пережить моей отчизны,
Не дай мнѣ слезъ, кровавыхъ слезъ пролить
Надъ царствомъ симъ, разрушеннымъ на вѣки,
И надъ тобой. Прими, прими вѣнецъ.
Ты видишь, я твои колѣна обнимаю...
Ермакъ! Мой юный сынъ погибъ въ бою,
И можетъ быть тобой... я длань твою
Теперь съ слезами и мольбой лобзаю.
О, сжалься надъ Сибирью!

Ермакъ.

Встань, шаманъ.

Шаманъ.

Не говори мнѣ: встань. Когда я встану,
Все будетъ рѣшено: и смерть твоя,
И вѣчное паденіе Сибири.
Ты видишь, я теперь у ногъ твоихъ,
Твой подданный... Но встану—грозный мститель
За родину, сраженную тобой!

Ермакъ.

Ты мнѣ отмстишь? Нѣтъ, старецъ, я на плахѣ
Свой кончу вѣкъ,—таковъ законъ Царя.

Щаманъ.

Ты кончишь вѣкъ на плахѣ? подъ сѣкирой
Ты склонишь мощную главу? нѣтъ, нѣтъ!
Ты здѣсь умрешь, гдѣ побѣждалъ, въ Сибири,
Измѣною обманчивыхъ друзей;
Иль примешь сей вѣнецъ, залогъ побѣды,
Залогъ счастливыхъ, славныхъ, долгихъ дней.
Спаси Сибирь, спаси себя.

(*Подаетъ вѣнецъ*).

Ермакъ (*отходя въ сторону*).

Я Русской!

(*Садится на камнь у ставки и погружается въ глубокую задумчивость*).

Щаманъ (*встаетъ*).

О небеса! все рѣшено на вѣкъ.
Сибирь погибла, ты погибъ. О, горе!
О, горе! плачь шаманъ и умирай.
О, царство древнее! о, родина святая!
Тебя шаманъ твой старый пережилъ;
Онъ зрѣлъ паденіе твое не умирая,
И надъ тобой лишь слезы лилъ.
Нѣтъ, нѣтъ! отмщу я за тебя: погибнетъ,
Погибнетъ мной разрушившій тебя.
Но ты разрушенъ, ты не встанешь
Изъ пепла своего, мой край родной;
Вѣка пройдутъ, и къ битвамъ ты не грянешь,
И не блеснешь ты мирною красой.

(*Приподымая вѣнецъ*).

А ты, вѣнецъ! Никто передъ тобою
Не склонится трепещущимъ челомъ:
Не будешь ты сіять надъ смертною главою;
Иди жъ сіять на Иртышѣ сѣдомъ.
Но ты, Ермакъ, ты будешь жертвой мщенья.
Такъ Небомъ велѣно. Я старъ и слабъ,
Но хитростью, обманомъ и коварствомъ
Я долженъ, долженъ погубить тебя!

(*Немного помолчавъ*).

Прощай. Но вскорѣ встрѣтимся мы снова.

(*Идетъ и возвращается къ Ермаку*).

Ахъ, дай мнѣ слезы надъ тобой пролить,
Твоей красой дай взоръ насытить жадный.
Увы, какъ скоро ты умрешь, Ермакъ!
Но ты умрешь потомствомъ не забытый;
Нѣтъ, память о тебѣ пойдетъ изъ рода въ родъ,

Къ дальнѣйшимъ временамъ, съ безсмертною хвалою.
И никогда вѣковъ надъ смутною волною
Никто тебѣ подобный не блеснетъ.
Какъ дикіе полунощи бураны,
Такъ былъ ужасенъ ты въ бояхъ;
Но къ побѣжденнымъ былъ ты благъ,
Какъ солнца свѣтлые шайтаны.
Но ты умрешь: я долженъ отомстить
За царство падшее твоей рукой.
И юную сію главу,
Могущую владѣть громами,
Съ своими бѣлыми власами
Я, слабый старецъ, я переживу.
Я отомщу,—такъ Небо повелѣло.
Но отомстивъ, я лягу умирать,
И надъ Сибирью, надъ тобою
Такъ горько стану я рыдать,
Какъ безутѣшно плачетъ мать
Надъ сыномъ спящимъ подъ землею.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Ермакъ и Мещерякъ

(*къ концу приходитъ Заруцкій*).

Ермакъ.

Моя судьба рѣшилась наконецъ:
Меня ждетъ смерть, и, можетъ быть, безславье.
Увы!—Но нѣтъ! мнѣ не о чемъ жалѣть.
Прости мнѣ вздохъ сей, о страна родная!..
Тебѣ бывъ вѣрнымъ, умереть?...
Иль измѣнивъ, вѣнцомъ владѣть?...
Нѣтъ! умереть не измѣняя!

(*Къ Мещеряку, который жметъ ему руку*).

Прощай, мой другъ.

(*Уходитъ въ ставку*).

Мещерякъ (*входящему Заруцкому*).

Заруцкій, онъ умретъ!

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Утро.

Сцена представляетъ съ одной стороны лѣсъ, а съ другой скалы и груды каменьевъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Мещерякъ. Заруцкій.

Мещерякъ.

Сюда хотѣлъ придти шаманъ?

Заруцкій.

Сюда.

Мещерякъ.

Зачѣмъ же нѣтъ его? Къ чему онъ медлитъ?
Онъ, можетъ быть, обманываетъ насъ.

Заруцкій.

Нѣтъ; быть не можетъ.

Мещерякъ.

Почему жъ не можетъ?
И отъ чего шаману вѣрнымъ быть,
Когда вездѣ лишь ложь, коварство, хитрость,
И самый міръ большой обманъ?

Заруцкій.

Онъ обѣщалъ.

Мещерякъ.

И ты ему повѣрилъ?
Но ты не обѣщалъ ли Ермаку,
Ему быть вѣрнымъ? Я ему не другъ ли?
А для чего мы здѣсь? Когда шаманъ
Не измѣнилъ намъ, что же онъ такъ долго
Нейдетъ въ то мѣсто, гдѣ мы ждемъ его?

Заруцкій.

Смотри, мой другъ: сгарая нетерпѣньемъ,
Ты упредилъ румяную зарю;
А онъ придти съ восходомъ солнца долженъ.

Зачѣмъ же ропщешь ты? Но, Мещерякъ,
Мнѣ кажется, что сонъ рукою тихой
Не закрывалъ сегодня вѣждъ твоихъ.
Когда я просыпался, подъ наметомъ
Ходилъ ты быстро съ пасмурнымъ челомъ,
Въ полголоса бесѣдуя съ собою;
Какъ будто бы въ безмолвіи ночномъ
Вокругъ тебя летали привидѣнья,
Къ которымъ рѣчь ты обращалъ свою.
Скажи, какая мысль?

Мещерякъ.

Кольцо ужъ близко?

Заруцкій.

Я думаю, съ дружиною своей
Онъ нынче жъ, завтра ли въ нашъ станъ прибудетъ.

Мещерякъ.

Ермакъ. Намѣстникомъ Царя... Ермакъ!
И ты не знаешь, что меня тревожитъ?...
Ермакъ!—Но слушай.—Вѣстію своею,
Казалось, ты воспламенилъ въ немъ душу.
Онъ смерти ждалъ, о мщеньи говорилъ,
И сладкими, коварными словами
Я разжигалъ раждающійся гнѣвъ,
И вдругъ!—Но сей разсказъ еще сугубитъ
Мученія терзаемой души.
Знай: передъ нимъ лежалъ вѣнецъ Сибири.
И онъ! онъ смерть измѣнѣ предпочелъ!

Заруцкій.

Безумный!

Мещерякъ.

Если вы не тщетная мечта,—
Дѣтей и женъ страшилище пустое,—
Придите, я на помощь васъ зову,
Властители обители подземной!
Я вашъ, я вашъ! лишь мщенье дайте мнѣ!
Я не страшуся вашихъ мукъ: идите!
Страшнѣе вашего есть адъ въ груди моей!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣже и Шаманъ.

Шаманъ

(*становится вдругъ передъ ними. Мещерякъ и Заруцкій отступаютъ*).

Ты ждалъ меня. Но что жъ вы содрогнулись?
Уже ли старецъ вамъ внушаетъ страхъ?
Иль, можетъ быть, измѣны вы страшитесь?
Но нѣтъ; я знаю: на моемъ челѣ
Читаете вы: „мщенье за отчизну!“
И зрите рока грозную печать.
Но для чего въ семъ мѣстѣ удаленномъ,
Козакъ, желалъ ты говорить со мною?

Мещерякъ.

Ты хочешь Ермаку отмстить?

Шаманъ.

Я долженъ!
На это Рача дни мои продлилъ,
На это въ старческіе члены
И жизнь и огнь онъ снова влилъ,
И духъ, лѣтами усыпленный,
Къ трудамъ кровавымъ пробудилъ.

Мещерякъ.

Знай: къ Ермаку и я вражду питаю,
И смерть одна съ нимъ примиритъ меня.

Шаманъ.

Ты?

Мещерякъ.

Я!

Шаманъ.

Кого онъ другомъ называетъ,
Кому какъ брату довѣряетъ онъ...
И ты къ нему вражду питаешь тайно?...
Нѣтъ, ты хотѣлъ смѣяться надо мной.

(*Хочетъ уйти*).

Мещерякъ.

Остановися. Я тебѣ клянуся.

Шаманъ.

Нѣтъ, не клянись.—Когда я къ вамъ пришелъ,
Ты содрогнулся... да, теперь я вѣрю:
Измѣна у тебя была въ душѣ.

Мещерякъ.

Шаманъ!

Шаманъ.

Исполненъ силъ, вооруженный,
Ты передъ слабымъ старцемъ трепеталъ.
Да, вѣрю я, гласъ совѣсти смятенной
Тебѣ внезапный страхъ тогда внушалъ.

Мещерякъ.

Шаманъ, я здѣсь не для бесѣды тщетной.
Ты вѣришь мнѣ? Внимай же рѣчь мою.

Шаманъ (*быстро смотря на него*).

И такъ тебя опредѣлило Небо,
Чтобъ погубить измѣной Ермака?

Мещерякъ.

Что значитъ взоръ сей строгій, любопытный?

Шаманъ (*беретъ его за руку*).

Дай руку мнѣ. Отселѣ, какъ друзья,
Какъ братья, мы къ одной стремимся цѣли.
Все превозмогъ я для тебя, Сибирь!
Своей души священнѣйшія чувства
И сердца гордый гласъ я усмирилъ!
Я руку жму измѣннику, какъ другу!

Мещерякъ (*хватается за кинжалъ*).

Несмысленный старикъ!

Заруцкій.

Остановись.

Мещерякъ.

Ты видишь, онъ смѣется надо мной.

Заруцкій.

Но вспомни, кто намѣстникомъ Царя?

Мещерякъ.

Ты правъ, я всё снесу.

(*Къ Шаману*).

О, ты не знаешь,

Сколько справедлива месть моя, шаманъ.
Служитель мирный алтарей шайтановъ,
Ты вѣкъ провелъ въ безмолвіи страстей,
И ты не знаешь, какъ онѣ пылаютъ
Въ груди младыхъ бойцовъ, въ груди моей.

Шаманъ.

Онѣ доселѣ мнѣ еще безвѣстны.
Козакъ! любимый сынъ Небесъ, шаманъ
Ихъ тайны свѣтлыя въ звѣздахъ читаетъ;
Но взоръ однихъ шайтановъ проницаетъ
Сердецъ въ обманчивый туманъ.

Мещерякъ.

И мы друзья отселѣ! Но клянися,
Что вѣренъ будешь ты своимъ словамъ.

Шаманъ.

Къ чему же клятвы? Насъ соединяетъ
Не дружество, не юная любовь;
Нѣтъ: нашъ союзъ—и ненависть и кровь;
И вѣрь, обѣтамъ месть не измѣняетъ!

Мещерякъ.

Ты говоришь о мщеньи; но скажи,
Какія войска ждутъ твоихъ велѣній?

Шаманъ.

Пятьсотъ бойцовъ скрываются въ лѣсахъ,
Какъ я, горящіе враждой священной,
Готовые, какъ я, идти на смерть.
Одно лишь слово, и они стремятся.

(*Слышенъ шумъ*).

Мещерякъ.

Но что за шумъ?—Заруцкій, посмотри.

(*Къ Шаману*).

И эта рать безстрашна и надежна?

Заруцкій (*вбѣгая*).

Кольцо, Кольцо!

Мещерякъ.

Сокроемся, шаманъ!

Шаманъ.

Здѣсь есть пещера, въ ней мы будемъ скрыть.
Я впереди; вы смѣло вслѣдъ за мной.

(*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Козаки (*входятъ*).

1-й козакъ.

Я думаю, до стана не далеко.

2-й козакъ.

Мнѣ кажется, когда взошла заря,
Я видѣлъ—на горѣ бѣлѣли ставки;
Но лѣсъ ихъ скоро скрылъ отъ глазъ моихъ.

Молодой козакъ.

Какъ весело во мнѣ біется сердце!

1-й козакъ.

Да отчего же такъ?

Молодой козакъ.

Не знаю самъ.
Быть можетъ, отъ того, что утро красно,
Что вѣтеръ дуетъ такъ свѣжо. Смотри,
Какъ вдалекѣ волнистыми грядами
Ложится утренній туманъ;
Какъ всходитъ солнце, неба великанъ,
Увѣнчанный безсмертными огнями.
Вокругъ него, какъ раболѣпный дворъ,
Сѣдыя облака стадятся,
И отъ лучей его златятся.
Но онъ, увы! мой ослѣпляетъ взоръ.

1-й козакъ.

Зачѣмъ же ты, безумецъ, въ Небо смотришь?
Да развѣ на землѣ не хорошо?

Молодой козакъ.

Земля прекрасна. Свѣтлою росою,
Какъ сѣтью сребряной, покрылися поля:

Но тамъ, подъ твердью голубою,
Все, все прекраснѣй, чѣмъ земля.
Тамъ жаворонка пѣснь такъ сладко раздается;
Играя съ вѣтрами, къ нему, къ царю свѣтилъ,
Орелъ такъ весело несется.
Ахъ! тщетно вслѣдъ за нимъ душа кипитъ и рвется:
У смертныхъ нѣтъ его могущихъ крылъ.

1-й козакъ.

Ну, признаюсь, престранный ты мечтатель.
Пришло же въ голову съ орломъ летать.
Скажи-ка лучше, черезъ часъ не болѣ
Мы отдохнемъ на время отъ трудовъ.

Молодой козакъ.

И такъ сегодня я его увижу?

1-й козакъ.

Кого увидишь?

Молодой козакъ.

Ермака.

1-й козакъ.

Такъ чтожъ?

Молодой козакъ.

О, какъ давно, склоняя слухъ къ разсказамъ
О подвигахъ и славѣ Ермака,
Объ немъ я мыслилъ съ тайнымъ восхищеньемъ,
И я его увижу!

1-й козакъ.

Чтожъ, глупецъ?
Ты, глядя на него, такимъ какъ онъ не будешь.

Молодой козакъ.

Стекло горитъ отъ солнечныхъ лучей,
Огнемъ вода холодная сіяетъ,
Не такъ ли взоръ безтрепетныхъ вождей
Сердца бойцовъ младыхъ воспламеняетъ?
Какъ радостно къ боямъ съ сей мыслію летать!
Онъ здѣсь, онъ взглядомъ слѣдуетъ за мною.
Въ его глазахъ какъ сладко побѣждать!
И если смерть намъ суждена судьбою,
Съ его хвалой не тяжко умирать.

1-й козакъ.

Эхъ молодость, все для тебя прекрасно!

6-й козакъ (*трепля молодаго по плечу*).

Вотъ молодецъ! Вотъ истинный козакъ!

1-й козакъ.

И ты туда жъ въ мечтанія пустился?

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Кольцо. Тимоѳей. Ольга и козаки.

Кольцо.

Мы близко къ цѣли.

Тимоѳей.

Да, Кольцо; ты правъ:
Я близокъ къ ней.

Ольга.

Отецъ мой, ты слабѣешь.

Кольцо.

Сядь, старецъ, отдохни на камняхъ сихъ.

Тимоѳей (*садится*).

Теперь на нихъ, а завтра ужъ подъ ними.

Кольцо.

Ты утомленъ тяжелымъ симъ путемъ.
Ты здѣсь найдешь покой.

Тимоѳей (*съ улыбкою*).

Въ землѣ Сибирской
Онъ ждетъ меня.

Кольцо.

Быть можетъ, черезъ часъ
Пройдетъ усталость, возвратятся силы,
И мы свой кончимъ путь.

Тимоѳей.

Онъ конченъ здѣсь.

Кольцо.

За сей горой, покрытой темнымъ лѣсомъ,
Отсюда близко станъ козачій скрытъ.

Тимоѳей.

Мнѣ не видать его.

Кольцо.

Еще сего дня...

Тимоѳей.

Нѣтъ, нѣтъ, я далѣ не могу. Спѣши,
Спѣши, Кольцо.

Кольцо.

Могу-ль тебя оставить?

Тимоѳей.

Оставь меня; иди, неси къ нему
Дары Царя, прощеніе Россіи.
Скажи ему, его здѣсь ждетъ отецъ.
Не медли!

Кольцо.

Я твою исполню волю.
Пойдемъ, друзья! Ты съ сотнею своей,
Бряцаловъ, здѣсь останешься на стражѣ.
Не забывай, мы въ вражеской землѣ,
И Ермака отецъ, его невѣста
Повѣрены тебѣ. Извѣстенъ мнѣ
Твой соколиный глазъ.

Козакъ.

Такъ, будь спокоенъ:
Онъ не задремлетъ.

Кольцо.

Вѣрныхъ козаковъ
Разставь вездѣ, но отойди подалѣ,
Чтобы покою старца не мѣшать.
Друзья, за мною!

(*Уходитъ, нѣсколько Козаковъ разстанавливаются вдали*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тимоѳей, Ольга.

Ольга.

Какъ ты утомился!
Твои ланиты блѣдны, и уста
Какъ будто бы въ страданіи трепещутъ.

Тимоѳей.

Усталостью ты это назвала;
Но, Ольга, есть еще другое имя,—
Оно не сладко для младыхъ ушей,-
Но старцамъ долгой жизнью утомленнымъ
Оно пріятно,—это имя смерть!

Ольга.

О Боже! Нѣтъ, оставь сіе мечтанье.
Ты только тщетный страхъ внушаешь мнѣ.
Ты утомленъ трудомъ и ожиданьемъ,
И радость жизнь возобновитъ твою.

Тимоѳей.

Такъ юность любитъ льстить себя обманомъ
И истину отъ глазъ своихъ скрывать
Пустыхъ надеждъ блистательнымъ туманомъ.
Ей Небомъ данъ прелестный даръ мечтать.
Но мнѣ давно прошла пора мечтаній:
Во гробѣ я стою одной ногой,
А тамъ сіяетъ правды лучъ святой,
Безъ темныхъ міра обаяній.
Зачѣмъ же взоръ ты отвращаешь свой?

Ольга.

Зачѣмъ же ты сталъ говорить о смерти?
Я не могу тебѣ внимать безъ слезъ.

Тимоѳей.

Ты плачешь? Не ужель о томъ, что старецъ
Готовится къ прощанію съ землей?
Ты плачешь! Я, ты, видишь, улыбаюсь.
И надо-мной ты можешь слезы лить?
Скажи, что смерть, чтобъ я ея страшился?
Она съ улыбкой подаетъ сосудъ
Исполненный такой чудесной силы,

Что въ немъ мгновенно странникъ пьётъ
Забвенье бѣдъ и грусти и заботъ!
Гостепріименъ темный кровъ могилы,
И ласковый хозяинъ въ немъ живётъ.

Ольга.

Скажи, отецъ! Когда тебя не будетъ,
За чѣмъ же я останусь на землѣ?
Не для тебя ли я жила доселѣ,
И безъ тебя что̀ будетъ жизнь моя?
Но я страшусь пустаго: да, я знаю,
Что для меня ты будешь жить еще.
Ты будешь жить для сына. Путь тяжелый
Тебя на время утомилъ.

Тимоѳей.

Ахъ, для чего
Со мною ты его предпринимала?
Зачѣмъ, младая, въ блескѣ красоты,
Оставила ты тихій край отчизны?
Зачѣмъ пошла ты по моимъ стопамъ
Въ сей край угрюмый, дикій и суровый,
Въ пустынную и хладную Сибирь?
О, сколько ты трудовъ переносила,
Какъ былъ тяжелъ тебѣ сей длинный путь!
Ты не вздыхала, ты мнѣ улыбалась,
Я ропота не слышалъ твоего,
Но видны были мнѣ твои страданья,
И тайно о тебѣ я слезы лилъ.

Ольга.

Ты плакалъ, ахъ! а я была счастлива:
Съ тобой, отецъ, съ тобою я была!
Чего же было мнѣ просить у Неба?
Мнѣ благъ другихъ вся жизнь не можетъ дать.

Тимоѳей.

Дочь нѣжная!

Ольга.

Ты думалъ—я страдала,
А я была за все награждена
Твоей улыбкою, твоей любовью,
Однимъ лишь словомъ отъ тебя. Скажи,
Уже-ль мечталъ ты, я могла остаться
Спокойная въ своей землѣ родной,

Когда ты сталъ бы по степямъ скитаться
Съ дружиной воиновъ, тебѣ чужой?
Кто, кромѣ Ольги, могъ всечасно мыслить
О старцѣ страждущемъ? Изъ чьихъ бы рукъ
Такъ сладокъ былъ сосудъ съ холодной влагой,
Цѣлитель тяжкихъ нéдуговъ и мукъ?
Кто сталъ бы пѣснію унылой
Тебя къ покою призывать,
И мигъ его, увы, столь легкокрылой,
Какъ Неба даръ нежданный охранять?
Кто сталъ бы говорить съ тобою
О счастливыхъ минувшихъ дняхъ
И объ утраченныхъ надеждахъ и мечтахъ, —
Твоимъ слезамъ отвѣтствовать слезою?
Кто могъ бы такъ тебя любить, какъ я?

Тимоѳей.

Да, ты была со мной какъ Ангелъ Неба,
Хранитель, данный мнѣ благимъ Творцомъ.
Ты жизнь мою доселѣ услаждала.

Ольга.

Не говори о прошломъ, мой отецъ.
Смотри въ грядущее. Оно лишь радость
И счастіе тебѣ сулитъ. Ермакъ,
Ермакъ придетъ къ тебѣ. Онъ близко;
Ужъ, можетъ быть, летитъ къ твоимъ ногамъ.
О сладкое, счастливое мгновенье!

Тимоѳей.

Да, если доживу; но жизнь моя,
Я чувствую, въ груди уже изсякла,
И въ жилахъ сихъ хладѣетъ старца кровь.
Ужель умру я, не простивши сыну?
О, эта мысль страшнѣе для меня,
Чѣмъ смерть сама! Ахъ, Ольга, Ольга!
Ужель, прошедъ Сибирскія пустыни,
Когда я видѣлъ станъ, гдѣ мой Ермакъ,
Мнѣ должно умереть, какъ жилъ, съ печалью,
И счастія не возвратить ему?

Ольга.

Зачѣмъ же мысль сія тебя тревожитъ?
Но ты усталъ, и нуженъ сонъ тебѣ.

Тимоѳей.

Нѣтъ, сонъ земной сихъ взоровъ не закроетъ
Доколѣ вѣчный не придетъ ко мнѣ.
Но жаждой я уже съ утра томлюся;
Быть можетъ, чаша съ хладною водой...

Ольга.

Когда мы шли, я зрѣла въ сей долинѣ:
Какъ серебра живаго лучъ,
Въ пещерѣ черной межъ скалами
Сверкалъ студеной влаги ключъ.
Я возвращусь сейчасъ съ его дарами.
(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тимоѳей (*одинъ*).

Тимоѳей.

Спѣши, Ермакъ! Мои слабѣютъ силы,
Надъ сей главою смерть простерла длань,
Спѣши! Приди принять благословенье
Такъ тягостно страдавшаго отца...
Но грудь моя сжимается болѣзнью...
Я чувствую... о Боже! Часъ одинъ,
Одинъ еще мнѣ дай изъ чаши жизни,
Чтобъ я могъ зрѣть его, чтобъ могъ, прижавъ
Его главу къ хладѣющему сердцу,
Ему сказать: „Будь счастливъ, ты прощенъ!"
(*Погружается въ задумчивость*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тимоѳей. Ермакъ (*вооруженный*).

Ермакъ (*входя*).

Идти на казнь! Что жъ? Поздно или рано,
Я долженъ умереть. Законовъ мечъ,
Стрѣла ль врага, или недугъ тяжелый,
Не все ль равно, что раздираетъ ткань
Сплетенную изъ горя и печали,
Въ которой радость изрѣдка блеститъ,
Какъ злата нить на рубищѣ страдальца.
Одно мгновенье—и всему конецъ.
Но умереть и въ гробъ нести проклятье...

Ахъ, эта мысль тяжка! О, мой отецъ,
Какъ радостно бы жизнію своею
Ермакъ твое прощеніе купилъ...
Кольцо ужъ близко! Утромъ мнѣ казалось
Какъ будто бы на скатѣ синихъ горъ,
Въ оружья солнце отражалось.
Сомнѣніе несносно: лучше жъ я
Пойду навстрѣчу смерти.—Вотъ откуда—

(*Увидѣвъ Тимоѳея*).

А, что я вижу? Это не мечта.
Здѣсь старецъ—Русскій! Въ глубинѣ Сибири?
Быть можетъ, рабъ, бѣжавшій отъ враговъ...
Какъ видъ его мнѣ сердце раздираетъ!
Въ морщинахъ, на его челѣ сѣдомъ,
На сихъ ланитахъ, въ сихъ померкшихъ взорахъ,
На блѣдныхъ сихъ и трепетныхъ устахъ,
Рукой судьбы написано: „Страдалецъ!"...
Я подойду. Не знаю отъ чего
Я трепещу.

(*Подходитъ къ Тимоѳею*).

Скажи, почтенный старецъ,
Кто ты? Какою странною судьбой
Ты принесенъ въ Сибирскія пустыни?
Я вижу по одеждѣ, по чертамъ,
Что мы съ тобой сыны одной отчизны,
Которыхъ рокъ умчалъ въ сей дальній край.

Тимоѳей.

Кто я? Ты видишь, странникъ престарѣлый,
Скитавшійся по жизненной стезѣ,
Но близкій къ цѣли странствія земнаго;
Разбитый челнъ, игралище валовъ,
Который бурей занесенъ далеко,
Чтобъ кончить бѣгъ свой средь Сибирскихъ скалъ.

Ермакъ (*въ сторону*).

Какой я голосъ слышу! Сердце бьется.
Нѣтъ: это было лишь мечта одна.
Ахъ, сей мечтой душа моя полна,
Въ ней гласъ отца всечасно раздается.

Тимоѳей (*покачавъ головой*).

Странна судьба людей! Я могъ ли думать,
Что кончу вѣкъ свой въ здѣшней сторонѣ?

Ермакъ (*въ сторону*).

Нѣтъ, быть не можетъ! Онъ теперь далеко;
Межъ нимъ и мной пустыни, цѣпи горъ...
Одна мечта... но это сходство странно!
И тотъ же звукъ рѣчей, и тотъ же взоръ.
(*Къ Тимоѳею*).
Ты, старецъ, былъ невольникомъ въ Сибири?
Похищенъ, можетъ быть, въ набѣгахъ злыхъ.

Тимоѳей.

Нѣтъ: я еще недавно изъ Россіи
И никогда въ оковахъ не страдалъ.

Ермакъ (*въ сторону*).

Недавно изъ Россіи? Съ каждымъ словомъ
Растетъ мое смятенье. Нѣтъ, нѣтъ,
Не можетъ быть! Едва четыре года
Прошли съ тѣхъ поръ, какъ видѣлъ я отца;
Онъ былъ еще могущъ и силенъ,
Украшенъ свѣжей сѣдиной;
Онъ подымался величавый,
Какъ гордый дубъ, столѣтній царь дубравы,
Подъ тяжестью снѣговъ набросанныхъ зимой.
Не можетъ быть! Едва четыре года...
(*Къ Тимоѳею*).
И ты одинъ сей дальній путь прошелъ?

Тимоѳей.

О нѣтъ! Со мной козацкая дружина.

Ермакъ.

Дружина? Кто же вождь ея?

Тимоѳей.

Кольцо.

Ермакъ.

Ты изъ Москвы... послѣдовалъ за нею?

Тимоѳей.

Нѣтъ, съ береговъ Оки.

Ермакъ.

Но для чего жъ
Оставилъ ты спокойную отчизну
И посѣтилъ враждебную Сибирь,

Гдѣ брани огнь еще не прекратился?
Быть можетъ, по велѣнію Царя.

Тимоѳей.

Нѣтъ: сердца гласъ меня привелъ. Въ Сибири
Мой сынъ.

Ермакъ.

Твой сынъ?... Козакъ?

Тимоѳей.

Ихъ атаманъ.

Ермакъ (*отступая стремительно въ сторону*).

О Боже! Это онъ!... Куда сокрыться?
Нѣтъ, нѣтъ: останься здѣсь, Ермакъ! Смотри,
Вотъ славный подвигъ твой! Отцеубійца!
Ты свелъ его во гробъ; ты жизнь его
Печалію, отчаяньемъ разрушилъ;
Ты въ грудь его вонзилъ кинжалъ. Смотри!
О горе! На лицѣ его мой взоръ читаетъ,
Какъ въ книгѣ грознаго Судьи Небесъ,
Разсказъ моихъ разбоевъ, преступленій,
Его любви, его страданій, слезъ.
О Боже, не ищи другихъ мученій;
Сей грозный видъ ужаснѣе, чѣмъ адъ.

Тимоѳей.

О, поспѣши, мой сынъ, приди скорѣе!

Ермакъ.

Что слышу я? Меня отецъ зоветъ!
Увы, отцомъ его назвать не смѣю:
Я проклятъ имъ навѣкъ.

Тимоѳей.

Ермакъ! Ермакъ!
Приди принять послѣднее прощенье.

Ермакъ (*въ сторону*).

Да, я пойду, паду къ его ногамъ!
Пусть онъ проститъ мнѣ, пусть благословенье
Произнесетъ онъ надъ главой моей.
Тогда скажу ему: отецъ! Но прежде
Не смѣю слова произнесть сего.
(*Къ Тимоѳею*),
Кого къ себѣ ты призываешь?

Тимоѳей.

Сына.

Ермакъ.

Ужели хочешь ты ему простить?

Тимоѳей.

Раскаянье и Бога примиряетъ.

Ермакъ.

О, старецъ, у меня въ странѣ родимой
Есть также... ахъ! Быть можетъ, былъ... отецъ,
И онъ... меня проклялъ!

Тимоѳей.

Несчастный!

Ермакъ.

Небо
Услышало проклятіе его.
Да, также, какъ твой сынъ, я былъ виновенъ;
Но, такъ какъ онъ, раскаялся и я,—
Уже ли мнѣ прощенія не будетъ?

Тимоѳей.

Надѣйся и молися Небесамъ!

Ермакъ.

О, я страдалъ, молился, горько плакалъ,
Но сердцу моему покоя нѣтъ:
На мнѣ лежитъ родителя проклятье.
Но онъ меня любилъ. Когда бъ онъ зрѣлъ
Мою тоску, услышалъ бы стенанья,
Которыя въ безмолвной тьмѣ ночной
Изъ сей груди стѣсненной вылетаютъ,—
Свидѣтели страданья моего,—
Онъ сыну бы простилъ. Но онъ далеко.
О будь же ты посланникомъ Небесъ,
Будь вѣстникомъ и мира, и прощенья;
Будь мнѣ отцомъ, скажи мнѣ такъ какъ онъ:
Мой сынъ, прими мое благословенье.
Ты видишь, я паду передъ тобой,

(*Становится на колѣни*).

Я длань твою слезами обливаю,
Простри ее надъ страждущей главой;
Скажи мнѣ: „Небо и отецъ прощаютъ.“

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣже и Ольга.

Ольга *(подходя).*

Ермакъ!

Тимоѳей.

Ермакъ?

Ермакъ.

Родитель!

Тимоѳей *(вставая).*

О мой сынъ!
Передъ лицомъ внимающей природы
И Ангеловъ и самаго Творца,
Прими теперь мое благословенье.
Приди жъ, Ермакъ, приди къ груди отца.
(Обнимаются).

Ермакъ.

О счастіе! Отецъ мой!

Тимоѳей.

Видишь, Ольга,
Что смерть близка. Я сына не узналъ.

Ольга.

Я принесла сосудъ съ водой студеной:
Ты ею жажду утолить хотѣлъ.

Тимоѳей.

Нѣтъ: я ея не ощущаю болѣ,
Я жажду сердца счастьемъ утолилъ.

Ермакъ.

Ахъ, Ольга! Неужель и ты простила?

Ольга *(обнимая его со слезами).*

Тебѣ отецъ, тебѣ простилъ Господь,
И не отъ горя льются эти слезы.

Ермакъ.

Пусть смерть придетъ: я не страшусь ея.
Прощенъ тобой...

Тимоѳей (*прерывая*).

Ты говорилъ о смерти,
Мой сынъ; она ужъ здѣсь, въ моей груди.
Но подойди ко мнѣ, Ермакъ, приблизься;
Ужъ тускнетъ все въ слабѣющихъ глазахъ;
Приблизься: я хочу любовь и радость
Еще прочесть въ твоихъ чертахъ.
(*Ермакъ снимая шлемъ*).
Но Ольга, посмотри, въ четыре года
Какъ горестно перемѣнился онъ!
Черты всё тѣ жъ; но гдѣ ланитъ румянецъ,
Гдѣ прежняя улыбка на устахъ?
Ея ужъ нѣтъ! Увы! Куда дѣвалось
Веселое сіяніе очей,
Въ которомъ счастье сердца отражалось,
Какъ утра лучъ среди зыбей!
Гдѣ роскошь юныхъ тѣхъ кудрей,
Которыхъ русою волною
Его гордилася глава,
Какъ выя молодого льва
Своей златистою космою?
Какъ ты страдалъ, мой сынъ!

Ермакъ.

О! Я счастливъ

Тимоѳей.

И я виновенъ, я своимъ проклятьемъ...
Но, мой Ермакъ, прости, прости отцу,
Онъ былъ несчастливъ также.

Ермакъ.

Мой родитель!

Тимоѳей.

Ты посмотри, и на моей главѣ
Власы сѣдые горе изсушило.
О! ты не знаешь, что̀ на сихъ щекахъ
Бразды глубокія изрыло.
Всё слезы, слезы объ тебѣ, Ермакъ.

Ермакъ.

Какъ строго я наказанъ!

Тимоѳей.

Ты у Ольги
Спроси, какъ плакалъ я; во тьмѣ ночей,
И утромъ, въ полдень, или въ поздній вечеръ—
Что̀ дѣлалъ я? Все думалъ о тебѣ.
Скажу: „гдѣ, гдѣ ты, сынъ мой?“ И заплачу горько.
Не правда ли: ты мнѣ простилъ, мой сынъ?

Ермакъ.

Твои слова мнѣ сердце раздираютъ.
Страшнѣе казни нѣжный твой укоръ.
Ты плакалъ обо мнѣ. О! Эти слезы,
Повѣрь, огнемъ текли въ груди моей.
И ты любилъ меня еще? Преступникъ,
Я не былъ изгнанъ изъ души твоей.
Ахъ, сколько я передъ тобой виновенъ!
И ты мнѣ могъ простить!

Тимоѳей.

Ермакъ!
Зачѣмъ ты рѣчь заводишь о прошедшемъ?
Зачѣмъ ты хочешь раны раскрывать?
Да, мы страдали; но теперь счастливы,
И я могу спокойно умереть.

Ольга.

Ты говоришь о счастьи и о смерти?

Тимоѳей.

Мнѣ нуженъ сонъ по жизненныхъ трудахъ.
Но полно, дочь моя. Я снова съ вами,
Съ тобой мой сынъ, и все забыто мной:
Прошедшее мелькаетъ предъ очами,
Какъ тяжкая мечта души больной.
Не правда ль? Это было сновидѣнье,
Несчастіе не разлучало насъ,
Я не страдалъ, не плакалъ, не томился;
Все было сонъ; но онъ теперь прошелъ.
Скажите... (*Примѣтно слабѣетъ и садится на камень*).

Ольга.

Боже!

Тимоѳей.

Иль нѣтъ: молчите!
Я слышу васъ, вы говорите мнѣ,
Что это все обманъ. О! Хоть на время
Не разрушайте счастья моего!
Да, мы въ Россіи, тамъ ліется Волга,
Вокругъ меня родимыя поля.
Какъ небо Русское лазурно надо мною!
Какъ ты прелестна, Русская земля!
Но что же, какъ всегда, вы не садитесь
Здѣсь близъ меня? Приди ко мнѣ, Ермакъ.
Но вы печальны; что же? Улыбнитесь,
Вѣдь мы теперь счастливы навсегда.
Мой сынъ, ты знаешь, я люблю разсказы
О томъ, что̀ видитъ твой орлиный взоръ
Вдали, гдѣ все неясно и туманно:
Смотри, что̀ видишь ты на скатѣ горъ?
(*Молчаніе*).
Что-жъ ты молчишь? Уже ли сонъ тяжелый
Твои глаза ослабилъ, какъ мои?

Ермакъ.

О нѣтъ, отецъ мой. Изъ дубравы тёмной,
Я вижу, тамъ стрѣлой летитъ олень,
И жадно въ слѣдъ за нимъ, какъ тѣнь,
Несется волкъ сѣдой, огромной

Тимоѳей.

А, этотъ свѣтъ?

Ермакъ.

А тамъ по Иртышу....

Тимоѳей.

Не говори Иртышъ скажи: по Волгѣ.
Но Ольга, взоръ его, какъ прежде, быстръ,
А мнѣ, не знаю почему, приснилось,
Какъ будто бы я выплакалъ глаза.
Не правда ли? Вѣдь это все пустое.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣже и Кольцо (*съ нѣсколькими козаками*).

Кольцо.

Ермакъ!

Ермакъ (*его обнимая*).

Кольцо, родитель мнѣ простилъ.
Теперь готовъ я несть главу на плаху.

Кольцо.

И Царь тебя простилъ. Отселѣ ты
Уже не атаманъ, но воевода,
Царя намѣстникъ.

Ермакъ.

Твоимъ словамъ
Могу ль повѣрить?

Кольцо.

Здѣсь предъ тобою
Ты зришь дары и грамоту Царя.
(*Подаетъ грамоту. Ермакъ, прочтя, становится на колѣни*).

Ермакъ (*вставши*).

Другъ, этотъ мигъ не лучше ль цѣлой жизни!
Прощенъ Царемъ. Россіей и отцомъ!
Но мой отецъ! (*На ухо Кольцу*).
Кольцо, онъ умираетъ.

Тимоѳей.

Ермакъ! Надѣнь теперь дары Царя;
Пусть я предъ смертію тебя увижу
Блестящаго наградою трудовъ,
Какъ побѣдителя Сибири.

Кольцо.

Броню!
(*Козаки окружаютъ Ермака и надѣваютъ на него присланные отъ Царя доспѣхи, снявши прежніе*).

Тимоѳей (*приподнявшись*).

Сними кольчугу. (*Смотря на одѣтаго Ермака*).
Ольга, посмотри:
Какъ онъ въ бронѣ и грозенъ и прекрасенъ!
Но дайте мнѣ Царя златую цѣпь,
Я самъ на сына, я ее надѣну.
(*Ермакъ становится на колѣна передъ нимъ*).
Подайте мнѣ блестающій шишакъ.

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣже и вдали Мещерякъ, Заруцкій и Шаманъ.

Мещерякъ.

Такъ завтра снова ты придешь. И помни,
Что вечеромъ я здѣсь же жду тебя.

Шаманъ.

Клянусь святою местью за отчизну,
Я буду здѣсь. (*Уходитъ*).

Мещерякъ.

Заруцкій, посмотри:
Вѣнчаютъ жертву.
(*Оба подходятъ къ прочимъ*).

Тимоѳей.

О друзья, смотрите!
Вотъ сынъ мой, мой Ермакъ. Всему конецъ.
(*Опять садится*).
Послѣднихъ силъ меня лишила радость.
Я слышу смерти дружескій привѣтъ,
Но сладостно мои сомкнутся вѣжды:
Свершились сердца гордыя надежды,
Я сына зрѣлъ въ вѣнцѣ его побѣдъ.
Скажите мнѣ, не тускнетъ ли свѣтило
Блестящее на высотѣ небесъ?

Кольцо.

Нѣтъ, все блеститъ: и холмъ, и лугъ, и лѣсъ;
Сіянье дня поля покрыло.

Тимоѳей.

Но, дѣти, все померкло предо мной.
Мой слабый взоръ ужъ васъ не различаетъ.
Придите! Ольга, ты всегда была
Со мной, какъ даръ Небесъ неоцѣненный,
Въ темницѣ жизни чистый рая лучъ,
Несчастнаго святое утѣшенье.
И Небо наградитъ тебя. Прими
Послѣднее отца благословенье.
(*Съ нѣкоторымъ вдохновеніемъ*).
Ермакъ, Ермакъ, ты царство покорилъ,

И родина твоя забыла преступленья.
Объ нихъ ты горько слезы лилъ,
И вышній Царь съ тобою примирился,
И твой отецъ тебя благословилъ.
Но мечъ твой кровію невинною дымился,
И кровь за кровь! Ермакъ! Законъ простилъ,
Но ждетъ тебя измѣны мечь кровавый:
Ужъ въ гробъ твоя склоняется глава.
Умрешь ты скоро; но умрешь со славой,
И память дѣлъ твоихъ останется жива,
И лѣтопись и струны золотыя
Потомству подвигъ твой передадутъ.—
Что слышу я? Какое пѣнье,
Какъ гласы Ангеловъ, несется въ далекѣ!
Я вижу храмъ, въ немъ внемлю я моленье.
О комъ мольбы сіи? Объ Ермакѣ!

(*Опирается на Ермака*)

Кольцо.

Послѣднее мгновеніе настало.

Тимоѳей (*прерывисто*).

Но что? О комъ вы плачете, друзья?
Отъ радости ліются ваши слезы.
Ахъ! ей теперь полна душа моя.
Я чувствую, прощанье съ міромъ—сладость.
Вы говорите, это смерть? Нѣтъ, нѣтъ,
Друзья... Не смерть... а жизнь... и радость!

(*Умираетъ*).

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Ночь.

Сцена представляетъ съ одной стороны валъ и станъ Ермака, вдали лѣсъ, а съ другой стороны скалы, близъ коихъ течетъ Иртышъ. Въ станѣ слышна перекличка: Слушай! Слушай!

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Мещерякъ *встрѣчается* **съ Шаманомъ.**

Мещерякъ.

А! Это ты, Шаманъ; я шелъ къ тебѣ.

Шаманъ.

Готово все; вдоль берега крутаго
Я ратниковъ своихъ въ лѣсу сокрылъ;
Они горятъ нетерпѣливымъ мщеньемъ
И ждутъ тебя.

Мещерякъ.

Какъ! Ты, Шаманъ, ужъ зналъ,
Что въ эту ночь его свершится жребій?
Ты не видалъ Заруцкаго, а я
Уже два дни не выходилъ изъ стана.
Кто жъ могъ тебѣ сказать? Погибли мы,
Коль кто другой проникнулъ въ наши тайны.

Шаманъ.

Спокоенъ будь: онѣ безвѣстны всѣмъ;
Никто еще во всемъ козачьемъ станѣ
Не могъ узнать намѣреній твоихъ.
Но видѣлъ ты, какъ солнце закатилось?

Мещерякъ.

Оно сокрылось въ облакахъ густыхъ.

Шаманъ.

Ты только зрѣлъ, что дневное свѣтило,
Скрываясь среди бурныхъ тучъ,
Края ихъ ярко золотило;

Ты только зрѣлъ, что сизый молньи лучъ
  Змѣей огнистой извивался.
Но я узналъ, что, въ бурю облеченъ,
Сердитый духъ средь молній приближался.
Ты только зрѣлъ, что тусклый небосклонъ,
Какъ дальняго пожара пламя,
Сіялъ и рдѣлъ. Но я узналъ,
Что въ немъ шайтанъ по вѣтру развѣвалъ
Кровавое сраженій знамя;
И я созвалъ безтрепетныхъ друзей.

Мещерякъ.

Но близко ль ты сокрылъ свою дружину?

Шаманъ.

Потомъ, когда поля покрыла ночь,
Я зрѣлъ—звѣзда такъ весело блистала.
Но духъ прошелъ, и въ хладной мглѣ пропала
  Небесъ сіяющая дочь.
И я заплакалъ: сердце мнѣ сказало,
Что нынѣ смерть постигнетъ Ермака.
Но... (*беретъ Мещеряка за руку*).
  Я отомщу за падшую отчизну!
Здѣсь, здѣсь въ лѣсу моя сокрыта рать,
Пятьсотъ бойцевъ неустрашимыхъ.

Мещерякъ.

Здѣсь съ Ермакомъ лишь сотня козаковъ,
Всѣ прочіе въ другомъ остались станѣ
Для охраненья покоренныхъ странъ.
Ермакъ мечтаетъ съ слабой сей дружиной,
Поднявшись вверхъ по брегу Иртыша,
Распространить свои завоеванья.
И подвигъ сей онъ могъ бы совершить;
Но... нынче онъ погибнетъ. Нынче въ полночь
Заруцкій намъ откроетъ входъ въ сей станъ.

Шаманъ.

А стражи?

Мещерякъ.

  Онъ обманчивымъ напиткомъ
Ко сну ихъ склонитъ, и тогда, Шаманъ,
Твоя дружина вслѣдъ пойдетъ за мною;
Я къ ставкѣ Ермака васъ поведу.

Шаманъ.

Всѣ козаки погибнутъ!

Мещерякъ.

Какъ? Вся сотня?

Шаманъ.

Всѣ, всѣ падутъ!

Мещерякъ.

Нѣтъ, пусть Ермакъ одинъ
Своей главой насытитъ ваше мщенье,
Другимъ оставьте жизнь.

Шаманъ.

Нѣтъ, нѣтъ, козакъ!
Погибнутъ всѣ: ужель ты можешь думать,
Что разъ вступивши въ спящій станъ враговъ,
Хоть одного мы пощадимъ? Безумный!
Велитъ Шаманъ—и буря замолчитъ;
Но мщенія самъ Рача не удержитъ!

Мещерякъ.

На это не былъ я готовъ. Ермакъ!
Твоей лишь смерти я хотѣлъ; но Боже!
Всѣхъ погубить! Иди назадъ,
Шаманъ, къ своей дружинѣ кровожадной;
Я не впущу васъ въ станъ.

Шаманъ (*съ полунасмѣшкой*).

Прощай, козакъ.

Мещерякъ.

Остановись. Съ какой осанкой гордой
Ты выступалъ подъ свѣтлымъ шишакомъ,
Царя намѣстникъ!

Шаманъ.

Что же? Ты рѣшился?

Мещерякъ.

Какъ онъ блисталъ подъ гривной золотой,
Какъ онъ броней, казалося, гордился!
Онъ говорилъ мнѣ: другъ! Но на устахъ,
Въ глазахъ его, блистающихъ слезами

Надъ хладными останками отца,
Я открывалъ надменную улыбку...
И онъ останется живымъ!

Шаманъ.

Козакъ!
Скажи отвѣтъ послѣдній.

Мещерякъ.

Чтобъ смѣяться
Надъ тщетной местію моей!... О нѣтъ!
Погибнетъ онъ! и я тогда начальникъ
Всѣхъ козаковъ: изъ есауловъ я
Всѣхъ старше, всѣхъ славнѣе въ дѣлѣ ратномъ...
Быть можетъ, Царь...

Шаманъ.

Чтожъ медлишь ты?

Мещерякъ.

Шаманъ!
Пусть всѣ погибнутъ; но въ одномъ клянися:
Свободу мнѣ и жизнь оставишь ты?

Шаманъ.

Клянусь, и Рача пусть свидѣтель будетъ,
Что не нарушу клятвы я своей.
Но прочимъ нѣтъ пощады.—А Заруцкій?

Мещерякъ (*махнулъ рукой*).

Я слышу шумъ. Пойдемъ, Шаманъ, пойдемъ
Туда, гдѣ собралась твоя дружина.

(*Взявшись за мечъ*).

А ты, товарищъ мой среди опасныхъ сѣчь,
Въ разбоѣ смѣломъ, въ лютой брани,
Надежный мой булатъ, о брата острый мечъ,
Ты вѣренъ былъ его могущей длани;
Отмсти жъ теперь за смерть его
И утоли не златомъ, не казною,
Но жаркою кровавою росою
Кипѣнье сердца моего!

(*Уходитъ въ лѣсъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Ермакъ. Кольцо.

Ермакъ.

Кольцо, здѣсь должно мнѣ съ тобой разстаться,
И навсегда, мой другъ.

Кольцо.

Какъ навсегда?
Ты черезъ мѣсяцъ возвратиться можешь.

Ермакъ.

Но я не возвращуся. Можетъ быть,
Еще увидишь ты мой прахъ холодный;
Меня тебѣ ужъ болѣ не видать.
И такъ прости, мой другъ, прости навѣки!

Кольцо.

Какой мечтой тревожишься, Ермакъ!
Ты побѣждалъ досель, зачѣмъ же нынче
Измѣнитъ счастье твоему мечу?

Ермакъ.

Ты слышалъ ли? Съ прощаніемъ послѣднимъ
Онъ говорилъ мнѣ: „кровь за кровь, мой сынъ".
Ты будь слугой Россіи неизмѣннымъ,
Будь счастливымъ и доблестнымъ вождемъ,
Живи всегда хранимый Небесами,
Сверши начатое моей рукой,
И помни нашу дружбу. Но—я знаю,
Кольцо, ты не забудешь Ермака.
Что жъ взоры у тебя блестятъ слезами?
Ужели вѣсть о смерти такъ страшна?

Кольцо.

Ермакъ! Смѣясь свою бы смерть я встрѣтилъ,
И это въ битвахъ часто видѣлъ ты;
Но пережить тебя—ахъ! этой мыслью
Не отравляй мгновенія сего.

Ермакъ.

Оставимъ же ее на время. Другъ мой!
Ты зрѣлъ гробницу, надъ которой я
Вчера воздвигнулъ памятникъ унылый.

О Боже! Для чего я не могу
Съ утра до вечера всегда надъ нею
Стоять въ молитвахъ, въ горестныхъ слезахъ:
Надгробный памятникъ, одушевлонной,
И ожидать, чтобъ тотъ же самый прахъ
Насъ съединилъ въ могилѣ неизмѣнной?
О мой отецъ! Твой сынъ тебя изгналъ
Далеко изъ земли благословенной,
Гдѣ наши предки спятъ, гдѣ ты мечталъ
Послѣднюю ихъ раздѣлить обитель.
Утѣшь меня, утѣшь его, мой другъ,
Коль можетъ горесть знать безплотный духъ—
Небесъ счастливый и безсмертный житель.
Надъ камнями, подъ коими сокрытъ
Отецъ, такъ много отъ меня страдавшій,
Воздвигни храмъ святой; пусть первый крестъ
Блеститъ въ Сибири надъ его гробницей.

Кольцо.

Твои слова велѣнья для меня;
Но, можетъ быть, ты самъ...

Ермакъ.

Идя къ сраженьямъ,
Не должно ли готовымъ быть на смерть?
Ты слышалъ, Ольга хочетъ возвратиться
Въ отечество.

Кольцо.

Въ отечество? Туда,
Гдѣ злобою она была гонима?

Ермакъ.

Но гдѣ теперь отъ всѣхъ ея враговъ
Ей имя Ермака защитой будетъ.
И для чего бъ осталася она
Въ странѣ Сибирской, межъ племенъ враждебныхъ,
Гдѣ брани громъ на время лишь умолкъ?
Родитель мой во гробѣ; а со мною
Она на вѣкъ, на вѣкъ разлучена
Воспоминаньемъ прежнихъ преступленій.
Ахъ! Это ли намъ прежде сердца гласъ
И юныя надежды обѣщали?
Когда назадъ я обращаю взоръ,
Не вѣрю я годовъ минувшихъ счастью,
И памяти не вѣрю я своей.

Прошедшее мнѣ кажется мечтою,
Въ прелестномъ снѣ мелькнувшей предо мною,
Но слишкомъ сладкою для бѣдной жизни сей.
Увы! Какъ все съ тѣхъ поръ перемѣнилось!

Кольцо.

Но въ сердцѣ Ольги перемѣны нѣтъ.
Среди гоненій, среди тяжкихъ бѣдъ
Въ немъ чувство прежнее хранилось.

Ермакъ.

Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ. Въ душѣ ея любовь
Не та, которой силою мятежной
Волнуется младая кровь;
Не та, вокругъ которой сновидѣнья,
И радости, и рѣзвыя мечты,
И сладостной надежды обольщенья
Блистаютъ,—жизни ранніе цвѣты.
Нѣтъ, это чувство въ ней давно погасло.

Кольцо.

О нѣтъ, Ермакъ; съ тобой ея глаза
Еще любовію сіяютъ.

Ермакъ.

Такъ Ангелы на смертнаго взираютъ,
Такъ любятъ землю Небеса.
Да, мы должны разстаться навсегда.
Она сказала, что на брегѣ Волги,
Въ монастырѣ, гдѣ въ прежніе года
Молились мы передъ святой иконой,
Забывши міръ и жизни суету,
Средь инокинь, въ безмолвіи священномъ,
Она свой вѣкъ молитвамъ посвятитъ.
Счастливая! Она увидитъ снова
Родимой Волги свѣтлые брега—
Прелестный край, любимый Небесами!
Когда же вѣсть придетъ издалека,
Она услышитъ, можетъ быть, съ слезами
О ранней смерти Ермака.
Пусть съ Ольгою до самыхъ горъ Уральскихъ
Идетъ полсотни козаковъ; а тамъ
Стоятъ отряды и дружины Пана.
Полсотню козаковъ отправишь ты
Межъ Иртышемъ и Обію на Сѣверъ,

Чтобъ дань собрать съ кочующихъ племенъ.
Но полночь ужъ близка, темнѣетъ небо:
Дай руку, другъ мой, и прощай.

Кольцо.

Ермакъ!
Не знаю почему, съ тобой прощаясь
На краткій срокъ, моя тѣснится грудь.
Ты вскорѣ долженъ возвратиться снова;
А сердце, можетъ быть отъ словъ твоихъ,
Томимое предчувствіемъ печальнымъ,
Мнѣ говоритъ, что никогда съ тобой
Не встрѣчусь я; мнѣ кажется, что нынче,
Что въ эту ночь погибнуть долженъ ты.

Ермакъ.

Нѣтъ; въ эту ночь ты можешь быть спокоенъ.
Чего страшиться мнѣ?

Кольцо.

Не знаю самъ;
Но не могу преодолѣть волненье
И тайный страхъ души моей. Ермакъ,
Ты нынче зрѣлъ ли, какъ угрюмъ и грозенъ
На Западѣ вечерній лучъ погасъ,
Какія знаменья намъ ночь явила?
Таковъ всегда бываетъ видъ небесъ
Предъ смертію мужей тебѣ подобныхъ,
Рушителей могущественныхъ царствъ.
Заря горѣла кровію, и звѣзды,
Срываясь съ синей высоты небесъ,
Терялися въ пространствѣ безпредѣльномъ,
Лишенныя и блеска и лучей.
Въ глуши лѣсовъ безмолвныхъ, одинокихъ,
Такъ слышалъ я отъ смѣлыхъ козаковъ,
Носился тихій стонъ и звукъ оружій.

Ермакъ.

О, перестань смѣяться надо мной,
И вѣрь, когда я буду взятъ могилой,
Все въ мірѣ будетъ тихо, какъ всегда;
И небо не прольетъ росы унылой,
И не застонетъ хладная земля,
И солнца ликъ взойдетъ румянъ и свѣтелъ,
Не думая о падшемъ Ермакѣ.

Кольцо.

Но эти молньи, эта буря въ небѣ...

Ермакъ.

Такъ что жъ? Быть можетъ, небо сей грозой
Гласитъ бѣду Сибири устрашенной.

Кольцо.

Сія луна, какъ щитъ окровавленный,
Катящаяся надъ бурною рѣкой...

Ермакъ.

О нѣтъ! Она, какъ робкая дѣвица,
Глядится въ зеркало зыбей,
И юной прелести своей,
Краснѣя, тайно веселится.
Повѣрь, Кольцо, оставь свой тщетный страхъ:
Мнѣ нечего еще теперь бояться,
Здѣсь нѣтъ враговъ.

Кольцо.

Ермакъ! Въ густыхъ лѣсахъ,
Вокругъ теченья Иртыша, я знаю,
Скрываются остатки ихъ дружинъ.

Ермакъ.

Но ихъ немного. Въ станѣ семь со мною
Отважнѣйшая сотня козаковъ.
Ужель Остякъ пугливый...

Кольцо.

Но измѣна.

Ермакъ.

Ея здѣсь нѣтъ.

Кольцо.

Съ тобою Мещерякъ!

Ермакъ.

Опять!... Всечасно ты твердишь мнѣ тоже.
Я знаю, ты давно ужъ съ нимъ въ враждѣ,
А это чувство часто ослѣпляетъ;
Но вѣрь мнѣ, храбраго и смѣлаго бойца
Я подозрѣньемъ не обижу.

Кольцо.

Что же?
Пусть будетъ онъ начальникомъ дружинъ,
Которыя со мною ты оставилъ.

Ермакъ.

Нѣтъ, онъ угрюмъ и дикъ, и на него
Возстали бы Сибирскіе народы;
Ты мудростью и кротостью своей
Вражду потушишь въ ихъ сердцахъ суровыхъ
И съ властью Русской примиришь Сибирь.

Кольцо.

Не самъ ли ты предчувствуешь погибель?

Ермакъ.

Не отъ него.

Кольцо.

Возьми меня съ собою.
Позволь съ тобою мнѣ идти къ сраженьямъ,
Всегда, вездѣ сопутствовать тебѣ.
Тогда измѣны не страшися болѣ:
Безсонный стражъ и почію, и днемъ,
Вокругъ шатровъ, вкругъ дремлющаго стана,
За вѣрность всѣхъ отвѣтствуетъ Кольцо.
Оставь Мещеряка; въ душѣ своей
Питаетъ онъ коварство и измѣну.

Ермакъ.

И если онъ измѣнитъ, пусть падутъ
Двѣ тысячи воителей отважныхъ,
Надежда, слава Русской стороны;
Пусть всѣ погибнутъ,—ты, Ермакъ, спасешься.
Не такъ ли, другъ мой? О, Кольцо, Кольцо!
Тебя ли я и твой ли голосъ слышалъ?
О, пусть погибнетъ имя Ермака,
Забытое иль презрѣнное міромъ,
Когда я предпочту не только бытіе,
Но дружбы голосъ, иль любовь, иль славу,
Тебѣ, отечество мое!

Кольцо.

Я вижу, ты погибнуть долженъ. Дружба
Тебя спасти не можетъ. Да, Ермакъ,

Ты обреченъ быть жертвою судьбины!
Прости. (*Жметъ руку Ермака*).

Ермакъ (*обнимая его*).

Кольцо, приди къ груди моей.
(*Кольцо уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Ермакъ (*одинъ*).

Ермакъ.

Кому судьба дала такаго друга,
Тотъ не ропщи на жизнь! Онъ смерть мою
Предчувствуетъ. Нѣтъ, это лишь мечтанья,
Мгновенное смятеніе души
Отъ словъ моихъ и грустнаго прощанья.
Я знаю самъ, что скоро я паду.
Надъ всякимъ царствомъ есть хранитель тайный,
Могущій духъ, иль злобный иль благой,
И духъ сей жертвы требуетъ кровавой,
Чтобъ примириться съ властію чужой.
Престолъ Казани! За твое паденье
Россіи мститъ жестоко Іоаннъ!
Пусть о твоемъ свидѣтельствуетъ мщеньи
Сибирь, одинъ могильный мой курганъ!
Но въ эту ночь мнѣ нечего страшиться,
Моя душа спокойна и тиха,
И грудь моя вздымается такъ смѣло,
Такъ сладостно играетъ въ сердцѣ жизнь.
(*Помолчавъ*).
Какъ я люблю подъ темнымъ кровомъ ночи
Прохладнымъ воздухомъ дышать,
И съ тихимъ вдохновеньемъ очи
Къ лазури неба подымать!
Тамъ звѣзды яркія катятся
Вокругъ невидимыхъ осей;
Онѣ текутъ, онѣ стремятся,—
Рѣка негаснущихъ огней.
О стражи соннаго эѳира—
Средь черныхъ и угрюмыхъ тучъ
Залогъ спокойствія и мира!
Какъ мнѣ пріятенъ вашъ дрожащій лучъ!
Мнѣ кажется, онъ въ сердце проникаетъ,
И силой тайной, неземной,
Усталой груди возвращаетъ
Давно утраченный покой.
Не такъ же ли надъ Волгою струистой
Я въ прежніе года любилъ на васъ взирать,

И юной мыслію, какъ сны младенца чистой,
Въ вашъ свѣтлый сонмъ перелетать?
Но я не знаю, почему сегодня
Онѣ еще прелестнѣе блестятъ!
О мой отецъ! Не ты ли присылаешь
Въ сіяньи ихъ неслышимый привѣтъ
И сына къ Небу призываешь?

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Ермакъ, Заруцкій и часовой козакъ на стѣнѣ.

Заруцкій (*на стѣнѣ*).

Червленный, кончены твои часы;
Вы всѣ теперь въ свои идите ставки.

Ермакъ (*подходя къ стѣнѣ*).

Заруцкій, всѣ ли въ станѣ козаки?

Козакъ.

Нѣтъ, Мещерякъ еще не возвращался.

Ермакъ.

Но гдѣ же онъ?

Козакъ.

Ужъ будетъ съ часъ, какъ онъ
Въ сей лѣсъ пошелъ.

Ермакъ.

Одинъ?

Козакъ.

Мнѣ показалось,
Что кто-то вышелъ изъ лѣса къ нему,
Но только не козакъ.

Ермакъ (*въ сторону*).

А! Это странно!
Ужели правъ Кольцо? Мнѣ долгъ велитъ
Быть осторожнымъ. Я не стану болѣ
Мещеряку такъ много довѣрять.
Тому два дни, съ нимъ видѣли Шамана.
Заруцкій, отвори врата.
(*Заруцкій отворяетъ и выходитъ*).
Чтобъ Мещерякъ
Пришелъ ко мнѣ, какъ скоро онъ вернется.
Я спать не буду. Ты, Заруцкій, самъ

Будь бдителенъ. Ты помнишь, отъ тебя
Мы всѣ едва на Тарѣ не погибли.
И отъ того, дѣля награды вамъ,
Тогда я предпочелъ тебѣ Бряцалу,
Хотя ты былъ отважнѣе его.
Но ты съ тѣхъ поръ вину свою изгладилъ.
Будь бдительнѣй теперь.

(*Уходитъ въ станъ*).

Заруцкій.

Напоминай
О прежнихъ оскорбленьяхъ:—здѣсь чертами
Кровавыми записаны онѣ!
Вести къ нему Мещеряка? Повѣрь мнѣ,
Въ твою придетъ онъ ставку, но едва ль
Его привѣтомъ будешь ты доволенъ.

(*Уходитъ въ станъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Заруцкій и молодой Козакъ (*оба на стѣнѣ*).

Заруцкій.

Что, веселъ ли былъ прощальный пиръ? Вино
Лилось рѣками? Что жъ молчишь ты, Луцкій?

Молодой козакъ.

Да, пиръ былъ веселъ. Но, не знаю я,
Мнѣ что-то грустно.

Заруцкій.

Скучно быть на стражѣ,
И ночію, когда все въ станѣ спитъ,
Стоять на валѣ, окликая звѣзды,
Какъ будто филинъ или волкъ въ лѣсу.

Молодой козакъ.

Эхъ, нѣтъ! ты знаешь самъ, что я мечтатель,
И ночь люблю.

Заруцкій.

Не даромъ ты пѣвецъ.

Молодой козакъ.

Да, я всегда люблю смотрѣть на небо.

Заруцкій.

Оно похоже на-море.

Молодой козакъ.

О нѣтъ!
Какъ скоро вѣтръ взмахнетъ сердитыми крылами,
Я видѣлъ, море—зыбкое стекло—
Чернѣетъ дикими валами.
Но небо, ахъ! оно всегда надъ нами
Прелестно, тихо и свѣтло.

Заруцкій.

Вотъ такъ, какъ нынче? Видишь эти тучи
Ревущія надъ нашей головой?

Молодой козакъ.

Что жъ? Пусть несутся тучи бурны:
Вдали, смѣяся ихъ грозѣ,
Сіяетъ вѣчный сводъ лазурный
Въ недосягаемой красѣ.

Заруцкій.

Скажи, объ чемъ же грусть твоя? Недавно
Пришелъ ты въ станъ нашъ: можетъ быть, тебѣ
Не нравятся труды военной жизни?

Молодой козакъ.

О нѣтъ; я радъ войнѣ и съ Ермакомъ
Готовъ идти на смерть; но что-то нынче
Мнѣ нѐ-весело: будто бы бѣда
Какая-то, иль смерть сама, готова
Меня сразить.

Заруцкій.

Что жъ? Въ нашемъ ремеслѣ
Не далеко до смерти.

Молодой козакъ.

Я мечтаю
О родинѣ, о матери своей,
Которая меня такъ нѣжно любитъ;
Я думаю о горестной сестрѣ
И...

Заруцкій.

О красавицѣ, не правда ль?

Молодой козакъ.

Что же?

Заруцкій.

Идти въ походъ и думать о любви!
Стыдись! Вино твою прогонитъ скуку.
(*Вынимаетъ бутылку*).
Возьми и выпей.

Молодой козакъ.

Я довольно пилъ.

Заруцкій.

И въ жизнь ты не пивалъ вина такаго;
Оно въ мгновенье прогоняетъ грусть!
(*Молодой козакъ пьетъ*).
Что жъ? Спой теперь повеселѣе пѣсню.

Молодой козакъ.

Нѣтъ, въ этотъ вечеръ я никакъ не могъ
Ни головы, ни голоса настроить
На ладъ веселыхъ пѣсенъ.

Заруцкій.

Испытай.

Молодой козакъ (*поётъ, начавъ весело, и кончаетъ грустно*).

Какъ свѣтло и какъ весело солнце восходитъ
На широкихъ при-Донскихъ поляхъ!
Но свѣтлѣй, веселѣе надъ хладнымъ кладбищемъ,
На бѣлыхъ, безмолвныхъ гробахъ.
(*Перестаетъ пѣть*).
Ты видишь, началъ весело, а кончилъ
Какъ будто самъ я жизнь свою отпѣлъ.
Но тяжкій сонъ меня невольно клонитъ,
Глаза мои смыкаются.

Заруцкій.

Такъ что жъ?
Засни.

Молодой козакъ.

На стражѣ?

Заруцкій.

Я съ тобою,
И если нужно, разбужу тебя.

Молодой козакъ.

Не должно бъ засыпать. Но что же дѣлать?
Невольно.—Помни жъ, разбуди меня. (*Засыпаетъ*).

Заруцкій.

Ужъ онъ заснулъ. Напитокъ необманчивъ.
Другіе стражи далеко; вино
Почти закрыло имъ глаза, а буря
Покроетъ шумъ шаговъ. (*Ходитъ по стѣнѣ*).
Ермакъ не спитъ,
И, можетъ быть, пойдетъ по стану.—Полночь
Уже прошла, и всё они нейдутъ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Заруцкій, Мещерякъ.

Мещерякъ (*подходя къ стану*).

Заруцкій!

Заруцкій.

Мещерякъ, все тихо въ станѣ,
Всѣ спятъ; одинъ Ермакъ еще не спитъ
И ждетъ тебя.

Мещерякъ.

Одинъ онъ не спасется.
Но часовой?

Заруцкій.

Онъ спитъ.

Мещерякъ.

Какъ? Вѣчнымъ сномъ?

Заруцкій.

Нѣтъ.

Мещерякъ.

Онъ проснуться можетъ.

Заруцкій.

Понимаю.
(*Вынимаетъ кинжалъ и убиваетъ молодаго козака*).
Теперь спокоенъ будь. Готово все.
Но гдѣ жъ Шаманъ и вся его дружина?

Мещерякъ.

Вотъ онъ идетъ; ты отвори врата.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣже и Шаманъ съ толпою Остяковъ.

Мещерякъ.

Шаманъ, насъ ждетъ Заруцкій. Входъ свободенъ,
И смерти онъ не можетъ избѣжать.

Шаманъ (*къ Остякамъ*).

Войдите тихо, окружите ставки
И ждите знака. Мещерякъ, впередъ!
Веди насъ къ ставкѣ Ермака; съ тобою
Пятьсотъ бойцовъ, такъ не страшись его.

Мещерякъ.

Заруцкій, стой здѣсь на стѣнѣ у входа,
Но затвори врата, чтобы никто
Не могъ спастися изъ ограды стана,
Гдѣ нами все обречено на смерть.
(*Всѣ уходятъ въ станъ, и изъ-за кулисъ слышны крики*).
Измѣна! бейте!

Голосъ Шамана.

Мстите за Сибирь!

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

На стѣнѣ Заруцкій и Ермакъ (*съ обломкомъ копья*).

Ермакъ (*къ Заруцкому*).

Ты живъ? Ты здѣсь?

Заруцкій (*ударяя мечомъ*).

И это мой отвѣтъ!

Ермакъ (*убивая его, такъ что тотъ падаетъ за кулисы*).

Измѣнникъ гнусный, вотъ твоя награда!
(*Выходитъ изъ стана, опираясь на копье; двѣ стрѣлы вонзились въ его бронь, полученной отъ Царя*).
Они погибли, всѣхъ постигла смерть,
Всѣхъ, всѣхъ! Сія безстрашная дружина,
Съ которой столько разъ я побѣждалъ,
Товарищи моихъ трудовъ и славы...
Погибли всѣ! И я не могъ отмстить!...
О, падшіе друзья! Когда бъ слезами
Васъ можно было къ жизни возвратить,
Какъ радостно надъ вашими тѣлами

Я кровь бы выплакалъ свою! Одинъ
Я живъ остался: окруженъ измѣной,
Я путь себѣ открылъ среди враговъ,
И въ темнотѣ отъ ихъ сокрылся взоровъ.
Но двѣ стрѣлы въ мою вонзились грудь.
Я чувствую, смертельны эти раны.
Но прежде смерти, можетъ быть, враги,
Какъ слабаго и трепетнаго звѣря,
Меня настигнутъ, и тогда, смѣясь
Безсилью Ермака, съ ослабшихъ мышцъ
Они сорвутъ сіи дары Царя,
Чтобъ передать потомкамъ отдаленнымъ
Свидѣтельство побѣды надо мной!...
Иртышъ, ты будь защитникомъ моимъ!

(*Входитъ на скалу надъ Иртышемъ*).

Прости, Россія! никогда ужъ болѣ
Не буду я сражаться за тебя!
О Ольга! Ты, любимая до гроба,
Прости! Поутру вѣсть къ тебѣ придетъ
О смерти Ермака... и ты, быть можетъ,
Прольешь о немъ слезу...

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Ермакъ на скалѣ. Остяки и послѣ Мещерякъ и Шаманъ.

(*Голосъ одного* **Остяка** *изъ-за кумисъ*).

Сюда, за мною!
Тамъ на скалахъ я вижу козака.

(*Многіе Остяки выбѣгаютъ изъ стана*).

Ермакъ.

Ужели вы забыли Ермака? (*Всѣ отступаютъ*).
Кто ступитъ шагъ, того къ шайтанамъ смерти
Въ подземный мракъ пошлетъ моя рука.

Мещерякъ (*выбѣгаетъ и за нимъ Шаманъ*).

Что жъ медлите! Стремитесь на утесы!
За мной! Его сразитъ сей вѣрный мечъ.

Ермакъ (*бросая въ него копье*).

А, Мещерякъ! Возьми сей даръ отъ друга!

Мещерякъ (*упадая*).

О, смерть! Друзья, отмстите за меня.

Одинъ Остякъ.

Мстить за измѣнника?

Мещерякъ.

И вотъ... награда.

Одинъ Остякъ *другому.*

Убей его, чтобъ онъ не тосковалъ.

Мещерякъ *(умирая подъ ихъ ударами).*

О! Адъ и смерть!

Остякъ.

Но для чего жъ мы медлимъ?
Ермакъ еще живетъ—къ нему, къ нему!

Шаманъ *(удерживая ихъ знакомъ руки).*

Ты видишь ли, свершилось предсказанье.
Ты, можетъ быть, смѣялся надо мной
И надъ угрозами Шамана;
Но я отмстилъ.

Ермакъ.

Обѣтъ исполненъ твой,
Но не стрѣлой изъ вашего колчана,
Не остріемъ Сибирскаго копья,
Шаманъ, теперь погибну я. (*Подходя къ краю, къ Иртышу*).
Ты видишь, тамъ рѣка клубится...

Шаманъ.

Иртышъ сѣдой,—такъ зрѣлъ я въ вѣщемъ снѣ,—
Тебя вѣнчалъ въ бездонной глубинѣ,
И сонъ таинственный свершится:
Гдѣ между скалъ шумитъ струя,
Вѣнецъ Сибири бросилъ я.

Ермакъ.

Все кончено. Я въ пристани покоя
И не подвластенъ вѣтреной судьбѣ.
Прости, земля и жизнь земная!
Прости навѣкъ, отчизна дорогая!
Примите Ермака, онъ призываетъ васъ,
О волны Иртыша сѣдыя!
А вы услышьте мой прощальный гласъ:
Сибири болѣ нѣтъ: отнынѣ здѣсь Россія!

(*Бросается въ Иртышъ*).

СТИХОТВОРЕНІЯ РАННІЯ

И НЕ ВОШЕДШІЯ ВЪ СБОРНИКЪ 1888 ГОДА.

СТИХОТВОРЕНІЯ РАННІЯ

И НЕ ВОШЕДШІЯ ВЪ СБОРНИКЪ 1888 ГОДА.

Посланіе къ Веневитиновымъ *).

1821.

И такъ, настал сей день побѣды, славы, мщенія;
И такъ, свершилися мечты воображенія,
Предчувствія души, сны юности златой,
Желанья пылкія исполнены судьбой!
Отъ Сѣверныхъ морей, покрытыхъ вѣчно льдами,
До Средиземныхъ волнъ, возлюбленныхъ богами,
Тѣхъ мѣстъ, гдѣ небеса, лазурь морскихъ зыбей,
Скалы, лѣса, поля все мило для очей,
Во всѣхъ уже странахъ давно цвѣли народы
Законовъ подъ щитомъ, подъ сѣнію свободы.

*

Лишь Греція одна стонала подъ ярмомъ.
Столѣтья протекли. Объяты тяжкимъ сномъ,
Въ ней слава, мужество, геройскій духъ молчали,
И, мнилося, они на вѣки чужды стали
Своей странѣ родной, странѣ великихъ дѣлъ,
Странѣ, гдѣ нѣкогда свободы гимнъ гремѣлъ
Въ долинахъ, на холмахъ, въ ущельяхъ горъ высокихъ.
Пришлецъ съ Алтайскихъ горъ, сынъ дебрей и степей,
Обременилъ ее безславіемъ цѣпей.
Тиранства алчнаго ненасытимый геній
Разрушилъ чудеса минувшихъ поколѣній.
И злато, и труды голодной нищеты,
И сила юности, и прелесть красоты—
Все было добычей владыкъ иноплеменныхъ.
Но Небо тронулось мольбами угнетенныхъ,
И Греція, свой сонъ сотрясши вѣковой,
Возникла, какъ гигантъ, могущею главой.

*

*) Написаніе этихъ стиховъ, вѣроятно, находилось въ связи съ попыткой 17-лѣтняго автора бѣжать на помощь возставшимъ Грекамъ. Ср. біографію Хомякова г. В. Лясковскаго. *Изд.*

О, други! Какъ мой духъ пылаетъ бранной славой:
Я сердцемъ и душей среди войны кровавой!
Свирѣпыхъ варваровъ непримиримый врагъ,
Я мыслью съ Греками, сражаюсь въ ихъ рядахъ..
Такъ, все великое въ Элладу призываетъ!
Эллада! О, друзья, сей звукъ напоминаетъ
Душѣ, забывшейся средь суетныхъ страстей,
О добродѣтели, о славѣ древнихъ дней,
О всемъ, что̀ съ дѣтскихъ лѣтъ нашъ пылкій духъ плѣняло
И жаръ высокихъ чувствъ въ груди воспламеняло.
Тамъ, тамъ любимецъ Музъ, слѣпецъ всезрящій пѣлъ,
Тамъ бурный Демосѳенъ, какъ самъ Зевесъ, гремѣлъ;
И Леонида тѣнь, расторгши плѣнъ могилы,
Еще средь васъ живетъ, священны Ѳермопилы!
Гдѣ жили сильные—доселѣ видимъ слѣдъ:
Въ Элладѣ каждый холмъ есть памятникъ побѣдъ.
О прежнихъ подвигахъ въ ней тихій лѣсъ вздыхаетъ,
И перелетный вѣтръ всечасно повторяетъ
Героевъ и пѣвцовъ безсмертны имена.
Въ ней славой прежнихъ лѣтъ природа вся полна;
Восторгъ еще живетъ среди уединенья,
И каждый ручеекъ—источникъ вдохновенья.

*

Такъ я пойду, друзья, пойду въ кровавый бой,
За счастіе страны, по сердцу мнѣ родной,
И новый Леонидъ Эллады возрожденной,
Я буду жить въ вѣкахъ и памяти вселенной.
Я гряну, какъ Перунъ! Прелестный, сладкій сонъ!
Но никогда, увы, не совершится онъ!
И вы велите мнѣ, какъ въ свѣтлы дни забавы,
Воспѣть свирѣпу брань, дѣянья громкой славы?
Вотще: одной мечтой душа моя полна.

*

Сошли на землю ночь и мрака тишина,
И сонъ, несчастныхъ другъ, глаза мои смыкаетъ;
Заря ли ранняя къ заботамъ пробуждаетъ,
Иль полдень пламенный горитъ на небесахъ:
Одно мой внемлетъ слухъ, одно въ моихъ очахъ,
Лишь стоны, смерть и кровь, ужасный видъ сраженья,
И гибель Эллиновъ средь праведнаго мщенья.

*

Нѣтъ, нѣтъ, лишь тотъ пѣвецъ, кто Музамъ въ даръ несетъ
Безпечный, пылкій духъ, свободный отъ заботъ.
О дщери юныя суровой Мнемозины!
Дубравы мирныя и тихія долины,

Спокойствіе полей, ручья пустынный гласъ
И сердце безъ страстей одни плѣняютъ васъ.
И мнѣ ли пѣть, друзья, съ душею угнетенной?
Но ты съ младенчества отъ Феба вдохновенный,
Ты вѣрный жрецъ его, весны пѣвецъ младой,
Стремись къ безсмертію; пой, юный Томсонъ, пой!
Пой, Дмитрій! Твой вѣнецъ—зеленый лавръ съ оливой;
Любимецъ сельскихъ Музъ и другъ мечты игривой,
Съ душой безоблачной, безпеченъ какъ дитя,
Дни юности златой проходишь ты шутя.
Воспой же времена, круговращенья года.
Тебя зоветъ Парнасъ, тебя внушитъ природа!
Но друга твоего оставилъ прежній жаръ,
Исчезъ, какъ легкій сонъ, высокихъ пѣсней даръ.
И ахъ! На вѣкъ унесъ могущій грусти геній
И чашу радостей, и чашу вдохновеній.

*

О, еслибъ гласъ Царя призвалъ насъ въ грозный бой!
О, еслибъ онъ велѣлъ, чтобъ Русскій мечъ стальной,
Спасатель слабыхъ царствъ, надежда, страхъ вселенной,
Отмстилъ за горести Эллады угнетенной!
Тогда бы, грудью ставъ средь доблестныхъ бойцевъ,
За Грековъ мщенье, честь и вѣру праотцевъ,
Я ожилъ бы еще расцвѣтшею душою,
И снова подружась съ Каменою благою,
На лирѣ сладостной, въ объятіяхъ друзей,
Я пѣлъ бы старину и битвы прежнихъ дней.

Посланіе къ другу.

(Вѣроятно подражаніе Горацію).

1822.

О, другъ мой, ты пойдешь на край земли со мною,
Къ предѣламъ Азіи, гдѣ бурныя моря
Всечасно бьютъ о брегъ шумящею волною,
Гдѣ часто въ небесахъ полнощная заря
Дрожащій блескъ свой простираетъ.
Гдѣ вихря гласъ не умолкаетъ,
Гдѣ вѣчный снѣгъ въ поляхъ лежитъ,
И бѣдный Самоѣдъ съ пернатыми стрѣлами
За ланью робкою, за дикими волками
Съ веселой пѣснію летитъ.
Со мной ты преплывешь и бездны океана,
Пойдешь въ страну исчезнувшихъ чудесъ;
Гдѣ спитъ въ безмолвіи Ливіи степь песчана
И пламенный Самумъ—дыханіе небесъ;
Гдѣ змѣй въ пустынѣ обитаетъ,
Гдѣ слышенъ гидры свистъ въ поляхъ;
Левъ дебри ревомъ оглашаетъ
И тигръ скрывается въ кустахъ.
Но сердцу твоему не нужно испытанье,
Не нужно намъ на край земли летѣть.
У друга твоего одно, одно желанье:
Въ отечествѣ спокойно умереть!
Подъ кровлею моей драгаго нѣтъ убора,
Здѣсь роскошь не блеститъ,
Ничто не привлекаетъ взора
И къ нѣгѣ не манитъ.
Нѣтъ у меня столбовъ, изъ яшмы изсѣченныхъ,
Нѣтъ у меня парчи златой,
Нѣтъ рѣдкихъ янтарей, нѣтъ камней драгоцѣнныхъ...
На что они? Не имъ сопутствуетъ покой.
Египетъ мнѣ не шлетъ コралловъ,
Китай фарфора не даритъ,
Британецъ не несетъ ко мнѣ златыхъ бокаловъ,
Токай въ кристаллахъ не кипитъ.

Но здѣсь сады, поросшіе травою,
Но здѣсь рѣка, кристальный свѣтлый прудъ,
И ручейки извилистой стезею
Съ холмовъ журча, по камушкамъ падутъ;
Вкругъ дома липовыя рощи,
Куда не проницалъ палящій солнца свѣтъ,
Гдѣ всякій часъ хоръ птицъ поетъ,
И соловей во время нощи
Ліетъ повсюду свѣтлый гласъ,
Доколѣ не пройдетъ веселый утра часъ.
Когда пылаетъ полдень знойный
И сводъ небесный раскаленъ,
Тогда вкусимъ мы сонъ спокойный,
Гдѣ ильмъ и ель, широколистый кленъ
И древній дубъ, сплетаяся вѣтвями,
Склонятъ свою главу и зашумятъ надъ нами.
Приди сюда, вѣрнѣйшій изъ друзей,
Подъ кровъ уединенный;
Приди сюда, приди скорѣй,
Мы дружбѣ здѣсь воздвигнемъ храмъ священный
И Музамъ въ честь алтарь простой.
Онѣ насъ въ грусти утѣшали;
Ихъ пѣсни тяжкаго Сатурна *) окрыляли;
Мы будемъ имъ служить признательной душой.
Ты не страшись заботъ; повѣрь, благіе боги
Нашъ мирный кровъ отъ нихъ освободятъ.
Онѣ летятъ въ богатые чертоги,
Но насъ, мой другъ, не посѣтятъ.
Жилище ихъ—гдѣ яхонты сіяютъ,
И въ златѣ и въ парчахъ,
Гдѣ жадные льстецы толпами поспѣшаютъ
Предъ божествомъ своимъ склонить главу во прахъ.
Но бѣдный ихъ кумиръ, терзаемый тоскою,
Средь блеска роскоши, добыча злыхъ заботъ,
Теперь смѣется предъ толпою;
Толпа разсѣялась, счастливецъ слезы льетъ.
А мы друзья уединенья
Спокойно будемъ жить,
И каждый мигъ намъ будетъ наслажденье
И радости живѣйшія дарить.
Какъ быстро съ горъ стремятся воды,
Такъ быстро полетятъ для насъ крылаты годы;

---

*) Вѣроятно, намекъ на Sic horridus ille defluxit numerus Saturnius. Horat. Epist. II. 1.158.

И мы, счастливые, забыты отъ другихъ,
Какъ два ручья въ муравчатой долинѣ,
Мы будемъ течь къ морямъ, къ кончинѣ,
Безъ шума, безъ валовъ сѣдыхъ.

Безсмертіе вождя.

(Полярная Звѣзда 1824 г.)

Какъ быстро облака несутся въ высотахъ,
И воды съ горъ бѣгутъ въ сребристыхъ ручейкахъ,
И вешній вѣтерокъ летаетъ надъ цвѣтами.
Но, ахъ! Быстрѣе облаковъ,
И струй, и вешнихъ вѣтерковъ
Мелькаютъ дни за днями.
Когда средь тишины промчится легкій челнъ,
По лону свѣтлому Ильменскихъ синихъ волнъ,
За нимъ среди зыбей, на мигъ одинъ блеснувшихъ,
Вновь исчезаетъ бѣглый слѣдъ;
Такъ гибнутъ въ темной безднѣ лѣтъ
Слѣды временъ минувшихъ!
Счастливъ, кто вѣкъ провелъ златой
И съ тихой дружбою, и съ рѣзвою мечтой;
Счастливъ, кто избранный богами и судьбою,
Не знавши старости туманныхъ, хладныхъ дней,
Сошелъ въ безмолвный домъ тѣней,
Простившись съ радостью и жизнью молодою:
Онъ видѣлъ міръ, какъ въ сладкомъ снѣ
Цвѣтною радугой, сквозь занавѣсъ тумана;
На темной сердца глубинѣ
Онъ не читалъ притворства и обмана;
И упованья юныхъ лѣтъ
Предъ нимъ во мглѣ не исчезали;
Счастливца въ жизни не встрѣчали
Ни длань судьбы, ни бремя лютыхъ бѣдъ,
Ни чувство тяжкое, ужаснѣе печали,
Души увядшей пустота.
Нѣтъ, радость дни его цвѣтами усыпала,
Надежда сладкая предъ юношей летала,
И дочь благихъ небесъ лелѣяла мечта.
Но счастливѣй стократъ, кто съ бодрою душею
За родину летѣлъ въ кровавый бой,
И лучезарною браздою
Разсѣкъ временъ туманъ густой.

Онъ легъ главой непобѣжденной
Въ объятьяхъ гроба отдохнуть
Не такъ, какъ старецъ утомленный,
Свершившій многотрудный путь,
Но такъ, какъ царь свѣтилъ, спокойный, величавый,
Нисшедшій въ рдяныя моря;
Онъ легъ, а вслѣдъ за нимъ вспылала вѣчной славы
Неугасимая заря.
И имя витязя, гремя въ вѣкахъ далекихъ,
Какъ грозный гласъ трубы на вторящихъ горахъ,
Пробудетъ въ гражданахъ весь пламень чувствъ высокихъ
И ужасъ въ дерзкихъ пришлецахъ.

Желаніе покоя.

Налей, налей въ бокалъ кипящее вино!
Какъ тихій токъ воды забвенья,
Моей души жестокія мученья
На время утолитъ оно!
Пойдемъ туда, гдѣ дышетъ радость,
Гдѣ бурный вихрь забавъ шумитъ,
Гдѣ гласъ души, гдѣ гласъ страстей молчитъ,
Гдѣ не живутъ, но тратятъ жизнь и младость.
Среди веселыхъ игръ, за радостнымъ столомъ,
На мигъ упившись счастьемъ ложнымъ,
Я пріучусь къ мечтамъ ничтожнымъ,
Съ судьбою примирюсь виномъ.
Я сердца усмирю роптанье;
А думамъ не велю летать;
На тихое небесъ сіянье
Я не велю глазамъ своимъ взирать.
Сей синій сводъ, усѣянный звѣздами,
И тихая безмолвной ночи тѣнь,
И въ утреннихъ вратахъ раждающійся день,
И царь свѣтилъ, горящій надъ водами,—
Они измѣнники! Они, прельщая взоръ,
Пробудятъ вновь всѣ сны воображенья;
И сердце робкое, просящее забвенья,
Прочтетъ въ нихъ пламенный укоръ.
Оставь меня, покоя врагъ угрюмый,
Къ высокому, къ прекрасному любовь!
Ты слишкомъ долго тщетной думой
Младую волновала кровь.
Оставь меня! Волшебными словами
Ты сладкій ядъ во грудь мою влила,
И вслѣдъ за свѣтлыми мечтами
Меня отъ міра увлекла.
Довольный свѣтомъ и судьбою,
Я могъ бы жизненной стезёю
Влачиться къ цѣли роковой
Съ непробужденною душою.

Я могъ бы радости съ толпою раздѣлять;
Я могъ бы рвать земныя розы,
Я могъ бы лить земныя слёзы
И счастью въ жизни довѣрять.
Но ты пришла: съ улыбкою презрѣнья
На смертныхъ родъ взирала ты,
На ихъ желанья, наслажденья,
На ихъ безсильные труды.
Ты мнѣ съ восторгомъ, другъ коварный,
Являла новый міръ вдали,
И путь высокій, лучезарный
Надъ смутнымъ сумракомъ земли.
Тамъ все прекрасное, чѣмъ сердце восхищалось,
Тамъ все высокое, чѣмъ духъ питался мой,
Въ вѣнцахъ безсмертія являлось
И вслѣдъ манило за собой.
И ты звала: ты сладко напѣвала
О незабвенной старинѣ,
Вѣнцы и славу обѣщала,
Безсмертье обѣщала мнѣ.
И я повѣрилъ: обаянный
Волшебнымъ звукомъ словъ твоихъ,
Я презрѣлъ Вакха даръ румяный
И чашу радостей земныхъ.
Но что жъ? Скажи: за всѣ отрады,
Которыхъ я на вѣкъ лишенъ,
За жизнь спокойную, души безпечный сонъ,
Какія ты дала награды? —
Мечты неясныя, внушенныя тоской,
Твои слова, обѣты и обманы,
И между счастія и тягостныя раны
Въ груди растерзанной судьбой.
Прости. . . . .
Но нѣтъ! Мой духъ пылаетъ
Живымъ, негаснущимъ огнемъ,
И никогда чело не просіяетъ
Веселья мирнаго лучомъ.
Нѣтъ, нѣтъ! Я не могу цѣпей слѣпой богини,
Смиренный рабъ, съ улыбкою влачить.
Орлу ль полетъ свой позабыть?
Отдайте вновь ему широкія пустыни,
Его скалы, его дремучій лѣсъ.
Онъ жаждетъ брани и свободы,
Онъ жаждетъ бурь и непогоды,
И безпредѣльности небесъ!

Увы! Напрасныя желанья!
Возьмите жъ отъ меня безплодый сердца жаръ,
Мои мечты, надежды, вспоминанья,
И къ славѣ страсть, и пѣснопѣнья даръ,
И чувствъ возвышенныхъ стремленья,
Возьмите всё! Но дайте лишь покой,
Безпечность прежнихъ сновъ забвенья,
И тишину души, утраченную мной.

(Спб. 1824).

Молодость.

Небо, дай мнѣ длани
Мощнаго Титана!
Я схвачу природу
Въ пламенныхъ объятьяхъ;
Я прижму природу
Къ трепетному сердцу,
И она желанью
Се́рдца отзовется
Юною любовью.
Въ ней всё дышитъ страстью,
Все кипитъ и блещетъ,
И ничто не дремлетъ
Хладною дремотой.

На землѣ пылаютъ
Грозные волканы;
Съ шумомъ льются рѣки
Къ безднамъ океана,
И въ лазурномъ спорѣ
Волны рѣзво плещутъ
Бурною игрою.
И земля и море
Свѣтлыми мечтами,
Радостью, надеждой,
Славой и красою
Смертнаго дарятъ.

Звѣзды въ синей тверди
Мчатся за звѣздами,
И въ потокахъ свѣта
Льется по эѳиру
Тайный страсти голосъ,
Тайное призванье.
И вѣка проходятъ,
И вѣка родятся,—
Вѣчное боренье,
Пламенная жизнь.

Небо, дай мнѣ длани
Мощнаго Титана:
Я хочу природу,
Какъ любовникъ страстный,
Радостно обнять.

(1827).

Старость.

Скорѣй, скорѣй сомкнитесь очи.
Зачѣмъ вы смотрите на свѣтъ?
Часы проходятъ, дни и ночи,
И годы за годами вслѣдъ;
А въ мірѣ все, что было прежде:
Желанье жадно, жизнь бѣдна,
И вѣрятъ смертные надеждѣ
И смертнымъ вѣчно лжетъ она.
Я видѣлъ вѣщія скрижали
Завѣты древности сѣдой,
И что жъ? Исполненъ былъ печали
Временъ минувшихъ гласъ святой.
Съ тѣхъ поръ, какъ міръ изъ колыбели
Воспрянулъ въ юной красотѣ,
И звѣзды стройно полетѣли
Въ небесной, синей высотѣ:
Какъ въ бурномъ морѣ за волною
Шумя къ брегамъ бѣжитъ волна,
Такъ неисчетны надъ землею
Промчались смертныхъ племена.
Возстали, рушились державы,
Народы сгибли безъ слѣдовъ,
И горькая насмѣшка славы,
Одна осталась отъ вѣковъ.
Страстей неистовыхъ волненіе
И горе, властелинъ земли,
И счастья свѣтлое видѣніе
Всегда манящее вдали,
Для взоровъ старца все открылось.
Постыла жизнь его глазамъ,
Душа въ обманахъ утомилась,
Она извѣрилась мечтамъ.
И ждетъ въ томленіи упованія,
Пріидетъ ли часъ, когда желанья
Въ ея умолкнутъ глубинѣ,
И океанъ существованія
Заснетъ въ безбрежной тишинѣ.

Степи.

Ахъ! Я хотѣлъ бы быть въ степяхъ
Одинъ съ ружьемъ неотразимымъ,
Съ гнѣдымъ конемъ неутомимымъ
И съ сѣрымъ псомъ при стременахъ.
Куда ни взглянешь, нѣтъ селенія,
Молчатъ безбрежныя поля,
И такъ, какъ въ первый день творенія
Цвѣтетъ свободная земля.
Тамъ не просѣкъ ее межами
Людей безсмысленный законъ;
Людей безумными трудами
Тамъ Божій міръ не искаженъ.
Но смертныхъ ждетъ святая доля,
Труды, здоровье и покой,
Безпечный миръ, восторгъ живой,
Степей кочующая воля.
Ахъ для чего я не въ степяхъ
Одинъ съ ружьемъ неотразимымъ,
Съ гнѣдымъ конемъ неутомимымъ
И съ сѣрымъ псомъ при стременахъ?

Экспромтъ.

(Къ Н. А. Муханову).

Зачѣмъ печальный и угрюмый
Мой другъ молчаніе хранитъ?
Какой смущенъ мятежной думой,
Куда мечтами онъ летитъ?
Летитъ ли онъ въ тотъ край далекій,
Гдѣ свѣтелъ синій небосклонъ,
Гдѣ воды льетъ Дунай глубокій,
Трубою бранной оглашенъ?
Туда, гдѣ Русскія палатки
Покрыли скатъ крутыхъ холмовъ,
И жажда битвъ и близкой схватки
Тревожитъ смѣлу грудь бойцевъ?
И ты томимъ желаніемъ брани,
И ты алкаешь бурныхъ сѣчъ;
Къ мечу падутъ невольно длани,
Въ ножнахъ трепещетъ вѣрный мечъ.
Но нѣтъ! Судьбы тебя сковали.

Мечу назначенъ долгій сонъ,
И тяжкимъ облакомъ печали
Не даромъ взоръ твой омраченъ!
Ты проклинаешь рокъ суровый,
Столицы дремлющей покой,
И рвешь желѣзныя оковы
Увы! безсильною рукой.

1-го Мая 1828.

Три экспромта при прощаніяхъ.

I.

Въ стаканы чокъ!
И въ губы чмокъ!
На долгій срокъ,
Друзья, прощайте!
Лечу къ боямъ,
Къ другимъ краямъ
Во слѣдъ орламъ.
Чокъ—выпивайте!
Быть можетъ, насъ
Въ послѣдній разъ
Веселый часъ
Собралъ за чашей.
Что жъ? Плакать? нѣтъ!
Въ честь прежнихъ лѣтъ
Святыхъ бесѣдъ
И дружбы нашей
Въ стаканы чокъ,
И, вивáтъ,—младость!
Она была
Не весела;
Но всѣмъ дала
Подъ часъ намъ радость!
Такъ въ честь же ей
Стаканъ налей,
И виватъ младость!

II.

Три стакана Шампанскаго.

Кипитъ Шампанское въ стаканѣ,
Кипитъ и блещетъ жемчугомъ;
Мечты віются надъ моимъ челомъ
Какъ чайки бѣлыя въ туманѣ.

Налейте мнѣ еще стаканъ!
Тогда разсѣется туманъ,
И яркими чертами свѣта
Увидитъ свѣтлый взоръ поэта
Другого міра чудеса;
Увидитъ новыя творенья
Другія земли, небеса.
Мечты восторженной видѣнья!
Какъ міръ тотъ сердцу говоритъ!
Тамъ никогда надежды цвѣтъ не вянетъ,
Тамъ дружба дружбы не обманетъ,
Любовь любви не измѣнитъ.
Тамъ вѣчная весна, тамъ вѣчно пѣснь звучитъ.
Но здѣсь нашъ вѣкъ есть вѣкъ чугунный;
На мигъ даетъ намъ Богъ и юность и весну.
Чтобъ позабыть про міръ подлунный
Прибѣгнемте товарищи къ вину.
Еще стаканъ!... Я я засну
Подъ говоръ горнихъ лиръ и арфы тихострунной.

III.

Ударилъ часъ, прощайте други!
Мнѣ предстоитъ далекій путь.
Съ кѣмъ мнѣ теперь дѣлить мои досуги?
При комъ свободно мнѣ вздохнуть?
Пусть веселъ свѣтлый край Дуная,
И веселы кровавые бои;
Но вѣрьте мнѣ—тамъ образъ рая,
Гдѣ съ вами я, друзья мои!
Надолго я разстанусь съ вами
Но подъ Рущукскими стѣнами,
На потѣ битвы роковой,
Подъ ставкою, подъ знаменами
Въ мечтахъ вы будете со мной.
Быть можетъ, не вѣнецъ лавровый,
Кровавый мнѣ готовится вѣнецъ;
Но надъ тобою, рокъ суровый,
И, тамъ, какъ здѣсь, возносится—пѣвецъ!
И тамъ, какъ здѣсь, въ послѣднее мгновеніе
Спокойно улыбнуся я;
Мнѣ явятся веселыя видѣнія,
Мнѣ явятся веселые друзья.
А вы!..... Забудете ль поэта
Въ роскошной южной сторонѣ?
Въ столицѣ шумной въ вихрѣ свѣта,
Друзья, вздохнете-ль обо мнѣ?

На новый 1828-й годъ.

Пробилъ полночи часъ туманный
Сынъ времени свершилъ свой ходъ
И вотъ, въ пріютъ мой, гость незванный,
Спустился тихо новый годъ.
Слетая въ міръ, онъ ждалъ привѣта
И свѣта плескомъ встрѣченъ былъ
Но что же? Стройный гласъ поэта
Его до сель не освятилъ?
И онъ съ улыбкою лукавой.
„Чего ты просишь? мнѣ сказалъ.
Я подружу тебя со славой,
Дамъ кучу злата!“ Я молчалъ.
„Я утолю твои печали“
Шепнулъ онъ съ ласковымъ лицомъ,
„И сердца грустныя скрижали
Забвенья смою я ручьемъ.
Ты вспомнишь прежнія утраты,
Какъ помнятъ сонъ съ восходомъ дня;
И вновь, надеждами богатый,
Полюбишь жизнь!“ Оставь меня.
Ты слышишь тамъ рукоплесканія
Веселье, шумные пиры;
Поди тамъ сыпать обѣщанья,
Тамъ расточай свои дары.
Давно ль, когда твой братъ коварный
Мнѣ тѣже рѣчи говорилъ
Я жертвой пѣсни благодарной
Его приходъ благословилъ?
И что жъ? Питомецъ вдохновенія
Мой другъ, мой братъ былъ взятъ землей,
И чистый геній пѣснопѣнья
Любимый храмъ покинулъ свой.
Но многимъ горесть утолится,
Ты многимъ счастье можешь дать;
Но что̀ въ груди пѣвца таится,
Того не въ силахъ ты отнять.
Не какъ другіе дни проводитъ
Душа, любимица мечты:
Въ ней какъ въ водѣ рѣзецъ проходитъ,
Какъ въ камнѣ вѣчны въ ней черты.

Вдохновеніе.

Тотъ, кто не плакалъ, не дерзни,
Своей рукой непосвѣщенной
Струны коснуться вдохновенной.
Поэтовъ званья не скверни!
Лишь сердце, въ коемъ стрѣлы рока
Прорыли тяжкіе слѣды,
Святитъ, какъ вѣщій духъ пророка,
Свои невольные труды.
И рана въ немъ не исцѣлѣетъ,
И вѣчно будетъ литься кровь;
Но пѣсни духъ надъ нею вѣетъ
И думъ возвышенныхъ любовь.
Такъ средь Аравіи песчаной
Надъ степью дерево растетъ,
Когда его глубокой раной
Рука пришельца просѣчетъ.
Тогда, какъ слёзы въ день страданія,
По дико врѣзаннымъ браздамъ
Течетъ роса благоуханія,
Небесъ любимый ѳиміамъ.

Элегія.

На смерть Василія Степановича Кирѣевскаго. *)

Я знаю, въ гробъ его сокрыли,
И землю сыпали надъ нимъ;
Но встанетъ онъ изъ хладной пыли,
Онъ явится глазамъ моимъ,
Когда нибудь въ часы полночи
Когда всё стихнетъ на землѣ,
И какъ недремлющія очи
Зажгутся звѣзды въ синей млѣ,
Онъ молча предо мною станетъ,
Не слышимъ, будто легкій сонъ—
И только на меня онъ взглянетъ,
И только улыбнется онъ.
Но не простретъ онъ длани хладной.
Стѣснится горемъ грудь моя,

*) Это былъ двоюродный братъ А. С. Хомякова. *Изд.*

И то заплачу я отрадно,
То горько улыбнуся я.
Что жъ медлишь другъ? Я жду тебя.
Не думай, чтобы я страшился
Увидѣть свѣтъ твоихъ очей!
Пусть скажутъ, что ты въ гробъ сокрылся:
Ты всё живёшь въ груди моей.
Другой меня съ улыбкой встрѣтитъ,
И тёменъ мнѣ его привѣтъ;
Но взоръ твой всё мнѣ дружбой свѣтитъ,
Онъ свѣтитъ счастьемъ прежнихъ лѣтъ.

Къ нему же.

Ты молодъ былъ, когда прощанья
Ударилъ неизбѣжный часъ,
И звуки грознаго призванья
Тебя похитили у насъ.
Въ тебѣ кипѣли жизни волны,
Въ тебѣ пылалъ огонь страстей,
И ты сошёлъ надежды полный
Въ жилище дѣдовскихъ костей.
Счастливъ! Тамъ персть твоя сокрыта
Отъ стрѣлъ мучительныхъ заботъ,
И отъ судебъ тебѣ защита
Могилы каменный оплотъ.
Но горе мнѣ! Я здѣсь скитаюсь,
Я рабъ судьбины, рабъ страстей,
Въ безсильи гордомъ, пресмыкаюсь
Подъ грузомъ тягостнымъ скорбей.
И старость грустная настанетъ,
Она потушитъ жаръ ланитъ,
Морщины по челу протянетъ,
Мой черный волосъ убѣлитъ.
Она холодною рукою
Исторгнетъ изъ груди моей
Мечты любимыя тобою,
Порывы юношескихъ дней.
Восторги, радости, желанія
Отниметъ всё.... Нѣтъ, страхъ пустой!
Я воскрешу твои мечтанія,
Надежды сердца, жаръ святой
Волшебной силой вспоминанья
Я буду жизнью жить двойной,
И юностью твоею молодъ,

Продливши краткую весну,
Я старости угрюмый холодъ
Отъ сердца бодро отжену.
Не презрю я мечты мгновенной
Восторговъ чистаго огня,
И сонъ тобою раздѣленный
Священнымъ будетъ для меня.

Признаніе.

„Досель безвѣстна мнѣ любовь,
И пылкой страсти огнь мятежный;
Отъ милыхъ взоровъ, ласки нѣжной,
Моя не волновалась кровь".
Такъ сердца тайну въ прежни годы
Я стройно въ звуки облекалъ,
И пѣсню гордую свободы
Цѣвницѣ юной повѣрялъ,
Надеждами, мечтами славы
И дружбой вѣрною богатъ,
Я презиралъ любви отравы,
И не просилъ ея наградъ.
Съ тѣхъ поръ душа познала муки,
Надеждъ утраты, смерть друзей,
И грустно вторитъ пѣсни звуки,
Сложенной въ юности моей.
Я подъ рѣсницею стыдливой
Встрѣчалъ очей огонь живой,
И длинныхъ кудрей шелкъ игривый,
И трепетъ груди молодой;
Уста съ привѣтною улыбкой,
Румянецъ бархатныхъ ланитъ,
И стройный станъ, какъ пальма, гибкій,
И поступь легкую харитъ.
Бывало, въ жилахъ кровь взыграетъ,
И страха, радости полна,
Съ усильемъ тяжкимъ грудь вздыхаетъ;
И сердце шепчетъ: вотъ она!
Но свѣтлый мигъ очарованья
Прошелъ какъ сонъ, пропалъ и слѣдъ:
Ей дики всѣ мои мечтанья
И непонятенъ ей поэтъ.
Когда жъ?..... И сердцу станетъ больно,
И къ арфѣ я прибѣгну вновь,
И прошепчу вздохнувъ невольно:
Досель безвѣстна мнѣ любовь.

(1830).

Подражаніе древнимъ.

(Лит. Газета 1830 г.)

Много въ Олимпѣ боговъ сильнѣй златовласаго Феба.
Что же, другихъ позабывъ, жертву принесемъ ему?
Много сильныхъ боговъ засѣдаетъ на горнемъ Олимпѣ,
Всѣ же подвластны они волѣ Фортуны слѣпой:
Фебъ златовласый одинъ отъ дерзкой Фортуны свободенъ,
Жертвы ему одному гордый приноситъ пѣвецъ.

Къ Рос . . . (А. О. Смирновой).

Она лукаво улыбалась,
Въ очахъ живой огонь пылалъ,
Головка милая склонялась;
И я глядѣлъ, и я мечталъ!
И чудная владѣла греза
Моей встревоженной душой;
И думалъ я: „О дѣва Роза,
Печаленъ, жалокъ жребій твой!
За душною стѣной темницы
Тебѣ чужда краса луговъ,
Роса ночей, лучи денницы
И ласки вольныхъ вѣтерковъ.
Въ твоей пустынѣ, полной шума
Людскихъ волненій и заботъ,
Скажи, кому знакома дума
И мыслей творческихъ полетъ?
Кто вольный, гордый и высокій,
Твоей плѣненный красотой,
Съ душею дѣвы одинокой
Сольется пламенной душей?
Святынѣ чувства ты не вѣришь;
Ты, какъ безбожникъ, передъ ней
Улыбкой, взоромъ лицемѣришь,
И томной нѣжностью рѣчей.
Ты будишь пылкія желанья,
Души безумныя мечты;
Но холодна, безъ состраданья,
Словамъ любви внимаешь ты.
Играй же съ слабыми сердцами!
Но знай: питомецъ ясныхъ думъ
Тебя минетъ, блестя глазами,
Безмолвенъ, мраченъ и угрюмъ.

Разговоръ съ С. С. У(аровымъ).

Вопросъ.

Къ чему поешь ты? Человѣкъ
Страдаетъ язвою холодной;
И эгоизмъ, какъ червь голодный,
Съѣдаетъ нашъ печальный вѣкъ.
Угасло пламя вдохновенія,
Увялъ поэзіи вѣнецъ,
Предъ хладнымъ утромъ размышленья,
Предъ строгой сухостью сердецъ.

Отвѣтъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Два знака примиренія,
Издревле міру далъ Творецъ:
Прощенія символъ завѣтный,
Одинъ на тверди голубей
Блеститъ дугою семицвѣтной
Надъ успокоенной землей;
Другой гремитъ во всей вселенной,
Для всѣхъ племенъ, для всѣхъ вѣковъ,
То звуки лиры вдохновенной
И гласъ восторженныхъ пѣвцовъ.

Вопросъ.

Мечта, мечта! Для звуковъ пѣсень,
Для чувства, страсти, гдѣ предметъ?
Кругъ истинъ скученъ намъ и тѣсенъ.
А для обмановъ вѣры нѣтъ.
Науки вѣрные расчеты,
Глупцами движимый народъ,
Властолюбивцевъ тёмный ходъ,
Купцевъ смышлёныя заботы:
На нихъ любуйся, ихъ воспой!
И побѣжитъ твой стихъ обильный
Струею мелкой и безсильной
Какъ людъ въ вѣкъ нашъ роковой.

Отвѣтъ.

Къ чему хулой ожесточенной
Поэта душу возмущать?
Взойдутъ, я вѣрю, для вселенной
Другаго вѣка благодать,
И пѣснь гремитъ, блеститъ, играетъ
Предчувствій радостныхъ полна,
И звонкій стихъ въ себѣ вмѣщаетъ
Временъ грядущихъ сѣмена.

Горе.

Не тамъ, гдѣ вѣчными слезами
Туманится печальный взоръ,
Гдѣ часто вторится устами
Судьбѣ неправедный укоръ;
Гдѣ слышны жалобные звуки,
Безсилья празднаго плоды;
Не тамъ, не тамъ душевной муки
Найдешь ты тяжкіе слѣды.
Иди туда, гдѣ взоръ безслёзный
Исполненъ молчаливыхъ думъ;
Гдѣ гордо власть судьбины грозной
Встрѣчаетъ непреклонный умъ,
Гдѣ по челу какъ будто сталью
Заботы врѣзана черта,
Но надъ смертельною печалью
Хохочутъ дерзкія уста.
Тутъ вѣчно горе, тутъ глубоко
Страданье въ сердце залегло,
И подъ десницей тяжкой рока
Все сердце кровью изошло.

Новгородъ.

Средь опустѣнья и развалинъ,
Надъ быстрой Волховской струей,
Лежитъ онъ мраченъ и печаленъ,
Къ землѣ приникнувъ головой.
Обнажены власы сѣдые,
Совлечены съ могущихъ плечъ
Доспѣхи грозные, стальные,
И сокрушенъ булатный мечъ.
Широкій щитъ разбитый въ брани
Вдали лежитъ среди полей,
И на бросавшей молньи длани
Гремитъ безславіе цѣпей.
Тебя ли зрю, любимецъ славы?
Вѣковъ минувшихъ мощный сынъ,
Племенъ властитель величавый
Россіи древній исполинъ?
Ахъ! Не таковъ въ минувши годы
Являлся ты своимъ врагамъ!

Тогда покорные народы
Носили дань къ твоимъ стопамъ!
Тогда, величественъ и строенъ
Ты средь толпы сыновъ стоялъ,
И твой вѣнецъ изъ шпистыхъ башенъ
Чело свободное вѣнчалъ.

Въ Альбомъ С. Н. Карамзиной.

Здѣсь, гдѣ гранитная пустыня
Гордится мертвой красотой,
Для сердца чистая святыня
Есть мирный кровъ, любимый мной

*

Тамъ дружества привѣтъ радушный,
И умъ въ согласіи съ душой,
И чувству разговоръ послушный,
Отрадной дышатъ теплотой.

*

Такъ въ нѣдрахъ степи раскаленной,
Среди губительныхъ песковъ,
Отраденъ оазисъ зеленый,
И пальмы тѣнь и ключъ студеный,
И пѣснь счастливыхъ пастуховъ.

(1832 С.-Пб.)

Въ Альбомъ П. А. Бартеневой.

Прощай прелестный край,
Гдѣ токи водъ цѣлебныхъ,
Ключи кипучіе и вѣчные снѣга,
И скалы дикія среди долинъ волшебныхъ,
И хищниковъ стопой измятые луга;
Ты далъ мнѣ много наслажденій,
Ты радость возвратилъ и силу юныхъ лѣтъ:
И много новыхъ впечатлѣній,
Въ часы безмолвныхъ размышленій
Припомнитъ счастливый поэтъ.

*

Пришлецъ святой Москвы, онъ не забудетъ встрѣчи
Съ пришельцами изъ дальнихъ Крымскихъ странъ,
Радушный ихъ привѣтъ, и дружескія рѣчи
И пѣснь волшебную про дивный талисманъ.

(1832).

ПЕРЕВОДЫ.

To my children.

Time was when I loved at still midnight to come,
My children, to see you asleep in your room;
The Cross' holy sign on your foreheads to trace,
And commend you in prayer to the love and the grace
Of our gracious and mercifull God.

To keep gentle guard, and watch over your rest,
To think how your spirits were sinless and blest,
In hope to look forward to long happy years
Of blithe merry youth, without sorrows or fears;
Oh how sweet, how delicious it was!

But now, if I go, all is silence, all gloom;
None sleep in that crib, nothing breathes in that room;
The light that should burn at the image is gone:
Alas! so it is, children, now I have none,
And my heart how it painfully throbs!

Dear children, at that same still midnight do ye,
As I once prayed for you, now in turn pray for me;
Me who loved well the Cross on your foreheads to trace;
Now commend me in turn to the mercy and grace
Of our gracious and merciful God.

The island.

Isle of riches, isle of wonder,
Fairest thou beneath the moon;
Brightest gem of emerald verdure,
Studding Ocean's azure zone!

Guardian of thy vaunted Freedom
Round thy battlemented shores,
Whelming fleets of proud invaders,
Ocean dread his billows pours.

Fathomless, unmeasured ocean,
Foe to other lands is he:
But submissive and obedient
Fawns in blandishment on thee.

Yes! for thee he tames the madness
Of his storms that rage so high,
Till the waves in sunlit dimples
Kiss thy white cliffs lovingly.

Albion! Nature's *) darling daughter!
Gracious land, what gifts are thine!
How with life thy streets are teeming!
How thy fields with harvests shine!

How imperially thy Standard
O'er the billows rides afar!
How victoriously thy Armies
Wield the flaming sword of War!

What bright crowns of Art and Science
Circle round thy laurelled brow!
What high songs of heavenly rapture
Hath thy harp poured forth below!

Outwardly thou art all golden,
Inwards all with mind doth shine;
Thou art prosperous, thou art wealthy,
Luxury and power are thine:

And far distant lands and empires
Raise a timid eye to thee,
From thy potent will exacting
Laws to guide their destiny.

But f r this that thou art wick d;
But for th's that thou art proud;
That thou settest wordly greatnes
Higher than the throne of God; —

That with sacrilegious daring
Thou Christ's church hast trampled down,
Chaining her unto the footstool
Of a fleeting earthly throne;

There shall come, O Queen of Ocean,
There shall come, and soon, a day
That thy glory, gold and purple,
As a dream shall pass away.

From thy hands shall fall the thunder;
Heaven shall speed thy arms no more;
Nor shall mind, or art, or science,
Mark thy children, as before.

*

---

*) Пальмеръ имѣлъ передъ собою текстъ измѣненный цензурой, въ которомъ вмѣсто „свободы" стояло „природы". *Изд.*

Thy Imperial flag forgotten,
Once more, terrible and free,
Shall the waves at will disporting
Lift the wide and stormy sea.

God then to a land more humble
Marked with faith and signs of fear,
Shall the Empire and earth's thunder,
And the Word of Heaven transfer.

To Russia.

„Be proud, O Land!“ thus tongues have spoken.—
„And lift thy crowned front on high!
„O giant land! whose sword hath taken
„Half the wide world beneath the sky

„Bounds there are none to thy dominion;
„And Fortune self obedient stands,
„Slave-like, attentive to thy pleasure
„Awaiting thy august commands!

„Fair are thy steppes of boundless pastures,
„Thy chains of mountains capped with cloud
„Thy sea-like-lakes, thy broad deep rivers!—
Beleave not, hear not, be not proud.

Grant, that the waves of thy deep rivers
Role mighty on the azure main;
Thy mountains teem with diamond treasures,
Thy steppes wave bright with golden grain;

Grant, that before thy sovereign splendour
The nations quail with timid eye;
Grant, that seven seas, in one rough chorus,
Hymn ceaseless thy supremacy;

Grant, that afar thy battle thunders
Have pealed from War's empurpled cloud,—
At all this power, at all this glory,
At all this dust,—O, be not proud!

More dread than thou was Rome Imperial,
The Monarch of the seven crowned hill,
Embodiment of iron forces,
Embodiment of haughty will.

Resistless flamed the Tartar falchion,
That swept from Altaïs plains of old;—
The Queen that rules the Western Ocean
Buries herself in heaps of gold.

And where is Rome? Where are the Mongols?
And, Albion, empres of the main,
She too, mid gathering signs of vengeance,
Hides in her breast a deadly pain.

Fuitless is every haughty spirit,
Gold fails, steel breaks and rusts away:
But strong is the bright world of martyrs,
And mighty are the hands that pray.

And lo, for this, that thou art humble,
Childlike and simple to believe,—
That in thy heart's deep silent treasure
Thy Maker's word thou did'st receive,—

To thee He gave a heavenly calling,
To thee He gave a glorious meed,—
To keep this heritage for nations,
High sacrifice, and holy deed;

To keep the tie of holy kindred;
The cup of quickening charity;
Warm faith's unpurchaseable treasure
Law without blood, and equity.

O then, remember thy high calling!
The spark within thy heart revive,
Ask the deep Spirit therein abiding,
That spirit, by which alone we live!

Attend to it! and so embracing
All nations with affection true,
Tell them of God's mysterious freedom;
Pour faith's bright beams upon their view!

So shalt thou stand in glory marvelous
Above all tribes of earth; as high
As this blue arch, that God's protection
Veils and reveals to mortal eye.

Эти три перевода стиховъ Хомякова, сдѣланные Пальмеромъ, свидѣтельствуютъ о той духовной связи, которая единила автора и переводчика. Особенно любопытенъ выборъ пьесъ. Первый переводъ (къ Дѣтямъ) послужилъ поводомъ къ ихъ сближенію. Вторые два взяты изъ книги г. И. В. Биркбека Russia and the English church, v. I. 1895 г., въ которой впервыя напечатаны были отвѣтныя письма Пальмера къ Хомякову съ интереснѣйшимъ къ этой драгоцѣнной перепискѣ предисловіемъ г. Биркбека. *Изд.*

Замѣтка къ стихотворенію А. С. Хомякова «Звѣзды».

(Изъ „Русскаго Архива“ 1899 г.).

Къ числу лучшихъ стихотвореній А. С. Хомякова относится то, которое озаглавлено „Звѣзды“.

Въ этомъ стихотвореніи истинно поэтическое вдохновеніе такъ безыскусственно сливается съ глубокимъ чувствомъ вѣры, что нельзя усмотрѣть и тѣни той надуманности, которую самъ А. С. Хомяковъ ставилъ въ вину своимъ стихотворнымъ произведеніямъ и вслѣдствіе которой онъ себя смиренно причислялъ къ разряду скорѣе стихотворцевъ, чѣмъ истинныхъ поэтовъ.

Въ стихотвореніи „Звѣзды“ какъ будто отразился самъ Хомяковъ, съ одной стороны, какъ вѣрующій мыслитель, погруженный въ созерцаніе неизслѣдимыхъ глубинъ Евангельской истины, а съ другой какъ человѣкъ, посвящавшій своей усиленной умственной работѣ цѣлыя ночи напролетъ; и это не иногда, не часто даже, а постоянно, безпрерывно. Ночь была для Хомякова временемъ самоуглубленія, тогда какъ дни его были почти исключительно заняты либо деревенскими занятіями (съ охотой, на первомъ планѣ), либо, въ городѣ, непрерывному собесѣдованію съ тѣмъ разнообразнымъ обществомъ, которое ежедневно собиралось у него съ самаго утра. Онъ никогда не отходилъ ко сну раньше пятаго часа пополуночи. Ночь для него была тѣмъ, чѣмъ она являлась вдохновенному пѣснопѣвцу: „Ночь не свѣтла невѣрнымъ, Христе; вѣрнымъ же просвѣщеніе въ сладости словесъ Твоихъ“. Оттого Хомяковъ такъ часто воспѣвалъ ночь въ стихотвореніяхъ и даже ввелъ ночной мотивъ въ одну изъ самыхъ глубокомысленныхъ статей своихъ, прерванную тоже ночью „Ангеломъ-разрушителемъ“, гостемъ издавна имъ жданнымъ, какъ выражался онъ о смерти въ одномъ изъ раннихъ стихотвореній своихъ. Такимъ образомъ, сопоставленіе ночныхъ небесныхъ звѣздотканныхъ безднъ съ еще болѣе неизслѣдимыми глубинами Откровенія Евангельскаго является у Хомякова вполнѣ безыскусственнымъ; и потому, вѣроятно, ему удалось облечь его въ такую богатую поэтическую оправу.

Но если составные элементы этого стихотворенія выработались въ душѣ Хомякова сами по себѣ, тѣмъ не менѣе не невозможно допустить, что потребность облечь ихъ въ стихотворную форму могла быть вызвана внѣшнимъ вліяніемъ, вліяніемъ сродной ему мысли другаго лица, можетъ быть поразившей его сходствомъ съ тѣмъ, что̀ онъ самъ чувствовалъ, и тѣмъ еще сильнѣе, что онъ напалъ на нее во время одного изъ своихъ ночныхъ бдѣній, въ виду воспѣтаго имъ звѣзднаго неба. Читая при такой именно обстановкѣ книгу высоко-цѣнимаго имъ протестантскаго богослова Винѐ „Discours sur quelques sujets religieux“, не напалъ ли онъ дѣйствительно на одно въ ней мѣсто, которое поражаетъ своимъ сходствомъ со стихотвореніемъ „Звѣзды“?

По кончинѣ супруги своей, которая очень любила читать Винѐ, Хомяковъ особенно занялся его произведеніями, чему оставилъ доказательство въ своихъ богословскихъ брошюрахъ, изъ которыхъ особенно вторая тѣсно связана съ писаніями этого ученаго проповѣдника. Въ проповѣди Винѐ, озаглавленной l'Évangile compris par le coeur (стр. 33—34, изд. 1862 г.) читаемъ слѣдующее: „Il en est des hauteurs de l'âme comme des magnificences du firmament. Lorsque, par une nuit sereine, des milliers d'astres étincellent sur le front des cieux, cette éclatante richesse de la voute étoilée ravit quiconque a des yeux...... Un autre ciel, un ciel plus magnifique que la voute d'azur étendue sur nos têtes se déploie à nos regards dans l'Évangile. Les divines vérités sont les astres de ce ciel mystique et y brillent plus lumineuses et plus pures que les étoiles dans le firmament“. Это мѣсто, само по себѣ прекрасное, могло еще сильнѣе остановить на себѣ вниманіе Хомякова, благодаря тому, что Винѐ продолжаетъ тутъ же: „Mais il faut un oeil pour les voir, et cet oeil, mes frères, c'est l'amour. L'Évangile est une oeuvre d'amour; le Christianisme n'est que l'amour réalisé sous sa forme la plus pure; et comme la lumière de ce monde ne peut être connue que par l'oeil, l'Évangile ne peut être compris que par l'amour“. Въ стихахъ своихъ Хомяковъ передалъ тѣ свои чувства, которыя соотвѣтствовали первой части сдѣланной нами выписки; вторая же послужила, можетъ быть, къ тому, чтобы усилить впечатлѣніе первой на его умъ и душу тѣмъ, что она въ протестантской формѣ выражала его собственное, но уже строго-православное, воззрѣніе на Писаніе. Это послѣднее понятно, по ученію Хомякова, только въ Церкви и для Церкви; а Церковь сама есть любовь въ ея объединяющемъ значеніи. Хомяковъ особенно дорожилъ проявленіями православнаго пониманія въ писаніяхъ иновѣрныхъ богослововъ, такъ какъ они указываютъ на внутреннюю близость авторовъ къ пониманію церковному, недоступному имъ въ своей полнотѣ, благодаря тому искаженію въ самой основѣ мышленія, которое произошло на всемъ Западѣ чрезъ вліяніе Латинства, перешедшаго по наслѣдству и къ Протестантамъ. Винѐ, Мёлеръ, Нилъ, Тиршъ были Хомякову дороги именно тѣмъ, что онъ въ нихъ видѣлъ залогъ возможнаго, хотя и нескораго, сближенія съ Церковью отпадшихъ отъ нея вѣтвей; и конечно, въ данномъ случаѣ, слова Винѐ о пониманіи Писанія любовью, не могли не привлечь его вниманія на предше-

ствующія строки, которымъ онъ и далъ поэтическое выраженіе уже потому, что онѣ совпадали сами по себѣ съ его личнымъ поэтически-религіознымъ чувствомъ.

Въ письмѣ къ издателямъ сочиненій Винè Хомяковъ говоритъ, что онъ чтимъ и понимаемъ можетъ быть нигдѣ болѣе, какъ въ Россіи. Но подъ словомъ „понимаемъ" Хомяковъ вѣроятно подразумѣвалъ не простое, буквальное пониманіе, а такое, которое давало взглядамъ Винè гораздо болѣе широкій смыслъ чѣмъ тотъ, который онъ самъ въ нихъ влагалъ. Такъ напр. Винè говоритъ, что Католицизмъ и Протестантство входятъ оба, какъ равноправныя составныя части въ Церковь земную; Хомяковъ же, соглашаясь съ нимъ, поясняетъ однако его воззрѣніе тѣмъ, что Католицизмъ, т. е. каѳоличность, есть атрибутъ Церкви въ ея цѣлости, протестантскій же элементъ пытливости есть атрибутъ отдѣльныхъ личностей, входящихъ въ составъ Церкви и стремящихся чрезъ него достигнуть каѳоличности пониманія, принадлежащей лишь Церкви въ ея полнотѣ. (L'église Latine et le Protestantisme, стр. 112, 113). Очень интересна строгая, но вѣрная критика И. В. Киреевскаго однаго изъ сочиненій Винè о свободѣ исповѣданія и объ отношеніи государства къ Церкви, напечатанная въ приложеніяхъ къ біографіи А. И. Кошелева, составленной Н. П. Колюпановымъ.

Если указанное нами сходство между стихотвореніемъ Хомякова „Звѣзды" и словами Винè и случайное, то его отмѣтить все-таки пріятно, какъ доказательство какого-то духовнаго сродства между первымъ и вторымъ. Хомяковъ называетъ Винè „Une des plus nobles illustrations de notre siècle *).

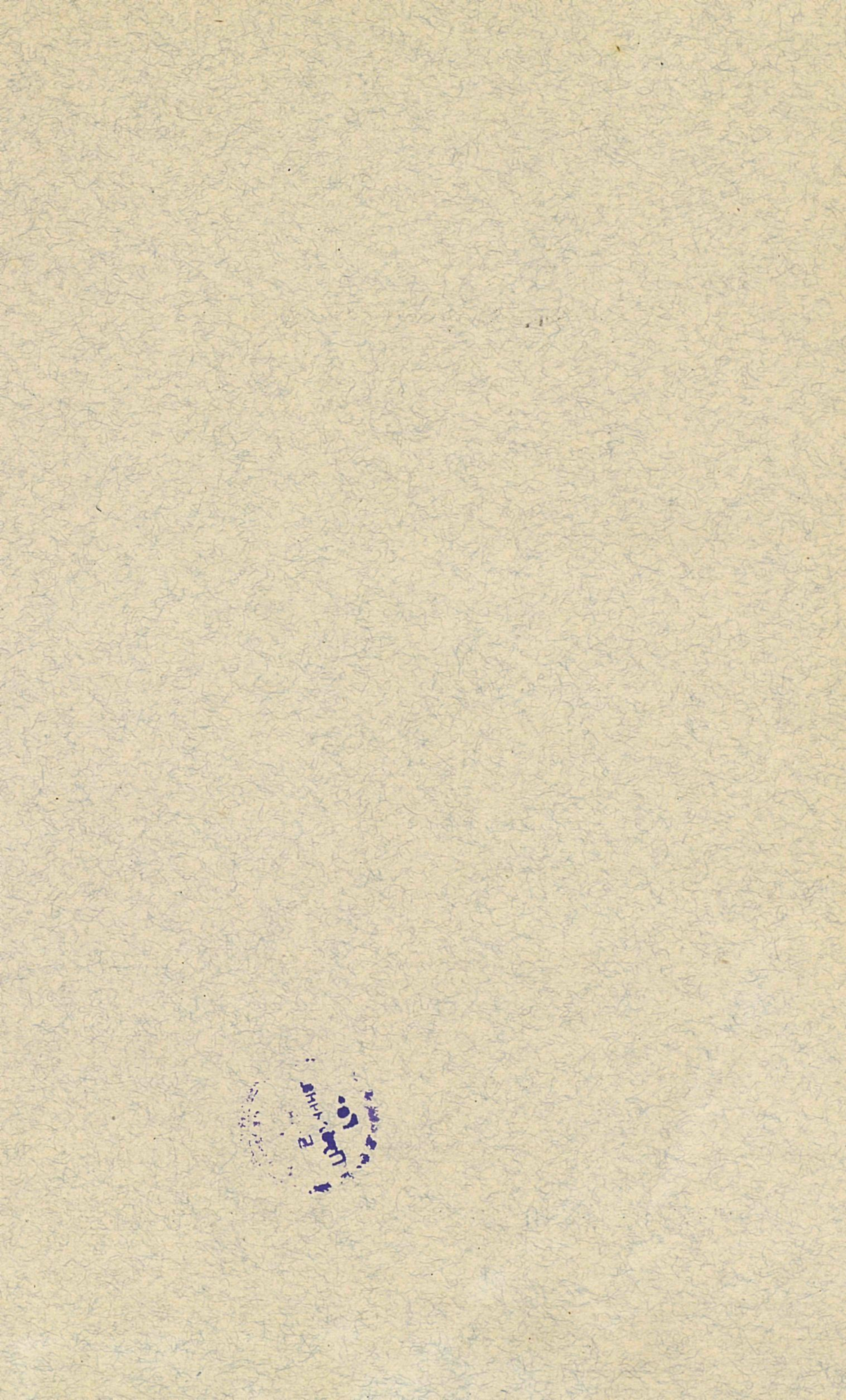
---

*) Звѣздное небо привлекало къ себѣ Хомякова съ юныхъ лѣтъ. Ср. выше, въ трагедіи Ермакъ. стр. 380.

Замѣтка къ стихотворенію

„Тебя призвалъ на брань святую“.

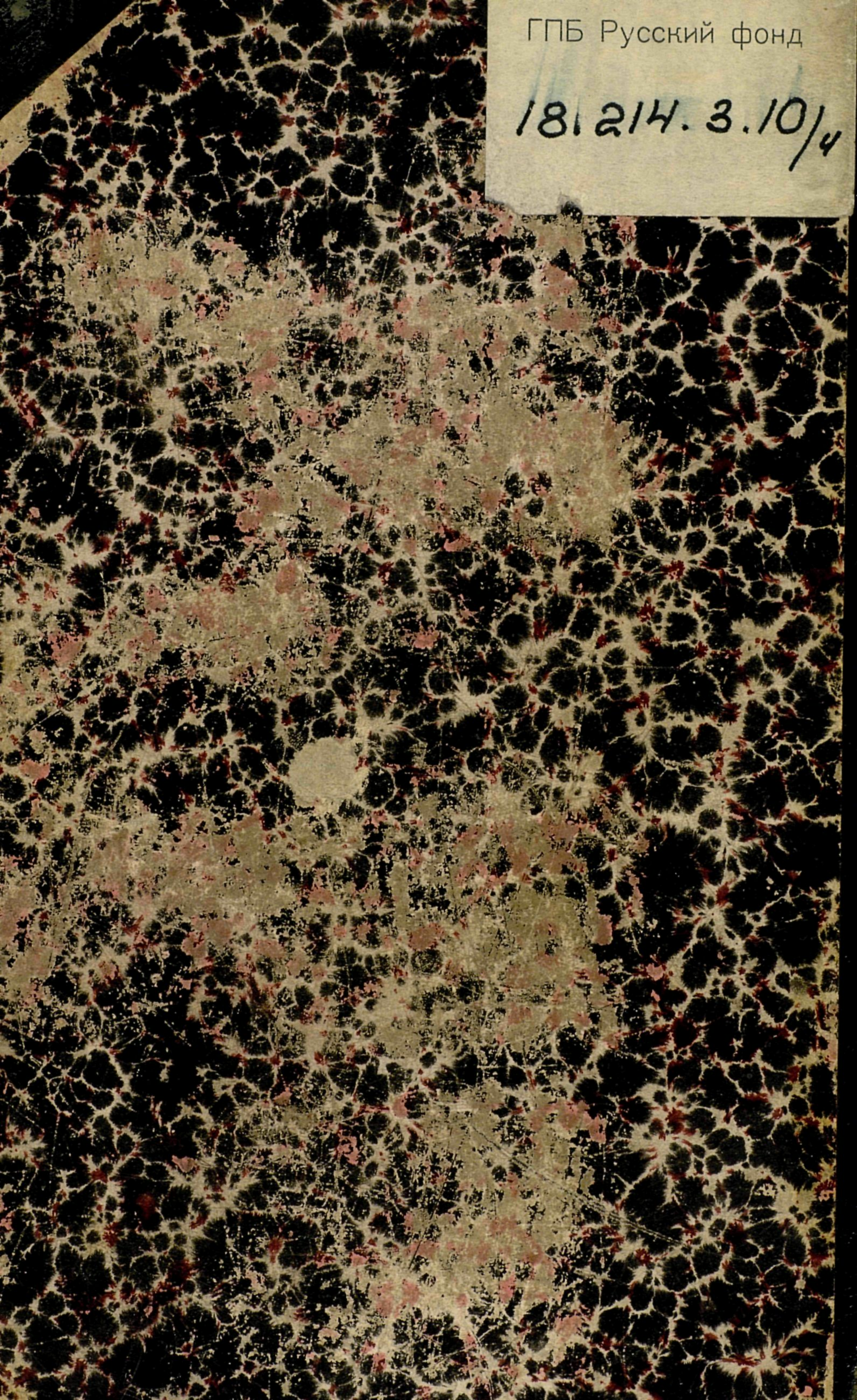
Хомяковъ въ письмѣ къ графинѣ Блудовой объясняетъ, что стихи эти были писаны не для печати. Тѣмъ не менѣе они очень быстро распространились и во многихъ вызвали или неодобреніе за несвоевременность, или даже обвиненіе въ измѣнѣ (графиня Растопчина). Профессоръ Бодянскій записалъ о томъ, что большинству они показались „неумѣстными“; онъ, безъ видимаго неудовольствія, передаетъ о постигшихъ автора административныхъ мѣрахъ, шуточно добавляя свой разсказъ пословицей: „На вѣку, не на боку — достанется и Хомяку“. Князь Вяземскій писалъ: „Подобаетъ быть почтительнѣе и вѣжливѣе съ матерью своею; добрый сынъ Ноя прикрылъ плащаницею слабость и стыдъ своего отца“. Въ настоящее время можно безпристрастнѣе судить объ умѣстности этого стихотворенія, сопоставивъ его напр. съ текстомъ манифеста, возвѣстившаго о заключеніи Парижскаго мира: „При помощи Небеснаго Промысла, всегда благодѣющаго Россіи, да утверждается и совершенствуется ея внутреннее устройство; правда и милость да царствуетъ въ судахъ ея; да развивается повсюду и съ новой силой стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности, и каждый подъ сѣнью законовъ, „для всѣхъ“ равно справедливыхъ, равно покровительствующихъ, да наслаждается плодами трудовъ невинныхъ“. *Изд.*



25/16 по обр.
изд не сост.

Цѣна ОДИНЪ рубль.

Складъ изданія: Москва, Подновинское, Кречетниковъ переулокъ, д. 14 (16).


ГПБ Русский фонд
18 214. 3.10/4